ВРЕМЯ

Кирилл РОМАНОВСКИЙ

ВОСЕМЬ ЛЕТ С «ВАГНЕРОМ»

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Р69

Серия «Время Z»

Дизайн обложки *Владимира Ноздрина*
Фото на обложке *Дмитрия Селезнёва*

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

В тексте использованы фотографии
Кирилла Романовского и Степана Яцко

Романовский, Кирилл

Р69 Восемь лет с «Вагнером» : очерки и рассказы / Кирилл Романовский. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 448 с. — (Время Z).

ISBN 978-5-17-162405-7

Кирилл Романовский — военный корреспондент, сопровождавший бойцов ЧВК «Вагнер» в ожесточенных военных конфликтах последних лет. Яркий и незаурядный журналист работал на передовой с «вагнеровцами» под минометными обстрелами, укрывался от огня снайперов и вместе со штурмовыми отрядами заходил в Дебальцево. В книгу вошли военные подвиги «музыкантов» в Донбассе, Сирии, Центральной Африканской Республике и Ливии.

В самых страшных и беспощадных боях кровью записаны победы воинов, защищавших интересы России и русскоязычного населения.

«Война — это святое дело, но только ты должен быть воином. Убивай только ради спасения жизни человеческой. Нам войны и бедствия даются только для того, чтобы мы одумались. Живи и поступай как православный человек».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Кирилл Романовский, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-162405-7

Предисловие

Сквозь бури и огонь военных конфликтов последних лет, через терриконы Донбасса, пустыни Сирии и непроходимые африканские джунгли прошел широкой поступью русский человек. Вместе с товарищами по оружию — русскими воинами, ветеранами горячих точек — несет он мир, порядок и справедливость в тех местах, где утеряно было само понятие человечности.

Народная молва сохранила для этой группы воинов разные наименования: батальонно-тактическая группа «Вагнер», ЧВК «Вагнер» или просто «музыканты».

И все эти годы вместе с военными специалистами был еще один человек — не с оружием, а с фотоаппаратом. И если бойцы ЧВК «Вагнер» вписали свои имена в ратную летопись России, то, безусловно, саму книгу военных подвигов «вагнеровцев» писал именно этот человек. Звали его Кирилл Романовский.

Кирилл обладал незаурядными качествами военного журналиста, действовавшего на передовой. Он пробирался на самый край боевых действий в Алеппо, Пальмире и Дейр-эз-Зоре. Вместе со штурмовыми отрядами Кирилл заходил в Дебальцево и укрывался от огня украинских снайперов. На передовой Романовский стойко держался вместе с «вагнеровцами» под минометным обстрелом, когда мины рвались буквально в нескольких метрах от позиций, получал контузии и ранения.

В своих командировках Кирилл записывал свои беседы с бойцами ЧВК «Вагнер». Ему удалось собрать

более 2 тысяч страниц машинописного текста, в котором собраны истории ратных подвигов «вагнеровцев» на ближних и дальних рубежах. В этой книге собраны наиболее яркие истории и интервью с бойцами ЧВК «Вагнер», записанные Кириллом Романовским в ходе его командировок с 2015 по 2022 год.

Кирилл Романовский был ярким и незаурядным человеком, легким в общении, надежным и верным товарищем. К сожалению, последний бой Кирилла оказался самым тяжелым. В ночь на 4 января 2023 года Кирилл Романовский скончался.

Он работал до самого последнего времени, незадолго до смерти систематизировал собранные материалы и написал несколько строчек «от автора», однако не успел сам выпустить эту книгу.

Анастасия Казимирко-Кириллова

Коллеги о Кирилле Романовском

«Мы находились на позициях Лива Аль-Кудс в Алеппо. Сидели возле наблюдательного пункта, где они оборону держали. Кирюха решил записать стендап, встал напротив камеры, и во время одной из съемок рядом с нами прилетело. Все вокруг начало сыпаться, рушиться, но ни он, ни мы как-то даже глазом не моргнули. Просто поржали. Он тогда ко мне подошел и спросил: „Ну что, этот момент тогда для репортажа оставляем?", а я ему: „Ну да, прикольно получилось". Мы потом еще в кафе сидели. Он парень с юмором, разные истории рассказывал. Часто шутил, улыбался, не унывал».

Олег Блохин

* * *

«Мельком виделись в Сирии и как-то посидели за рюмкой в Питере. Запомнилось тогда, что он многое делал как в последний раз. Ничто так не испохабило термин „военкор", как реклама финок НКВД и т. п. Романовский был максимально далек от инфоцыганства и всегда писал о чем-то своем. Это читалось за строчками самых „боевых" репортажей. Память и творческое наследие Кирилла следует сохранить. А лучшее — объединить и издать».

«Мичман Птичкин»

* * *

«Познакомились мы в далеком 2015-м. Я еще постигал азы военно-политической журналистики, а Кир уже к тому моменту откатался в Донбассе. От него буквально веяло порохом, когда он впервые зашел в нашу редакцию — открыв дверь буквально с ноги и с приветствием „Иншалла, православные!"

Кир был самым храбрым военкором из тех, кого я знал. Не каждый будет готов полезть под пули боевичья, чтобы вытащить из-под обстрела сирийских военных. Кир побывал в нескольких больших переделках — и всегда возвращался живым. Из одной такой поездки он привез мне в подарок кусок мины, упавшей буквально в паре метров от него самого...

Прощай, Кир. Надеюсь встретиться с тобой с обратной стороны зеркального стекла».

Комиссар Яррик

От автора

«На протяжении многих лет я работал в горячих точках и встречался с множеством величайших воинов современности. Многие из них своей кровью писали историю великой России. Я завещаю издать эти истории после моей смерти. Пусть в них останется только правда».

Кирилл Романовский

ЧАСТЬ 1. ДОНБАСС

(май 2014 — февраль 2015 гг.)

Государственный переворот в феврале 2014 года на Украине, в результате которого силами неонацистских формирований к власти в Киеве пришли украинские националисты и олигархи, привел к тяжелой и кровопролитной войне в Донбассе. Стихийное антифашистское движение в Донецке, Луганске и других городах приобретало все более осознанный характер. Население выступило со вполне оправданными требованиями федерализации и защиты своих прав на русскую речь и устоявшийся уклад жизни.

Однако новая киевская власть решила подавить народное возмущение силой. Пригнанные в Донбасс карательные батальоны неонацистов устроили резню гражданского населения и развязали кровопролитные бои на всем юго-востоке Украины. Это вызвало у населения решительный ответ, итогом которого стало провозглашение независимости Донецкой и Луганской Народной Республик и начало ожесточенного военного конфликта.

С начала апреля 2014 года в Донбасс начали стекаться добровольцы из России и стран ближнего зарубежья. Прибыли даже несколько граждан ЕС, которые готовы были встать на защиту мирного населения и его законных прав. На Донбасс стремились попасть многие — как ветераны горячих точек, так и бывшие сотрудники силовых ведомств, которые не могли равнодушно смотреть на страдания русского населения.

Как минимум один отряд военных специалистов, приехавших защищать Донбасс, стал известен во всем мире — впоследствии он получил название ЧВК «Вагнер». Основатель батальонно-тактической группы, предприниматель Евгений Пригожин не смог остаться в стороне от бед-

ствий, которые выпали на долю русскоязычного населения Донбасса. На собственные средства Пригожин собрал группу военных специалистов во главе с Дмитрием Уткиным («Вагнер», «Девятый»), которые и составили будущий костяк подразделения.

«В 2014 году, когда начался геноцид русского населения Донбасса, когда Россия впрыгнула в последний паровоз и сумела заблокировать приход украинской армии в Крым, я, как и многие другие бизнесмены, ездил на полигоны, где собирались „казачки", и пытался сорить деньгами для того, чтобы набрать группу, которая поедет и защитит русских. Но очень быстро понял, что среди всех этих „казачков" и других военизированных товарищей половина мошенников, а половина тех, кто брал деньги, нанимал добровольцев и отправлял их голыми-босыми на реальную смерть. Тогда я полетел на один из полигонов и занялся этим сам. Сам почистил старое оружие, сам разобрался с бронежилетами и нашел специалистов, которые смогли мне в этом помочь. С этого момента, 1 мая 2014 года, и родилась группа патриотов, которая впоследствии приобрела название БТГ «Вагнер».

Евгений Пригожин
о создании «Группы Вагнера»

Глава 1. Первые «музыканты»

Вошедшие в состав ЧВК «Вагнер» военные специалисты и ветераны горячих точек неоднократно признавались, что присоединиться к батальонно-тактической группе решили на фоне событий в Донбассе. На момент описываемых событий ополчение ДНР и ЛНР испытывало большие трудности в отражении угрозы со стороны киевского режима: после первых больших побед наспех собранные силы ополчения столкнулись с крайней жестокостью Вооруженных сил Украины и националистических формирований, в результате чего перешли к оборонительным действиям. Русскоязычному населению региона постоянно грозил геноцид со стороны украинских нацистов, действовавших в составе добровольческих батальонов.

Вопреки расхожим мифам о ЧВК «Вагнер», которые циркулировали в прессе, бойцы рассказывали, что едут в «компанию» для того, чтобы защищать интересы России и русскоязычного населения. При этом многие из них уже имели хороший заработок дома, но оставили уклад жизни рядового обывателя для того, что стать частью истории государства Российского.

«МЫ — НЕ АМЕРИКАНСКИЕ ЧВК, У НАС ИДЕЯ ПРИСУТСТВУЕТ»

— То, что говорят про нас всякую ерунду — мол, «наемники, безумные люди, за бабло воюют, без идеи, без цели», — в корне неверно. Потому что в массе своей в ЧВК идут люди, служившие в свое время в воору-

женных силах. Это основная масса, скажем так, основной состав компании. Нам оппоненты пытаются навязать мысль о том, что наша работа — это какой-то животный инстинкт. Это совершенно неверное понимание вопроса. Я еду сюда как на работу. Я не переживаю по поводу того, как я буду жить без этого всего, найду себя или не найду в мирной жизни. Просто когда я пришел и начал заниматься этой работой, то понял, что для меня это больше, чем работа. Это смысл жизни.

Надо понимать, что мы — не такая компания, как американские, британские, любые другие ЧВК. У нас всегда все равно идея присутствует. И деньги — это вообще не главная цель. Когда я на работе, у меня даже мысли о деньгах нет. Самое главное — это выполнить задачу. И мои основные мотивы — это реализация себя в большей степени. Я все-таки этому учился когда-то, этим занимался. Свой опыт, полученный на службе, пытаюсь реализовать здесь. Я такой же человек, как и все. Я просто понимаю, что то, что я делаю, нужно делать в любом случае. Эта работа нужна.

Я считаю, что мы в первую очередь защищаем интересы нашего государства. Находясь на территории других стран, мы представляем в первую очередь Российскую Федерацию. Кто бы что ни говорил, в первую очередь мы являемся гражданами Российской Федерации. И как бы мы нашу работу ни выполняли, надо помнить, что мы прежде всего русские люди, не могущие жить без такой идеи, без такого мотива — быть русскими. И моя цель, моя работа — это не просто зарабатывание денег и улучшение благосостояния. Моя работа — это моя идея, моя жизнь. Я получаю удовольствие, когда вижу результат своей работы. Да, достижение этих результатов — очень сложный путь, требующий большой умственной работы, порой физической работы.

«ТАКАЯ РАБОТА — КАК СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ»

— Я занимался бизнесом, у меня было два компьютерных магазина — по ремонту мобильной техники, ноутбуков и так далее. К тому времени, к лету, все было не очень с бизнесом: во-первых, конкуренция достаточно высокая, во-вторых, в стране случился экономический спад. Поэтому начиная с июня 2014-го я уже отслеживал тенденции, касающиеся Донбасса. До этого я много лет служил в спецназе, с 2004 года, как уволился, был на гражданке — но меня тянуло, скажем так, ко всем этим вещам. Как бы это ни прискорбно звучало, если ты попробовал такой жизни — по командировкам, где-то там с оружием и так далее, — то остается в тебе отпечаток на всю жизнь. Редко кто просто уходит на гражданку и навсегда остается на гражданке.

Дело в том, что то, что связано с такими героическими делами — это одни из самых ярких и запоминающихся воспоминаний в жизни. По крайней мере, я так считаю. В армии там, на войне где-то. И соответственно, человеку свойственно идеализировать прошлое, и его тянет постоянно возвращаться к подобным вещам.

Летом все это отслеживал, а в июле мне позвонили друзья, с которыми я служил по контракту в свое время в Чечне. Сказали, что есть вариант поработать.

Там дело даже не в деньгах. Для меня такая работа, скажем так, была как спасательный круг. Я долго не раздумывал — сразу жене объяснил, что я еду сопровождать колонны с беженцами и гуманитарные миссии, и уехал в Ростов. Это было 21 июля. Ну а 22 июля в составе своих людей, с которыми я служил в свое время — 5 человек, и плюс еще 16 человек — мы зашли в Донбасс.

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

— На Донбасс я поехал добровольцем — в интернете набрал «военкомат ДНР», позвонил, мне сказали адрес. Вещи собрал, сел и поехал. Хотя нормально себя чувствовал — машина у меня хорошая, квартира; у меня все есть — работа была вообще бешеная. Но, понимаешь, я раньше жил на Украине, давно, но потом оттуда уехал. И фашистов этих, козлов бандеровских, я просто ненавижу — а тут они еще такое творить начали, в Одессе людей сожгли. Это вообще для меня стало последней каплей.

И вот я только приехал, шел по пустому Донецку в бывшее здание СБУ, там тогда сборный пункт ополчения был. И тут укропы начали крупняком обстреливать город. И тут мимо меня пролетает осколок — сантиметров 20 в длину, полкилограмма точно весил, острый, падла. Рядом пролетел, и я аж жар от него почувствовал, хоть дело зимой было. Вот такое у меня было крещение огнем — в первый мой день приезда в Донецк.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

— В 2014 году пришел я в компанию. Позвали товарищи по службе. У меня тогда были серьезные сложности с работой, я на тот момент работал на заводе. Нас собралось 30 человек, на «газели» приехали в расположение — на подготовку. Где-то месяц мы в полях бегали, тактикой занимались, стрельбы были каждый день. В день по два раза: вечером у нас тактика — утром стрельбы или наоборот.

Были и спецы — приезжали, каждый со своей колокольни все это объяснял. То есть подготовка была нормальная. Объясняли полноценно, от и до. И не было никаких проблем с боеприпасами — стреляли каждый день. Коллектив был нормальный, как большая семья, интересно было. Почти как армия, но все гораздо проще — не было проблем с выходами в город, доверие было к сотрудникам.

МУЖСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

— Я по себе буду судить — у нас с компанией совпадают мужские интересы. Те, кто уже был в Чечне, Афганистане, ребята и мужики, которые уже понюхали пороху, — те знают, что потом тебя опять тянет назад, в зону боевых действий. Воин — он уже на всю жизнь воин, это навсегда. А здесь у тебя возможность себя в этом плане реализовать, почувствовать себя мужиком.

Насколько мы сейчас с братом (он со мной вместе служит) крепче на ногах стоим по сравнению со временем, когда мы только начинали. Тут в этом плане компании огромная благодарность — что все это было создано. Я считаю, что для мужика, который воюет, это идеальный вариант. И самое главное — компания работает в интересах России, здесь другого быть не может.

«ГЕРОЙ — ТОТ, КТО ИДЕТ И ВЫПОЛНЯЕТ СВОЮ ЗАДАЧУ»

— Как мне кажется, герой — это тот, кто идет и выполняет свою задачу. При этом для себя он свой выбор давно сделал и правильно реагирует на любую ситуацию. Каждый такой человек — герой. В наших условиях такой человек себя обязательно проявит. В другой жизни его, может, и не увидишь, а на войне такой человек в своей тарелке.

Я уволился на пенсию, а в 2014-м началась Украина. В июне 2014-го мне позвонили, предложили здесь работать. Вот я тогда понял, что я наконец-таки вернулся обратно на службу — туда, где я нужен, где есть для меня особая роль. Не там, на «гражданке», а здесь. Вот тебе оружие, вот тебе задача — работай, думай, исполняй.

У многих в жизни не получилось связать себя с армией, с какими-то отрядами. А вот тут есть яркая способность — возможность и себе что-то доказать, если кто-то что-то хочет доказывать. Самый вернейший способ сделать то же самое, доказать самому себе, кто ты есть и чего достоин.

ЗАХОД ПОД АРТИЛЛЕРИЕЙ

— Я очень долго готовился к этому, ролики смотрел в интернете. Просто жалко детей стало. Когда детей убивать уже стали — я не выдержал. Готовился очень долго. У меня товарищ поехал добровольцем туда, на Донбасс, мы работали вместе. Там он и его близкие и познакомились с ребятами из ЧВК. Они ему сказали, мол, давай к нам. Он приехал потом в отпуск. Говорит: «Поедешь?» Я и поехал.

До того у меня, как видишь, срочка была, вторая Чеченская. Я как бы понимал, что там, на Донбассе, со-

всем все плохо. Но Украина по сравнению с Чечней — это вообще ни о чем. Вот там ад был, там артиллерия у противника очень хорошо работала.

Когда мы только заходили, помню, в Байрачках в здание школы, там бомбоубежище находилось. Конечно, жутковато было смотреть на это все: дети маленькие, старики сидят в подвале. Подкармливали, конечно — еды у нас толком нет, только сухпаи давали. Жалко было людей. Сами-то мы жили в двухэтажках. По ним укры ночами долбили из арты.

Там «Нона» стояла, самоходка 120-го калибра на базе БМД. Она была сделана для десантуры. На нее еще вставки ставятся для разных калибров снарядов. Когда с самолетов скидывали, еще при Маргелове, испытания делали, чтобы эту машину закидывать в тыл к врагу и их же снарядами стрелять. Вплоть до 120-го. А с огорода, где стояла «Нона», нашу двухэтажку хорошо было видно — оттуда они по нам и били. Начали как-то ночью крыть, а мы лежим на втором этаже. Крыша-то там никакая была, только шифер. Если попадет — то п***ц. Человек 10 нас там было в этой квартире.

«ДОРОГОЙ, ГДЕ ТЫ БЫЛ?»

— Почему люди приходят в компанию и остаются?

— Тут завязано несколько факторов. Один из них экономический, тут никуда не денешься. Но не в одних деньгах дело, это не определяющий фактор. Самое важное — здесь ты понимаешь, что нужен, ты занимаешься тем, что тебе нравится. И это причем очень сильный фактор — многие не сознаются в этом. Здесь ты чувствуешь себя совсем иначе, не так, как дома. Здесь ты можешь реализовать себя как мужчина, как воин.

Дома — ну пойдешь ты работать слесарем каким-нибудь, сантехником, ну еще кем-нибудь, строителем.

А здесь ты реально приносишь пользу, причем ты ее реально должен приносить. Ты выполняешь свою работу. Тем самым ты кому-то из своих товарищей спас жизнь. Компания выполняет те задачи, которые необходимы, действует в интересах государства, и это больше всего устраивает людей. Внутреннего противоречия ни капли нет. Можно спокойно и детям, и жене по возвращении в глаза смотреть, все нормально.

Есть, конечно, издержки профессии, но это внутри нас останется, а так все нормально. Главное, что дома любят и ждут. Самое замечательное — возвращение домой. Сколько раз езжу — самый замечательный момент, когда жена в аэропорту встречает.

Жена все знает, все понимает. Я же еще и на Украину ездил, до того, как устроился в компанию. Жена в курсе, а дети все взрослые, все всё понимают. Ну никак не скроешь, хоть и говорится, что нельзя родне сообщать. Ну а как ты объяснишь?

К примеру, ты уехал в командировку. Полгода тебя дома нет. Жена такая:

— Дорогой, где ты был?

— В командировке.

— И все? Это все объяснение за полгода? Дорогой, ты мне ничего не хочешь рассказать? А что это у тебя за царапины новые какие-то? Ты где был? Тебя кошки драли?

Все равно все всё прекрасно понимают. Ты никуда не денешься, просто говоришь, что военный — и все.

ВСЕ ДЕЙСТВУЮТ В ИНТЕРЕСАХ СТРАНЫ

— Родня сначала не знала, где я работаю, что это за командировки. А вот потом уже всю информацию по крупицам жена собрала и все поняла. Ну а что тут уже сделаешь?

Там, на «гражданке», совсем другой народ. Здесь ты знаешь, что человек прикроет тебе спину, во время боя он тебя поддержит. Такое боевое братство. На «гражданке» люди совершенно другие: многие злые, сконцентрированы только на себе, мало общности, какой-то единой идеи, стремления сделать собственную страну лучше. А здесь все едины, все понимают, чем занимаются, и действуют в интересах страны. Поэтому и хочется вернуться. Ты на «гражданке» максимум полгода-год просидишь, проработаешь на другой работе — и все, тянет обратно.

Я вот себя на «гражданке» не вижу, хотя раньше в море выходил на судне, на машине работал, на дальняке. Но все равно снова возвращаешься.

ОТЕЦ И СЫН

— Приезжает ко мне сын и говорит:
— Пап, хочу знать, откуда адреналин вылезает.
— То есть?
— Ну вот есть компания одна, хочу в нее попасть.
— Ты знаешь, что это не лагерь для бойскаутов?
— Я понимаю.
— Ты уверен в себе? Пятками вперед не пойдешь?
— Нет.
— Не посрамишь Отечество?
— Нет.
— Ну тогда собирайся, поедем вместе.

Вот собрались, и в результате у нас из города в компанию поехало 70 с лишним человек. Сейчас-то, конечно, на данный момент мало кого осталось из того состава, да практически никого.

Была у нас вторая рота, и в составе второй роты, если взять третий взвод, в котором был, остались нас единицы. На данный момент в отряде трое нас оста-

лось от того взвода. По другим отрядам, по компании, где-то человек 6 или 7. А так в принципе все достойные бойцы были.

ПРО ЛИЧНУЮ МОТИВАЦИЮ

— Я до этого не был военным, у меня даже срочки нет. Украина началась — добровольцем поехал. Понимаешь, когда началась движуха на Украине, я тогда по дурости или по незнанию поддерживал украинский вопрос. Но потом я понял, когда на Донбассе начали русских резать, русский язык ущемлять, — меня просто перекрыло. Развернуло на 180 градусов. Сначала думал, что украинцы борются за свои права, а потом оказалось, что ни фига не украинцы и ни фига не за права — они тупо в Европу лезут и орут про самоопределение. А вот жители Донецка и Луганска хотят по-серьезному самоопределиться, и я поехал им помогать.

В ополчении была жесть. Там было просто казачество — ранений было больше от своих, чем от укропов. А когда в компанию пришел — здесь дисциплина. Тут добро, тут зло, и все. Нет какого-то нейтрального цвета.

Почему, например, потом в Сирию люди ехали? Я считаю, что действительно лучше где-нибудь вдалеке воевать, чем у себя. Террористы могли вполне к нам прийти, это движется к нам. Лично я хочу, чтобы наша страна влияла на какие-то события на мировой политической арене. В принципе, мы это делаем. Мы с братом по образованию — учителя истории. Он — специалист, я — бакалавр, до 2014 года автомат в руках вообще не держали.

Мне многие говорят: «А что ж ты учителем не становишься?» Блин, я, во-первых, боюсь современную

молодежь, а во-вторых, если буду патриотизм преподавать, я не знаю, надо хотя бы войну пройти. Больше всего нравится, что ты можешь по-своему влиять на историю, даже когда страна подводит итоги за год, ты понимаешь, что вот — эпизодик-то исторический застал какой-никакой.

Кто-то говорит, что мы за деньги только воюем, но невозможно только за деньги идти на войну. У нас землячок один все время так повторял: «Я за деньгами пришел», «Я за бабки», «Я за бабки». Ну я ему уже на третий год сказал: «Ну чего ты пи*дишь? Мы же знаем, что не за бабки ты это все делал». А ведь пацан вдвоем с инженером ходил и расставлял мины. Каждое утро ходили, проверяли. В итоге три пикапа духов они подбили — просто тем, что правильно расставляли мины. Причем из этих пикапов два были потом нашими инженерами восстановлены, со спаркой пулеметов, и они потом за нас воевали. Каждое утро парни вставали, расставляли мины, работали.

СОВЕТ ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ ВСТУПИТЬ В ЧВК

— Если человек из России думает податься в ЧВК, чтобы заработать денег, то стоит задать себе вопрос: «А зачем оно тебе нужно?» В России есть куча способов заработать денег, и не заработать может только ленивый человек, наверное. А сюда, конкретно в компанию идти, я думаю, что у разных людей должен быть внутренний воинский дух. В 25 лет, думаю, он еще не до конца созрел, а к 30 ему уже чего-то хочется, его зовет какой-то внутренний мир. Я просто думаю, что мы более приспособлены для воинского дела. У нас большой процент воинов именно по духу. Наверное, наша история так складывается. А на остальной мир я смотрю, и, наверное, воинов там не очень много.

Себя я здесь нашел. Мы отстаиваем геополитические интересы страны в первую очередь. К тому же, если мы не будем здесь воевать, то вся эта срань будет у нас в России, это 100 %. Мы за счет Советского Союза отодвинули войны от себя, туда, в страны Варшавского договора, на рубежи геополитических интересов. А до этого мы воевали практически у себя дома. Я видел Донбасс, я в принципе видел Украину до войны — это была Россия 90-х годов, один в один. Потом я видел войну, видел, из-за чего она произошла, — людей вывели на эмоции и потом просто разорвали русский мир.

Запад же преследует конкретные цели: оккупировать нас в целом. Я видел войну в Сирии, она от украинской, по сути, мало чем отличается: так же людей вывели на эмоции, так же разделили. И на Украине тоже веру разделили: христиане правильные, христиане неправильные; в Сирии то же самое. Видел войну в Ливии и во что превратили страну, была нормальная страна, но ее просто уничтожили.

И когда ты приезжаешь в Россию и читаешь Twitter, а там какие-то навальнята кричат: «В России ни хера не делается» — таких умников надо просто привезти в Сирию, в Ливию, на экскурсию, так сказать. Чтобы они посмотрели, что происходит в этих странах и что там вообще строится кроме какого-то отдельного сарая. У нас строятся в стране грандиозные проекты. Чего добивается Запад? Он хочет вернуть ту Россию, 90-х годов. Это коррупция, наркомания, проституция и все такое, доступ через коррумпированных чиновников к природным ресурсам. Как это было при Ельцине, когда из страны вывозилось все.

А у нас страна очень богатая, язык богатый, культура, история. Мы не сухие, мы жизнерадостные. И я считаю, мы должны жить большой, огромной страной и держаться за счет русского языка, потому что именно он — то единственное, что нас объединяет.

СЛУЧАЙ

— Я попал в контору чисто случайно. Поехали с другом на Донбасс и нарвались на пьяных ополченцев. Попал в прокуратуру донецкую, пробыл там два месяца. Вообще жопа. Я другу сказал, что смысла там, у ополченцев, нет никакого оставаться. Нас там человек пять россиян было. Мы собрались и поехали за счет незнакомых людей, мол, поедем до дома, там уже вернем деньги. И по ходу движения нам предложили работу в компании.

Ну и мы сразу решили поехать в Центр. А у меня кроме гражданских шмоток ничего с собой не было — ни военной формы, ни обуви, ничего. Мы впятером поехали в Центр, нам сказали подойти после майских праздников, с нами встретятся и поговорят. Мы приехали, я сдал все нормативы, и меня взяли. Первую неделю я там ходил в гражданке. Ухайдакал все, что можно было, мне потом пацаны скинулись и выдали «пикселькy».

ВЫБРАЛ «ВАГНЕР», А НЕ «ГАЗПРОМ»

— Когда я пришел в компанию, я был очень сильно и приятно удивлен такому большому количеству достойных людей. Я считаю, что мужчина должен быть в первую очередь с честью — а здесь процент достойных людей очень большой. Попадаются, конечно, и нечистые на душу люди, но они со временем всегда отсеиваются.

К примеру, я сам люблю читать книги — с собой в командировку всегда привозил. Прочитал, поделился прочитанным, — и тут же мне советуют, дают новые книги, подсказывают авторов и произведения. Это просто бомба. Очень много начитанных и образованных.

Я занимаюсь любимым делом, я понял, что у меня как бы и дома все хорошо было — я, опять же, из северных мест, у меня высшее образование и возможность работать в «Газпроме» была и в Москве, и там. А сейчас я нахожусь там, где я хочу.

У меня еще много друзей воюет. Мы же давно в компании, и я такой у них ангел-хранитель. У меня вот лучший друг в одном из отрядов — командир разведвзвода. И он такой парень, что не сидит, как это должен делать комвзвода, он идет со своими бойцами. Если у нас летает два беспилотника, и направления поделены — то есть один самолет смотрит за этими двумя отрядами, а другой за другими двумя — меня всегда ставят не в то место, где мой друг, а в противоположное. Руководство говорит: «Иначе ты только над своим другом будешь летать, оберегать». Но у меня теперь много близких друзей по отрядам, поэтому я за всеми смотрю, как за собой.

«ГДЕ СТУПИЛА НОГА КАЗАКА — ТАМ И РОДИНА»

— Есть такое воинское правило, я от батюшки узнал. Когда брал благословение, чтобы меня на войну отпустили, он сказал: «Война — это святое дело, но только ты должен быть воином. Убивай только ради спасения жизни человеческой. Нам войны и бедствия даются только для того, чтобы мы одумались. Живи и поступай как православный человек. Не будь таким, мол, ты на чужую землю пришел. Ни фига подобного: где ступила нога казака, там его дом и его Родина».

Глава 2. Бои за Луганск

(июнь — август 2014 г.)

Летом 2014 года Луганская Народная Республика переживала наиболее критический момент вооруженного конфликта. По столице ЛНР непрерывно велся огонь из тяжелого вооружения, а украинская боевая авиация наносила удар за ударом по Луганску и окрестностям, стараясь поражать жилой сектор и гражданские объекты. Ключевым центром агрессии Киева в Луганске стало здание международного аэропорта, в котором суммарно базировались до 800 бойцов украинского спецназа, тяжелое вооружение и военная техника. Несмотря на то что аэродром несколько раз был блокирован силами ополчения ЛНР, противнику раз за разом удавалось отбрасывать их и интенсифицировать атаки на столицу республики, взяв Луганск в полукольцо.

В ополчение на защиту Луганска записывались простые шахтеры, рабочие, трактористы, служащие местных предприятий, у которых не было никакой воинской подготовки и тем более боевого опыта. По свидетельству очевидцев, часто на руководящие посты в отрядах ополчения ставили проживавших в Луганске отставных офицеров советской закалки, сотрудников органов правопорядка, вставших на сторону Донбасса — именно они первыми научили ополченцев военной науке и внесли подобие порядка в создаваемые подразделения. Однако нужны были опытные кадры, которые могли бы успешно противостоять подготовленным и натренированным нацистам из ВСУ и нацбатов.

В июне 2014 года такие люди неожиданно нашлись — в Луганск прибывают первые группы ЧВК «Вагнер». Благодаря их действиям по защите столицы ЛНР и подходов

к ней Луганск смог выстоять в наиболее тяжелые моменты осады.

ПЕРВЫЕ ТРЕНИРОВКИ

— Первые тренировки у нас были под Питером — тогда еще базы в Молькино никакой не было. Нас тогда было, по-моему, 12 человек. Мы обкатались, подготовились, на нас посмотрели — вроде нашу работу одобрили. Потом поехали под Ростов, обкатывались на полигоне перед самым заходом на территорию.

Сначала хотели заходить группой в 12 человек и работать в Луганске. Но нам объяснили, что там полная махновщина — без координации, без связей и знакомства мы долго не проживем. Есть ли смысл?

Мы так подумали и решили, что смысла действительно нет, и начали обзванивать знакомых ребят. Выяснилось, что многие уже сидят на чемоданах или фактически на вокзалах сами по себе в ополчение собираются. Но когда узнали, что организовывается все это нормально, они сразу переориентировались, все бросили и приехали к нам.

Вот мы сидели, ждали их в Ростове. Там мы уже закупили форму, оделись, на полигоне снова подготовились, сложились. Разбились по группам, и заходили мы в начале июля, после того как ракета прилетела по Дому правительства в Луганске. Еще газета, помню, лежала луганская, где была фотография истребителя, ракета, значит, и вопрос: «Война?»

— *Как приехали в ЛНР?*

— Мы погрузились в закрытые «газели», пересекли границу и заехали в Луганск рано утром. По дороге видно было в щель, что украинские истребители Су-24 работают по окраинам города.

Заехали мы на территорию батальона «Заря» — это был луганский военкомат, я уж не знаю, центральный или какого-то района, я не помню, если честно. Высадились, территория огороженная, плац большой, на нас ополченцы смотрят большими глазами — все по форме, с нормальным оружием.

Командиром батальона «Заря» тогда был Плотницкий. Нас сразу есть повели, показали где располагаться, в столовую. В столовой готовят женщины, гражданский персонал. Удивило, что у них три раза в день первое идет, а не только на обед. То есть у них постоянно горячее первое, какие-то соленья, из дома принесенные, банки, какие-то печеньки, вафли, ну то есть так, нормально кормили — по-домашнему.

Насчет еды было, конечно, прекрасно. В очереди стоим за едой, смотрим — ополченцы стоят в очереди с миской. Ну так, наполовину алкашня (смеется), за едой пришли, и мы. Я не помню, чтобы ополченцы пили у нас на территории, потому что мы их гоняли, у нас не было такого. На позициях у них бывали случаи.

— *Местные жители как к вам относились?*

— Вообще местные относились к нам доброжелательно. Там была девчонка в ополчении, Маринка. С ней разговаривали, потом ребята некоторые из ополчения перешли к нам, с нами стали работать, к нам устроились. Но это были не местные ополченцы, а те, кто из России приехал. Ну и Маринка. Она местной учительницей начальных классов была в Луганске, и она рассказывала: «Я, когда вас увидела, поняла, что приехали какие-то профессионалы. То есть не просто сброд, а серьезные ребята — по вам было видно все. По повадкам, по форме, по выправке. Я наконец-то поняла, что спокойно высплюсь — до того было страшно даже спать. А как вы появились — мы выдохнули, поняли, что что-то получится».

Моральный дух поднялся у народа. Никто не крысился, все относились абсолютно доброжелательно. А потом, когда уже начали работать, когда первые выехали на первую операцию, на вторую — поняли, что мы что-то можем. Помогали активно артиллеристы местные, мужики, бывшие военные. Хорошо работали, очень слаженно.

— Догадывались, что вы из России приехали, или принимали за кого-то еще?

— Местные понимали, что мы из России, по говору. Ну, где мы с ними сталкивались? В основном в кафе. Потом, если где-то мы выезжали на какие-то задачи на окраины города, с местными разговаривали: «Что видели? Где? Летают, не летают? Когда летают? Где? Что?»

И многие спрашивали: «Ребята, вы из России? Вас сразу вычисляешь по говору».

Мы с братом как-то на пару вышли из расположения, зашли в летнее кафе. Ну и девчонка молодая, местная, такая пышечка. Ну мы там раз, сначала чайку заказали, попили, на второй день пришли, было жарко, да и мы что-то набегались: «А давай по пивку?» Сидим, пьем пивко с орешками, ну и на второй или третий раз она подходит так и говорит:

— А вы, ребят, откуда?

— Мы оттуда. — На «Зарю» глазами показываем.

— А вы типа ополченцы?

— Ну как ополченцы? Так, просто приехали в город, к знакомым. Город посмотреть.

— Ага, время самое лучшее для этого нашли. Что вы сказки рассказываете?

— Мы ж не знали, мы не думали. (Смеется.)

— Все по вам понятно. А я сначала думала, что вы из этих.

— В смысле из этих? — И с братом переглядываемся друг с другом.

— Ну эти, как их... батюшки.

Мы сидим, ржем и говорим:

— Не-е-е, мы точно не батюшки. (Смеется.)

— *А как выходили из расположения?*

— Ну, мы продолжали жить на территории военкомата, находились все время в расположении, но выходили в город по 2-3 человека, в «гражданке». Мы переодевались, на рынке что-то купили. У кого-то были свои спортивные штаны, шорты. Лето ведь, жарко. У кого-то где-то сумка, пистолет положить. Ну так открыто мы не носили оружие, маскировались. Магазин там был рядом, вечером в кафешку пойдешь, посидишь, попьешь чайку-кофейку.

— *О первых операциях расскажете?*

— На территорию противника мы в первый заезд в Луганск далеко не заходили. Работали в основном по Луганску и его округе, иногда заезжали в Дебальцево, в Станицу Луганскую, с донецкими связывались периодически. Опять же, нас в первое время было немного. Но задач хватало.

К примеру, был один такой нехороший рубеж, то ли взводный опорный пункт, то ли ротный опорный пункт у укропов. Его нужно было пройти — но он достаточно хорошо укреплен. Плюс располагался очень хитро, не могли его никак взять, на дороге стоял. И вот несколько дней пытались. Вокруг артиллерия бьет, ребята подходят, по ним сразу начинает работать артиллерия, отгоняет. Сложно было, нагрузки огромные. Даже те, кто ветераны со стажем, очень крепкие ребята, «афганцы», даже они уже на эмоциях.

Были у нас два бывших офицера — не то из спецназа, не то из разведки, — они вечером подошли к командиру и сказали:

— Все, мы больше не можем, мы завтра с утра не пойдем. Что хочешь думай, что хочешь делай, мы не пойдем. Сил нет никаких.

— Да не вопрос, ребята, — сказал тогда командир. — Никого насильно не тащим. Нет — значит, нет, заменим.

Правда, они потом утром снова подошли:

— Извини командир, дали слабину. Мы все обдумали. Работаем дальше.

То есть парни буквально через страх перешагнули, через ужас. Надо отдать должное, дальше работали без нареканий. Так закалялась сталь.

— Много встречали местных жителей на выездах? Что-то рассказывали?

— Местные в разгар войны кто куда разбегались — кто на ту сторону, кто где потише, кто к родственникам, кто в Россию. Местных-то особо и не было. Мы с ними общались в основном в больнице, но там прекрасное отношение было, девчонки-медсестры, врачи. Я говорю — отношение было хорошее, нигде никогда не было косых взглядов.

В центральной больнице, кстати, даже раненые украинские солдаты лежали, мы знали это абсолютно точно. Мы знали, где они лежат, кто что. Но никогда никто к ним не ходил, не мстил и даже этот вопрос не поднимался. Хотя мы знали, что они там лечатся, что к ним приходят родители, посещают, когда, чего... Мы там не разбирали — нацики, не нацики, просто врачам говоришь: «Мы знаем, что они здесь. Не бойтесь, не будем ходить. Мы же профессионалы».

Много пьяной молодежи ходило. Она не вникала в политику и просто жила. Веселье вечером. Если вечером просто по городу проехаться или пройти — кафешки все работают, все нормально. Пока не пошли обстрелы Луганска, пока изнутри не заработали диверсанты, пока батальон «Заря» не подорвали и командира не ранили. Мы его тогда сначала в бункер гражданской обороны затащили, оказали первую помощь. Потом приехала скорая, забрала погибших после обстрела и отвезла всех

в больницу. Открытой вражды не было, я никогда этого не видел. Хотя допускаю, что, может, люди просто открыто это не высказывали.

Потом мы общались в детской больнице с врачами, с медсестрами, когда гуманитарную помощь им привезли. Все относились нормально. В магазинах с людьми общались, ну прекрасное отношение. Люди понимали правильность действий.

— С российскими журналистами сталкивались?

— Был случай, когда ребята-корреспонденты погибли (Игорь Корнелюк и Антон Волошин). Они же тоже в «Заре» у нас жили, мы общались с ними буквально накануне. Парни приехали, мы поболтали, помню, в фойе «Зари». Потом на следующее утро они поехали снимать репортаж, а там прорыв пошел с территории, занятой укропами. Мы выдвинулись на поддержку, минометный огонь корректировали на наших батареях. В посадку выдвинулись, ну и так дорогу прикрывали, если будет дальше накат. Но ничего, укропы дальше не пошли.

А с парнями как было. Мы буквально только что проехали, они стояли еще живые возле машины. Мы проехали, объехали, ушли вперед — а их, получается, обстреляли на том месте. Обратно ехали, там уже горели машины, были воронки, и нам сказали, что корреспонденты погибли.

— Расскажите о быте. Как вы устроились в Луганске?

— Мы на территории военкомата жили, на четвертом этаже. Комнаты, кровати двухъярусные, умывальники, туалеты. Внизу под нами ополченцы жили. Нормальный абсолютно быт армейский, ничего такого. Если где-то на задачу выезжали, жили в посадках на земле — коврик, спальник, у кого-то палаточка есть, кто-то так спал. Тепло, лето, вообще без проблем. Нормальные походные всегда были условия.

После обстрела «Зари» мы уже переехали. К нам пристреливались, мы это понимали, конечно, пытались

уйти, но все равно там глаза кругом, и нас вычислили. Как раз наша колонна пришла на территорию «Зари», в тот момент нас как раз и обстреляли. Потом мы переместились в бывшее летное училище — там на территории жили, туда тоже прилетало, обстреливали.

— *На диверсантов не думали?*

— Диверсантов было тяжело вылавливать, не хватало сил. То есть и местные им содействовали — в местной милиции были свои, — тварей много было, предателей. Приходилось меж двух огней скакать — со стороны местного населения нормально, а со стороны служб были подлянки.

Народ на расслабоне был. Народ не вдуплял, за что война, но это картина общая в любом таком конфликте. Тут винить кого-то или осуждать нельзя.

Вот дети — их жалко, они страдали сильно. Разговаривали со знакомыми девчонками, которые как раз медсестрами в детской больнице работали. Они говорили, что у них дети уже знают, что летит, какой снаряд взорвался, откуда прилетел. Даже разбирались в этом. Конечно, поначалу они были очень испуганные, боялись за их психическое состояние. А потом ничего, они как бы даже адаптировались. Даже проще нас, взрослых, все это переносили.

КАК ЛУГАНСК СТАЛ ПРИФРОНТОВЫМ ГОРОДОМ

— Ехали через границу — самолеты летали, Су-24 параллельно бомбили, обстреливали окраины Луганска. Мы как раз заезжали в начале июля. Пока осмотрелись. Первое впечатление: это был совершенно мирный город. Жители такие беспечные, ритм жизни был такой же: люди ездили на работу, ходил общественный транспорт, работали кафе, никаких проблем. Пока не начался артиллерийский и минометный обстрел. Но

это уже изнутри города, там уже лазутчики и диверсанты работали.

Мы на «Заре» сидели, на батальоне — там буквально рядышком остановка была. И как-то утром туда прилетела мина, повредила кафе, убила кого-то из местных, кого-то ранила. Как потом рассказывали, местные видят, что тело лежит, тут же автобус подходит, они также молча садятся в автобус и едут на работу. Народ еще не привыкший, в шоке, не понимал, что происходит. Потом, когда уже больше стали получать, поняли, что война пришла, стали прятаться, меньше движения по городу стало.

ПОИСК КОРРЕКТИРОВЩИКОВ ВСУ

— Мы были второй группой, которая заехала в Луганск. По дороге в принципе особых происшествий не происходило. Но весь этот месяц мы просидели в кольце. Когда мы проезжали, кольца блокады еще не было, а вот когда мы там оказались, мы оказались в кольце.

Нам были поставлены задачи тем руководством, которое в тот момент в Луганске находилось. Из ополчения. Наши группы занимались в основном поиском корректировщиков, которые наводили артиллерию на город. Когда-то везло, когда-то не везло — бывает, что засекли, откуда корректируют огонь, выезжаем на место, а там никого нет. Бывало такое, что недалеко от штаба, буквально в полутора километрах, мы выезжали и нарывались на засаду. Корректировщиков всегда кто-то прикрывает — на улице сидит и отслеживает, кто туда к корректировщику пытается подобраться.

С переменным успехом мы занимались своей задачей, и, в принципе, если не считать постоянные обстрелы с гаубиц и «Градов» по городу, ничего там сверхвыдающегося не произошло.

КАК УКРАИНСКИЙ КОРРЕКТИРОВЩИК ХОТЕЛ В РОССИЮ УЕХАТЬ

— Как-то был обстрел одного из районов в Луганске. Минометный обстрел, артиллерийский укропы закидывали чуть подальше. Естественно, были корректировщики. Сидели на высотках, на крыше где-то. И когда это поняли, ребята поехали и одного взяли с поличным. С бумажками, с приборами, с биноклем. Он признался, что корректировал артиллерийский огонь, но что самое показательное и дикое — он сам был из того района, который обстреливали. У него в этот момент дома была жена молодая, пока он ходил «работать».

— Ну и зачем ты это делал? — спросили его на допросе. — Ради чего?

— Деньги нужны были, — говорит.

— Зачем деньги?

— Чтобы уехать в Россию, а не на Украину.

Мы в ступор впали от этого человека. Ну, Бог тебе судья, парень.

ПЛЕНЕНИЕ ПРИБАЛТИЙСКОЙ СНАЙПЕРШИ

— Запомнилась одна женщина, корректировщик, прибалтийка. Она отстреливала сербов-добровольцев, они пытались к ней подобраться. Двоих «задвухсотила», одного «затрехсотила». Мы, когда приехали, ее хитростью взяли. Пацаны с одной стороны зашли, короче, перебили ее охранение — троих человек. Это было при въезде в Луганск, с правой стороны, как въезжаешь в город, там была бывшая ментовская часть. А от нее в 600 метрах две высотки стояло — «свечки» типичные, 16-этажные. Вот она с одной из них корректировала огонь, а по ее наводке пакеты

«Градов» набрасывались в район, где мы дислоцировались.

Сербы пошли туда, выяснить, поискать по домам. И, в общем, нарвались на корректировщицу и ее охранение. Потом мы ее взяли в плен — получилось так, что у нее закончились патроны. Потом выяснилось, что она оказалась любовницей одного из командиров нацбатальона, и он ее позвал корректировать огонь. По совместительству она была не просто корректировщица, она еще участвовала в Чечне снайпершей. До того биатлонисткой была.

Мы ее отдали в штаб, в «Зарю». Что там дальше с ней делали, расследования проводили и так далее, я не знаю. Но момент был запоминающийся. Она сказала, что у нее трое детей в Прибалтике, и как бы меня это сильно удивило. Ладно, я могу понять, когда ты Родину свою защищаешь, у тебя трое детей, ты там врагов отстреливаешь. А когда у тебя трое детей, а ты наемница и работаешь от Чечни до Донбасса... Это как бы в голове не укладывается.

— Странно, потому что истории о прибалтийских снайпершах в чеченской кампании, да и в других конфликтах, никем не были подтверждены. Считается, что это выдумка.

— Это не выдумка. В 2000 году в Чечне при зачистке села Гансолчу мы с ними тоже встретились. Одну снайпершу тогда «затрехсотили», одну в плен живой взяли без повреждений. Они там в момент зачистки шестерых омоновцев постреляли. Мы только пришли в тот район, а пацаны из ОМОНа и СОБРа ставили блокпост. Эти две гадины их достаточно долго терроризировали, недели полторы. Когда мы туда пришли в составе 16-й бригады, мы навели в том районе порядок. Это тоже были прибалтийки, конкретно на 100 %, потому что у них были и документы с собой. В охранении у них было два негра-сенегальца и один иорданец...

СПАСЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ

— Ни я, ни кто-либо из моих друзей не считал, что нужно было как-то геройствовать, лезть на рожон. Понимаешь, наш действительно геройский поступок в том, что мы выводили людей из некоторых районов. Опять же, искали корректировщиков — обнаружили в подвалах гражданских. Бабушки, дедушки, женщины с детьми в том числе сидели. В основном женщины и дети, там мужчины редко были. По крайней мере дважды мы связывались с руководством, они высылали туда технику — автобусы, и мы вывозили людей оттуда. Один раз человек восемьдесят из подвалов вытащили, второй раз — человек тридцать, наверное, эвакуировали. Прямо под артобстрелом. То есть соседние дома буквально складывались под ударами, а люди сидели в подвалах, прятались от арты. Мы их находили и выдергивали оттуда.

ЭВАКУАЦИЯ ПОД АРТОБСТРЕЛОМ

— Были у нас парни, не то осетины, не то абхазы. Они по многу раз проезжали через дорогу, мотались туда-сюда, перевозили грузы и людей в минивэне без окон и дверей. Они под огнем всех орудий укропов летели по дороге под 180—200 км/ч. У нас задача была прорваться, не попасть в окружение и выйти к границе с Россией. Не знаю, что было в головах у командования ВСУ, но такое было ощущение, что они пытались на Россию напасть, потому что они заезжали на территорию РФ, а это вообще ни в какие рамки не лезло. По мировому законодательству, они вообще не должны были подразделения подтягивать ближе чем на 30 км, и Россия их по сути уничтожала законным путем. Где это видано, чтобы армия приближалась к границам другой страны, а тем более заходила на ее территорию?!

И вот эти абхазы довольно героически перемещались по этой дороге по десять, а бывало и по пятнадцать раз в день. АГСы по ним долбили, «Сапоги», два миномета, танк стрелял, пулеметы по ним строчили. Украинские силовики находились от них буквально в четырехстах метрах. Это ж практически в упор! И тем не менее они ездили и всегда возвращались. Никаких потерь у них не было. Не могу это объяснить, может, Бог на нашей стороне был.

КАК УКРАИНА БОМБИЛА ЛУГАНСК

— Был случай, когда укропы выслали диверсионную группу. Не знаю, сколько их было, но я насчитал где-то восемь человек — те, кто успел добраться, пока по автобусам людей грузили. Там несколько микроавтобусов было, «газелей», и из них по нам открыли огонь. Причем стреляли эти гады не по ополченцам, а конкретно по гражданским. Я своими глазами видел, как они двух женщин тогда убили и деда одного. Нам пришлось зажимать их в кольцо очень быстро — двоих, правда, упустили, они по-тихому сбежали. Уже смеркалось, и в темноте просто не стали их догонять — риск потерь был большой. А остальных кого в плен взяли, кого в бою «задвухсотили».

Обстрелы продолжались, но слава богу, что авиацию я на тот момент не застал. Мне, когда я зашел, **Девятый** сказал, что за два дня до нашего приезда еще продолжались авианалеты, а сейчас все прекратилось. Причина простая: ополченцы поработали с ПЗРК и начали отрабатывать укровские самолеты.

КАК ДВЕ ГАУБИЦЫ РАЗОГНАЛИ ГРУППИРОВКУ

— 2014 год, Снежное. По сути, нас всех почти до границы тогда уже выжали, и шагали мы в обратную сторону.

Поселок Дмитровку мы достаточно легко взяли, а вот поселок Дубровка... Там стояла очень крупная группировка, с бронетехникой, серьезным количеством пехоты. А нам притащили три хромых гаубицы — Д-30. Одна из них даже не стреляла. Вот в Дмитровке мы их и выставили.

Придали батальончик нам ополченский и группу арткорректировщиков — три человека. В общем, за два часа нашей работы группировка украинская практически прекратила свое существование. Мы, конечно, потом тяжело и со скрипом вытаскивали наших корректировщиков с их позиций, потому что противник все-таки вычислил, откуда они могут корректировку производить. Сначала мы к ним отправились на БТРе, потом БТР отправили обратно, потому что не вариант был уходить на технике. Только пешим порядком.

Мы на себя укров оттянули, корректировщики ушли, а мы под дружный свист 120-х минометов еще часа четыре петляли на пути обратно в Дмитровку. Причем к тому моменту, как мы туда добрались, обнаружили внезапно, что никого из ополченцев там уже нет. Осталось с группой нашей всего 4 человека.

А группировку противника мы, считай, в две пушечки разобрали. Все сложилось из мистики, из смеха, и из глупости людской. Корректировщик наш хороший, а вот наводчик орудия — не очень. Поправку корректировщик давал в одну сторону, ближе к технике, к укрепленному району. А когда артналет с нашей стороны только начался, пехота противника побежала в противоположную от укреплений и техники сторону — в поле. Спасаться. И наше орудие промазало ровно в обратную от данных корректировщика сторону. И так удачно получилось, что всех, кто побежал в это поле спасаться от артналета, в том поле наша артиллерия и накрыла. Из-за ошибки наводчика.

Вроде глупость, вроде все с точностью до наоборот, должны были вообще выстрелить мимо. А так получи-

лось, что снаряды упали туда, куда надо. Ну и противник не ожидал тогда таких действий. По весне артиллерии тяжелой еще не было у ополчения, она только-только начинала появляться. Какие-то орудия у противника только отбили. И, собственно, было бы три пушки... но третья отказалась стрелять. В две пушки разобрали всю группировку. А было их там — слегка навскидку — усиленный батальон с бронетехникой.

Когда все закончилось, двадцать три машины скорой помощи на их стороне насчитала наша разведка. А остальных уже увозили так... тех, кому торопиться было некуда. Населенный пункт мы заняли потом просто.

ТРОГАТЕЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ УКРАИНЕ И ЛЮДЯХ

— Очень много впечатлений было об Украине. Реально людей было жалко. Я помню, как мы колонной заходили туда. Мы тогда очень сильно растянулись все — то одна машина сломается, то вторая. Помню, что поотбивали «Мотолыги», «Гусянки». Пальцы вылетали, там дырка образовалась. Когда заезжали — а уже было утро, светало, — люди на работу ехали и нас по пути крестили. Думали, что зашли русские, поверили в нас.

А еще, помню, ездили мы в Дом ребенка в Луганске. Ну, там со слезами, конечно, зашли. Мы с командиром собрали много вещей — подарки детские новогодние, телевизоры, обогреватели, много гуманитарного груза. Решили деткам отвезти. Приехали — а там детишки, по три годика. Они даже не знали, сколько им лет. Сотрудники Дома ребенка детей находили в подвалах повсюду. Родителей не было. Кто убежал из-под обстрелов, кого убило. Но в самом доме не было ничего, даже обогревателей. Заведующая, как увидела наши подарки, аж заплакала. У них ведь реально ничего не было, совсем.

Заходим мы к ним, они как раз кушали сидели. Детки нас увидели, глазешками на нас уставились, такие смотрят, сидят и жуют. Мальчик один встал, подбежал к командиру — и раз, на плечи прыгнул, со слезами. Поиграли с ними немного. Я к одной девочке подхожу, а она так смотрит... или боится... то есть страх был, потому что бомбежки постоянные были. Я у нее спрашиваю, говорю: «Что ты кушаешь?» А у нее печенька или что там было во рту, за щекой чего-то торчит. Она вытаскивает прямо изо рта и мне дает. Меня аж, блин, слеза прошибла.

Поиграли с ними. Ребята добрые, веселые, сразу на ручки полезли. Ну вот привезли мы им медикаменты, подарки детские, обогреватель. Вот прям со слезами. Я говорю, заведующая не ожидала такого, что приедем. Нам экскурсию по Дому ребенка провели. Там даже дети есть с ВИЧ.

Еще, было дело, медикаменты по больницам раздавали, потому что в больницах тоже вообще ничего не было.

НАВЕДЕНИЕ НА МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН

— На телефоны нас ловили. Мы примерно предполагали, что такое возможно. Как-то мы вечером приехали, сменили ребят на посту у дороги от аэропорта, которая в город вела. На позиции встали вместе с братом, у нас расчет ПЗРК. Там, получается, дорога идет, посадка, поле, наверно, метров 150, и дальше опять пошли посадки, что-то вроде садов. Мы с братом расположились на открытом месте, постелили там коврики, плащпалатки и давай по очереди ночевать. А командир остался на дороге с остальными ребятами на позициях. Они на остановке сделались — поставили машины, технику, в посадках все спрятали. А с вечера мы связывались,

у меня мобильник был с местной симкой, и у командира тоже. Пока радиостанций не было, мы так, по телефону связывались: «Все нормально? Все нормально!» Хорошо, отметились.

И мы с братом расположились на этом месте, откуда я вечером крайний раз давал звонок командиру. Вернулся к брату — и мне что-то так не понравилось на том месте. Что мы будем сидеть под открытым небом? Говорю брату: «Давай лучше уйдем в лес, в посадку. Все равно они ночью летать не будут, тем более мы их не увидим, не возьмем с ПЗРК». Ну, мы сместились — метров тридцать как раз до посадки было. Утром, когда рассвело, я вышел, взял трубу ПЗРК, поставил ее метрах в пятнадцати от того места, где мы вечером располагались, откуда я и звонил. На трубу облокотился, достал телефон, набрал командира. Вызов пошел, но он с кем-то разговаривал.

Думаю, ладно, потом перезвоню или схожу. Телефон убрал — и буквально спустя секунд тридцать выход сзади. И прилетает ровно в то место, где я последний раз вечером давал звонок. Не в то место, откуда сейчас звонил. Видимо, они ту точку запомнили и туда пульнули.

Сразу мысль: «Бляха, на мобильник словили!» Я хватаю трубу, бегу к брату. Слава богу, земля мягкая была, снаряд в нее зарылся. А мы давай бежать оттуда. Второй сразу выход, падает в другую сторону. Я начинаю вынимать аккумулятор из мобильника. Третий выход уже ближе к нам — они кидали по очереди, зигзагами, как мы перемещались. Ориентировались на мой телефон и командирский, получается. Мы с братом упали, отлежались, пока обстрел не прекратился.

Думаю, пойду гляну, как у ребят там что, брат остался на позиции. Выхожу из посадки, которая дорогу отделяет. Только на полотно встал, смотрю — ребята с той стороны несут на плащ-палатке кого-то. Я сначала не понял, а оказалось — это первая потеря именно в груп-

пе в нашей. Узнал по камуфляжу, по одежде, что командир погиб. Снаряд прямо в него прилетел, прям рядышком — разворотило все, поломало. Но так вышло, что командир всегда, когда по телефону говорил, уходил от основной группы людей в сторону. В общем, его предусмотрительность ребят и спасла, а так бы и ребят накрыло, жертв было бы больше, конечно.

«ВОТ ТЕ КРЕСТ!»

— Гранатометчику и пулеметчику дали приказ прикрыть наступление на фланге. Они передвигаются к нужному месту, а их, видимо, заметил артиллерийский корректировщик противника. Решил, что там либо целый взвод движется, либо минометы стоят, либо еще что-то серьезное. И едва ребята залегли, прямо по ним прилетает довольно точно аж три гаубичных снаряда, но никого из двоих даже не ранят. И пулеметчик такой, после того как пыль после взрывов опадает, высовывается из ложбинки, встает и в сторону противника кричит: «Э! Зачем так сурово-то?! Вот те крест, тут артиллерии нету!»

БОЙ ЗА НОВОАННОВКУ

— В Новоанновке выехали ребята на задачу, втянулись в бой... До этого на местности были допущены неточности в ходе разведки. И на той позиции, которую они должны были атаковать, оказалось не тридцать украинских военных с одной саушкой, как разведка доложила, а аж триста польских наемников, куча танков, минометные расчеты и прочего по мелочи. Расчет нашего БТР втянулся в бой. Выехал танк противника. В этом случае, по инструкции, экипаж БТР должен покинуть машину и эвакуироваться оперативно. Но ребята не эва-

куировались... Не сделали этого, чтобы прикрыть отход своих товарищей.

Когда танк выскочил, то его одновременно с экипажем БТР увидел наш гранатометчик. Произвел по танку выстрел, попал в лобовую броню. Танк замер — так называемая «пятиминутка». Гранатометчик, понимая, что у танка та самая «пятиминутка», ушел с линии атаки, переместился на сотню метров вперед и вправо, чтобы произвести выстрел в борт танка и... внезапно выскочил на минометный расчет врага.

На противопехотном осколочном снаряде РПГ есть чека. Когда ее снимаешь, он взрывается сразу, когда не снимаешь — с задержкой. Так вот, он чеку не снял. Получилось так: он стреляет из РПГ в расчет миномета, попадает в бруствер, рикошетит вверх, попадает в дерево и взрывается. И как шрапнелью посыпает сверху осколками большую площадь под местом разрыва. Рядом был еще один минометный расчет. Так вот, в результате такого внезапного рикошета и взрыва над позициями минометчиков ОБА расчета легли. Всех посекло осколками одного снаряда РПГ...

А экипаж нашего БТР успел произвести еще несколько выстрелов по танку, но в итоге погиб, прикрывая отход товарищей.

ПРО ДЕВОЧКУ И КОНФЕТУ

— Я пришел устраиваться в компанию, когда они стояли в одном из сел под Луганском, в роддоме. Мы давали конфеты местным детям — те, которые у нас были в пайках. Мы сами их не ели, а чисто детям всем раздавали. И меня что поразило: стреляла украинская сторона, был прилет, а я как раз давал девочке конфету. Мне-то понятно, я не дернулся, а я смотрю — и девочка не дернулась.

Я думаю, вот она привыкла — каждый день обстрелы. Конечно, стало печально мне. Думаю еще про себя: «Ни хера себе, как-то это неправильно. И правильно, что я приехал все-таки».

«А ВЫ ЧЬИХ БУДЕТЕ»?

— Местные относились очень хорошо, я нигде не встретил к себе плохого отношения. Как-то пошли мы через одно село — не по дороге решили идти, а через огороды. Ну и шли через огороды втроем. Ну и кто-то запнулся там о какое-то ведро, а мы так к реке подходили. Ну и бабушка, хозяйка дома, видимо, привыкла к темноте, знает свой огород. Она — оп, к нам подходит такая. А мы все в балаклавах, сидим и втроем смотрим на нее.

— Ребят, это (заминка)... а вы чьих будете?

— А ты, бабушка, за кого?

— А я за наших.

— А кто наши?

— Мы поддерживаем Путина!

— Ну тогда наши. (Смеемся.)

— Ну, тогда вон там, возле реки, я видела, трое бегут на нашу сторону.

И нам она помогла. Оказалось, укры втихую на нашу сторону перебегали, их «глаза» наши спалили, и молодой пулеметчик начал по ним херачить. Хотели их взять пленными, но не получилось — отошли.

Глава 3. Хрящеватое и Новосветловка

(22–29 августа 2014 г.)

Ключевыми пунктами для прорыва обороны ополчения ЛНР украинские военные считали два населенных пункта на окраине столицы — село Хрящеватое и поселок городского типа Новосветловка. Через эти два пункта проходила трасса на Краснодон — единственная артерия, долгое время связывавшая Луганск с большой землей. На протяжении всего лета 2014 года отряды ЧВК «Вагнер» сдерживали противника на этом рубеже и не дали развить наступление на столицу ЛНР.

22 августа силы «Группы Вагнера» начали контрнаступление на юго-восток от Луганска, сдавливая позиции ВСУ в Хрящеватом. В итоге после упорных боев 29 августа ополчение ЛНР и русские добровольцы освободили Хрящеватое и Новосветловку, тем самым восстановив прямое сообщение Луганска с территорией России и открыв дорогу на Луганский аэропорт.

СОПКА ПОД ХРЯЩЕВАТЫМ

— Мы обходили село Хрящеватое, чтобы деблокировать дорогу, ведущую к Луганску. Следующей целью у нас был Луганский аэропорт — он выполнял стратегически важную роль на всем театре военных действий. Неоднократно на него совершались набеги со стороны других подразделений, которые пытались отбить терминал. Но тем не менее безуспешно.

Мне тогда запомнилось решение командира, которое сыграло очень важную роль. Нас ведь было немного, где-то 45–50 человек. Перед селом стояла такая сопочка

невысокая, метров 30 в высоту. И у командира был выбор — обойти сопку по зеленке, вокруг, либо подняться наверх на нее. И командир выбрал подъем на гору, хотя нам всем этого ужасно не хотелось. Но, видимо, у него какая-то чуйка сработала — и он повел нас наверх. И вот чуть-чуть мы до пика не дошли, как услышали — летят «Грады», где-то две установки по нам полные пакеты отработали. Мы замерли все, упали, вжались в землю, у всех круглые глаза, не понимаем, куда это все летит. А ракеты обрушились от нас в ста метрах. И оба пакета упали по бокам от сопки — в «зеленку», по которой мы должны были бы обходить эту гору. То есть благодаря тому решению командира тогда никто не погиб.

НОВЫЕ АРДЕНЫ

— Девятый — очень хороший стратег. Так же, как в свое время не ожидали французы прохождения немцев через Арденский лес, примерно то же самое мы сотворили в Хрящеватом. Мы прошли вместе с техникой, с тяжелым вооружением, пулеметами — через такие заросшие сопочки, что там пешим порядком сложновато было бы пройти. Мы вышли совершенно неожиданно к этому поселку — укропы думали, что мы выйдем к ним по трассе, и ждали нас там. Помимо аэромобильных войск в Хрящеватом стоял еще батальон нацистов «Айдар».

В поселок зашли мы в принципе тихо. До кинжального столкновения, до стрелкового нас встретили около кладбища хорошим залпом «Градов». Тем не менее ребят это не остановило, и мы дошли до центра Хрящеватого. Улица, если я не ошибаюсь, Аэропортовская. Мы на зушке были, со связью беда получилась, как всегда. Я пытался выйти на командира группы, но ничего не получилось, пришлось выходить на комбата и запра-

шивать фланговый обход. Пока мы пытались наладить связь, на обходе чуть в кузов мину не получили с миномета — справа и слева хорошо так положили.

Ребята мне чуть голову не откусили: «Вывози нас отсюда на хрен!» Зашли обратно на Аэропортовскую, в точке соприкосновения расстояние до противника было 10-15 метров. Четкой задачи на уничтожение никто нам не ставил — надо было в первую очередь разблокировать трассу.

ОБСТРЕЛ ПО МЕТОДИКЕ

— Заходили, подошли все, как по науке. Когда подходили к поселку, подъехали на машине, на поле встали — и вдалеке, смотрим, вспышки. «Град» работает. Судя по количеству, где-то полпакета выпускают.

— О, смотри, «Град» работает, — говорит один из наших.

— Ага, а почему вспышки так хорошо видим?

— Видимо, в нашу сторону. Ребят, давайте ныкаться.

Только с кузова спрыгнули, только в посадку чухнули — и тут справа на поле разрывы пошли. Ладно, засиживаться не будем. Спускаемся в посадку — там такой овраг, можно пройти, но он засажен. Мы тогда взяли с собой ПЗРК от авиации прикрываться, один человек встал на дне этого оврага. Вокруг заросший лес, а он стоит, трубу эту вверх поднял и стоит.

— А ты чего стоишь-то? — я ему говорю.

— А вдруг кто полетит?

— Ну а как ты увидишь, как ты будешь работать, если деревья кругом? С ума сошел, иди на открытое место!

Но, видимо, на открытом месте было как-то неуютно. Поржали, пошли дальше.

Когда в Хрящеватое зашли, тут же обстрел со стороны укропов пошел, как по методике — начали подаль-

ше от нас закидывать, потом тебя загоняют все ближе, ближе, ближе. Ты вынужден идти вперед — ну а там тебя уже ждут. Ну, нормально прошли — правда, ребята вроде как должны идти вперед, а там большой участок улицы простреливаемый, и ребята немножко застопорились. Мы идем следом, чтобы не нарушать боевой порядок, вынуждены были остановиться. Сзади все ближе ложатся мины, нервяк нарастает, и командир наш плюнул, говорит:

— Все, мы их обходим, не будем тут ждать, пока прилетит.

Мы обошли на свой фланг и начали работать. Когда через поле проходили к окраине Хрящеватого, на поле коровы паслись, и одну, видимо, поранило или поцарапало. Вот она стоит, глаза у нее грустные-грустные, и кровь стекает откуда-то с пуза, течет по вымени. То есть не молоко, а кровь капает. Мне ее жалко так стало, но помогать времени не было, и мы пошли дальше.

А еще укропы, несмотря на то что православные, церковь в Хрящеватом сожгли. Тупо расстреляли из танка, — потому что за церковью ополченцы прятались. Наша группа там пряталась, и ополченцы прятались. Они расстреляли церковь несколько раз из танка. Я не скажу, что я глубоко верующий, но я из танка по церкви не стал бы стрелять. Для меня это табу.

ЗУШКА ПРОТИВ УКРАИНСКОГО СНАЙПЕРА

— В первые дни, когда приехал в Луганск, я встретил там своего командира, который у меня по срочке был командиром взвода еще в 96–97-м годах. **Капитан Чупов**. После срочки я с ним 17 лет не виделся. Работали мы совместно уже дальше: и аэропорт, и Хрящеватое.

Так вот, на Хрящеватом что запомнилось. **Чупов,** вообще, и по срочке был человеком отважным. Он ни за

кого не прятался, не очковал, а постоянно собой пытался прикрыть кого-то. Несмотря на то что он как бы командир достаточно высокого ранга, он с рядовыми бойцами ходил на самый передок. Так вот. В Хрящеватом с одного двухэтажного здания снайпер отстреливал ополченцев и задел человечка из нашей группы. Так **Чупов** выбежал в соседний переулок, заскочил на оставленную украми ЗУ-23, выехал на прямую наводку (метров, наверное, за 200), просто с зушки разобрал это здание и погасил снайпера.

«ОТКАЗНИКИ» ИЗ ОПОЛЧЕНЦЕВ

— На Хрящеватое помимо нас шли другие разные группы ополченцев. Проблема в том, что воевать они вообще не хотели. Крайний дом в селе заняли — и все, сказали, что дальше не пойдут.

— А почему не пошли?

— Ну, они решили, что закрепились, задачу выполнили. Хотя все остальные пошли дальше и выполняли задачу, пока не поступил приказ собраться и отойти. Тогда было много раненых — арта противника работала, минометы работали.

ПЛЕННЫЙ МИНЕР И ПЕРЕГОВОРЫ ПО РАЦИИ

— В ходе боя мы поймали одного украинца — он минировал подходы к поселку. Он нам и сообщил, что мы, грубо говоря, сунулись туда, где противник оставил место для маневра. Остальные направления, по словам пленного, были заминированы. Он так и сказал: «Сюда и сюда с техникой не суйтесь, там все заминировано и на радиоуправлении». А там, где они место нам «оставили», была очень плотная застройка и сами они очень хорошо

окопались. Вариантов подойти к ним «по-тихому» просто не было.

В общем, дошли до застройки, уткнулись и ввязались в бой. Мы тогда много раненых эвакуировали, арта давила нас. Мы отошли и навели свою арту по их позициям, потому что они там были закопаны, подготовлены. Даже танки у них были там вкопаны в землю. А мы — со «стрелкотней»... Броня была, но стояла в стороне, на высоте, и в низину не спускалась.

В районе было несколько домов. Противник там очень плотно сидел — непонятно, на каких этажах, постоянно передвигались, не позволяли нам к ним подойти. Наши ребята пытались подойти на расстояние броска гранаты, чтобы закидать их, потом приходилось пацанов другим людям оттуда вытаскивать.

Мы еще до этого у пленного забрали радиостанцию. И во время боя на нас вышел командир противника — выходит в эфир и говорит: «Ребята, сдавайтесь! Мы вас все равно выбьем, возьмем. Пожалейте своих людей!» Мы ему ничего не ответили.

КАК МЕНЯТЬ КОРОБ ПУЛЕМЕТА ПОД ОГНЕМ

— Был случай на Хрящеватом... Я тогда был в должности заместителя командира взвода. Взвод тогда втянулся с противником в ближний бой. Один хлопчик был на тот момент пулеметчиком, спустя некоторое время он погиб. В том бою он менял короб на пулемете, а противник находился от нас в 20-30 метрах. И несмотря на то что «брызги» пуль были совсем рядом — между ног — он хладнокровно, без суеты, спокойно заменил короб, дослал патрон в патронник и продолжил вести огонь. То есть тем самым он еще и прикрыл отход раненых, а тяжелораненых у нас там пять человек было. Прикрыл отход группы.

ДВАДЦАТЬ САНТИМЕТРОВ ДО СМЕРТИ

— Курьезный случай был в том же Хрящеватом, когда продвигались в тыл противника скрытыми зонами. Нас тогда внезапно «взбодрила» вражеская артиллерия — рядом легли «Грады». Стена «Градов». Я в тот момент оказался на ровной площадке рядом с водокачкой. Асфальт, бордюры — негде укрыться. Первые действия, соответственно: «понизил горизонт», лег, закрыл автоматом голову — единственное, что можно было защитить в тот момент. Стена «Градов» остановилась от меня метрах в ста — ста двадцати... Залп закончился, и у меня сразу мысль: надо переместиться... А там, знаете, у водокачки стоит большая бочка, на АФСках вынутых, и там ямка под ней. Ну я сразу думаю: спрячусь туда. Переместился туда, нырнул под бочку, а там толпа бойцов лежит! Получилось, как в том мультфильме, где герой с татарами воюет: «Мест нет!» И самое главное: оказывается, ракета «Града» во время залпа пробила эту бочку, не взорвалась и торчит сверху. «Голова» ракеты — буквально в двадцати сантиметрах от макушки бойца, лежавшего под бочкой.

Я говорю: «Ну вы тут неплохо устроились, до смерти двадцать сантиметров всего...» Чувак поднимает глаза — они аж круглыми становятся от страха! Орет: «Все назад!» Он эту ракету даже не заметил, оказывается.

«ДВУХСОТЫЙ» ОЧНУЛСЯ

— Еще одна история в Хрящеватом. Одного пацана поставили «двухсотых» охранять. А среди лежавших был один парень, его из боя как «двухсотого» вытащили, а он просто без сознания был. Ну и положили к другим погибшим.

И он внезапно в себя приходит... Глаза открывает — а кругом «двухсотые» лежат. И боец, который «двухсо-

тых» охранял, увидел, как тот глаза открыл, и такой: «Да ну нахер! Он же „двухсотый"!» И раз, наклоняется, глаза ему обратно закрыть ладонью пытается. А тот ему, глаза открыв: «Да че ты! Я „трехсотый"!»

У него, как оказалось, было пулевое ранение груди, проникающее, легкое схлопнулось. Отверстие пулевое закрыли, на операцию увезли. Ему **Священник** делал операцию... Спросил: «Ты в Бога веруешь?» Парень ответил: «Верую». Ну **Священник** ему и сказал: «Я тогда не буду легкое удалять». Ну и все нормально. Вылечили потом.

Еще история была в районе Хрящеватого. Ребята на зушке прикрывали наступление. Шел уже плотный городской бой. И вдруг со стороны здания администрации Хрящеватого начал выезжать танк и поворачивать башню в сторону нашего «Урала» с зушкой. Ребята из расчета ЗУ, когда этот танк увидели, уже начали последние секунды жизни считать. Но... оказалось, что недалеко стояли наши гаубицы Д-30, настроенные на прямую наводку, от них до противника был примерно километр, это уже прямая наводка. Танк выезжает, начинает поворачивать башню в сторону «Урала», и тут ему из этой гаубицы снаряд прилетает прямо под башню. Взрыв! И парни на грузовике, что уже к смерти готовились, перекрестились и дальше поехали.

ГОРЯЩАЯ КОНЮШНЯ И ТОНКОСТИ ЗАЧИСТКИ

— Мы заходили в Хрящеватое, несмотря на то что очень плотный огонь был из «Градов», из гаубиц со стороны аэропорта. При заходе там стояла конюшня. В общем, когда мы прочесывали местность, эту конюшню укропы обстреляли, и она загорелась. А там лошади сто-

яли, уже гореть начинали. И наш командир группы приказал всех лошадей выпустить. Ну, потому что их жалко, они бы там просто сгорели.

Для себя я отметил, что гражданских людей достаточно много оказалось в Хрящеватом на тот момент. Очень много гражданских в домах. Либо им некуда было уходить, либо остались, потому что хотели свои дома сберечь. Но там достаточно жестко было. В Чечне такого не было по одной причине — в Чечне больше стрелковая война шла. Все то, что связано с мирными населенными пунктами, если не брать крупные города типа Гудермеса и Грозного, в основном было тихо, по ним из артиллерии никто не долбил. А здесь... укропы конкретно разбирали все дома, целые улицы.

Что касается наших, ополченцы нашей группы изначально старались беречь все дома, все пункты, куда мы заходили. Все то, что связано с населенными пунктами... не то чтобы прям совсем табу было, но старались не трогать. Командир нам также запретил жечь дома — даже если там укропы запирались, он запрещал их дома жечь. Сказал, что можете гранаты туда кидать, но жечь не надо, потому что рано или поздно люди вернутся, им надо будет где-то жить.

«БАБКА, НЕ БОЙСЯ, НАШИ ПРИШЛИ»

— Веселый случай был с Андрюхой в Хрящеватом. Мы с ним в «головняке» шли, работали, еще один парень шел по центру. Мы нарвались на дом, немножко застопорились — укропов долго не могли выбить. А там не дом даже, а школа была или клуб какой-то: двух- или трехэтажное кирпичное здание. Нам нужно было залезть в какой-нибудь дом повыше, чтобы по окнам противника можно было немножко придавить.

Мы пошли искать дом. Естественно, жители все закрылись — кто-то дома запер, кто-то в подвалах отсиживался. Видим, вроде дом нормальный, высокий, нужно залезть. Дверь закрыта, ломать некогда — зато есть окошко. Значит, Андрюха окошко выбивает, стекла вылетели, осталась небольшая рама. Мы Андрюху подсадили, он лезет туда, а магазины на поясе не проходят. И он, получается, в этом окошке и застрял. Автомат сзади остался, магазины встряли — ни туда, ни сюда.

Он потом рассказывал: «Я внизу стою, высота где-то метр восемьдесят, ну с рост человека. Цоколь и первый этаж, как в дачном домике. Смотрю, дверь подвала открывается медленно. Ну, думаю, все, приплыли, сейчас в меня всадят. Я автомат пытаюсь вырвать вперед, чтобы хоть отпор дать. Открывается дверь, и поднимается бабка из подвала.

— А-а-а, сыночек, тебе помочь?

— Блин, бабуля, напугала! Закрой дверь, прячься!

Я, когда кипеж пошел, Андрюху со всей дури под жопу пнул, он вместе с рамой внутрь залетел, потом я следом. Ну и наверх вышли. Бабушку не повредило, все с ней хорошо было. Мы вылезли, но из-за деревьев было плохо видно нам — пришлось идти в другой дом.

Потом еще в один домик зашли. Выходит дед, мы с ним поздоровались, сказали, чтобы прятался. А у того слезы на глазах.

— Бабка, бабка, не бойся, это наши, русские пришли.

Оба стоят, рыдают.

Глава 4. Луганский аэропорт

(31 августа — 1 сентября 2014 г.)

Покончив с зачисткой территории Хрящеватого и Новосветловки, силы ЧВК «Вагнер» в последний день лета выдвинулись в сторону Луганского аэропорта. На закате 31 августа в районе аэропорта начался плотный бой, в ходе которого всего 40 бойцов группы «Вагнера» смогли окружить группировку из 400 украинцев. Потери российских добровольцев составили 15 человек убитыми, практически каждый участник штурма получил ранения, но никто не покинул поле боя до его окончания.

Благодаря действиям «Вагнера» ряды украинских военных дрогнули, десятки десантников сдались в плен, а все офицеры и командование, бросив подчиненных и технику, укрылись в бомбоубежище. Чтобы избежать лишнего кровопролития, украинской стороне был предоставлен гуманитарный коридор до села Георгиевка. Оставив танки, артиллерию и тяжелое вооружение, подразделения ВСУ вышли из аэропорта в ночь на 1 сентября 2014 года. Те, кто еще недавно бравировали началом штурма Луганска, вынуждены были уйти ни с чем. На территории аэропорта украинскими боевиками было оставлено огромное количество техники, оружия, боеприпасов и обмундирования. Все оно впоследствии было реквизировано властями ЛНР и сейчас используется луганскими военными.

1 сентября 2014 года ополченцы ЛНР и добровольцы из ЧВК «Вагнер» зашли в Луганский аэропорт. С этого момент Луганск мог вздохнуть спокойно — пал последний оплот украинских силовиков, которые уже готовились штурмовать столицу республики. Операция по штурму

аэропорта стала одной из важнейших для обеспечения безопасности столицы ЛНР и позволила Луганску уйти из-под непосредственного удара ВСУ.

СОРОК ПРОТИВ ЧЕТЫРЕХСОТ

— Задача была не из легких. Пришел командир, мы находились в лесополосе в пяти километрах от Луганского аэропорта, открыл перед нами карту, ткнул в нее пальцем и говорит:

— Знаете, что это?

— Да, это Луганский аэропорт.

— Так точно. Завтра с утра мы его берем.

А нас чуть больше сорока человек.

— Ну хорошо, а сколько укропов при этом?

— Зачем вам это знать?

— Не, ну ты скажи, на что мы идем.

— Ну, пацаны, там четыреста человек по приблизительным данным.

А, как известно, штурм производится в пятикратном превосходстве штурмующих над обороняющимися. А тут было наоборот — нас меньше в десять раз! Единственное, что спасало — артиллерийская поддержка у нас была: «Грады», минометы, прочая белиберда.

В общем, часа в три утра мы вышли на позиции. Пока мы спали, была произведена достаточно успешная артиллерийская подготовка. Хочу заметить сразу: у нас не было ни одного отказника. Другая группа, из ополченцев, в полном составе отказалась идти: они нас должны были поддерживать, их было порядка ста человек.

— Мы все, у нас уже срок, мы тут целый месяц, — их командир сказал. — Мы уходим.

— Задача есть задача, — сказал тогда наш командир. — Если она поставлена, значит мы ее выполним.

И вот, мы пошли, сорок человек, зная, что с очень большой вероятностью мы погибнем. Когда ехали на штурм, никто вообще не разговаривал — все были готовы умирать. Люди записывали на диктофоны, на телефоны предсмертные сообщения: слушайся маму, будь хорошим мальчиком, ты старший сын в семье, поэтому теперь ты за старшего. Ну и хранили их на груди, чтобы в случае их смерти парни могли это отдать родственникам. Иллюзий не было: все понимали, что бой будет жутким.

ПОСЛЕОБЕДЕННЫЙ БОЙ

— **Девятый** очень долго ломал голову, как выполнить эту задачу. Но, на мой взгляд, он подобрал очень удачное время. Я очень долго это прокручивал все эти годы: наиболее удачное время для атаки — это после обеда. Не утро, не вечер, не ночь.

— *Почему после обеда?*

— Ну, в солдатской среде обед считается как бы святым делом — по расписанию, все люди, пообедав, не ожидают атаки в это время и расслабляются. **Девятый** дал указания нашим группам наблюдателей, чтобы они засекли этот момент. Укропы пообедали, сходили в столовую, разошлись по своим бункерам, легли играть в телефоны, в электронные книжечки, кто-то спать завалился. А ровно в три часа дня мы зашли в аэропорт. То есть мы вплотную, внаглую въехали практически на территорию аэропорта колонной, резко зашли.

НАПАДЕНИЕ В ПОДСОЛНУХАХ

— Кому-то повезло. Хотя даже не знаю, считать это везением или нет. Они пошли по большей открытке,

чем мы. У нас от лесополосы до забора аэропорта было примерно метров 200–250, там шло основное количество народа. Это было подсолнуховое поле, с колючими подсолнухами, это было 29 августа. С ужасно колючими. Если у тебя, ну, скажем так, голая поверхность тела, то просто с мясом выдирало. Вот. Плюс оно было заминировано. До забора — 250 метров.

— *Каким образом на мины не напарывались?*

— Напарывались. Справа, слева. Смотришь — разрыв справа, куски тела полетели. Слева — тоже куски тела полетели. Растяжек там не было, только нажимные. Укропы заранее готовились к такому повороту событий, поэтому поле и заминировали. Мы прошли только потому, что я достаточно долго в головном дозоре проходил и знаю, о чем я говорю. Эти вещи я очень быстро вижу и пресекаю.

Дальше. С той стороны стрелять начали. Крупняк полетел с обеих сторон: ЗУ с нашей стороны, ЗУ с их стороны, мы посередине. Вот этот промежуток — мы посередине идем. Бьют с 12,7, с «Утесов», с «Дашек» с обеих сторон. 23 миллиметра — это ЗУ, 14,5 — КПВТ. С обеих сторон. Причем с той стороны еще били разрывными, потому что когда мы начали бить по забору, одного парнягу с нашей группы, **Мона**, «затрехсотило» в ногу. Когда разрывная пуля летит от 14,5, она цепляется за ветку и разрывается. Ему, короче, в ногу попало.

Из нашей группы тогда «затрехсотило» только **Мона**. Остальные как бы остались нетронутые. А, нет, еще **Влада** «затрехсотило». Но тоже так, не сильно. Если исходить из того, какие потери были, то из пятидесяти семи человек, я не берусь точно утверждать, но, по слухам, было у нас семнадцать «двухсотых». Из оставшихся сорока человек тридцать один — «трехсотый». И девять человек, включая меня, не получили вообще ранений. Ни одного. И подавляющее большинство — из моей группы.

О САМООТВЕРЖЕННОСТИ

— Мне запомнились парни, которые самоотверженно шли в бой, при этом их многократно превосходили в силах. Был один парень, звали его Механик, он чересчур бесстрашно штурмовал, так, что погиб там просто. Он шел не пригибаясь, по нему стреляли, ему кричали, чтобы он пригибался, но он шел дальше. И там большинство этих людей были такими. К примеру, бывшие гэрэушники — они все как один, герои по сути.

«БЕРИ, РАЗВОРАЧИВАЙ И РАБОТАЙ»

— Нас собрали в Ростове. Первый раз мы выехали за пределы страны 5 июня 2014 года. В Луганск приехали. Задачи сначала были вялотекущие, вот с вашим коллегой я тогда познакомился, такой, прихрамывает. Чудаковатый такой, он как раз приехал в конце июня 2014-го. Сказали, что помочь надо человеку. Он надел каску, на нее прикрепил камеру GoPro, такую блестящую.

— Смотри, ты будешь потенциальной жертвой, — говорю я ему.

— Почему?

— Ну вот, блестит на каске.

— А что мне делать?

— Накинь на нее носок.

И вот он с носком на голове ходил. Смешно было.

Первое крупное боестолкновение — конец августа. Сперва — Хрящеватое, и через три дня — Луганский аэропорт. Да-а-а, вот это было серьезное такое боестолкновение. Если Хрящеватое еще так, то аэропорт Луганский — жестко. В Луганском аэропорту укропы накрывали нас буквально квадратами. С утра и до полной ночи, бл*ть. Мы выходили, и они его еще обраба-

тывали. Мы ж этот аэропорт взяли, и нам потом сказали оставить его и уйти, в половине двенадцатого.

Там бункер был, в котором прятались украинцы. Кто говорит, триста, кто — четыреста человек сидело. Но на тот момент была информация, что четыреста человек. Все ополчение говорит, что они штурмовали Луганский аэропорт, но кроме нас и нашей команды я никого не видел.

Нам организовали артподготовку. Часа четыре обрабатывали, и после обеда начался штурм. Нас подвезли к посадке, а там метров двадцать такое поле подсолнухов выжженное. Мы все просто ненавидели это поле, п****ц, вот все руки в хлам разорвало, все порезало. Подсолнухи эти засушенные были: идем в них по пояс, и там впереди вспышки такие — чик-чик-чик-чик против тебя. Бл*ть, страшно было. Командир орет в рацию: «Пошли-пошли-пошли». Ну, видать, украинцы струхнули с нашего напора и забрались все в бункер. И потом они вызвали артиллерию на себя и нас ровняли. Целый день: «Смерч», «Ураган», «Град», Д-30, 120 мм — все-все работало, кроме авиации. Я даже видал фюзеляж «Точки-У», не могу сказать, чья она была, но фюзеляж я сам лично видал. Обломки, стабилизаторы такие здоровые.

Мы с командиром отряда забрались в бункер, и перед тем как начало смеркаться, со всех сторон его окружили по всему периметру. И со стороны по нашему периметру начал работать крупнокалиберный пулемет. Прошла информация, что укропы (так их назовем, хотя это все равно славяне, достойный противник) начали прорыв.

Смотрю, танк стоит. Я ему кричу:

— Эй, ты, грязная голова. Давай, разворачивай свою машину, сейчас прорыв будет.

— У меня боеприпасов нет, я вообще остался один, и я сейчас уезжаю.

А у меня РПГ за спиной, и я ему:

— Если ты мне жопу подвернешь, мне все равно: или умирать, или еще что-то, я тебе в жопу выстрелю. Прямо в танк зах*ярю.

Надо отдать должное этому танкисту, у него был крупнокалиберный пулемет. Я ему: «Бери, разворачивай и работай». Мы-то просто пехота, нас на тот момент мало было. Он развернул.

Потом стемнело, был еще жесткий дублирующий фактор — по нам артиллерия начала жестко насыпать. До этого как-то переменно, плотно, но переменно работала, а тут непрерывно начала бить. Вот мы с командиром отряда и еще с людьми нашли небольшой бункер, два на два, в земле закопанный. Мы забрались туда, и его при ударах как начало трясти, подкидывать. Страшно, пи*дец. Я думаю, что с этим танком? Он метрах в двадцати от нас стоял. И тут такое затишье, прошла команда отходить, это где-то половина двенадцатого ночи было. Аэродром весь горит, все горит, все развалено.

Я вылезаю, смотрю — танк этот стоит. Прикладом по нему бум-бум-бум, люк открывается, и вылезает этот танкист. Надо отдать ему должное, там же все вокруг было заминировано. Мы говорим: «Дуй на дорогу, просеку пробиваешь, и мы по гусянке по твоей назад пойдем».

Вот так мы и вышли в тот день.

ТОНКОСТИ ШТУРМА С ТЯЖЕЛЫМ ВООРУЖЕНИЕМ

— Мы шли на максимальном ходу, при этом у нас веса у каждого было килограммов по 30–40. Я считаю, одного этого было достаточно для того, чтобы называться героями. Идти на штурм с огромным количеством БК. У нас не было задачи за один раз взять аэропорт, мы должны были зайти, закрепиться и удер-

живать. Но мы так удачно все сделали, что по сути взяли аэропорт с ходу. Такого вообще не бывало доселе. Никогда, ни одно в мире подразделение, наверное, даже во Вторую мировую войну, такими успехами похвастаться не могло.

Наша группа, девять человек, шла чуть медленнее, из-за этого мы чуть-чуть оттянулись, поэтому у нас и потерь почти не было, только один в группе погиб. Задача нашей группы была — взять само здание аэропорта и удерживать его. А вот остальным нужно было пройти весь аэропорт, всю территорию. Поэтому у нас по времени запас небольшой был. Я тогда был еще новичком, для меня все было в новинку, и как-то ты понимаешь, что можешь погибнуть.

Я был гранатометчиком, у меня с собой было два огромных «термобара», каждый весил по пять кило, плюс «карандаши» осколочные — больше 10 штук. Вес просто катастрофический, а идти надо было с огромной, с просто безумной скоростью, причем через поле подсолнухов. А эти подсолнухи за тебя цепляются, каждый миллиметр одежды они цепляют. Мало того что на тебе под сорок кг веса — тебе надо бежать с огромной скоростью, плюс еще и через подсолнухи, которые тебя тормозят. Усилие было просто катастрофическое.

Когда мы дошли до здания аэропорта, у всех тяжелых — двоих пулеметчиков и у меня, как гранатометчика, — просто уже не было сил. Мы истощились на все 100 %. Когда дошли до здания, решили сделать небольшую остановку на две минуты. И тут по нам отработал наш же БТР — заехал с дороги, развернул башню. Повезло, что он косоглазый был, и я увидел фонтанчики, которые летят в мою сторону.

Я тогда задал командиру логичный вопрос:

— Это наш БТР вообще, или мне его того, в расход?

— Он наш.

— А какого хрена он тогда по мне стреляет?

ОБСТРЕЛ С ДИСПЕТЧЕРСКОЙ

— Только спешились с дороги, в овраг нырнули, тут же очередь по нам пустили. Там вышка стояла диспетчерская, на ней кто-то сидел. Нам повезло сильно, мы только прыгнули, только нырнули — легли, начинаем осматриваться, и тут же по кустам ударили. Такое ощущение, как будто ветер пролетел над ухом, и мне почему-то показалось, что ветка как-то качнулась и по уху мне стеганула.

Было полное ощущение, что прутком по уху щелкнули. Я проверил — крови нет. Мой напарник рядом лежит и говорит, что по нам из ПК сработали. Мы так расползлись, улеглись, тут же крикнули ребятам. А потом не помню, либо из зушки, либо даже с танка туда ломанули, заглушили, подавили точку. Потом уже, после боя, я в панамке дырку от пули нашел. Настолько аккуратно прошла, что ни следа, ни крови — как будто просто щелбан по уху. Но в панамке дырка была.

Мы все давай проверять — у кого в панамке дырка, у кого по штанам. Кто-то говорит Андрюхе: «Дай воды попить, у тебя во фляжке же есть». Тот передает флягу, боец пытается открыть — не открывается.

— Не пойму, то ли руки ослабли, то ли нервы, — говорит. — Не открывается. Может, где-то прикипела?

— Да не, не должна, вчера только пил, было нормально.

Сам взял — и правда, не открывается. Один, второй, третий попробовали, а потом давай разглядывать ее. Как выяснилось, там встрял мелкий, тонкий осколок в сантиметр длиной: вошел прямо в крышку, пробил ее и горлышко заклинил. Осколок, конечно, выковыряли.

А вот Боряна магазины спасли. У него на левом бедре магазины висели, и ему туда осколки тоже прилетели. Или пуля, или осколки, не помню точно, врать не

буду, но ногу магазины защитили. Он, кстати, на этом месте до сих пор таскает те самые дырявые подсумки с магазинами. Говорит: «Пусть будет. На всякий случай».

ПРО СУДЬБУ И СТРАХ

— Был у нас **Вадим Маршал**, он сам из Белоруссии. Ему в Хрящеватом пуля прошла вдоль головы, чиркнула. Получилось так, что рубашка пули осталась под кожей, а сердечник проскочил. Вот он перемотанный, буквально через два дня пошел в аэропорт (а у него такое, в принципе, серьезное ранение, он мог не идти), и на нем он погиб. Вел свою группу — и погиб там. Многим ребятам такие предупреждения даются в виде небольших ранений, в виде каких-то таких знаков, но ребята все равно ломятся дальше...

Страх у каждого должен быть, это нормально, главное, не должно быть паники. Ты понимаешь, что в каждый выход может и в тебя прилететь. Каждому же кажется, что все пули в него летят, есть такое. Но ты не зацикливаешься на этом, просто шерсть на загривке дыбом все время стоит. Все эти перебежки между разрывами, поиск полезных укрытий, вот эти все дела. Страшно всегда, я не будут говорить, что нет страха. Но ты просто не доводишь себя до панического состояния, иначе все, труба.

Был такой пример, когда мы уже зашли в аэропорт, уже вроде более-менее его заняли, полдела сделали. Пошел сильный обстрел со стороны укропов. И получается, что они все в бункер засели, а мы их оттуда никак не могли выкурить. И так, наверное, они нас хорошо, плотно минут сорок обрабатывали.

Мы залезли, я помню, на огневую позицию, самую глубокую — для стрельбы стоя. Там, значит, ступеньки, несколько площадок перекрыто было обычным

деревянным поддоном. Сверху были мешки с песком, но они просели, и туда уже вниз не пойдешь. Но все равно, считай, сверху психологически целый метр защиты присутствует. На второй ступеньке — Леха, он лег на вторую ступеньку, и его тоже закрывает полностью. А третья ступенька сантиметров на 30 от земли, там лег еще один Леха — буквально вжимается в землю. Ну все, там уже не дернешься, вокруг все полыхает. Леха на третьей ступеньке лежит, крестится, молитвы читает, второй Леха лежит молча, а я что-то сел и прождал 15–20 минут.

Все вокруг рвется, взрывается. Ну, думаю, сколько уже можно боятся? Сел и что-то стал о дочке думать, вспоминать, где, чего, чтобы отвлечься. Ну и задремал. Вот четко помню: задремал, и тут — бац! — разрыв где-то близко, и я проснулся. Думаю: ну, нормально, покемарил.

ШТУРМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕРМИНАЛА

— В общем, дошли мы до забора, перемахнули через него и пошли брать центральный терминал. Оказалось, что нас две группы — наша с правой стороны, другая прямо в терминал зашла с левой стороны. Там, перед центральным терминалом, была парковка, еще несколько укрытий — там БТРы стояли, трактора. В общем, мы за ними укрылись, начали снимать потихонечку верхних стрелков, кто сидел на крыше центрального терминала и на боковых зданиях. Ну и так, потихоньку, продвигались.

Когда мы проходили центральный терминал, зашли в ангар переждать. Как раз в этот момент укропы начали долбить откуда-то с гаубиц, прилетало достаточно сильно и часто. То, что после этого оставалось, пятиметровые воронки, 15 метров в диаметре. Когда мы пере-

ждали и вышли из ангара, вся площадь перед аэропортом превратилась в марсианскую поверхность. Даже эта асфальтовая парковка.

«ВЫ ГРОЗНЫЙ БРАЛИ, ВПЕРЕД!»

— Помню, немножечко опешил народ от шквала встречного огня, на что **Девятый** нас подбодрил: «Чего лежим? Вы Грозный брали, вперед!» И мы полезли через минное поле в аэропорт — считай, прошли его насквозь. Только потом выяснилось, что видеокамера нас снимала, украинцы не были готовы к штурму — расслабились. Вторая половина дня. Обычно ждут атаки на рассвете, утром, все как по науке. А мы пришли после обеда, когда люди уже развесили портянки и решили, что войны на сегодня уже не будет. Этот эффект неожиданности по большому счету спас жизни многим: минные поля на нашем направлении достаточно серьезные были, и если бы их подняли, то ваш покорный слуга с вами здесь бы не разговаривал. Там стояли 90-е МОНки с интервалом 15, максимум 20 метров, полная грядка.

Мы поснимали противотанковые орудия, ПТУРы, и прошли аэропорт насквозь. Друг мой вернулся оказать помощь «трехсотому», вытащить к группе эвакуации, но после выноса раненого так он уже и не добрался до нашей боевой машины. Еще одного нашего парня срезали на входе, и в зушке остались мы вдвоем. Когда мы уже уперлись в самый конец аэропорта, по нашей линии шел еще и танк — зушке было уже не проехать, место для маневра отсутствует. Артиллерия работала очень плотно, потому что видеокамеры за нами наблюдали. Мы уходим на 20–30 метров — и на то место, где мы только что стояли, идет артиллерийский приход. Мы только выдвигаемся еще на 20–30 метров — опять при-

ход. Буквально по пяткам нам накладывали. Но таким макаром они сами помогли нам морально понять, что назад мы уже не пойдем.

КАК РЯДОВОГО БОЙЦА ПРИНЯЛИ ЗА ГЛАВНОГО

— Заходит к нам **Девятый** в ангар. А у нас боец в группе был, позывной **Голиаф** — он длинный, высокий, как каланча. Подходит он к **Голиафу**, снимает с себя панаму, снимает с **Голиафа** каску, надевает на него панаму... **Голиаф** такой стоит, смотрит на него, а он говорит: «По радиоперехвату укропы сказали, что самый длинный — это самый главный. Поэтому будешь ходить рядом со мной».

Потом дальше у нас погиб первый парняга из нашей группы. Дальше центрального терминала группа зданий стояла, и наши парни хотели в укрытие заехать на зушке. Он просто вышел на улицу... не знаю, зачем он вышел, и в этот момент его кассетным боеприпасом накрыло. Укропы кассетными стреляли. Его посекло полностью: грудь, ключицу, все. Это вот первый «двухсотый» из нашей группы, **Камыш**. Он вместе с **Карелом** и **Лешим** на зушке подобрался. **Карел** тоже получил тогда ранение — огнестрел в руку, шальная прилетела откуда-то. Ну, он быстренько перевязался сам на месте и продолжил огонь. До самого последнего он не эвакуировался никуда.

Мы пошли чистить бункера. Почистили бункера, те, которые по дороге, **Карел** сидел на зушке. Нас очень сильно беспокоил один пулеметчик — там возле одного из центральных зданий труба была из красного кирпича, типа такой, что в котельных стоят. И вот из-за этой трубы нас пулеметчик постоянно поливал. Мы не могли вперед продвинуться минут семь, наверное. Вызвали **Карела**, он подъехал с правой стороны, чтобы тот у него

в обзоре был. Пулеметчик привстал — хотел, видимо, поменять позицию, когда увидел, что зушка выезжает — и тут **Карел** просто разрезал его зушкой пополам. Две части упали по бокам. Мы дальше, короче, продвинулись.

Дошли до ГСМ — склад горюче-смазочных материалов, где заправка самолетов. Там все подзачистили, кого-то в плен взяли, там сгруппировали в одном здании, и тут мы получаем сообщение о том, что в этот момент укропы вызвали огонь на себя. Поняли, видимо, что бесполезно уже прятаться и возиться. Они уже поняли, что проиграли.

ПРЯТКИ ОТ «ТОЧКИ-У»

— Сказали, что прилетит «Точка-У» или «Точка-Н» — что-то такое, прям с Киева атакуют. Никто из нас до той поры не видел, что это и с чем это связано, но якобы знающие товарищи сказали, что тут воронка будет метров 500. Мертвая зона поражения — 500, и никто больше не выживет. Поэтому прячьтесь по подвалам, пока можете, по каким-то бункерам. Мы, в общем, спрятались по подвалам, по бункерам и где-то часа полтора там пережидали. Потом нам сообщили, что укропы передумали и не стали бомбить. То ли ооновцы вмешались, то ли что — типа слишком резонансное дело, слишком много людей. Запретили им из крупного боеприпаса стрелять. После этого, в принципе, основной бой тогда закончился.

Наши танкисты там рядом достаточно героически катались. Они прямо врывались в ряды противника, кружили вокруг аэропорта туда-сюда. Танк останавливается, командир вылезает из люка, мехводу что-то там кричит. Видимо, не работала связь. Кричит во все горло, рукой куда-то показывает. Запрыгивают оба в люки,

закупориваются — и с места на полном ходу, танк прямо встает на дыбы, сматываются. И тут же в это место, где они стояли, сорок «Градов» прилетает, полный пакет. Они останавливаются чуть дальше, опять вылезают, опять что-то обсудили. Только отъезжают — опять сорок «Градов» туда. Их это не останавливало, они грамотно работали, и в частности с их помощью мы достигли такого потрясающего результата.

ОДИН ПРОТИВ ДВЕНАДЦАТИ

— Из моей группы все, кто был, никто за спинами не прятался. Своих раненых вытаскивали всех. **Ник**, в последующем мой командир отряда, отправил нас с **Султаном** и **Злым** ко второй группе, остановить **Зомби**. **Зомби** — командир отряда! — в одиночку побежал преследовать укропов, человек двенадцать. Укры побежали в сторону забора... ну, пытались сдристнуть с территории, откуда их обстреливают. Он один за ними побежал.

И мы бежали за ним метров двести, чтобы просто остановить. Причем он бежал за украми, они начали через забор перелезать, он их товарит, они его обстреливают с той стороны. **Зомби**, вообще не прячась, с открытой грудью идет и валит — одного, второго, третьего. Мы уже поняли, что сейчас его завалят, потому что слишком плотный огонь начался. В общем, мы подоспели ему на подмогу и выручили его.

Из запомнившихся пацанов **Электроник** был. **Саркози**... погиб в то время. У **Электроника**, помню, как раз за несколько дней до этого жена родила в Ростове. Он бывший легионер. Погиб парняга тоже — снайпером был.

Я считаю, наш самый основной поступок — это то, что из аэропорта Луганска до нашего штурма кругло-

суточно работало 17 «Градов» и 12 гаубиц, которые обстреливали город круглосуточно. Мы лишили их этой возможности. Соответственно, 70 тысяч жителей, которые остались на то время в Луганске, вздохнули свободно.

О ПЛЕННЫХ

— Много пленных солдат-срочников мы взяли в том бою. Их всех отправили домой к мамам на следующее утро, буквально организовав автобус. На второй, на третий день группа поехала собирать раненых и убитых, также находили украинских офицеров — оказывали помощь и отправляли к своим. Война эта дурная, гражданская, никому не нужная. Никто не может понять, каким образом нацисты вообще могли прийти к власти на Украине. Надо было в любом случае что-то делать, поэтому народ и откликнулся. А компания просто помогла организовать патриотов под одно начало. Много бывших военнослужащих у нас нашли свое место.

С пленными всегда обращение нормальное было, никогда их не обижали. Посадили их кружком, кто-то там стоит, им лекции читает, что они не правы, что им надо одуматься. Сидят такие ребятки — чумазые, молодые. Кто-то так сидит, голову опустил, кто-то волком смотрит, не скрывая своей ненависти. Открыто. Мы им даже сигарет дали.

Был на моей памяти только один случай рукоприкладства — и тот, считай, в состоянии аффекта. У одного нашего парня близкий товарищ погиб на штурме аэропорта. И он с горя, на нервах, на эмоциях схватил автомат и прикладом ударил пленного вэсэушника. Мы его остановили, оттащили. А так никогда их не трогали. И они об этом знали, спокойно вели себя.

Потом, не помню, мы их обменяли вроде. А потом, уже дома, сидел, листал ролики в Интернете — и наткнулся на украинский документальной фильм про Луганский аэропорт. Типа их взгляд на эти все события — какая там бригада была, какие там войска, как Ил-76 сбили, туда-сюда. И один из очевидцев — парень из той самой пачки пленных. У меня еще их фотки есть, я его помню очень хорошо.

И вот он сидит и рассказывает. Ему вопрос задают, как он в плен попал:

— Ну как, мы сидели, обороняли здание аэропорта. Отстреливались-отстреливались, патронов уже не осталось. И тут русские подкатывают танк, направляют пушку и говорят: «Сдавайтесь или тут сейчас всех сравняем. Ну и что было делать?»

И вот он такой сидит, а я думаю: вот зараза какая. Мы пленным ничего не делали — не казнили, не расстреливали, как украинцы пытаются представить. Взяли в плен, потом отдали, обменяли — и все.

ВСТРЕЧА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

— После аэропорта то, что наиболее запомнилось — мы въезжали в Луганск колонной, и нас встречали местные жители. Мне это напомнило хроники Второй мировой, когда встречали победителей. Ну, с цветами там, туда-сюда. Нас реально встречали всем городом.

Глава 5. Дебальцевская операция

(январь — февраль 2015 г.)

Несмотря на то что летняя кампания 2014 года окончилась контрнаступлением и разгромом украинских войск, не все территории, утраченные ополчением, удалось вернуть. В июле 2014 года механизированные части ВСУ прорвались из Светлодарска к Дебальцево, которое было оставлено ополченцами ДНР после тяжелых боев. Замысел украинских силовиков заключался в том, чтобы город стал полноценным плацдармом для последующего прорыва сил ВСУ и Нацгвардии к границе с РФ.

Дальнейшее продвижение от Дебальцево на восток грозило перерубить ключевые пути сообщения между ДНР, ЛНР и Россией. Через город проходит трасса М21 — основная дорога между Донецком и Луганском. Кроме того, Дебальцево является ключевым железнодорожным узлом Донбасса, потеря которого для ополчения исключала полноценную связь между Народными Республиками.

Зимой 2015 года вокруг Дебальцево развернулось одно из крупнейших сражений войны в Донбассе. В течение месяца силы ополчения штурмовали редуты ВСУ на разных опорных пунктах с восточного фаса Дебальцевского выступа, пытаясь вскрыть оборону украинских сил. Одна из наиболее ожесточенных штурмовых операций была проведена силами ЧВК «Вагнер» 25–28 января 2015 года в районе населенного пункта Санжаровка: тогда при попытке взять укрепрайон ВСУ украинская артиллерия ответила на продвижение российских добровольцев массированным огнем, в результате которого отряды группы «Вагнера» понесли потери.

После того как линии обороны украинских войск были прорваны в районе Углегорска и Логвиново, в феврале

2015 года в Дебальцевском котле были заблокированы до 5 тысяч солдат ВСУ и боевиков националистических батальонов. Результатом окружения стала зачистка Дебальцево, в которой также принимали участие силы ЧВК «Вагнер», и полный переход населенного пункта и окрестностей под контроль армии ДНР.

БОЙ В САНЖАРОВКЕ

— Дебальцево начиналось так. Мы зашли в декабре 2014-го после плотной подготовки. Начальство гоняло нас всех на полигоне, не вынимая, 24 часа в сутки. Как бы проводили боевое слаживание. Конечно, потом проявились некоторые недостатки и нюансы в последующих событиях, но это уже не вина командира — это уже роль личностей в истории, отдельно взятого человека. Потому что свое масло в голову не вольешь и свои мозги не вставишь.

Первый отрицательный случай у нас произошел в Санжаровке. Свою задачу мы выполнили — только, скажем так, по-другому. Задумка в чем. Нам указали определенные координаты, сказали, что там укрепы укропов — идите и возьмите. Но развертывание началось очень поздно. Когда мы подтянулись, укры нас, понятное дело, уже ждали. У нас были беспилотники, которые должны были выяснить обстановку, но так получилось, что мы слишком близко подъехали колонной. По нам очень близко начали долбить — из крупнокалиберного, с ПТУРов, с «Града», со всего. Мне в тот момент это напомнило кадры из кино про Вторую мировую, когда бомбят колонны. Очень много техники сожгли буквально за несколько минут.

Я тогда ехал на «Урале» со своей группой. Услышали обстрел, взрывы — наш водитель останавливается, и все начинают выскакивать. Укры начали уже строчить и уже

конкретно прошивать наш «Урал» — тентованный, не бронированный. Почти все соскочили тогда, единственный, кто погиб из моей группы, это был парнишка из Сочи, его звали **Сват**. Он из ополченцев к нам пришел и был единственный в бронежилете и каске. Из всех. И когда он спрыгнул, в него прилетел осколок от крупного снаряда или от чего-то такого — полголовы срезало посередине. Не помогли ему ни каска, ни бронежилет.

Меня учили всегда, с самого начала моей военной карьеры: если ты хочешь спастись и нанести при этом вред противнику, ты должен идти на сближение с ним. Соответственно, мы с друзьями, с которыми я служил на тот момент, пошли на сближение. Из остатков групп, которые с машин соскочили, осталось с техникой 450 человек. А до позиции укропов дошло 13 человек — моя группа.

НЛО

— Санжаровка, кто давно знает, очень известный ориентир. В том районе мы пошли в наступление, и всю нашу колонну распатронили буквально минут за десять. Часть техники вышла, но погибло очень много народу. В колонне были танки, «Дозоры», БМП, «Уралы». Полноценная колонна, мы клином шли на противника. Там такая высота была, это северо-восточное направление от Дебальцева. Высота не помню, как называлась, но район Санжаровки.

У меня в «Урале» парнишка был, майор милиции, первый раз приехал на войну, и вот он так нервничал, переживал. Нам говорили, что этот район артиллерией обрабатывался неделю, типа укропов там нет, все нормально, все замечательно. Между нами ходили слухи еще: будут трофеи, американские ночники, формашморма, ну что нам надо-то? И вот мы едем, построи-

лись в боевой порядок, боевой клин. Едем по какому-то полю. Я в «Урале», тент поднят, вижу только, что в грузовике происходит. Тишина-тишина-тишина, и потом слышу — где-то произошел взрыв, и за нами летит противотанковая управляемая ракета. Метрах, может, в ста она прошуршала.

— Это что? — спросил парнишка, который бывший майор.

— НЛО.

Вот мы из машины высадились — летит еще одна ракета. Я тогда все воспринимал, как в замедленной съемке: вот она цепляет какой-то холм — чух-чух-чух — ударилась стабилизатором о грунт и начинает вращаться вертикально. Не долетая до нас, падает и взрывается. А это примерно через две минуты после первого взрыва. Я смотрю уже вокруг: танк горит, башня крутится (заклинило механизм), в него еще прилеты. Техника горит, «Дозоры» горят, все горит. Весело было, но плохой результат — тоже результат.

Я слыхал потом, что мы украинские войска должны были под Санжаровкой на себя оттянуть, но насколько это достоверно — не знаю. Дебальцево взяли в окружение, потом полностью взяли, а вот эту высоту, где у нас был бой, так и не взяли. Нам только через месяц, через военно-патриотический клуб «афганцев» разрешили забрать своих «двухсотых».

Дебальцево уже сдалось, ополчение зашло. А вот эта высота так и стояла.

СНОВА «ОТКАЗНИКИ» ИЗ ОПОЛЧЕНИЯ

— Уже как бы темнеть начало — дело зимой было. Добрались до позиций укропов, где-то метрах в ста пятидесяти подобрали их с правого фланга, посередине, по центру, между позиций на бугре. Их точка была лесом

окружена, поэтому они нас, видимо, из-за темноты просто не заметили. Мы сели, начали наблюдать — посчитали технику, что как. Доложили **Девятому**, и **Девятый** нас, скажем так, расстроил. Сказал: «Пацаны, я не могу вам ничем помочь, потому что остальные просто зассали. Никто не пойдет вам помогать, поэтому не надо идти в атаку, просто тихо возвращайтесь, и все». Ну, приказ есть приказ, и мы обратно поползли, метров, наверное, девятьсот. Ушли собирать тела товарищей, кто на технике сгоревшей был.

Часа полтора мы собирали останки, там встретили **Зомби**. **Зомби** как бы вышел на нас прямиком из тумана — тогда мало того что стемнело, еще и туман навис плотный. Он вышел на нас неожиданно — слава Богу, мы стрелять не стали.

— А где остальные? — спрашиваем его.

— Их больше нету.

— Ты че, с дуба рухнул? Как нету? Все двести человек?

— Да они все зассали и свалили. Я остался один.

Вот **Зомби** потом с нами лазил по этим сгоревшим машинам, искал «двухсотых», «трехсотых». Кого нашел — вызывал машину поближе, отправлял в тыл. Ну и мы вместе взяли остатки того, что смогли. Подбитые машины заминировали и отошли к остальным на позицию.

ЗВОНОК ОТ МАМЫ ПОСРЕДИ БОЯ

— Запомнилось то, как я полз по воронкам. Точнее не по воронкам, а по открытому голому снегу, чтобы не запачкать маскхалат. Поэтому я в воронки не залезал. Там вокруг крупнокалиберный прилетает, все горит, взрывается, а я ползу по белому снегу, огибая все эти воронки.

Тогда еще средства связи были разрешены, и произошел очень дикий казус. Мы ползли к укропам, в самый долбеж, со всех сторон летит, — и тут у меня зазвонил телефон. Я снял трубку — мать звонит. Я говорю: «Мам, у меня все в порядке». Она меня спрашивает: «А что у вас за звук такой?» Я говорю: «Да это строители перфоратором работают».

ПРО РАТИБОРА

— Хочу рассказать про **Ратибора**, про командира нашего. Я убедился, что он — человек мужественный, расчетливый, хороший стратег. В отряде у нас под его командованием потери были минимальные, тогда мы еще составом роты в Донбассе были.

Ну вот, в Санжаровке тогда **Ратибор** вообще молодец. Он нас спас. По нам били с трех сторон, когда заходили. Там поселочек небольшой, дома стояли не впритык, много открытого пространства было. И почти в каждом доме стоял танк. Мы, когда вылезли из-под обстрела оттуда, на небольшом пятачке остановились. Раненых эвакуировали из-под Санжаровки, вывозили тоже на этот пятачок.

Я ему и говорю: «Командир, давай я с тобой останусь». А он в ответ: «Езжай вниз, там наши стоят, там путь. Я сам приеду». Только я спустился, как по пятачку насыпало «Градами». А он остался там.

Я уже вижу, как «Грады» лупят, и я полетел туда на «Урале». Только бы успеть, живой он там, не живой... Навстречу мне БМП попалась. Оттуда выезжал, вижу — командир лежит на траве. Думал — все, каюк ему. А потом выяснили, ноги перебило ему. У него и так с ногами плохо было, а тут... У нас тогда «Мотолыги» были и зушки с обваренными по бокам обвесами, типа как защита от осколков и прочей мелочовки. И когда «Гра-

ды» полетели, его взрывной волной бросило как раз на эти обвесы и с «Мотолыги» выкинуло. Контузило его. Я его потом забрал, мы отъехали в соседнее село, там поспокойнее было.

ИСТОРИЯ ЭКИПАЖА «ДОЗОРА» ПОД САНЖАРОВКОЙ

— Все начиналось довольно мирно. Мы на тот момент стояли в Луганске, и приходит распоряжение: «Пацаны, на задачу!» Приехали к Санжаровке этой. Сначала мы артиллерией обрабатывали этот сектор, потом мы туда в первый раз зашли — попытались взять нахрапом. Подбили там наш впереди идущий БТР с ПТУРа. Попали ему в колесо, он целый остался, экипаж успешно эвакуировался. В общем, в первый день не получилось штурмануть, нас немножко обстреляли из минометов. Но задача есть задача. Поставили — надо выполнять. Ты прекрасно знал, куда ты едешь, зачем ты едешь. И уж если взялся за гуж, не говори, что ты ингуш.

В итоге мы рубились там три дня — безуспешно, так мы туда и не зашли. Простояли где-то неделю на каком-то заводе разрушенном. Каждый день какие-то тревоги, связанные с вертолетами... На нас выходили какие-то вертолеты со стороны укропов, но так они и не прилетели к нам. Не суть. Все, подготовились к штурму. Завтра будем штурмовать, всем приготовиться... Будет 100 % штурм. Задача будет не из легких. Будем штурмовать прямо по полю, будем врываться прямо в окопы к укропам. Пехота — пешим порядком, а я тогда был на нашем КАМАЗе «Выстрел-Дозор». Достаточно хорошая машина, я в головном дозоре ехал, первой машиной. И понимал, грубо говоря, что мне, как первому, в случае начала заварушки — кабзда.

Подошли мы к этому полю. Я помолился. И тут смотрим — развилка впереди. Налево идут достаточно све-

жие следы колес, а направо — запорошенные снегом. Мой водитель проезжает мимо тех следов, которые налево — они нам нужны были, даже я это понимал, а водитель почему-то не понял и поехал прямо по следам запорошенным. Нам командир кричит в радейку: «Але, ты куда поехал?! Куда ты всех ведешь?! Разворачивайся, живо!» И тут вот... Какое-то божественное вмешательство получилось.

Надо понимать, что это было сплошное поле, и там, считай, снега не было вообще. То есть оно было немножко припорошенным. На пашнях небольшие следы от снега, не более. Мы начинаем разворачиваться — и угодили в такой сугроб, что машина туда вросла буквально. Единственный на всем поле сугроб. И мы — ни вперед, ни назад. Я вылезаю из люка, назад смотрю — вроде все чисто сзади. Земля и земля, а за нами еще и какая-то яма глубокая была. Жестко застряли, короче.

Докладываем, что мы не можем продолжить движение, потому что застряли. Командир приказывает: «Все вперед, а эту машину пока бросить и вытянуть потом, чтобы тоже смогла подтянуться к основной колонне». Колонна уходит, мы остаемся. Минут через 10 наших попыток мы уже начинаем слышать звуки боя. Конкретного боя. Все взрывается, стрельба, пальба. И это от нас — метров 500. А мы стоим застрявшие, короче. Ну, что делать. Просим по рации «Мотолыгу», стоящую неподалеку: «Давай, попробуй, бахни нас сзади со всей дури. Там бой идет, а мы тут штаны просиживаем. Надо срочно вытянуть!» МТЛБ разгоняется, нас жесткими ударами в жопу пытается вытолкнуть — ничего не получается.

И в этот момент я вижу, что впереди первые клубы дыма подниматься начали — высокие такие клубы черного дыма. Понимаю, что что-то там происходит жесткое. А сделать ты ничего не можешь. Тебя перехлесты-

вают эмоции, что твои пацаны впереди там горя хапают, а ты сидишь хрен пойми где, застрявший в сугробе. Нашел ведь где-то сугроб, хотя нигде ни одного сугроба не было в радиусе километра!

В общем, подъезжает эвакуационная машина, дергает нас, вытягивает. Ну, мы стартуем вперед на всех парах. В этот момент нас начинает с фланга 82-й миномет работать. Я прям вижу — на выходе из «лесополки» мина попадает в ЛЭП, и ЛЭП разваливается на части от попадания «восьмидесятки». Короче, она лупит и практически прямой наводкой по нам бьет.

В общем, мы летим туда. И, приехав на поле боя, я вижу картину такую страшную. Сразу на подъезде стоит, горит «Мотолыга» с зушкой. Тут же экипаж зушки достает из нее стрелка. Хорошо, стрелок надел на себя костюм негорючий — он несколько минут не горит, есть шанс вылезти. А у него в этот момент прямо из люка херачит огонь, и его пацаны оттуда выдергивают. Он потом рассказывал, что стрелку тяжело выбраться из «Мотолыги». Когда в них попало — то ли из танка, то ли еще из чего, — он рассказывал, что моментально вся машина оказалась в огне. Он ломанулся вперед, чтобы через люк мехвода вылезти, пацаны его оттуда тащат — а он не вытаскивается. У него на костюме были лямки такие, и он этой лямкой зацепился то ли за ручник, то ли еще за что. Пацаны его вытянуть не могут, бросают вниз, кричат: «Отцепляйся!» Он отцепляется, вылезает.

Все это происходит прямо передо мной. Я поворачиваюсь в сторону поля боя — а там тоже куча техники горит. Штуки три «Дозоров» стоят, они еще не горели, но уже сильно дымили. Никто их не тушил, как ни странно. И вот тоже — мистическая сила какая-то: на поле боя начал двигаться туман с левой стороны. Пелена тумана заволакивает поле боя между нами и укропами. Как занавес такой. Типа все, задолбали, закругляйтесь, и заволакивает весь горизонт.

Мой взвод уже ушел вперед. Мой взвод, по-моему, вообще единственным взводом был, который ушел туда, на передок. В двухстах метрах от них были укропы. Парни, короче, залегли в этом тумане: и атаковать не могли, и уйти не могли, потому что опасались, что их раздолбают жестко. И приняли решение до ночи там остаться.

В этот момент командуют отход всей группировки. Начинают все отходить. И тут подбегает к нашей машине какой-то танкист и стучит мне в дверь: «Открой!!!» У него глаза навыкате, остекленевшие. Он стучит в дверь, дергает, а она заблокирована. Я ему отвечаю, мол, что не могу уйти с поля боя, братан. Ищи машину, тебя отвезут на эвакуацию. Не могу вообще понять, что происходит. И вдруг смотрю: перед нами стоит танк — и ствол его смотрит в тот момент не в сторону противника, а на меня. Что за фигня?! Оказывается, это подбитый танк, — ему попали в отсек мехвода, оттуда синее пламя вырывается, и я понимаю, что мехвод погиб. У башни привод заклинило, и она вращается. Один подбитый «Дозор» стоит от танка справа, еще два подбитых «Дозора» — слева, а остальные «Дозоры» по полю вокруг подбитой техники круги нарезают, чтобы и их не подбили. И мы в эту вереницу тоже вонзились.

Я-то думал, что бой уже закончился, но не тут-то было. Все отошли, а я не могу отойти, потому что мой-то взвод там — впереди. И мы с мехводом моим приняли решение, что мы остаемся на поле боя, пока не выйдут бойцы нашего взвода, чтобы успеть закинуть их на «Дозор» и увезти с поля боя. Связались с командиром. Так и так, мы вас ждем. Он говорит: «Выйти мы пока не можем. Ждите».

Вокруг нас все взрывается. Лежит мой товарищ рядом, он был водителем «Урала», у него во-о-от такие глаза остекленевшие, лежит и смотрит на труп парня рядом с собой. А это был его первый бой. Он был до

этого тыловиком, в компании работал давно, но это был его первый бой. Он никогда не видел такой жести, а это все вообще было жесть из жестей. Я сам такое впервые в жизни видел, если честно. И он лежит и смотрит на парня мертвого — ему срезало полчерепа осколком, хотя сам он был по полной в броню запакован. И каска, и броня, в броне — ни единой дырочки. Весь в броню закованный — и мертвый. А все остальные — живые.

— Забирай «Урал»! — я этому водителю кричу. — Он у тебя заведенный стоит! Чего ты лежишь?! Забирай «Урал» и уезжай на эвакуацию!

— Нет! Я под прицелом!

— Да никакого прицела нет, братан. Давай, прыгай в «Урал» и пошел!

— Нет!

— Ну запрыгивай тогда ко мне в «Дозор». Веселее будет.

— Нет! Не запрыгну!

А вокруг него все в крови. Какие-то куски. Как вата какая-то лежит окровавленная. Много-много-много везде. Я понять не могу, что это такое.

— Ты ранен?

— Нет!

— А это вокруг что такое? Бинты, что ли?

— Не знаю... — Он все лежит, глаза остекленевшие от испуга. Его трясет.

А как потом оказалось, там слева, где шел «Урал», должны были танки, шедшие перед ним, врываться на позиции укропов. Танки затормозили, «Урал» обогнал танки, и ему прямо в кабину прилетает ПТУР. И он после этого попадания стал как телега цыганская — ни кузова нет, ни рамы, один только тент горит. Оттуда начали выпрыгивать пацаны, все оглушенные, ошарашенные, контуженые-переконтуженые. ПТУР прилетел в кабину, а в кабине было три человека, их просто на атомы разо-

рвало, и вот это они там лежали такими шмотками. Метров на пятьдесят вокруг — кровавое месиво.

И потом стояли мы минут, наверное, сорок. Я вылезаю из люка, чтобы понаблюдать за полем боя. Осматриваюсь, потом снова залезаю внутрь машины, и тут у меня над головой вдруг: «тух-тух-тух-тух-тух». Пролетают какие-то пули крупного калибра. Я опять вылезаю из люка, смотрю — никого нет. Откуда и кто это стреляет — непонятно. Я только опять сажусь, опять: «тух-тух-тух-тух». Опять где-то надо мной пролетели.

Я опять встаю. Там рядом пацанчик в землю залег, я ему: «Братан, откуда стреляют?» Он мне показывает из-за сугроба рукой — мол, там где-то, за засохшим деревом. Я разворачиваю туда башню, просчитываю траекторию, а у самого какое-то такое ощущение... опасности, что ли. Чувствую, как в фильмах, знаешь — такое нагнеталово, все жмет внутри. И вдруг оттуда летит трассер и мне в машину, прямо в борт. Из «тридцатки», с бэ-эмпэхи. Машину нашу качнуло так нормально. Броня по борту вся сломалась, сантиметров сорок в диаметре пробой. Причем даже кевлар вмялся внутрь. Но сама пуля внутрь не залетела. Она срикошетила, ударила в дверь, сломала фактически пополам саму дверь, ручку отломила. Дверь открылась, и у водителя весь его шмурдяк из кабины вывалился.

И я начинаю в сторону этого дерева палить просто с лютым остервенением. Очко сжалось так, что, если бы прут стальной туда сунули, то его бы можно было спокойно перекусить вообще. Начинаю туда насыпать с «Корда», командир потом сказал, что я довольно эффективно туда насыпал. Патронов 60 я туда высадил, в этот момент мехвод констатирует командиру, что в нас попали. Командир нам: «Все! Валите оттуда! Уходите на точку эвакуации!»

Мы разворачиваемся, уезжаем. Прибываем на точку эвакуации. Подъезжает зушка. Мой друг подошел. Взял

у него сигарету, хотя я не курю. Закурил. Стоим с ним, болтаем. Говорим, мол, страшно было, но прикольно... И тут над нами — раз! — и «Грады» пролетают! Две штуки. Метрах в 7–10 над нами, я их прямо вижу. И падают метрах в 20–30 от нас. И первая, и вторая. Взрываются.

У меня все замерло внутри. Мозг как компьютер начал работать. В такой ситуации уже не ты, а твой мозг оценивает риски. Ты видишь каждую ямку, анализируешь, сможешь ты в ней укрыться или нет. Бегу в сторону наших, там была такая лесополоса — и это неправильное было решение. Когда в гору попадает первый снаряд, следующие, как правило, будут ложиться под гору. А я побежал с горы. Бегу и вижу, как мой мехвод (а он полненький, килограммов 120 такой, мужичок коренастый), как дельфин, запрыгивает под «Дозор», залетает туда буквально — и вокруг него «бух!», «бух!», взрываются «Грады». Прямо вокруг машины взрываются.

Я бегу в эту лесополосу и смотрю, там тоже начинают «грибы» взрывов вырастать. И я понимаю, что и туда вариантов нет бежать, сейчас и в меня прилетит. Надо падать прямо здесь. Смотрю: колея рядом идет, невысокая такая. Ну, думаю, надо в нее падать. Пофиг, какая колея. Даже если неглубокая, укрыться смогу. Даже если жопу оторвет, то функционировать я буду.

Падаю в эту колею, вжимаюсь в грязь, как могу. А в колее мерзлая такая грязь, неприятная. Снег с водой вперемешку. Зарываюсь лицом в эту грязь, короче, вокруг меня все гремит, грохочет: «бух-бух-бух-бух». И все это так долго. Я каждый раз при взрыве думаю: «Живой, живой, живой, еще раз живой».

Все, отстрелялись. Я выдохнул, встаю в этой колее. Смотрю по сторонам — неужто живой... И вдруг слышу за спиной «трррррр». Оборачиваюсь, а там три танка стоят, на меня стволы повернули: «Ну что, ты уйдешь из колеи, наконец?» Я из колеи вышел и так вежливым жестом им: «Проезжайте!» И они мимо меня быстро

проезжают. И я понял, что, если бы они меня не заметили, пока я в колее лежал, я бы, как лягушка, жизнь закончил. Шмяк — и все! Хорошо, что они меня заметили и остановились, несмотря на то что кругом «Грады» лупили.

ТРИ ДНЯ ШТУРМА

— 26 января мы пошли на Санжаровку, там артиллерия вроде бы как отработать должна была все места позиции ВСУ. Мы заходили туда — и нам первый раз дали нормальный отпор. В первый день у нас сгорел БТР — получился затор из-за того, что он шел первым. По идее, «Бэха» должна была разведку провести, посмотреть, оглядеться. Да, видать, приказ не все поняли, и вся колонна ей в жопу выстроилась. И когда по нам уже начали стрелять, уходить некуда было — там полянка такая пролегала узкая, не развернуться и не уйти. «Бэху» подорвали то ли с «Сапога», то ли с чего. Пришлось нам оттуда аккуратненько отходить. 27-го мы пришли в себя и начали готовиться на новый прорыв.

28-го числа мы опять пошли на это же место. Нам сообщили, что уже типа все готово — арта уже точно все обработала, и сейчас мы зайдем. Когда туда заходили, место нашего прошлого затора, та самая поляна, она — да, была обработана. А нам надо было продвинуться на три км, может даже, около пяти вперед — там было чистое поле, и там был укреп укропов. Нормально они там укрепились за время перемирия. Все роты шли клиньями — танки впереди, все дела. И тут с этого укрепа как начали, просто как в кино, со всех сторон нас долбить. Техники сгорело где-то 13 единиц точно. У меня там земляки погибли, на глазах у меня сгорели.

Когда мы туда подходили (уже вот впритык, там 300 метров оставалось), пацаны нормально себя, адек-

ватно вели — подходили как положено, как учили. Но у укропов вообще мощный укреп был, потому что, когда мы подходили, нас как начали долбить — ну просто жесть была. Потери были большие...

Есть у нас водитель один, я не помню позывной, он ездил как раз на этом направлении. Он прямо четко вперед продвигается, и тут — бах! — разрыв. Он тут же назад сдает, и прямо в это же место, где он до того шел, — бах! — прилетело. То есть укропы четко били вообще. Помню, командира отряда контузило сильно. Только-только он скомандовал отход, мы начали грузиться, и тут — бах! — его накрыло и сильно так оглушило. Он недели две потом оправлялся, ну чтобы хоть как-то прийти в себя. После того боя все прошло как-то в полуадреналиновом состоянии — кровь, мозги.

ПАРАЛЛЕЛИ С ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

— Была договоренность через «афганцев», мол, что у нас на поле боя остались «двухсотые». Договорились так: одна машина заходит на поле, без стволов, без ничего. Противник дал добро. 23 февраля мы зашли на это поле, собирали ребят «двухсотых» — останки. То, что осталось.

На этом поле мы чуть не подорвались. Условно вышли на нас с той позиции. Когда мы заходили, был туман. Если бы не туман, нас раскатали бы прямо на месте. Мы, конечно, тоже не видели ничего толком — стреляли влево-вправо, а на самом деле позиция противника прямо у нас была по фронту. Старики потом местные рассказывали, что во время Великой Отечественной этот укреп, на котором они стояли, наши войска тоже не могли взять. Пока в кольцо не взяли, пока у немцев БК и жрачка не закончились, тогда они сами сдались. Тоже наших полегло тогда на этом поле.

Так вот. Пока мы забирали тела, к нам вышли оттуда, с позиции. Хохлы пошли на нас с белой тряпкой на палке. Тут же сразу созвонились, че за хрень происходит, нам в ответ — быстро валите оттуда. Хохлы, мол, не должны были никуда идти, о чем, оказывается, наших предупредили. Техника была брошена, там джип стоял, БМП. А по договоренности мы должны были с БМП забрать украинца «двухсотого».

Мы подъехали к этой БМП, и в этот момент хохлы вышли нам навстречу с этой белой тряпкой. Пошли в нашем направлении. Шли, махали и рукой показывали — типа уходите. Ну и мы подумали, что договоренность только за наших была, трупы ребят забрать. А этого, который в БМП, как мы поняли, они не отдают. Стали в темпе отходить. Я начал разворачиваться на своем «Урале», как бы по следу шел — как БМП ехал, я по его траектории пошел. Начал разворачиваться назад, вышел посмотреть, кто там, что там, а пацаны в кузов садились. Вдруг вижу, тээмка лежит. Прям в метре две тээмки стояло. Вот если бы развернулся еще чуток, точно бы подорвался. Вместе с командирами отрядов. Назад шел по своим следам. Нас предупредили, чтоб мы дальше не заходили — там уже минное поле было, оказывается.

ПОДГОТОВКА К ТАНКОВОЙ АТАКЕ

— Под Дебальцево, где конкретно наша группа, от которой осталось семь человек, получили задачу сдерживать танковую атаку. Всемером!!! Звучит? Звучит! Танковую атаку мы, конечно, так и не дождались, но тем не менее. Сжать булки покрепче все же пришлось, потому что всемером держать высоту от танковой атаки — ну такое. Мне кажется, на такое могли согласиться только русские солдаты.

Я тогда еще с одним сотрудником компании ПТУР делил. На перегруппировке мы были в поселке Уткино для получения боеприпаса, недостающего снаряжения и т. д. Пока разгребали вооружение, я выхватил из контекста установку ПТУР. Через буквально несколько минут товарищ из соседней группы следом бежит:

— Верни, мое.

— Как я могу вернуть? — говорю. — Мы всемером с одним гранатометом сдержим танковую атаку? Ну это глупо, это даже смешно. Зачем смешить противника?

В общем, с горем пополам отбил установку с четырьмя выстрелами ПТУР. Тогда мы достаточно серьезную территорию сдерживали, наше подразделение растянулось, и на семерых досталась высота с участком трассы на левом фланге. То есть, по сути и содержанию, сотрудники нашей компании — это воины, это солдаты. Они не обсуждают приказы, они их выполняют. Есть приказы, есть задача — должно быть ее решение.

ИСТОРИЯ МЕДИКА ИЗ ЧВК

— Изначально я человек патриотических взглядов. Я просто увидел, что мой народ по духу и крови уничтожает другой народ. Я увидел подъем русских людей на Донбассе и захотел им помочь защитить себя и развиваться так, как они сами того желают. Хотел что-то сделать для людей полезное, и тут была патовая ситуация, когда нельзя стоять в стороне. Когда ты видишь, как гибнет мирное население, как проливается кровь, стоять в стороне как-то было не по себе. Совесть не позволяла. Все, собрался и поехал на Донбасс.

Это была зима 2015 года, я туда заехал, но меня перехватил знакомый и сделал все от него зависящее, чтобы я не попал на передовую. Говорит: «Отправлю тебя

в самое спокойное место, это город Стаханов». И в тот момент, когда я приехал в госпиталь, так как я медик по образованию, он решил, что в госпитале я пригожусь больше. Когда я только приехал туда, в якобы самое безопасное место, там началась самая лютая бомбежка за всю кампанию вокруг этого города. Вот мой знакомый был в шоке, даже начал шутить, мол, лучше бы меня на передовую отправил, там намного меньше опасности было бы.

У меня до этого был опыт работы в операционной, в различных медицинских областях, поэтому я там был и как фельдшер, и как санитар, и как ассистент анестезиолога, в общем, многие медицинские должности занимал. В основном была помощь раненым, перевязки, помощь при операциях и т. д.

Самый запоминающийся момент из этой кампании — это как раз было закрытие Дебальцевского котла. Было очень большое количество «трехсотых». Привезли, значит, парнягу, где-то под два метра ростом. Тоже доброволец из России. У него было сквозное ранение в грудную полость, у него был пневмоторакс. Он лежал в снегу недалеко от позиций пять часов. При этом он смог сам себе сделать тампонаду, сквозное отверстие, где у него была рана. Лежал пять часов раненый, живой еще, его не могли вынести из-под огня, потому что работали вражеские минометы и был снайперский огонь.

Было холодно, около 20 градусов мороза, и это, наверное, ему продлило жизнь, ведь он в холоде находился на снегу. Поэтому пять часов он живой лежал там неподвижно. Его привезли, мы его перекинули на каталку, перевезли в операционную. Все, делаем операцию, и у него происходит остановка сердца. А у нас с медикаментами все хреново было, по сути, у нас вообще не было ничего. Врачи такие: «Ну все, мы бойца потеряли, тут уже ничего не сделать». Типа нет смысла делать пря-

мой массаж сердца и т. д. Тут я вспоминаю, что в моей аптечке, привезенной из дома, есть ампулы адреналина, и вот с помощью этих ампул смогли завести сердце бойца. Но пожил он все равно недолго. Он скончался впоследствии от осложнений, произошла повторная остановка сердца, и тогда врачи уже развели руками, типа, мы уже сделать ничего не сможем.

Я вспомнил, что в соседнем корпусе, в реанимационном отделении есть дефибриллятор. Ну он такой, хреновенький, но есть. И вот я побежал за ним, и в этот момент начался артобстрел со стороны ВСУ. Все попрятались в подвалы, я единственный бегал по всей территории, бл*ть, и искал этот дефибриллятор. В этот момент территория нашего госпиталя попала под обстрел и где-то в пятидесяти метрах от меня прилетела ракета «Града». Взрывы шли издалека, и, получается, крайний снаряд е*нулся прямо рядом со мной. Меня не покоцало, я от страха еще сильнее ломанулся в соседний корпус. Взял дефибриллятор, выбежал обратно, до больного добежали, включили дефибриллятор. Кое-как сердце завели, он какое-то время пожил и потом все-таки умер. Это вот была самая запоминающаяся история за всю мою медицинскую практику. Это ценнейший опыт, даже несмотря на то что бойца не спасли, все равно опыт колоссальный. Этот случай я на всю жизнь запомнил.

Знаешь, ЧВК дает намного больше реализации, чем та же армия. Я во многие подразделения пытался устроиться, но то образование мое не подходило, то там по физическим где-то данным могу не вытянуть, ну и плюс маленькая зарплата. А ЧВК — это возможность реализоваться здесь в небезопасном месте, приобрести жизненный опыт, профессиональный опыт, как военный, как медик. Ну и заработать хорошие деньги для себя и своей семьи. Поэтому ЧВК ставлю оценку 5+ в плане возможностей для реализации.

ОКРУЖЕНИЕ НА ЛЕНИНСКИХ ДАЧАХ

— Зашли мы зимой 2014 года. Непосредственно в Дебальцевском котле я не участвовал, мы прикрывали север Луганска от того, чтобы туда не зашли ВСУ. Нас тогда стояло человек двадцать на фронте, километров пятьдесят мы перекрывали. Зашли мы туда с ПТУРом, «Корд» у нас был. Держали мы Ленинские дачи, это поселок Счастье. Наша задача состояла в том, чтобы сообщить, если противник начнет переходить мост. Там буквально через несколько километров они выходят на Металлист и тогда перекрывают Луганск. Наша задача была просто оперативно сообщить о передвижении сил противника в случае чего.

На позиции нас бывало три, бывало четыре человека, а иногда мы с братом вообще вдвоем оставались. Мы сутками были на дежурстве и помимо того мы брали с собой «Корд» и выходили просто на этот мост. Когда нас жестко попрессуют, особенно с миномета 120 мм, мы разозлимся и утром (пока еще укроповская оптика не видит, у них над Счастьем на ГРЭС, на трубах висела оптика, и они зимой видели все наши передвижения и как бы кошмарили жестко) мы хватали этот пулемет с братом, выбегали на одну позицию и просто особо красивые тачанки укроповские раздалбливали. Видим боевой раскрас — и все. Машины четыре раздолбили им короче. Это так, чисто в отместку, показать, что мы здесь есть и мы предпринимаем какие-то действия.

И вот вспомнился случай. Я только прибыл на позиции, я был очень уставшим и лег отдыхать. Должен был через два часа менять своего брата, но проспал дежурство. Прибегает брат, рассерженный, кидает мне на живот журнал наблюдений с претензией, какого черта я его не пришел менять. Ну, я стою и ему в ответ что-то говорю, и тут бам! — разрыв где-то на удалении, и вто-

рой удар был по дому, где мы наблюдали. Белый туман. Нас четверо в доме, я ору:

— В блиндаж!

Мы из дома выползаем, ползем в блиндаж и в это время видим, что у нас второго этажа уже нет. Выехал танк ВСУ, где-то два километра дистанция, он видел нас прекрасно и просто прямой наводкой начал херачить в дом. И залезли мы в блиндаж и смотрим на тот НП, на котором я должен был брата сменить и наблюдать. В тот момент НП первым же выстрелом и разнесло. Если бы я вовремя пришел на эту позицию, то и меня бы накрыли в тот момент. Вторым выстрелом он снес нам второй этаж, и наш домик стал одноэтажным.

Продолжали наблюдать, и доходило до того, что мы оставались вдвоем на позиции, и нас очень долго не меняли. Должны были через двое-трое суток нашего пребывания нас сменить, но смена что-то не ехала. Приехал командир нашей разведки, мы его спрашиваем:

— А что случилось? Почему не меняете?

— Вы были в оперативном окружении, мы просто к вам не могли проехать.

То есть мы, оказывается, в окружении были неделю и даже не знали об этом. (*Смеется.*) Мы просто завязывали все гранатами, не было стандартных мин, инженерных средств, и мы просто растяжками все перекрывали, подальше эфки*, поближе эргэдэшки**, во дворе все в УЗРГМах, проволоки намотаны — и вот так мы спали. Прямо в доме у нас НП был, перенесли, потому что шум мы услышим, если наступление пойдет.

У брата фурункул на губе выскочил, прямо мощный такой. А с собой ни антибиотиков, ничего. С тех пор у меня полная аптечка всего, но тогда он мне просто говорит:

---

* Граната Ф1.

** РГД-5.

— Давай резать. Режь, вскрывай, и нас тогда поменяют.

Потом мы вернулись опять на эти позиции и ждали — вот-вот должно начаться наступление противника. Потому что тогда начался Дебальцевский котел, и чтобы оттянуть наши силы, они могли долбануть по нам. Они знали, что нас там практически нет.

С нами были ополченцы, но на них вообще надежды никакой, они тупо ночью спали. У них был ПТУРист, он меня попросил обучить его с ПТУРа стрелять, я ему объяснил, что и как. Я у него спрашиваю:

— Ты давно воюешь?

— Месяц.

— Ну так-то война уже скоро как год.

— Да вот только что освободился.

И когда ждали наступления, уговариваем ополченцев:

— Мужики, поддержите, вы сегодня хоть не нажирайтесь, надо стоять.

Ну и договорились, что ночи длинные — полночи мы стоим и полночи разбавляем ополченцами. Но ополченцы нажрались и никуда не вышли. Ну протянули мы так до утра, и тут, как нас и предупреждали, пропала связь. Рации у нас не добивали далеко, у нас была сотовая связь — выходить на артиллеристов.

Связь пропала, опять приехал танк добивать наши позиции. Парни стояли недалеко от нас, с другой стороны дороги, и они прямо видели, как нас разбивает этот танк, и сделать ничего не могли. Потом и сотовая связь пропала, мой земляк схватил этот телефон и просто побежал в сторону, пробежал километра 3-4, только появились первые «палки» (деления сотовой сети) — он навел арту и попаданием арта накрыли фургон. Тот уничтожен, появляется следующий. Это и была глушилка, и на тот момент нам сказали, что их всего лишь три. То есть НАТОвцы поставили всего три та-

кие машины укропам, одну они сами раздолбали, одну разбили мы.

Летом 2015-го я уже заходил в Луганск в составе двойки, я стал командиром отделения тяжелых, и меня вернули на те же позиции, где я был зимой. Нас зимой гоняли жестко, средств поражения у нас было мало, а в этот раз я приезжаю «комодом», и у меня два АГСа, один СПГ и пулемет «Корд». И все, мы просто решили отвести душу.

Тогда было перемирие — крупным калибром стрелять было нельзя, а АГСом они по нам постреливали. Я не отвечал, потому что у нас был приказ, мы не нарушали. Ребята подобрались инициативные, нормальные, и мы там жестко вкапывались, мы под каждое наше коллективное оружие — АГС, «Сапог» — сделали шикарные окопы, капониры. Все было в разных местах: что-то на домах расположили, между собой мы все это дело траншеями соединили, и уже когда нам дали добро на ведение БД, мы устроили укропам просто ад.

Еще за ночь до этого ребята смастерили четыре колонки, откуда-то они их притащили, аккумулятор мощный и магнитолу с машины. И там зацикленно стоял призыв к намазу, который с мечетей обычно кричат. Мы поставили такой распадок на полную громкость, весь звук шел на укропов, на этот мост. И всю ночь этот призыв к намазу звучал. Нам он уже самим надоел, и утром мне дают добро — открывай огонь.

У меня еще был приданный ПТУР. Вот мы там отвели душу: мы минут сорок расстреливали БК, до противника дистанция была 1300, нам прямо в самый раз работать. У нас была еще одна позиция, где стоял резервный ПТУР на 1100. Это позже будет. И все, мы раздолбили в хлам этот блокпост. Причем сорок минут ведем бой, потом перерыв — прям перезаряжаемся, заново снаряжаемся и долбим снова. И уже потом появились белые машины, мы понимаем, что это ОБСЕ, мы замолка-

ем, они забирают трупы. Ну стремно стрелять, они все это дело подматывают, убирают, и потом меня вызвал командир к себе в Луганск. И показывает видеоролик с украинского телеканала — как рассказывал командир аэромобильной бригады, как они отстояли бой против 200 чеченцев. А нас там тогда стояло два отделения, даже 30 человек точно не было. Вот мы тогда прикололись, все русские пацаны и один башкир — царство ему небесное.

И укропы объявляют перемирие, обмен пленными, длится оно где-то неделю-две, стрельба запрещена. Особенно для меня как командира тяжелых — стрельба из крупного калибра запрещена. Я говорю:

— Какого калибра можно?

— Ну, 7,62 максимум, короче.

— Можно хоть с ПМа застрелиться?

И мы две недели наблюдаем, как они строят позиции. К ним приезжают 20-тонники КамАЗы, бревна все эти, все сыплется. С нами работали снайперы, у них было добро на работу, они могли долбить хоть когда. Под шумок мы «Кордом» стреляли одиночными, 12,7 работали. Парни красавцы, я своими глазами в бинокль видел, как на дистанции 1300 попадания шли, эмдэзэшкой попало противнику. Пристрелялись и долбили-долбили их. А потом по укровским сетям приходит информция — мол, на наши позиции мы якобы привезли особо лютых снайперов-бурят. Вот мы тогда угорали, что после чеченцев привезли бурят. И снайперы попросились сходить поближе. У нас еще точка была на 1100, и мы пошли. Пришли снайперы, у них два АСВК и один манлихер. Я, как проводник и оператор, все это дело снимал.

Ждали цель — должна была появиться достойная. Тут как раз приехал КрАЗ, причем он встал прямо поперек моста. Я ребятам говорю:

— Смотрите, машина гражданская, но она на военном объекте и она перегородила мост. Если мы ее затормозим, то движение полностью прекратится.

А фигня в чем? По Минским соглашениям мост нейтрален, но они уже перевалились на эту сторону, по разведданным у них уже БТРы были на этой стороне, в капонирах стояли, БМП. То есть в любой момент они, уже не форсируя мост, будут прорываться. И ребята начинают стрелять по этому КрАЗу с бревнами. И в какой-то момент он загорается и горит попрек моста. Я выхожу на заместителя командира, и он говорит:

— Хорошо, что запалили. Сейчас выжидаете, когда на мосту появится тяжелая техника, потому что даже БМП его не сдернет. А появление танка на мосту развязывает нам руки. Мы выставляем два ПТУРа, и как только отрабатывают ПТУРисты — это для нас сигнал открывать огонь со всех стволов.

Они задымили мост, на нем какая-то коробка появилась, что-то мигнуло, но когда дым прошел, КрАЗ-то этот они стянули. Ну и короче, вот эти позиции мы разорвали — бревна все стояли просто торчком, расческой. Парни за ПТУРом загнали ракету прямо в блиндаж. У нас, получается, 1300 дистанция, но мы еще чуть повыше были, и мы видели, в какой блиндаж они забегают. И мы прямо в блиндаж закрутили ПТУР и СПГ-9, там произошел взрыв. В какой-то момент ракета перелетела то место, куда мы целились, но то ли под ветром, то ли как, в общем, залетела именно под мост. На мосту у них был склад БК и — надо было это видеть! — метрах в семи река находится под мостом, и из-под моста пламя било, еще плюс высота железобетонных столбов. Получается, метров на десять пламя фигачило. А просто залетел выстрел от СПГ.

Когда уже бой прошел, мы смотрели ролик, как вэсэушники снимали «показуху». Появилась там видеокамера, новости, и там показывают, как командир этой аэромобильной бригады бегал на корточках мимо сгоревших машин, — там у него глаза такие были. В ответку он стрелял из гранатомета в нашу сторону, ну просто

постанова. Но мы уже не стреляли, потому что из ОБСЕ приехали. И стоит срочник, он из АКСУ стреляет в амбразуру, причем лицом он повернут в стену, в окошко. Стреляет с «Ксюхи», ее клинит, он ее бросает, достает ПМ и стреляет дальше. И вот это они по телику показывают. Как раз про «нападение 200 чеченцев». Вот так они отразили это «нападение».

В связи с тем что мы разворотили им позиции, они вывели всю технику с нашей стороны реки. И мы, получается, ликвидировали опасность — им в случае чего заново придется форсировать мост. Для себя я знаю, что на конкретном участке, на тактическом куске мы их вытащили — мы заставили ВСУ оттуда уйти.

УСНУЛ ЗА РУЛЕМ

— Общие ощущения — всегда было адски холодно. Жили мы там всегда в неотапливаемых помещениях, света нет, ничего нет, вечно холодные, хорошо, если раз в месяц куда-то выскочишь и по большому знакомству где-нибудь помоешься.

Очень много мотались между Луганском. Я однажды ехал один, по задачке командир отправил. А мы, как правило, по темноте всегда перемещались — и так вышло, что ехал и уснул за рулем. Последнее что помню — табличка с названием населенного пункта... потом я просыпаюсь от того, что яркий свет в глаза, ну просто как будто кто-то разбудил. Просыпаюсь, я уже на мосту, стоит блокпост ополченцев — а я несусь на них на всей скорости. Я по тормозам, свет выключил, открыл дверь, крикнул, что свои.

— Смотрим, понять ничего не можем, несешься, — говорили мне парни на блокпосту. — Мы уже хотели стрелять, реально.

— Парни, вот не поверите, уснул.

— Ни хера ты даешь! А как ты ехал?

— Не знаю, только проснулся.

Причем это уже был следующий населенный пункт. И как я между ними проехал, я не помню до сих пор. Загадка такая осталась. С тех пор не спал за рулем — но, видимо, напряжение сказалось. Тогда была очень напряженная командировка, мы от укропов ныкались по шахтам. Колонны заводишь, прячешься. Постоянно в движении, да.

«ИГОЛКИ»

— Потом под авиацию попали. Был такой неприступный поселочек, ополченцы не могли его никак взять. Они отправили своих, каких-то там очень умелых ребят, якобы они все сделают, а вы просто встаньте и займите, мол, эти позиции. Ну не вопрос, мы приехали вроде по времени, а они уже начали. Мы слышим, там уже ба-бам, ба-бам. Вокруг нас поле посадкой огорожено, с поселка нас не видно — но у укропов танчик, помоему, стоял, они в «тепляк» разглядели нас и давай по нам работать. Пришлось немножко прилечь. Стрелкотня, все такое.

И смотрим, окраина поля, бегут к нам ребятишки в форме.

— Ну чо, ребята?

— Да ну на**й, куда там. Мы уже один раз ночью пробовали зайти. А там подковообразный участок, укры нас запускают внутрь и окучивают.

Вообще проигрышная позиция. Парни уже докладывали начальству, командованию доложили, все обрисовали, попытались еще раз, рано утром, снова та же самая ситуация.

У нас БМП была, парень наш скатался на «Бэхе», забрал двух или трех «трехсотых», они показали место.

Ребят вытащили, и те сказали: «Ну его на хер, нечего там делать». Ну и мы, соответственно, не пошли.

Тут слышим — гудит авиация, сбрасывают то ли бомбы, то ли ракеты. Видно, что в воздухе разрыв, и, значит, сейчас будет что-то падать. Наблюдатели крикнули, что сейчас «крендельки» падать будут, ребята их так называли. А я стоял возле машины, командир куда-то ушел и где-то с ребятами общался в стороне. По сторонам смотрю — начинаются в небе разрывы. Ну и ты инстинктивно начинаешь пятиться, укрытие искать.

Вижу — пашня мерзлая, снегом припорошенная, а метрах в двадцати уже начинают комья земли подскакивать от удара, «иголки» входят в землю, и комки подлетают. И вот оно все ближе-ближе, я начинаю бежать к машине. Подбегаю, открываю дверь, прыгаю в кабину и понимаю, что до меня сейчас дойдет облако. Прыгаю на сиденье и вижу, что ком земли залетает в машину вперед меня. Я так раз — дверь захлопнул, и ком земли лежит на коврике. То есть где-то рядом «иголка» воткнулась. Но машину, кстати, не задело. Видимо, это была последняя «иголка» и ближе всего от меня упала. Нормально (*смеется*), выжил. Прикольно.

ВЫХОД НА ДЕБАЛЬЦЕВО

— Про само Дебальцево. Мы сначала отстоялись в поселке, ждали команды. Заходили мы со стороны поселка 8 Марта. **Девятый** пришел, проинструктировал нас, приехал, сказал, что ополченцы пытались несколько раз с этой стороны зайти — все полегли там. Никто из них не смог зайти и даже дойти до позиций укропов.

Мы подъехали к лесополосе — километрах, наверное, в шести, на безопасное расстояние. Из нас выбрали группу — 12 человек. Всех не вспомню, но точно

были я, **Злой**, **Том**, **Тор**, **Морячок** и **Борода**. Мы дождались ночи и начали по-тихому пробираться. Шли сначала вдоль лесополосы, но потом я подумал, что в лесополосе будет все заминировано, и там нас будут ждать, потому что прошлые группы перли как раз через лес. Поэтому я взял левее на 300 метров и вышел в открытое поле. Взяли дистанцию метров по семь друг от друга — и пошли.

Дошли до первой линии домов. Как такового боя не завязалось — так получилось, что в этих домах лежало несколько пьяных укропов и повсюду трупы гражданских. Мы сообщили по радиостанции нашим, они начали подтягивать остальных. В итоге наша рота подтянулась и заняла первую линию домов достаточно быстро. А вот потом, когда мы перешли ко второй и третьей линии домов — тогда уже пришлось повоевать. Там уже сидели трезвые укропы.

Когда мы пошли на третью линию — дело уже близилось к утру, — нас очень плотно там обстреляли. Реально, еле ноги унесли. **Морячок** в составе другой тройки, вместе с **Крымом** и **Легионом,** пошел в сторону железной дороги — не к самому депо, где якобы базировалась основная масса командования укропов, а просто к самой железной дороге. И там пацаны попали в котел к военным. Отойти они не могли, потому что их со всех сторон обстреливали. Ну и за бетонным укрытием долго не усидишь.

У меня тогда первый раз такая реальная размолвка с другом произошла. Он не хотел как бы, чтобы я шел туда выручать **Морячка** — боялся за меня, много лет вместе, в Москве жили-работали. В итоге мы прямо там, возле дома, где базировались, начали драку. Подрались, нас разняли, и мы благополучно пошли выручать пацанов. Вроде как выпустили пар.

Подошли к этому месту, я направил **Тора** и **Бороду** на железную дорогу, чтобы **Тор** с пулемета укропов раз-

гонял, а **Борода** — с РПГ. **Злой** с **Седым** поставили перед собой целые рюкзаки ВОГов и начали обстреливать район. В этот момент я пополз в ту сторону — по радиостанции услышали, что **Морячку** удалось отбежать от колодца, где они прятались, но его ранили. Ему тогда прострелили пятку.

Огонь шел плотный, но не прицельный, потому что мы за лесополосой сидели, и, получается, что через лесополосу нас простреливали. Я дополз до **Морячка**, попытался его на себя засунуть, чтобы оттащить в тыл. Но огонь был такой плотный, что **Морячок** мне говорит: «Так, **Абдула**, давай я лучше сам поползу, потому что ты вроде как мной прикрываешься». Короче, он сам слез, дополз до пацанов. Вытащили, эвакуировали дальше в дом, там начали помощь оказывать.

В этот момент я дал команду **Бороде** и **Тору**, чтобы они начали массированный обстрел со стороны железной дороги, а с моей стороны **Злой** начал с ВОГов стрелять. После нашей стрелкотни укропы заткнулись на какое-то мгновение. **Крым** с **Легионом** успели отбежать ко мне и дальше начали отползать. В общем, парней выручили. У **Легиона** только в ногу осколок прилетел, потому что их гранатами начали закидывать. **Крым** оказался нетронутым.

В общем, повоевали чуть-чуть, сидим в этом дворе, ждем приказа, что делать. С соседнего дома пришел **Голиаф,** принес мешок орехов. Прям реально, огромный мешок орехов. Ну, мы сидим, ждем, жрем орехи. Напротив нас сидит **Зомби**, тоже жрет орехи. И тут укропы начинают прям во двор долбить из АГСа. **Зомби** подскакивает, бежит в дом, и ему в этот момент в затылок прилетает осколок. Он не падет, ничего, он продолжает бежать. С осколком в голове. Все это накладывается на то, что он еще под Санжаровкой сломал 3 пальца. Когда он находился на подножке «Урала», какой-то дебил, который в «Урале» сидел, закрыл дверь и три пальца **Зомби**

поломал. Плюс еще в голову ранение. В общем, мы оказали ему помощь, отправили его с **Морячком** и **Легионом** на эвакуацию.

В этот момент командиру приказали рассосаться по второй линии обороны и открыть коридор для ополченцев. Зашло почти 400 ополченцев в эту дыру, как бы в сам поселок, именно к нашей линии обороны. А мы сидим, ждем, когда ж наступать будем. Ополченцы уже вот-вот начали идти вперед, наступать, в бой ввязались. А командир нам говорит: «Сидим, ждем».

Потом пришел и нам приказ: наша сторона — правый фланг, мы должны дойти до депо и зачистить его. Там укропы еще держались. Я там не участвовал, **Ник** отобрал другую группу — пацаны пошли до депо, там повоевали. Насчет потерь точно вспомнить не смогу, потому что тогда другой задачей был занят. Какие-то потери были, кого-то эвакуировали «трехсотым».

АРТИЛЛЕРИЯ И ТЕРРИКОНЫ

— Перед заходом в поселок 8 Марта мы еще стояли на Центральном, это перед Чернухино. Справа — Чернухино, слева — перед Центральным, где террикон. У нас задача была с местными ополченцами, местный ополченец там командовал, позывной **Узбек**. Задача была взять этот террикон, потому ополчение пять дней подряд ходило его брать и пять дней подряд с потерями отходило.

Нас поставили сначала наблюдать. Мы там под жестким артобстрелом сидели, там с чего только не колбасили, но в основном «Грады» прилетали на наше поле. В общем, мы наблюдали за этим терриконом и наводили свою арту. На террикон, на склады, на танки, которые под Чернухино катались. В общем, мы три дня наводили все это дело. Там я, кстати, встретил в ополченцах еще одного человечка, с которым срочку слу-

жил. В окопе сидим, разговариваем, как раз тоже под обстрелом. Спрашиваю: «Ты откуда?» Он — оттуда-то. А я, говорю, оттуда. Оказалось, земляки, с соседних улиц. Он — полченец, я — в ЧВК, но оба земляка — там, в Донбассе.

Из того, что там запомнилось, как мы ночью ходили два раза на терриkон. Укропы себя достаточно беспечно вели на самом терриконе, особенно те, кто у них в охранении сидел. Мы практически уже к подножью подходили, а нас никто не засек и не обстреливал. Видимо, они там устали, потому что ротации долго не было. Мы тогда артиллерию наводили на такие точки, с которых обстрелы мирных поселков массированно велись. Тогда мы плотно работали с **Барселоной** из первого отряда, я сейчас не знаю, кем он, но тогда он заведовал артой.

Мы там нормально поползали перед Чернухино и перед этим терриконом — я, **Злой**, **Борода** и **Морячок**. Боестолкновений прям серьезных как бы и не было — планировалось блокпост укроповский захватить, но потом нас отозвали уже на поселок 8 Марта. Сказали, что ополченцы сами разберутся, там, мол, уже подкрепление придет, и они с подмогой захватят блокпост.

После Дебальцево нас отвели обратно в Вергулевку и сообщили, что объявили перемирие. 15 марта нас уже начали отводить вглубь. Мы еще посидели в Луганске пару дней и потом по отпускам уехали.

ЧАСТЬ 2. СИРИЯ

(сентябрь 2015 — май 2018 гг.)

Начало 2010-х годов на Ближнем Востоке и в Северной Африке ознаменовалось серией антиправительственных выступлений и «цветных революций», щедро подогреваемых иностранными агентами влияния и прямым вмешательством США и стран Западной Европы. Так называемая «арабская весна» привела к затяжным военным конфликтам и свержению устоявшихся форм государственности, вслед за которыми в страны региона пришли разруха, нищета и смерть — вечные союзники американской демократии.

Одним из наиболее показательных случаев стала ситуация в Сирийской Арабской Республике, где с 2011 года продолжается затяжная гражданская война. Манифестации против правительства Башара Асада, спровоцированные событиями «арабской весны» в других странах Ближнего Востока, вскоре переросли в боестолкновения на улицах древних городов, а место «сирийской оппозиции» заняли боевики, преступники и радикальные исламисты. Постепенно светские или сепаратистские тенденции сменились жестокими проявлениями террористической идеологии — в первую очередь, за счет деятельности отрядов моджахедов, созданных на базе международной сети «Аль-Каида» или движения «Братья-мусульмане»[*].

В 2013 году полномасштабное участие в войне против правительственных войск САР начинают прибывшие из

---

* Организации признаны террористическими, и их деятельность на территории РФ запрещена.

Ирака силы группировки «Исламское государство». Уже в 2014 году боевики этой террористической организации рассорятся с другими радикальными исламистами, займут половину Сирии и провозгласят «халифат» — террористическое квазигосударство на территориях Ирака и Леванта с претензией на мировое господство.*

На тот момент огромную роль в военно-техническом и политическом сотрудничестве с Дамаском сыграла Россия. Начиная с 2011 года Москва оказывала дипломатическую поддержку Башару Асаду, блокируя в Совете Безопасности ООН проекты антисирийских резолюций западных и арабских стран, предполагавшие наложение санкций против правительства Сирии. Кроме того, Россия поддержала правительство САР поставками оружия, военной техники и боеприпасов, а с 2012 года — организацией обучения сирийских военнослужащих силами военных советников. Кроме того, именно Россия спасла Дамаск от прямой военной интервенции Запада, предложив уничтожить запасы химического оружия, находившиеся у сирийской армии.

Интервенция боевиков ИГ и распространение их идеологии на базе радикального исламизма также беспокоили и Россию, имевшую до этого опыт антитеррористической борьбы с бандподпольем на Северном Кавказе. Кроме того, активное продвижение боевиков по территории САР и захват административных центров сирийских провинций привело к крайне опасной ситуации как для Ближнего Востока, так и для всего цивилизованного мира. Правительственные силы оказались не в состоянии сдержать натиск исламистов, рвавшихся к Дамаску, и остановить развал всей Сирии.

В этих условиях, когда официальный Дамаск был на грани полного поражения в войне, Сирии неожиданно

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

протянули руку помощи. 28 сентября в ходе своего выступления на 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент России Владимир Путин раскритиковал подход западных держав к подрыву ситуации на Ближнем Востоке как итогу «арабской весны». А уже 30 сентября 2015 года Россия официально объявила о начале военной операции в Сирии по просьбе законного правительства страны.

Глава 6. Горная Латакия

(сентябрь — ноябрь 2015 г.)

Для проведения военной операции армия РФ в кратчайшие сроки сумела перебросить, развернуть и подготовить для выполнения боевых задач полноценную войсковую группировку. Первоначально в состав авиагруппы ВКС России, базирующейся на авиабазе Хмеймим в окрестностях Латакии, вошли более полусотни самолетов и вертолетов. Костяк авиагруппы составляют модернизированные бомбардировщики Су-24М и штурмовики Су-25. Кроме того, в нее включили несколько новых фронтовых бомбардировщиков Су-34. Для сопровождения ударной авиации на базе находится истребитель Су-30СМ, а оборону объекта несут вертолеты Ми-24 и Ми-8.

Действия правительственных сил поддерживались не только российской авиацией с воздуха: на земле подразделениям сирийской армии также оказывали поддержку. Согласно сообщениям СМИ, примерно в начале октября 2015 года в Сирию прибывают штурмовые отряды ЧВК «Вагнер». Первой задачей подразделения стала поддержка продвижения сирийской армии в горной части провинции Латакия.

Отрядам «вагнеровцев», занявшим место авангарда наступления в Латакии, предстояло зачистить горные районы, примыкающие к границе Сирии с Турцией, откуда боевики могли теоретически перебросить большие силы для создания угрозы авиабазе Хмеймим. Благодаря действиям русских специалистов, закрепившимся на господствующих высотах в Северной Латакии, сирийская армия смогла продвинуться по всей линии фронта.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С БАЛЛОНАМИ

— Нас отправили по отпускам в августе 2015-го. А когда мы приехали из отпуска, нам объявили о том, что мы заезжаем в Сирию — в Латакию. Первая кампания была очень маленькая: когда мы заехали, лично я там пробыл 29 дней.

Первой нашей задачей стала зачистка горной части провинции Латакия. Когда мы пошли в Горную Латакию, то вошли во взаимодействие с местной сирийской армией. Пошли в наступление. Там я первый раз познакомился с баллонометами, которые использовали боевики. Когда мы заняли первую линию обороны — выбили оттуда игилоидов, — нам на позиции начали прилетать баллоны. Конечно же, потери были. Из моих друзей по крайней мере никого не было, а так у пацанов по отрядам, конечно, потери были — не фатальные, но все же. Авиация наша достаточно неплохо нам помогала: те места, с которых активный артобстрел велся, они подавляли очень быстро.

БОЙ КАК В КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ

— Первую ночь еще так себе пережили, более-менее. А вот вторая ночь была такая, что я вспомнил, как в Луганском аэропорту это было. Только мы закрепились на нашей линии обороны, как игилоиды ночью на нас полезли. Реально, как в компьютерной игре: они идут, орут: «Аллах акбар», в них стреляешь, они падают, тут же вылезает еще один из-за дерева или из-за камня, опять орет «Аллах акбар», ты в него опять стреляешь — он падает, вылезает следующий... и они все не кончаются и не кончаются.

На нас на том месте, где мой взвод сидел, нападали с трех сторон. Там был язык, выдающийся в горе,

и с трех сторон нападали игилоиды — практически все были одеты в черное, на лбу — повязки с шахадой. Держались мы часа, наверное, три — отбили несколько волн атаки, точно три или четыре было крупных волны.

На четвертый час боя получили команду отходить назад. Наш отход прикрывал офицер сирийский и пулеметчик — они вдвоем остались на нашей позиции, и как только мы отошли, мы узнали, что они погибли потом. Прикрыли наш отход, дали нам возможность выйти.

Из нашего взвода мы тогда никого не потеряли — ни «двухсотыми», ни «трехсотыми». Отошли достаточно организованно, прикрывая друг друга. Ни одного орудия не бросили — унесли минометы 82-миллиметровые, которые с нами были, АГСы, все успели унести.

ПРИЖАТЫ ОГНЕМ К МИННОМУ ПОЛЮ

— Штурмовали высоты. С одной высоты выбили духов и спустились с гор — нам потом нужно было

подниматься на вторую высоту. С нами были садыки, с правого фланга, но они не смогли продвинуться. Мы начали подниматься на высоту без садыков, и получилось так, что мы заползли на минное поле. Оно было с левой стороны, на нем вначале садыки подорвались, но мы этого не видели. Кое-как с правого фланга мы это минное поле обошли, но высоту ту мы так и не взяли. Бой двенадцать часов длился, но нам пришлось отступать. Когда начали отступать, противник придавил нас огнем в упор к минному полю, чтобы мы там начали подрываться.

У всех тогда был ступор — было непонятно, что делать дальше, как поступить. Первые трое пошли с минером, но подорвались. И тогда мой товарищ пополз на коленях вытаскивать парней, коленом наступил на мину, и ему ногу оторвало. Решил помочь товарищам, причем под плотным огнем, и сам подорвался. Умер он уже в больнице в Москве. На следующий год я узнал, что перед той командировкой он говорил, что если его ранят, то жить он не захочет. В итоге так и получилось. Причем врачи, которые его латали, сказали, что он просто не хотел жить, не боролся, не цеплялся за жизнь. Поэтому и умер. Вот такая судьба у человека.

ПУЛЕМЕТ ПРОТИВ ЗУШКИ

— Когда мы брали первый поселок, который мы с садыками взяли, Андрюха стоял за «Утесом», на пикапе. Потом ребята рассказывают: они закинулись в поселок, их духи запустили — и потом зушкой давай их поливать. Народ сразу в рассыпную, спешился — зенитка работает и не дает никому башку поднять. И, значит, Андрюха подрывается, бежит к своему пикапу, прыгает за пулемет — и давай поливать в ответ. Все лежат, все поникались, а Андрюха отработал, прида-

вил огнем зушку, а потом уже остальные в себя пришли и давай работать.

СТОЛБЫ

— Мы приехали в 2015 году в Сирию, день на акклиматизацию, еще даже командир нашего отряда не приехал, ну и командир самый главный говорит: «Надо задачу выполнять». Повезли нас на место на муниципальных автобусах. Заезжаем в деревню — выходит местное население, приветствует, начинает доставать большие тарелки, финики, арбузы, воду ледяную, к себе домой начинают пускать в туалет. И вот задача у нас такая: занять холмы впереди и, когда отработает артиллерия, занять какое-то селение.

Ну все, мы прыгаем в «Уралы», потом — спешиться и со всей х*рней идти. Запрыгиваем, и тут начинается. Летит ракета. Как потом оказалось, это были «Смерчи». Наверху разрывы, как фейерверки, как зушка работает. И блин, начинаются приходы — просто столбы летят вниз, бл*ть. Просто в двадцати метрах от нас труба врезается на метр глубиной в скальный грунт. Она не разорвалась, и мы такие, как бы: «Зае*ись!» И вот эти столбы начинают в шахматном порядке падать.

Ну и все, мы давай свою задачу выполнять. Выезжаем туда, надо было пройти два холма, на третьем остановиться и держать дорогу, чтобы помощь не подъезжала. В итоге приехали, и вокруг вот такие столбы торчат. И еще из местных ополченцев был такой карлик с автоматом, мы ему: «Молодец, страну защищает!» (*Смеется*.)

И вот эта ху*та рядом воткнулась. Мы там какое-то время на высоте посидели, нас потом сначала вернули на базу, а потом повезли охранять военных, артиллеристов. Все, мы встали, сделали круговые посты, и через

два дня я просыпаюсь от аплодисментов. Я спрашиваю у пацанов наших: «Что происходит?»

— Да это у арты первые стрельбы.

«ТАМАМ, САДЫК!»

— Это была Горная Латакия, мы только зашли, когда упал наш Су-24. Мы пошли в сторону северной границы, я был пулеметчиком на джихадке, на пикапе с пулеметом. И получилось так: горный серпантин, с нами сирийцы, мы тогда в одних рядах двигались с садыками. Наша задача была поддержать их — в первые эшелоны не лезть, а просто поддержать. Но, как всегда, все пошло не так. На перекресток к сирийцам приехала какая-то машина, джихадка одна и вторая, им начали выдавать обед. Я переводчику сигналю: «Убери их отсюда, район неблагоприятный, убери». А их человек 30–40. И тут слышу разрыв, тут же плотная стрельба по нам, очень плотная. Наш мужик, смотрю, на четвереньках пополз, а мужчина крупный и вообще не предназначен на четвереньках двигаться. Так он на четвереньках проползает перед моей машиной.

Получилось так, что водитель у нас на тот момент был сириец. Машины за ним закреплены. Он говорил, что у него три брата погибли на войне, и он вот такой за них пришел отомстить игиловцам. Я сел за пулемет и начал в сектор насыпать. Слышу, за моей спиной запасное колесо зашипело, дырки уже в машине, а сириец в кабине сидит. Я насыпаю-насыпаю, стреляю-стреляю-стреляю и понимаю, что ко мне уже пристрелялись, уже в машине достаточно дырок. Я выскакиваю из машины, говорю этому водителю: «Давай поменяем позицию».

Хоп, поменяли позицию, съехали в лощинку метров на пятьдесят. Оттуда начинаю насыпать, он выхо-

дит из машины, подает мне вторую ленту, тыды-дынды-дын. Потом, когда все закончилось, мы огнем всех подавили, с нашей стороны никого ни убитых, ни раненых не было. В машине, конкретно в кабине, насчитали четыре дырки. И вот этот сириец как сидел, он сидел за рулем спиной к противнику, у него пуля прошла под мышкой, прямо в рулевую колонку. Вот он — да, молодец. Двоих его коллег, которые должны были помогать мне, во время боя просто сдуло. Они, наверное, минут через 15 появились. А вот он помогал мне заряжать, молодец. Я потом долго наблюдал за ним. Мы там встречались несколько раз, потом, со временем нам машины насовсем передали уже. И я ему тогда сказал: «Ооо, тамам, садык».

Достойный парень, но такие там редкость. Когда мы закреплялись на высотах, мы их потом просто оставляли союзникам и дальше шли. Ну, получается, мы передаем сирийцам позиции, а они просят, чтобы русские побыли с ними, потому что им страшно. Либо же, получается, мы продвигаемся вперед, едет наша машина какая-нибудь подвоза воды, продуктов, БК, и нам водитель говорит: «А вот сирийцы уже снимаются и уходят обратно».

Сирийцы чересчур расслабленные, «доблестные» воины. У них есть кальян, у них есть матэ, и им больше ничего не надо. Они ночами спят, любят спать. Это их главная ошибка, а хотя, может, это просто их менталитет. Им без разницы. Придут и зарежут? Ну и ладно, мол, пущай зарежут.

ОБЫДЕННЫЙ ГЕРОИЗМ

— Герой не тот, кто погиб, а тот, который погибшего на себе тащит или, например, черепную коробку пытается запихать обратно.

Мы как-то тащили одного, царство ему небесное, вернулся с поста в Горной Латакии. Там как получается? Духи запуливают мину, а я сижу в «Урале» и ем. Что-то прилетает, тебя пылью засыпало, ты орешь: «Дайте пожрать, мрази!» И дальше продолжаешь, оттого что голоден. А потом понимаешь, что в «Урале» сидели пацаны.

И вот бежишь туда, хватаешь первую попавшуюся разгрузку, выдергиваешь медицину и понимаешь, что вот у него голова расколота, вот мозги лежат, вот это. И вытаскиваешь. А то, что опять летит — пох*й, сейчас его надо вытащить. А он еще месяц по больнице провалялся, вроде как живой, а потом отошел.

Весь героизм обыденный. Когда ты первый раз едешь, еще может быть что-то романтическое, но сейчас уже все.

ПРО БЫТ И УЮТ

— Когда совсем грустно становилось в САР, люди могли просто включить музыку и просто танцевать прямо на позиции. Очень приятно, когда такой коллектив хороший. Отвлекались разным, находишь себе работу, но большая часть внимания уделяется бытовым условиям. Каждый раз, когда мы приезжаем на новое место, это тоже надо пройти. Очень большая работа проделывается. У тебя открытое поле, надо обосноваться, обустроиться, создать себе уют, в первую очередь — постель, кровать. Каждому человеку это нужно, он создан для уюта. Вот созданию этого уюта много времени уделяем, занимаемся спортом, чтобы рабочую форму не терять. Занятия, тренировки.

Глава 7. Первый штурм Пальмиры

(ноябрь 2015 — март 2016 гг.)

В мае 2015 года боевики «Исламского государства» захватили древний сирийский город Пальмиру (современное арабское название — Тадмор), выбив оттуда правительственные силы САР. Падение Пальмиры сопровождалось многочисленными преступлениями и зверствами, совершаемыми боевиками как в отношении жителей города, так и в отношении археологических ценностей. Кроме того, город находится на перекрестке крупных магистралей и основных коммуникаций, и в первую очередь, шоссе Дамаск — Дейр-эз-Зор, перерезанное боевиками. Наконец, нельзя забывать и об экономической инфраструктуре вокруг древнего города: на расположенные в районе города газовые поля Джазаль, а также установки в Аш-Шаире и Телль ас-Савване приходится порядка 60 % добычи ресурсов во всей провинции Хомс и электропитание всей центральной части страны. Таким образом, вопрос контроля над Пальмирой переквалифицировался в вопрос контроля над всей Центральной Сирией.*

Первые операции близ Пальмиры силами ЧВК «Вагнер» были начаты 5 ноября 2015 года. Ключевой задачей на первом этапе наступления было ликвидировать последствия прорыва ИГ и отбросить боевиков от трассы М-5. В результате продвижения в ноябре — декабре 2015 года российским военным специалистам удалось закрепиться на ключевых подходах к городу, однако сложная обстановка на других фронтах сирийского конфликта — в частности,

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

в районе Алеппо — вынудила приостановить наступление на Пальмиру на два месяца.

В марте 2016 года, после решения стратегических задач на других направлениях, наступление на Пальмиру было возобновлено. В результате ожесточенных боевых действий уже к 23 марта силы ИГ покинули свои позиции по периметру Пальмиры и отошли в горные районы, обнажив пальмирский выступ для решающего броска. 24 марта основные силы сирийской армии, укомплектованные отрядами ливанского движения «Хезболла» и ополчением афганцев-хазарейцев («фатимидами»), начали продвижение в сторону археологического комплекса Пальмиры, а отряды ЧВК «Вагнер» начали планомерный штурм городских кварталов. Довершить разгром боевиков удалось 26 марта, когда «вагнеровцы» провели штурм аэропорта Тадмор, вынудив боевиков бежать из Пальмиры.

КАК ВОЕВАЛИ СИРИЙЦЫ И «ФАТИМИДЫ»

— Мы тогда долго не могли взять одну высоту, долго стояли там, у меня погиб пулеметчик. Мы тогда пошли группой вместе с «фатимидами» и сирийцами. По плану «фатимиды» должны были уйти вперед и выйти во фланг, я должен был в центр войти. С правого фланга работали сирийцы.

Мы шли по горам, по горному хребту к развязке. Там дорога шла на Ирак. В принципе с этой высоты мы контролировали хребет, но туда было тяжело доставить артиллерию, и из-за сложности местности были проблемы с доставкой пищи. И морально было тяжело, и физически было тяжело, плюс командировка была длительная и боев было много. И если до этого я шел без потерь, то тут я уже потерял своих ребят.

Сперва исчезли «фатимиды» — как сквозь землю провалились, хотя сначала все говорили: «Руси, руси,

мы с вами везде». А тут раз — и исчезли. Я дал команду сирийцам, чтобы они тоже начинали вести наступление, — мы уже все вышли на позиции и по времени должны были уже начать действия. Но когда я вышел на центр, я оказался один со своей группой. Вся тройка — сирийцы, русские и «фатимиды» — должны были растащить боевиков на мелкие группы, и тогда в принципе мы бы быстро-быстро выбили их оттуда. Но мы остались в одиночестве, и получилось, что мы для противника как в тире. Они сосредоточили весь огонь на нас

Как мы потом выясняли, против нас там были сосредоточены силы каких-то индонезийцев. При этом там были и хохлы, что самое интересное. Как мы определили? У них были наши камуфляжи и «точки», то есть «поджопники», а в САР «поджопники» никто не использует.

В моей группе было 20 человек. У нас выбили сразу гранатометчика, зему моего, и пулеметчика. Пулеметчику надо отдать должное, прикрывал нас: когда гранатометчик погиб, мы его должны были вытащить. Так пулеметчик встал в полный рост — мой ровесник, пацан здоровый такой, питерский, кстати — и начал долбить по противнику. Прикрывал нас, пока его не ранили в ногу. Он тогда упал на колено, снова встал и продолжил вести огонь. В итоге его снайперы просто пробили всего: в него попадали, он снова вставал — и так несколько раз. Я не знаю, зачем он так, но он сам по себе человек такой был, никогда не пригибался.

Мы парней вытащить сразу не смогли, потому что я бы тогда еще больше людей потерял, — огонь был очень плотный. Мы вышли из этого котлована на свою высоту, опять закрепились и ночью дали залп трассерами по нашим погибшим пацанам. Что самое удивительное, духи после нас тоже дали залп трассерами — тоже дали залп моим погибшим. Мол, достойные воины

были. Такое было в первый раз, и я больше ничего похожего не видел.

Кстати, в тот бой у меня в отряде пацан был. Когда убитых пытались вытащить, он под очень жестким шквалом огня пролез к погибшему пулеметчику, пытался тащить его. Но не сдюжил. Я уже ему в радиостанцию ору: «Все, уходи, сейчас уже тебя самого вальнут». Он уже ремень снял с себя, цепляет им за тело и начинает ползти. Не может вытянуть тело, шкребет и шкребет.

— Отпускай, брат, иначе мы все тут ляжем, — говорю я ему в рацию.

И вот тогда он уже отпустил. Но пацан был достоин уважения: несмотря на огонь, на недостаток сил, все равно пытался любым способом вытащить. Позже мы тела, конечно, вытащили. И противнику мы не отдали — мы знали, где парни находятся, и даже ночью дежурили, чтобы никто не подошел к ним.

Я наводил артиллерию, она работала. А боевики с противоположного склона делали в скалах выбоины и туда прятались во время артподготовки. Когда арта отрабатывала, и пехота, то есть мы, начинала работать, противник вновь выскакивал на позиции и вновь начинал по нам долбить. Выбить их в принципе было невозможно с этой высоты. Я тогда вызвал вертолетчиков. Им-то хоть можно, они с противоположной стороны насовали боевикам хорошенечко. Потом я еще артиллерию вызвал, потом еще дымами прикрыли. Короче, мы залетели в итоге на эту высоту. Когда зачищали уже, духи в своих норах начали взрываться. У них были ошейники специальные, со взрывчаткой. Подлетаешь к нему — бах! — и башки нет. Делалось это для того, чтобы их потом не могли опознать.

Вот такой был бой. Три дня длился. Мы, когда высоту взяли, наверху повесили тельняшку. Потом приехали сирийцы, телевидение, вся фигня — туда притащились, тельняшку хотели снять и повесить вместо нее сирийский флаг. Могли бы снять, но тогда на защиту тельняш-

ки встали афганцы — «фатимиды». Подлетели к сирийцам, начали стрелять им под ноги, указывая на тельник, говорят: «Руси, мы никому не дадим здесь повесить другой флаг». Вот такая уважуха у них была.

Но бой был, конечно, очень тяжелый. Если честно, мы даже не могли посчитать количество противника, потому что он убегал от нас, укрывался по лежакам. Но если судить как раз по этим лежакам, их было порядка тридцати человек. Считай, целый взвод. Такой хороший, качественный опорный пункт. Первый эшелон, второй эшелон, норы. Хорошо, хоть авиация помогла — если бы не «летуны», нам бы пришлось долго еще за эту высоту воевать. Вот если бы сирийцы и «фатимиды» с нами шли, то все было бы проще, местность позволяла им все видеть и простреливать. Я, кстати, в афганцах тогда сильно разочаровался. Думал, они более воинственный народ. Но, как оказалось, нет.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ С БЕСПИЛОТНИКАМИ

— Когда только начали работать в Сирии, у нас появился сформированный взвод беспилотников. Были до того электрические беспилотники «Суперкам», но они работали плохо и не показали результата. А в любой задаче, в любом деле важен результат и профессионализм. Короче, загубили проект, и какое-то время они ничего не показывали. В итоге мы поехали, отучились и начали работать.

Было еще такое — все отряды относились к БПЛА так: «Ай, да чо, бесполезное все это». Ну такое отношение было до поры до времени. У нас все были достойными операторами, все как на подбор хорошие ребята. Все быстро выучились, все вникли, заинтересовались — не было никого, кто бы вечером не сидел перед ноутбуком и не разбирался.

Для разведывательных целей и корректировки на данный момент «Орлан» — один из лучших самолетов по эксплуатационным качествам и по работе. Он может летать в дождь, он может летать в ветер. Мы летали в некоторые моменты при ветре в 25 м/с, и он летал. Ему не нужна взлетка, чтобы взлететь, а это основной показатель, ведь любой большой беспилотник привязан ко взлетке. А «Орлан» взлетает с машины. Мы поставили катапульту на машину и, как он взлетает, выезжаем с поля. Садится вообще на руки — пацаны сами ловили. Плюс он под облаками может летать, его не слышно особо, особенно если дождь. А если это город, то его вообще не видно и не слышно.

«НОЧНИК» НА ВЫСОТАХ

— Эль-Барда — это две высоты. С одной стороны стояли «Карпаты», и железная дорога проходила посередине. «Горлышком» ее называли. По ней еще хотели закатить поезд, заминировать его и запустить к духам. Рядом шла гряда к Пальмире.

Был интересный бой, но мы тогда поржали чисто. Тогда вооружение было хорошее, оборудование поставлялось. Мы зашли на высоту на левом фланге, нам командир стоящих там бойцов говорит: «Вы посидите, там пока активность духов». Мы вышли, закрепились, ночью сидим, и тут у меня наблюдатели докладывают: «Духи!» Я командую: «К бою». Все вышли на свои позиции. Духи вытаскивают ДШК, в воздух т-р-р-р-р, стрельнули — видимо, думали, что на высотке сирийцы стоят и от одних звуков ДШК в штаны наложат.

Идут десяткой — довольные, счастливые: мол, сейчас сирийцы свалят, и они займут позицию. А у нас приборы ночного видения. Плюс у одного из наших была система «Пирс», она оказывает помощь ночным приборам, как луна — включаешь, и ночные приборы видят

хорошо. Правда, противник тебя тоже видит хорошо, если у него есть «ночники», можно засветиться. Так вот, парень включает «Пирс», и все в «ночники» видят территорию, как днем. Ну, мы присели и, как в тире, начали их щелкать. Трех духов мы тогда вальнули, остальные буквально сразу испарились.

ХЛОПЧИК-ГРАНАТОМЕТЧИК

— Сирия. Встречный бой. Дистанция до противника — 200 метров. Мы предугадали погоду, в сумерках они плохо воюют. Мы зашли на них с левого фланга, как положено. Был у нас хлопчик-гранатометчик, ему дали китайские РПГ-вторые, которые стреляли через раз. Короче, он прыгает с брони, занимает позицию для стрельбы. Задача у него была — погасить огневую точку противника, пулемет. Делает выстрел, а не предусмотрел, что позади него на близком расстоянии колесо транспортного средства. При выстреле из РПГ происходит обратный выхлоп снаряда, и дистанция до любого объекта позади тебя должна быть не менее 2–2,5 метра.

Он производит выстрел, обратный выхлоп снаряда откидывает его вперед, он падает, разбивает лицо. Потом вскакивает, берет второй гранатомет, опять производит выстрел, опять так же падает, снова вскакивает и произносит такие слова заветные: «Эх... Я понял! Нужно было рот открыть!» А его товарищ, ведущий огонь из стрелкового оружия из-под машины, говорит своему напарнику: «Видал?! Сейчас мы тут навоюем...»

СЕКРЕТНАЯ ТАКТИКА «ФАТИМИДОВ»

— В Пальмире были впервые. Впереди нас шли «фатимиды». Спускаемся вниз, и каким-то чудом они ока-

зались позади нас. Это их секретная тактика. Они, оказывается, просто ушли. С другой стороны должны были растащить противника сирийцы, но и сирийцы тоже ушли, и мы остались один на один с духами. Два «двухсотых» у нас было.

По нам там снайпер работал. Ну как снайпер... Все говорили, что у него оружие какое-то диковинное, иностранного производства. Но это был бред. Когда посмотрели по гильзам, стало ясно, что это был охотничий патрон на нарезной ствол. Не знаю, какой модификации и марки, патрон был не наш, но это был охотничий, не более того. Да, расстояние прямого выстрела — 200 метров, он четко попал одному нашему товарищу прямо в сердце, тот погиб на месте. Второй товарищ, чтобы достать тело, начал прикрывать с пулемета — работал уверенно, четко. Снайпер ему зарядил четыре попадания: с первого попадания срубил пулеметчика, но тот работал еще. А вот на четвертом попадании поразил цель. Пришлось нам оттянуться на некоторое время, отход прикрывали, пока тяжелые не подошли, простыми 5,45, мортирной стрельбой — просто чтобы пули свистели, и противник не поднялся.

Тогда мы поняли главную тактическую хитрость «фатимидов» и наших доблестных союзников. Если отступаем, они идут впереди. Если наступаем, они идут позади.

ЛОЖНАЯ ПОЗИЦИЯ

— Когда первый штурм Пальмиры был, мы в окружение попали. Духи на нас в лоб не пошли, а выбили сирипутов с другой высоты. Мы тогда впереди были, а вместе с сирийцами стояли пацаны из первого отряда — расчет «Утеса», четыре или пять человек. А против них — человек 30 духов. Они там уже перекидывались

гранатами. Парни «Утес» ставили то с одной стороны высоты, то с другой. Ночью на одну позицию перетаскивали, днем — на другие.

У духов беспилотник был... Ну, бутылки эти летающие. Они из бутылок пластиковых беспилотники делали, вешали на них GoPro-камеру. Когда эта штука летала над нами в первый раз, мы не поняли, что это такое. А беспилотник этот посмотрел, где позиции пацанов стояли, и на рассвете на одну из позиций «Утеса» забегает игиловец с поясом шахида. Забежал, крикнул «Аллах акбар!» и подорвался. Пацаны на позиции смотрят — там какие-то палки разлетелись во все стороны.

Сперва не поняли, что случилось... А вышло как: дух этот на ложную позицию заскочил, так как пацаны заранее подсуетились и сделали там ложную позицию, которую игиловцы приняли за еще одну точку с «Утесом». В итоге подорвал он не пулемет, а стопку палок и веточки. А парни говорят: «Мы со стороны наблюдали и вообще не поняли, что это было».

ИСТОРИЯ ВОДИТЕЛЯ КАМАЗА

— Я постоянно водителем был. Все командировки прошел, ни разу ни в резерве не был, нигде. Седьмой год пойдет.

Когда шли в сторону Пальмиры первый раз, в 2016-м, нужно было дорогу освободить. А там получилось так, что духи расположились аккурат на высотах вдоль дороги. К примеру, брали мы высоту 939. Приехали на точку в пять утра — и началось веселье на целый день. До пяти вечера не могли мы их выкурить оттуда. И авиация их там бомбила кучно, воронки — как после ядерного взрыва. Вроде туда сверху скидывали 500-е ФАБы, или даже 1000-е, черт его знает.

Но хочу сказать, как воины духи молодцы — держались за высоту крепко, до последнего. Молодые парни были. Только когда с трех сторон начали их прижимать, у них там паника началась. В итоге всех их накрыли. Ну и все, по этим высотам, высотам, высотам — к Пальмире.

ВЫСОТА 989

— Я ходил с ребятами на Пальмиру, на первую, с «тройкой». Штурманули горушку, я наутро к ним присоединился, потому что вечером заняты были, и я вот с ними две недели по горам скакал.

Мы на «двушке» заночевали. Была весна, а я что-то сгоряча спальник не взял и ночью на посту задубел. У меня был только коврик, я в него заворачивался и забивался в щель в скале. Дубака я тогда поймал серьезного. А потом наутро ветер поднялся, пыль небольшая, и видимость сильно упала. И Женька, командир наш, взял взвод. Спустились с горы, пересекли ложбину между двух хребтов, там километра два, может быть. Перешли на гребень, по нему поднялись и пошли вдоль высоты 989 в сторону Пальмиры.

Дошли, заняли позиции, нашли духовские брошенные опорники и землянки внизу. Снайперы вперед выдвинулись, а духи засели на этом гребне, который мы обошли. То есть в тыл к ним зашли. Их видно, дистанция около 1500 — эсвэдэшка, соответственно, не дотягивается. Был у нас один дальнобой, сделанный из ПТРа (ПТРД или ПТРС) 43-го года. Ну и разлет там большой — корректировать приходилось по фонтанам попадания.

Лежим с биноклями и наблюдаем. Двойка наступает, выдавливает духов к нам, а мы им уже за спины накидываем. Они уже как-то не поймут, откуда летит,

бошками вертят. Одного ранили — духи уже потом не стали судьбу испытывать, раненого схватили, снялись с позиции и ушли вниз. Докладываем по станции, что духи ушли, ребята сшибли их — значит, можно идти. Но ребята наверх не полезли, а пошли по ущелью между двух хребтов.

Километра два мы их тоже наблюдаем. И они, получается, идут понизу — мы их видим, два человека передовые, а наверху сидят духи. И получается, что духи наших спалили. Мы орем по станции, чтобы передали парням, что их духи видят. Неприятно было: все видишь, но сделать ничего не можешь. Но духи, правда, ушли, не стали ждать, видимо, поняли, что группа немаленькая идет, отошли.

Загнали их на 989-ю, кто-то ушел по равнине в сторону Пальмиры, кто-то там остался. Но там уже так, возня.

ПРОВЕРКА НА ДОРОГАХ

— Был момент. Из Пальмиры выходило два больших туристических автобуса. И вертолетчики отработали по ним, сожгли эти автобусы полностью. Тут ропот пошел: а если это мирняк? А если это то, а если се. Ну как же так? Ну, парни наши прыгнули в БТР, спустились потом, когда уже духов откинули с трассы. Подскочили к этому автобусу, залезли внутрь и достали автоматы этого «мирняка». Я поставил их возле сгоревшего автобуса, пару фоток сделал, чтобы потом никто не голосил.

КАК ВЫЧИСЛИТЬ ГАУБИЦУ

— Потом уже духи из Пальмиры гаубицу подтянули и стали нам накидывать. Немножечко неточно, но

так — все ближе и ближе. Корректировались как-то. Я сидел на своей позиции, увидел вспышку. И точно, упало в стороне. Точку нашел примерную, командиру ориентиры дал: слева от посадки. Наблюдаю дальше. Еще вспышка. Начинаю считать, чтобы примерно дистанцию определить. Вычислили, нормальные дали координаты армейцам — так они в этот квадрат со 152-х ударили в ответ. Не уничтожили, но рядышком положили. Духи поняли, что их спалили, свернулись и уехали. Тоже интересно: бум, в тебя стреляют, и ты ждешь, когда прилетит, куда прилетит. Интересно.

СБОРКА-РАЗБОРКА СИРИЙСКОГО АВТОМАТА

— Сирийцы, честно говоря, удивляли своей... не знаю, халатностью, что ли. Как они воевали с таким оружием? Все ржавое, кривое.

В первый раз, когда приехали в Сирию, был случай. Стояли тоже с одним сирийцем, а он оказался православный, не мусульманин. Нам тогда давали сухпаи армейские, а в нем был шпик — сало такое, запечатанное. Есть его невозможно, а этот сириец его ел, и нормально ему было. Аж за ушами трещало. Короче, мы ему это сало скармливали.

И вот как-то приходит он к нам, тоже продукты приносит от себя — такой бартер получался, мы ему сало, а он нам всякую еду местную. Сидим, ужинаем, общаемся. Он рассказал, что им в армии давали один рожок на автомат. А как «аду» [враги] полезли, отстреливались, бросали стволы и убегали.

Я решил посмотреть, чем таким сирийцы воюют, если стволы бросают. Взял его автомат и разобрал. А он ржавый до невозможности. Я говорю: «Его надо чистить, туда-сюда». А у него глаза по пять копеек — охренел, подумал, что я ему автомат сломал. Он даже

не знал, как разбирать автомат. Я говорю: «Давай, собери», а он: «Чего ты мне его разломал?» Ну, я ему начал показывать, как собирать, разбирать. В итоге под моим руководством собрали. Потом говорю: «Разбирай сам».

Показал, что ствол нужно чистить постоянно, механизм. Потому что песок, бури эти песчаные, от них автомат клинит так, что не стрелял совсем. Ну вот, и пока он с нами был постоянно, мы его научили автомат разбирать, чистить. Он нас в гости потом приглашал. Сам в Латакии жил, семья у него в Европе живет, а он там, в горах.

Были случаи, когда на позиции к сирийцам спокойненько заезжали духи, расстреливали двух-трех человек, и остальные сирийцы руки поднимали. Боевики говорят садыкам: «Вон отсюда». И те убегали, а духи снова занимали высоты. И мы потом за эту высоту снова долбились. То есть боевики сирийцев не трогали, просто забирали оружие и отпускали. Я всегда поражался, насколько они были трусливые, не сопротивляются совсем. Просто знают, что их сейчас завалят, хотя у каждого есть оружие. Ну вот почему ты не сопротивляешься? Почему ты такой баран?

ТРЕТИЙ НОМЕР

— Парень у меня погиб из расчета. Вот у меня был расчет пулемета «Корд»: я, мой брат и Леха, парень с Дальнего Востока. Мы с этим парнем давно были знакомы, вместе в ополчении были, и он к нам просился, ну его взяли. Он автостопом с Владивостока ехал и только из Екатеринбурга позвонил, мол, ни денег, ничего. А так сам добрался. Мы ему кое-какие деньги отправили, и он говорит: «Хочу в контору». Так вот он у нас третьим номером стал.

Мы стояли на карьере перед трехсторонней развязкой, я ушел вперед наблюдать. Вечером располагаемся, с нами парни стояли; все распределились, кто где мог, и естественно, мы тяжелые, нам трудно оружие свое расставить так, чтобы мы могли вести бой. А там просто ровное плато, ничего нет, один пустынный город с правой стороны. Ящики стоят пустые. С нами были приданные сирийцы, мы с ними ящики от СПГ понатаскали, наложили в стенку все и легли за стеной. А мне места не хватило (*смеется*). Блин, сам предложил стенку строить, самому места за стенкой не хватило. Ну, много народу: агээсники, «сапожисты», мы с «Кордом». Ну я, в общем, лег с краю. Утром пошел наблюдать к пулеметчику, он впереди стоял. Там выкопать ямку нельзя, там чисто так, пузо положил. В бронике и каске лежу и в трубу-«сотку» наблюдаю.

Первый прилет был четко передо мной. Бах, я вжался, лежу. Метров пятьдесят удаление. Следующий прилет был правее меня — попал он в сирийцев, там у них

стояла зушка, туда прилетело. И все, я понимаю — вот они. Я схожусь по линии — там 50, там 50, еще докрутить, и следующая будет моя. Бах — и летит мимо. Только я выдохнул, в эту же секунду понимаю, что парни-то сзади, и прилет был сзади.

Я бегу к позиции, зачем-то на ходу сбрасываю бронник, каску. Подбегаю и не могу понять, что происходит, потому что все черное, двое сирийцев стоят — у одного челюсти нет, у другого носа. Вот они стоят, прилет поймали. Мы так и не поняли, что это было — 120-мм или баллон. Я позже хвостовик нашел, но его могли и к баллону припаять. Взрыв был мощный. Леха, наш третий номер, лежал перед братом, чуть пониже его. Брат лежал за ним повыше, 13 дырок в нем. А Леха лежал ниже. Ну, он был весь в кашу. Я просто бегу, все изменилось, перевернулось. Прилет был четко в ящики, и Леха, получается, закрыл собой моего брата.

Я к брату подбегаю, у него изо лба кровь течет. Думаю: ну все, башку пробило, и вот думаю, что буду матери говорить?

— Что с головой? — спрашиваю его.

— Да хрен с ней, с головой, по ходу сердце.

В этот момент машина подъехала, мы его погрузили, Леху. Третьего номера даже трогать не стали, потому что я вижу — в голове дырка с апельсин, глаза впали уже. Там не до «двухсотых» было, а «трехсотых» было много — шесть тяжелых. Ну и сирийцы, один без носа, другой без челюсти. Брата вертолетом увезли потом, заштопали, и он уже из госпиталя сбежал. Когда мы вернулись, он уже на базе в России был, спрашивал, когда и куда ехать. Ему отец все твердил: «Да лежи пока, долечись!» Ну в башке теперь пластинка титановая. А с сердцем пронесло — осколок ему не сердце, а селезенку покоцал. Осколок там закапсулированный лежит.

ПРО ЗАКЛИНИВШИЙ ПУЛЕМЕТ

— Еще одного пацана перевязывал, пережгутовывал. Тоже ситуация: у меня пулемет. Как оружие, в принципе, хе*ня, но, можно сказать, однажды помогло. Мы как-то стреляли, у меня пулемет закусило, я ушел с линии огня, и как раз с моей стороны прилетело. Со мной стоял автоматчик, и как раз, если бы я не ушел, может быть, все бы в меня прилетело. А так троих тогда ранило.

Так вот, автоматчику перебило предплечье, кость, одному — в ногу и еще одному, командиру отделения, штуки четыре осколка прилетело. То есть там очередь была такая, нормальная. Выходит, если бы пулемет не закусило, я ж стоял самый крайний, все бы в меня прилетело.

«СЧАСТЛИВЫЕ» НАКОЛЕННИКИ И ПРОЧИЕ ТАЛИСМАНЫ

— Еще был пацан, у которого всю командировку было суеверие, что наколенники у него счастливые. Вот он пять месяцев ходил в наколенниках, даже спал в них. И вот где постреляю, он потом туда идет, и обязательно туда что-нибудь прилетает. Другой момент — он искупается, выходит весь в пыли, грязный, потому что рядом прилетело. И вот он все пять месяцев спал в наколенниках.

У меня тоже свой оберег есть. (Показывает что-то вроде серебряной иконы.) Подарок товарища, от насильственной смерти. Пока не попали. Ношу четыре года, с тех пор, как в контору пришел. Когда я по контракту служил, пришел ко мне пацан новенький, со срочки. Я его и других молодых подготавливал. Когда уходил с контракта, пацаны подарки делали разные.

Старшина, к примеру, каску подарил, она тоже помогла, но не мне. Я ее одному пацану дал, осколок от АГСа или от крупняка ему прямо в лоб прилетел, а каска выдержала.

АВСТРИЙСКИЙ СПАЛЬНИК

— Тогда было очень холодно, обморожения были до ампутации у парней. Пальцы кому-то отрезали. Вновь прибывшим бойцам, которых только набрали, раздали «горки», а там морозы были от нуля до хорошего минуса, и ветер сумасшедший. А это Пальмира, уже высоты пошли — и начались обморожения. Там все серьезно: живешь на улице, никаких палаток, ничего такого не было. Пенку постелил — и спишь, почки потом прихватывает. А смотришь у сирийцев — палатку привезли, печку привезли, кучу одеял, кучу матрасов. Мы так со взводником смотрим — а мы просто на улице живем, на камнях спим, холод страшный. Мне-то хорошо еще, повезло, у меня был еще австрийский модный спальник, вот он спасал офигенно. Это вначале компания давала. И мы прямо к сирийцам: «Можно у вас поспать?» Ну, у них хоть палатка и печка, вообще изумительно. Как раз активные боевые действия перешли в замедленную фазу, и вот мы пару ночей таких серьезных, морозных, у них переночевали.

ПРЫЖОК НА 10 МЕТРОВ

— Я видел случай, когда у нас парень прыгал метров под десять. Мы вышли и уперлись в три опорные точки с ДШК — справа, слева и прямо. Это была высота 583, перед 939, перед Пальмирой. Вышли и уперлись,

не могли пройти. Упирались-упирались, у нас товарища с «Дашки» подбили. Ему тогда плечо вынесло. Мы его вытащили и поперли чуть дальше, пока не уперлись в «сиську».

И вот когда обходили «сиську», там скальник был и обрыв слева. Наши прошли чуть вперед и опять же уперлись во второй пулемет, он начал слева работать. Мы отошли метров тридцать, и вот наш командир прыгал там, прыжки такие делал, я тебе говорю — метров под десять, наверное. Пух-пух, на меня только посмотрел, а я его прикрывал. На меня только посмотрел и давай. Это было реально.

Был еще случай, тоже с товарищем. У нас тут мало верующих, мало православных. Ну и разговор у нас был на эту тему, что мы можем что-то чувствовать во время боя. И этот товарищ мне после боя говорит:

— Блин, я знал, что сейчас вылетит граната, у меня были моменты, знал куда прыгать, было время ее отбить назад.

Ну это я так рассказываю, потому что оно раз и выскочило. И ничего, все нормально, его даже не задело — так, горку чуть порвало, он потом еще капюшон показывал всем.

— *А почему такое предчувствие было?*

— Он говорит, будто это все уже видел, как дежа вю. Мы же несильно это можем объяснить, особенно в моменты боя, как оно там происходит. Оно уже на подсознании, начинаешь носиться. И вот он говорит: «Да, как будто знал, что выскочит граната. Как будто второй раз».

КАМЕНОЛОМНЯ

— Первый свой бой я помню. Хороший был бой. Перед высотой 939 была задача, когда заходили на каменоломню. До этого в серьезном бою, когда прямо видишь

противника, я не был. До этого Кавказ, все это, но там чуть по-другому все было. А в этом бою — да, прямой контакт.

Мы вышли на духов, они как раз молились, и потому нас прое**ли. Мы подошли, справа 939 была, такая каменоломня, и мы там крутились, потому что задачи четкой не было. Справа от нас другое подразделение было. Мы пошли слева, там где-то метров 300–400 «сиська», а на ней бруствера.

Рядом со мной были ребята такие, на которых посмотрел — и все. Да, сначала, конечно, момент был, я с пулеметом, сначала был ступор небольшой, как на бруствер упали. Я еще радейку нашел в самом начале боя. Вот этого товарища, который потом от гранаты убегал. Ну и что — бой начался, поработал, смотрю — упал, и все. Тогда уже поперло.

Отделение наше вообще еще вперед продвинулось. Прикрывали потом еще отряд соседний, до вечера сидели. Я буквально сюда ехал и видел парня из того подразделения, мы с ним вспомнили друг друга, он говорит:

— Я помню, как работал пулемет с вашего хребта, помню, как я бежал на него, помню, пулеметчик мне башкой махнул, и я давай на пулемет.

Я над ним работал. Они отходили, их начали отрезать уже, у них там тяжелые остались. Они прошли вперед, и их начали отрезать с двух сторон. Они уже отходили, а у нас хребет был соседний, метров 600–800, наверное, между нами было. Они по склону неслись к нам. Ну отошли, помогли немного пацанам.

У меня товарищ рядом был, снайпер очень хороший. Кстати, наверное, за все время работы я больше таких снайперов не видел. По-настоящему рабочих, без каких-то там понтов. И он меня корректировал. Я тогда понял, что такое пулемет и снайпер рядом. Он с СВД не мог нормально работать с расстояния 700–800 метров,

тем более горы, ветер, а с пулемета — у меня «Печенег» был — вообще все красиво.

Вот это был первый бой такой. Хороший.

ПЕРВЫЙ БОЙ СНАЙПЕРА

— Пришел я в компанию в 2015 году. Молодой, очарованный. Сдал физо, на огневую, потом уже в 2016 году была первая командировка — в Сирию. Там был у меня первый реальный боевой опыт — колонны шли на ущелье. На подходе к ущелью зажали колонну у нас, головной БТР сожгли, БМП тоже из строя вывели. Экипаж БМП оказался заблокирован, машина на ходу была, за ним пошли, потом уже подтянулась полностью вся колонна, и начался обстрел. Это был первый раз, когда я принимал участие в боевых действиях. Как рассказывают уже люди, я осознавал, что происходит — вокруг стреляют, что-то взрывается, летит в кого-то. Ну я просто посмотрел налево, потом направо на товарищей, что они делают, и то же самое делал дальше. Я был снайпером. Это первая Пальмира.

Первый бой для меня, как для снайпера, никак не запомнился, потому что нас более-менее грамотно подготовили, но противник застал нас врасплох, и нас просто обстреливали. А мы пытались отстреливаться. Были личности, которые выделялись, тот же самый экипаж БМП, который ходили эвакуировать — там был один «трехсотый». Это вот эти ребята были под огнем, под обстрелом.

ДУХИ НА ВЫСОТКЕ

— Неделя до штурма Пальмиры, мы двумя отрядами поднимались на сопку, где был укреп духовский.

Приходили под утро, встали подразделением, но духов нет нигде. Смотрим, высотка впереди нас, командир мне говорит: «Пойдем посмотрим, все-таки она выше». Мы поднимаемся на бруствер, нас человек семь, наверное, уже скопилось, с разных сторон поднимаемся, заглядываем — а там дух на коленях стоит, молится. Он нас увидел, за оружием потянулся, а мы ему: «Поздно». Уничтожили его.

Ну а дальше мы все выступили, отработали, взяли опорник, выгнали духов, «задвухсотили». И вот что мне тогда запомнилось: Бог все-таки есть, и Он на нашей стороне. Стояло целое подразделение в количестве больше ста человек, у них пулеметы, гранатометы, и они могли нас просто расчесать с этого опорника. Мы на сопочки встали, и оказалось, что там были десятки духов и они нас не засекли, ничего практически не сделали. С этими ребятами мы разобрались быстро, красиво все сделали, отработало подразделение. Мы тогда еще все радовались, что реально, Бог есть, и Он на нашей стороне. Нас ведь тогда половина могла не вернуться.

МЕНЯ СЕГОДНЯ Е*НУТ

— Нас ночью по минному полю отправили — две роты, наших и садыков. После первого подрыва садыки сразу отошли, их человек 200 было. У них подорвался «головняк» — кому-то оторвало ногу, и они сразу сдристнули все, все 200 человек. То, что мы идем по минному полю, нам никто не говорил.

Шли мы так километров шесть. И по ходу движения у нас один парень сорвал растяжку, но она почему-то не взорвалась. Я видел потом, в кустах фугас лежит. Но потом, когда мы зашли на гору, этот парень погиб. Мы растянулись по хребту, вторая рота должна была зайти слева — зачистить. Но они не пошли, ушатали четырех

духов — и то потому, что один из них молился на посту, остальные спали.

Мы зашли на второй хребет, поднялись и растянулись. Я свой расчет убрал за скалы. Началась катавасия, начали подниматься. У меня был молодой парень, который скинул два короба от пулемета, потому что идти шесть км и тяжело, гора 800 метров где-то с нашей стороны, а с той еще выше. Я пошел поднимать эту сумку, нас там человек пять внизу было — то есть те, кто остался, и я спускался подбирать. И дух видит эту картину, его тут кошмарит слева вторая рота, и тут такая картина — ручеек людей поднимается, он бежит и отстреливается. Ну, он больше по нам стрелял.

Я поднял сумку и понял, что меня сегодня е*нут. Но, что интересно, дух ни в кого не попал реально. А вот когда мы растянулись, поехал с Пальмиры командирский пикап, проверить, идет ли наступление с нашей стороны — его духи раздолбали всей ротой. Один попытался сбежать, но не смог. Все, мы растянулись, день затянулся. «Двойка» не пошла, у них был танк садыковский, который боялся выехать. По ним работал один снайпер, и все.

Нас начали кошмарить с трех сторон. Приехали группой, они по полю объезжали километров за пять, и там человек по восемь на пикапах рассредоточивались. На дороге где-то я отмечал, 1,5 км прямая трасса на Пальмиру, это первый наш заход был, и там была разваленная гостиница у дороги. И вот они к этой гостинице подъезжали, рассредоточивались и шмаляли. Стояла гора, но они ее не занимали, до нее 1200 метров было.

Вот когда мы растянулись, пацаны оттянулись, до нас с третьей стороны, куда «двойка» не пошла, подтянулась еще группа духов. Они зашли на гору и начали кошмарить. Так у нас появились первые потери, и за один бой человек восемь «трехсотых» и где-то человек пять — «двухсотых». То есть потери были нормальные.

Первого у нас пацана убил снайпер. Он снял духа, и его в ответку снял снайпер, в глаз. Его кинулись вытаскивать. Его полез вытаскивать парнишка, казах — это был его первый бой. Ему перебили позвоночник. Пришлось и его вытаскивать. Когда я побежал помогать, его пацаны вытащили, спустили с горы. Там была открытка, по нам х*ярили, и когда я подбежал, он орал очень сильно. А он еще тяжелый, за сто кг веса. Ну тяжело было его тащить, причем с километр где-то.

Начали по нам стрелять, его уронили. Он:

— Ах вы, суки, что ж вы делаете!

Мы пригнулись и в ответку ему сказали:

— Заткнись, и без тебя херово. А еще и ты тут орешь.

Короче его вынесли, пошли за другими ранеными. Их было достаточно, следующего пацана ранили в шею. Отправили меня и еще несколько человек. А там место было открытое, там реально было негде ни спрятаться, ни укрыться. Парни там каким-то чудом пролезали между камнями, у них полкорпуса торчало, по ним отрабатывали мощно. Вот этого раненого положили на плащ-палатку и решили вытащить вчетвером.

Нас прижали так нормально, и один парень, метров за 200–250, попросил меня поменяться с ним руками. Ну, руки устали.

— Ну давай, осталось уже метров пятьдесят.

Мы поменялись руками, и тут одной пулей ранили этого парня в ногу и параллельно стоящего. Буквально секунда проходит: мы только поменялись руками, все поднялись — и у нас уже трое «трехсотых». Мы сразу, конечно, за камень, раненые на ногах все-таки допрыгали до камней, спрятались. А тот, раненный в шею, лежит в а*уе, тут со всех сторон кошмарят.

У нас еще паренек был неподалеку, он перелез, видимо, через камни, раненого перекинул и ушел. Я вот что заметил: у нас все пацаны нормальные были. Даже легко раненые ходили других вытаскивать.

Там, где я обстреливался, пришел парнишка на помощь, я его предупредил, чтобы медленно не ходил. А он:

— Да я знаю, не первая война.

Решил перейти — и получил сразу в плечо, в ключицу. Спокойно сказал, что он «трехсотый» и так же спокойно ушел.

Марафон, вот, был парнишка, погиб на гражданке. Постоянно везде помогал, и вот во время боя у нас раненым помогал, вытаскивал. И потом к нам на помощь прилетела вертушка. Мы все радостные: мол, помощь пришла.

Это был первый такой день, когда я раза три думал, что сдохну. Но как-то чудом все проходило мимо. Ну и потом, когда отходили, нас с «четверки» прикрыли, когда мы спускались ручейком. Все собрали, раненых увезли, отходили ручейком — чудом нас не размотало. Потому что огонь плотный был. Вот это была первая попытка взять Пальмиру.

Спустя четыре дня — первый накат мы отбили, пошел второй. До соседней горы километра два с полови-

ной. У нас ПТУРщик выстрелил и снял то ли пулеметчика, то ли кого, ПТУРом. С машины скинул просто, машина не взорвалась, человека подняли, закинули в машину обратно и увезли. Его просто ракетой сбило, выкинуло из машины. ПТУР не взорвался, ничего, но тот чувак, наверно, просто ох*ел от произошедшего. Это реальный случай.

КАК В КИНО

— Героизм — это такое понятие странное, это же выброс адреналина у человека. Ведь это все идет под воздействием таких наркотиков, которые вырабатывает наш организм, гормонов. И вот этот весь героизм... да, парни молодцы, бывает, показывают такие вещи, что я в шоке, но это все под воздействием гормонов, а никак не человеческий фактор.

Помню, под Пальмирой я один раз наблюдал, с дистанции метров 800 смотрел в оптику. Двигалось у нас первое подразделение, отряд № 1. Я не знаю, кто это был, но смотрю: парнишка забегает в окоп, кидает гранату, делает туда длинную очередь, прыгает в окоп, тут же из него выпрыгивает. Взрыв за ним, кто-то, значит, в него кинул гранату, и он опять туда, во вражеский окоп: ты-ды-дын, стреляет и только потом опять залезает и теряется в окопах игиловских. Вот это было вообще как в кино, в экшенах показывают. Я не знаю, кто это такой, но поступок офигенный. Такое только в боевиках можно увидеть.

Глава 8. Ханассер: бой за «дорогу жизни»

(февраль 2016 г.)

Приостановка наступления на Пальмиру, произошедшая зимой 2016-го, была вызвана высокой активностью боевиков на других направлениях и необходимостью решать стратегические задачи на других направлениях — в частности, в Алеппо, где сирийская армия вела затяжные бои за центр провинции.

Если взглянуть на карту боевых действий в Сирии тех времен, то станет видно узкую полоску территории, контролируемой сирийскими войсками, между анклавом боевиков в Идлибе и землями под контролем ИГ. В этих местах через населенные пункты Ханассер, Итрия и Ас-Саламия проходит единственная дорога, связывающая осажденный Алеппо с основными силами. По этой дороге проходило снабжение города и его защитников, по аналогии с Великой Отечественной, она была названа «дорогой жизни».*

Именно сюда нацелились боевики «Исламского государства», чтобы взять реванш у правительственных сил за продвижение под Пальмирой и в Алеппо. 21 февраля 2016 года отряды ИГ начали наступление на юге провинции Алеппо. Боевики атаковали блокпосты правительственных войск на северной оконечности «дороги жизни», в районе населенного пункта Ханассер. Результатом нападения боевиков стало блокирование Алеппо и полное прекращение поставок для сирийской армии и мирного населения, остававшегося в осажденном городе.*

---

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

С 23 по 24 февраля плотные бои шли в самом Ханассере — на помощь гарнизону пытались прорваться подразделения сирийского спецназа «Силы Тигра» под руководством полковника Сухейля аль-Хасана. Огонь РСЗО и авиации корректировали на местах бойцы ЧВК «Вагнер», находившиеся на позициях сирийской армии и ополчения «Лива аль-Кудс». Благодаря слаженной работе российских специалистов 26 февраля отряды сирийской армии освободили Ханассер и вынудили боевиков отойти. 29 февраля движение по «дороге жизни» в Алеппо было возобновлено.

«ГОСПОДИ, ДАЙ ДОЖИТЬ ДО КОНЦА!»

— Под Алеппо мы обкатывали «Бардаки». Видео есть на YouTube, где «Бардаки» наши обстреливают. Вот в нем я сидел, 88-й «Бардак» такой там ездил. Дым идет, дверь открыта у «Бардака», и по нему все стреляют. Вот я в нем сидел на пулемете. Сначала противник был на дистанции 600 метров, потом он начал вылезать в пятидесяти метрах, потом начал обходить нас с правого фланга и потом уже в жопу нам стрелять.

Командир, такой, смотрит видео потом и спрашивает: «А чего дверь не закрыта, бл*ть?» Да если бы я попытался дверь закрыть, мне бы руки отстрелили! У нас водителя на тот момент уже тяжело ранило, его оттащили, и поэтому сидел другой человек.

Нам должны были сирийцы помочь, они так танцевали перед боем, так плясали. Не помню, какая партия у них была, думал тогда — сейчас порвут и наш «Бардак». Мы должны были поддержать сирийцев, два отделения пехоты, и поэтому два «Бардака» выдвинулись на передовую линию, где находился противник. Парни из пехоты, из 4-го сводного взвода, спешиваются, раздвигают фланги, там сирийцы подбегают. У них там дистанция метров 400, их человек 100 было — мы уходим,

а они остаются. И когда все пошло не так, сирийцы стояли, снимали нас, и все. Ни один, собака, не подошел. Мы часа полтора откусывались, у нас видеорегистратор в машине стоял, мы полтора часа плотно кусались с противником. Очень плотный контакт был, ну если в пятидесяти метрах боевики вылезали и с гранатомета по нам работали.

Я сидел еще там и молился: «Господи, дай дожить до конца!»

Все люди верующие. Даже взять мой случай, когда лежал и читал молитву, когда было совсем тяжело. Когда создавалась такая плотность огня, что ты лежишь просто под каким-нибудь гребешком и пули рядом летят. Соответственно, вспоминаешь все: все твое детство пролетает перед глазами, вспоминаешь и детей, и жену, родственников всех. Даже моменты проскакивают: мол, х*ли ты сюда поперся, и все остальное. Но это проходит, это порывы адреналина, которые проходят в рабочем моменте. И Господа Бога сразу вспоминаешь, все вспоминаешь. Это человеческий адреналин вырабатывается.

КВАРТАЛ «1070»

— Была у нас в 2016 году краткосрочная командировка в Алеппо. У нас был небольшой состав, были БРДМы. Там такой хороший контакт в городе был. Я плохо ориентируюсь по районам, это вроде было в недостроенных жилых кварталах «1070». Там высотка, а возле нее, получается, жилой комплекс. И там футбольное поле — площадка, и мы как раз на выходе на футбольную площадку столкнулись с противником. Он вообще не ожидал, что это произойдет. Когда мы зашли, боевики там просто сидели, матэ пили, кальяны курили.

И первые 15–20 секунд сначала никто не мог понять, кто есть кто. Мы шли впереди, позади нас — сирийцы, и до последнего, пока нас не начали окучивать, все думали, что это сирийцы. Ну потом уже завязался бой, он был долгий. Мы с обеда, с двенадцати примерно, начали, и до темноты нам не давали выйти из этого района. Было всего две штурмовые группы и снайперская пара — я и мой второй номер, мы были на прикрытии. Работали. Много нового для нас было, потому что до этого мы в пустыне в основном работали, а сейчас уже был город. Но вышли из этой ситуации достойно. Да, конечно, «трехсотые» были, тяжелые были, но убитых не было.

Из того, что я видел, что запомнил, это как мой друг пулеметчик работал просто от бедра, с одной ленты человек 5-6 положил сразу. Когда пошли на этот район, началась лютая суматоха, боевики поняли, что к чему, а мы еще нет. В эфире полная сумятица — кто, чьи, где. И когда поняли, мой друг первым открыл огонь, а он шел вторым от головы. Вот он открыл огонь и первой же очередью эту группу и уничтожил.

Не доходя до этого района, метрах в семидесяти, стояла высотка, — на ней сидели мы со вторым номером. Мы за сутки до того залегли там и наблюдали — занимались сбором информации, разведкой. На следующий день при-

ехали две группы по семь человек в каждой, плюс были «Бардаки». Они приехали, выдвинулись по длинной узкой улице, дошли до конца и налево, и направо, ну и там был забор. Они дальше начали двигаться вдоль забора, и тут вот все и произошло, когда они подошли к первому строению. То есть там оказалась группа непонятных людей. А когда определились, отработал пулеметчик. Потом уже непосредственно в работу включились «Бардаки», начали помогать продвижению. Потом уже я начал работать.

Через два часа боя у нас появился первый «трехсотый» — в ногу ему попало, кусок бедра вынесло. Потом, через 20 минут, еще двое «трехсотых» появились. Они прикрывали отход всей группы, и в итоге одного взрывной волной травмировало, а второму через локоть прострелили печень и кишечник.

Что я запомнил, я там первого своего снайпера убил. Я долго-долго за зданием наблюдал уже в процессе эвакуации группы, выждал его. Небольшая дистанция была — 400 метров. Вот уничтожил первого снайпера. Там еще цели были, но это то, что мне запомнилось именно в ту командировку.

Происходило все примерно так: была такая позиция, дом с надстройкой, она у нас называлась «кукушка». То есть явно хорошая позиция для снайпера: выделяющееся здание. И я за этим зданием долго наблюдал, но до последнего я там никакого движения не видел. Хотя по докладам штурмующих групп было уже известно, что с него работает снайпер. Я не мог долго понять, откуда он стреляет. А перед этим зданием был разрушенный недострой, засыпанный землей, — такой вал. И вот эта зараза, получается, между куском вала и вторым этажом работала. И когда уже, так скажем, все ненадолго подзатихло, когда эвакуация уже практически завершилась, ребят из того здания, где их зажали, уже оттянули в серую зону, снайпер показался —просто вышел в полный рост. И я с первого выстрела его срезал.

Я даже помню четко — у него была СВД, как и у меня. Он направил винтовку на здание, где находились наши «трехсотые». Что-то пытался там увидеть, ну и я его выстрелом в шею снял.

НАЛЕТ «ШАХИД-МОБИЛЕЙ»

— Атаковало нас тогда пять «шахид-мобилей», один результативно. Взрыв такой, что я ударную волну видел — такое ощущение, будто пятисотку скинули. Грибок вырос. Рядом союзный блокпост находился, машин 5–7 стояло — мы тогда у духов затрофеили Mitsubishi L200, и я думал колеса для нее где-нибудь надыбать. Так от того взрыва «шахидки» от «Мицубиси» даже колес не осталось.

Вторая «шахидка» была машина типа Dodge, нашпигованная авиабомбами и разными баллонами. Они продвигаются к нам — и увидели УАЗ. Таких машин в Сирии не так, чтобы много, сразу понятно, что это русские. «Шахидка» это понимает и рвется на всех парах к уазику. По ней работают с автоматов, пулеметов — машина кряхтит, трещит, но прет. Хлопцы, которые были у уазика, посмотрели, что на них движется машина, и начали убегать. Один из наших был в броне и каске, он ломанулся до ближайшего бруствера, а до него расстояние около 70 метров, я думал, с такими делами он на олимпийский рекорд может выйти. Он это расстояние покрыл почти мгновенно, хотя хлопчик такой, довольно грузный. Взрыв — от УАЗа остался один бампер. Парням повезло.

ТАНКОВАЯ ДУЭЛЬ НА ХАНАССЕРЕ

— Еще один случай был на Ханассере. Танковая дуэль. С нашей стороны — один Т-90, против него — два

танка Т-72. Дуэль была довольно длительная, практически пять часов. Т-90 даже перезаряжали несколько раз. Ребята с танка спокойно, с толком, с чувством, с расстановкой, без суеты заряжались, раскидывали тактику, чтобы танки духов подловить. И выполняли работу на 5 с плюсом. Но дуэль в итоге закончилась со счетом 0:0. К тому моменту у нас был скован оперативный простор — расстояние метров 70, от угла здания к углу здания. У противника оперативный простор был километр-полтора, но он с позиции больше двух выстрелов не делал. Дальность до противника была 3500–3700. Приличная дальность, но там экипаж у противника был довольно-таки слаженный — умело прикрывался скрытыми зонами, использовал их, четко выходил на линию выстрела. Определить танк сразу не удавалось — он весь был абсолютно рыжий. Духи проявляли фантазию и смекалку. Про противника говорить, что они плохие, очень поспешно: они довольно-таки грамотные были, подкованные.

АРТОБСТРЕЛ ПО ВЫШКЕ СВЯЗИ

— Еще один курьезный случай был. Пошел я за водой на Ханассере — и тут началась артиллерийская дуэль с САУ. Наши 152-е против 122 мм у противника. Я тогда впервые в жизни увидел, что может быть рикошет от снаряда.

Подхожу к тогда еще живому «Мицубиси», беру воду, чай, кофе — я загнал машину между валунами под вышкой связи, и, получается, машина под прямым прикрытием, только тыл открыт. Копаюсь в шмурдяке — и тут резко прилетело. Когда в тебя летит снаряд, ты его практически не слышишь. Визг, бам, аж земля задрожала, я даже не понял, что случилось. Единственное, что увидел — это как снаряд отрикошетил от гранитного камня,

как пуля от автомата. Камень раскололся на несколько частей. Я своим глазам не поверил, думаю — никому не надо говорить, а то не поверят. Потом подошел к артиллеристам, и они мне объяснили, что боевики либо замедлитель неправильно установили, либо весь тротил и тол слили со снарядов, и они просто как болванки падают и рикошетят. Мол, если бы там была полная начинка, мы бы сейчас не разговаривали.

Били они, кстати, очень точно. Я тогда посчитал — они вышку связи использовали как ориентир. Ее далеко видно, она метров 150 в высоту. И получается, духи били по ориентиру, но попадали очень точно.

ПРОЕХАЛ ПО МИНАМ

— После этого случая я решил переставить машину. Сажусь, объезжаю пост наших союзников, еду — и вспоминаю, что где-то мины должны стоять, тээмки. Меня на кочках подкидывает, кое-как объехал, поставил машину в овраг — и вижу, по моим следам едет танк. Только он въехал на колею за мной — сразу происходит два взрыва, ляп-ляп, две гусеницы разносит в хлам. Я тогда подумал, что же за день такой счастливый, раз дважды уберегло. Чтобы тээмка сработала, нужно 200 кг давления на мину. К примеру, наши «Нивы», на которых многие ополченцы в Донбассе передвигались, эти мины просто пролетали на скорости. Как-то на одном из блокпостов эти мины просто разложили, а ребята по ночи, не глядя, по ним проехали насквозь, и ничего. Давления не хватило.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ХАНАССЕРЕ

— Дело было на Ханассере. Пошли вытаскивать военных и переводчиков, которые поехали туда и попали

в окружение, причем с ними наши парни были. И вот нас взвод, что ли, человек 50–60 отправили туда, танк еще был, один расчет миномета. Должны были оказать помощь. Проехали блокпосты, все нормально. Туда приехали, а там нам сказали, что мы тоже попали в окружение. Растянулись, до города было километра 3-4. Пока шли, авиабомбы в поле были натыканы везде, так что в город мы так и не попали.

И вот мы туда подошли, заняли первые рубежи, и нам сказали: «Надо ждать день-два, если что, вытащат, а духи оттянутся». До генерала дошли, сказали, что нужно отходить, он в отказ.

Ну и вот, был забавный случай, мы сидели, жратвы уже совсем не было, потому что дорогу перерубили буквально сразу после того, как мы заехали, приехали духи — и пошло-поехало. Сирийцы бросили позиции с танком, «Шилкой», взяли АГС и ушли. Вот там бегали, кошмарили духов — их там реально много было. И потом мы там в одном месте встали, расположилась группа подвоза — «Уралы», КамАЗы, и на них выехала «джихадка», чисто случайно. По ней начали со всего долбить, попадали в крышу, не пробили, она доехала — пацаны успели куда-то в канаву дернуть.

Потом нам сказали по рации, что может быть и вторая «джихадка». Туда поехал ротный проверять — кто там целый, кто что. И вот когда поехал ротный проверять, его машину приняли за «джихадку» и начали со всех стволов долбить по нему. (*Смеется*.) В итоге до парней докричались: «Не стреляйте, свои!» Но машина раздолбанная уже. Капсула бронированная была, слава богу. Остановились и в итоге разобрались.

Сказали продержаться два дня. Ну, мы бегали, воевали, и через два дня должна была прийти «Хезболла» и зачистить. Через день прорвалась колонна. Дебилы, мы же обложили дороги минами, чтобы к нам не приехали! А эти идиоты мимо нас, мимо горы ре-

шили проехать в деревню. Причем один довольно известный персонаж в роли старшего колонны. Он то ли музыку слушал громко, то ли что, ему не могли докричаться.

Ну мы видим, что они заходят в деревню, как раз мы дальнобоем доставали до КПП на въезде в город, накинули туда для острастки, и духи оттянулись. И тут, получается, вот эта колонна, которая ни х*ра не слышит, врывается на КПП, который мы только что распетушили. Ну мы же не знали точно, ушли оттуда духи или нет. Ну и заезжает колонна, прямо перед духами разворачивается и уходит обратно. Мы х*рачили перед ними, чтобы те остановились, и вот только тогда они поняли, что ехать в населенник не стоит. Все, как в сорок пятом.

И вот через день пришла «Хезболла» и зачистила деревню. Еще зачистили хребет — с трех сторон зашли. Решили колонной пойти дальше, а там стоял завод какой-то или предприятие, и вот когда они мимо него ехали, как уе*ало — половину колонны снесло. Просто сдуло.

Когда я вернулся домой после этого приключения на Ханассере, меня мало стало — весил 61 кг. У нас был человек, он весил 120 кг, так он за две недели до 86–89 кг скинул. Когда я приехал домой, мне мои первый же вопрос задали: «Что с тобой случилось? Ты ли это?» Сил реально не было. Там постоянно по нам с танчика прилетало с пяти-шести км. Пехота идет в поле, чтобы зачистить, зайти справа, и по нам сразу начинают работать.

Заколебались мы там, конечно, конкретно. Но один плюс: после этого я начал засыпать под звуки 152-х пушек очень хорошо. Не мешали нисколько.

Глава 9. Газовые поля Пальмиры

(январь — апрель 2017 г.)

Несмотря на успешно проведенную операцию по освобождению Пальмиры, несколько проблем после взятия города оставались не решены. Освобожденная от ИГИЛ территория представляла собой выступ от авиабазы Т4 одной ветвью в направлении Пальмиры, а другой — к газовому месторождению Аш-Шаир. Это позволяло вести наблюдение за окрестностями и предотвращать проникновение боевиков, но не создавало полноценную «зону безопасности» вокруг Пальмиры. По этой причине «Исламское государство»* на протяжении 2016 года неоднократно пыталось атаковать населенный пункт.*

На фоне продвижения союзных сил в Алеппо в конце 2016 года и переброски наиболее боеспособных подразделений сирийской армии на север Пальмирский выступ оказался слабо защищен. После кровопролитных боев отряды «Исламского государства» 11 декабря прорвали оборону в Пальмире и ворвались в город. Спешно отступающая сирийская армия, теряя по пути технику и боекомплект, вынуждена была отойти к авиабазе Т4 («Тифор»), потеряв большую часть территории, освобожденной от ИГ* в ходе наступления на Пальмиру.*

Для продолжения контртеррористической операции против «Исламского государства» необходимо было вернуть контроль над Пальмирой. И для этого нужно было решить несколько стратегических задач. Одной из важнейших целей в регионе стало освобождение от боевиков*

---

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

нефтяных и газовых полей в районе Аш-Шаир. Для этого в район Т4 перебрасываются штурмовые отряды ЧВК «Вагнер»: им предстояло возглавить наступление на газовые поля, зачищая подходы к Пальмире от присутствия боевиков ИГ.*

К 19 января силы ЧВК Вагнер» начали продвижение к Пальмире и газовому месторождению Аш-Шаир. Активную помощь наземным силам оказывали ВКС России. После месяца активных боев 24 февраля штурмовые отряды смогли окончательно зачистить территорию нефтеперегонной станции газового завода Хайян к северо-востоку от Т4 и продвинуться на территории месторождений Аль-Магр и Аш-Шаир, тем самым обезопасив северо-западные подходы к Пальмире.

РАЗМИНИРОВАЛИ ВМЕСТО СИРИЙЦЕВ

— Зашли мы в Сирию, там получили задание, выехали на место. Сначала пацаны приехали на рекогносцировку — я не выезжал туда, поэтому своих впечатлений про рекогносцировку сказать не могу. Задача состояла в следующем: у нас есть узкий перешеек, точнее два узких перешейка. По одному узкому перешейку пошла «четверка», занимать рубежи. А с правого фланга идем мы. Я на тот момент не разглядывал ни карты, ни диспозицию противника.

Сначала пришлось немного повозиться. Сирийцы нам сказали, что они со своими саперами разминировали свою же линию обороны для нашего прохода. Но я их саперным навыкам не доверяю и, поскольку много лет в головном дозоре проходил, пошел первый в «головняке» и снял еще семь мин. За мной должен был идти весь отряд — там уже пацаны дополнительно сняли несколько заграждений и еще семь мин. Все это было в полной темноте, практически наощупь. Я даже

«ночником» не пользовался, потому что у меня из-за контузии упало зрение, и что «ночник», что тепловизор меня сильно слепят. Я стараюсь рассчитывать только на свои глаза — в темноте неплохо вижу и чувствую многие вещи.

Разминировали линию вместо сирийцев, пошли дальше. Дошли до определенного рубежа. С обеспечением навигацией тогда были очень большие проблемы, поэтому в некоторых местах немножко заблудились. Опять же, времени на подготовку было мало, и я лично карту не изучал. Мы немножко ушли мы в сторону, потом, когда **Злой** достал навигатор, очень сильно боялись, что нас могут запеленговать. Понимаешь, мы тогда еще не знали, на что способен противник, и думали, что с его стороны очень много технических средств, которые нас пеленгуют. Но **Злой** все-таки не вытерпел и достал навигатор свой. Определил наше местоположение и понял, что мы на 300 метров ушли влево.

Мы вернулись на хребет, сели на него. Первая операция у нас обошлась в принципе без особых боев. Только одна группа за этот момент завязала бой, но игилоиды отстрелялись и ушли. Были еще небоевые потери: в этот день, пока мы готовились, парни решили заминировать боковые подходы, и у нас тогда два человека погибло. На свои же мины напоролись по незнанию.

ПЕРВЫЙ «МЯСОРУБОЧНЫЙ» БОЙ

— Пока мы сидели там, на хребте, наши запустили беспилотник. Выяснили позиции противника, распределили их по взводам — кто что берет. Задачу нам поручили выполнять ночью. В общем, первый такой мясорубочный бой у нас произошел...

Мы получили задание, распределили нас по взводам, кто какие координаты берет, куда наступает, кто

кем командует, сводные группы собрали — и пошли. Опять ночью. Я как чувствовал, что противник нас может поджидать с «ночниками» и с «тепляками», и поэтому саботировал, скажем так, время наступление. Не то что я там пытался скрыться за чужими спинами и так далее — я просто выждал более подходящий момент. Потому что понимаю: отвечаю за людей. Как оказалось позднее, практически все командиры так же саботировали, и в определенное время никто в заданный квадрат не вышел.

Опоздание было на полтора часа — до рассвета. Как только начало рассветать, мы вышли в заданные квадраты. Я тоже ускорился со своей группой. Дошли до заданной точки, встретили сопротивление. Практически из всех взводов, кроме моего, наступление сразу же захлебнулось. Большая часть пацанов шла по открытой местности, солнце встало, а духи сидят на господствующих высотах. У них снайперы, пулеметчики, зушка, АГС — а мы просто пехота, у нас ничего тяжелого не было. Все тяжелое шло сзади, далеко. Я бы по-другому поступил, если бы мне дали командовать данной операцией, особенно зная исходные данные.

В общем, мы взяли назначенный нам укрепрайон духовский. Отделение мое проявило себя достаточно жестко и героически — никто не включил заднюю, я был в первых рядах, каждого контролировал. Зашли на позиции, взяли, закрепились. В тот момент со мной был **Злой,** командиром взвода. С нами были **Рус** и **Тайсон** — люди, в первую очередь благодаря которым состоялись во всей этой командировке все атаки. **Турист**, **Ветер**, **Тор**, **Рус**, **Тайсон** — люди, которые, как и я, не знают тормозов. Если у тебя впереди противник, то они все знают: если начнешь отступать, то ты уже потенциально «двухсотый», а если будешь идти вперед, то у тебя есть шанс и выжить, и выполнить задачу. Не знаю, может, я им навязал такую психологию?

Мы взяли свой укреп, зачистили, закрепились — и мне этого показалось мало. Потому что все остальные взводы только начали штурм своих укреплений. Самостоятельно, как бы без указания сверху, я взял всех пацанов — два отделения. Одно отделение оставил там, а два отделения взял.

При штурме этой высоты, когда мы зачистились и пошли вперед на досмотр, моего лучшего друга, **Злого**, снял снайпер. Он вышел на высотку, которую должен был штурмовать разведвзвод — они там под плотным огнем сидели, не могли забраться наверх. **Злой** в итоге получил ранение в голову, огнестрельное. Я отдельное спасибо хочу сказать компании за то, что два года его лечили в «Согазе». Он пережил клиническую смерть, его довезли, спасли. Лечение обходилось просто в баснословную сумму — в месяц 600 тысяч. После его отправили домой, потому что врачи развели руками, сказали, что дальше как бы вариантов нет. Ему от компании сделали пенсию в 100 тысяч рублей и плюс еще государственную пенсию выбили. То есть в принципе на 120 тысяч достаточно неплохо можно жить, даже инвалидом. Но так получилось, что жена не захотела его терпеть дальше, они развелись. Он сейчас у матери живет. Я к нему в этом году ездил, навещал.

Короче, когда его ранили и эвакуировали, меня это очень сильно подстегнуло. Свою высоту мы взяли, и вижу — слева в километре, справа в полутора километрах бойня идет. Я пошел помогать в тот момент **Карабину**, у него в отделении командира второго взвода «задвухсотило», **Бекаса** (он со мной срочную службу служил, старшиной был). Потом на гражданке пошел в ОМОН, до полковника дослужился...

Пришли мы к нему на высотку, к **Карабину,** и я обнаружил, что большая часть его взвода сидит перед высоткой и боится идти вперед. Сам **Карабин** в ступоре, людьми не руководит ни черта. **Бекаса** «задвухсотило»,

у них там несколько «двухсотых» подряд. В двадцати метрах от них, возле другой горы, лежит раненый чувак, истекает кровью. А эти не могут перебежать с места на место, оказать ему помощь, потому что все боятся.

Я поставил своих пацанов, они обстреляли высотку, в этот момент я с **Туристом** перебежал, но было уже поздно. Мы попытались с пацанами его перевязать, он скончался у нас на руках. Мы все в крови были, у него хлестало конкретно. Там ему, видимо, артерию задело, или что. Погиб у нас на руках.

Пошли мы дальше. Зашли с правого фланга на эту горку, затащили туда **Карабина** с его людьми. Добили духов. Двое из них успели спастись — свалили на соседнюю высотку. Посадил я **Карабина** на эту высотку и, не связываясь с руководством, рванул в сторону **Лотоса**, потому что они тоже там застряли конкретно. Вот. Прибежал туда с одним отделением уже — **Карабину** оставил отделение, а сам захватил первое отделение и прибежал туда.

До **Лотоса** мы добирались под страшным обстрелом. Зушка била, пока мы бежали, двоих потеряли «двухсотыми». Парней мы оттащили, эвакуировали. Добежали до **Лотоса**, к нему как раз еще **Зомби** подтянулся в тот момент. Обсудили детали, что дальше будем делать. Ну и пошли в наступление. В общем, взяли и их высотку тоже.

Потом уже совместно гнали мелкий отряд духов. Там двое или трое боевиков отступало, мы их километров пять гнали — просто тупо бежали за ними. Они отстреливались, мы бежали за ними до рубежа. Там огромное русло реки было, и когда они за русло отошли, нам уже командир отряда кричит: «Стоп!» До этого рубежа доходим и дальше никуда не идем. «Вы их еще можете гнать так много километров».

В общем, расстояние достаточно большое было — метров 600–700, просто по ним не попадали. Это, ска-

жем так, для меня был бой, когда **Лотос** себя достаточно хорошо зарекомендовал. Он был новым человеком на тот момент в отряде и, может, людей не знал, может, как-то неуверенно себя чувствовал. Но, видимо, мои действия придали ему уверенности в себе. Потом, в последующие операции, он уже конкретно руководил своим взводом. Мы, можно сказать, соревновались с **Лотосом**, кто больше высоток возьмет, и так далее. Просто на результат.

Когда бой закончился, подсчитали потери. У меня тогда, включая «трехсотых», было семь человек потерь во взводе, из них трое «двухсотых» и четверо «трехсотых», тяжелых. Все тяжелые. Мы перегруппировались, получили новую задачу — идти на завод.

ВОЙНА В НОЧИ

— Привезли нас на танкодром, дней пять мы на нем прожили, вооружились, немножко слаживание провели. После чего вывезли нас на Т4. Ночь переночевали, добились вооружением, взяли боеприпасы и воду и выдвинулись в ночь. Соседи стояли, как я понимаю, сирийский 5-й добровольческий корпус. Они очень долго стояли и не могли пройти вперед, продвинуться. При этом у них и танки, и артиллерия — все было. Еще и «вертушки» гоняли.

За ночь несколько человек подорвались, у нас тогда два комвода сразу убыли, парень наш на «Урале» подорвался, который жратву нам подвозил. Там все тогда было УЗМ утыкано. Для нас это было в новинку: вокруг были эти «усы» раскиданы, с электродетонаторами. Два-три дня мы там пробыли на рубеже, снова в ночь выдвинулись, рассредоточились. Там определенный рубеж был обозначен, до которого нам надо было дойти. Мы тогда так разошлись, что, по-моему, в два, а то

и в три раза дальше прошли. Но тут уже просто одергивать начали.

Людям уже как-то по х*ру стало, автоматически вспомнились с армейки эти «двойки», «тройки», боевые построения. Вспомнились сами по себе. После этого хорошо пошло — мы волной начали наступать, духи такого натиска просто не выдерживали. В итоге практически в полный рост мы первый рубеж взяли.

Через пару дней у нас началось выявление огневых точек. Задача простая: метров 500–800 нужно было пройти и, как начнется стрельба, быстро отойти на исходные. Нам как раз танк пригнали, который мог поворачивать только налево. Если ему нужно было повернуть направо, он разворачивался по кругу и заезжал правее. Наши воюют на танках Т-55, Т-62, этот шестьдесят второй был.

Ну получалось хорошо в ночь выходить — часа в два-три ночи как можно ближе подходишь к противнику, и потом на рывок с воплями «ура!». Чем быстрее ты подскочишь к противнику, тем меньше шансов, что по тебе будет работать что-то тяжелое. Я не понимаю, как их жизнь ничему не учит: мы постоянно повторяли одно и то же, как только рассвет начинался, мы на рывок шли. И они всегда нас просыпали.

БЕРСЕРК

— Мы знали, что мы идем брать завод. Но перед заводом нужно было разобраться с достаточно сильным укрепрайоном духов на подходах. Пошли мы туда днем на разведку. Шли мы с командиром третьего взвода, с **Морганом**, и с его бойцами. Я тогда взял из своего отделения самых проверенных и взвод **Моргана**. Кто бы там что ни говорил про **Моргана**, но он — инструктор, а не боевой офицер. Он в критических ситуациях не

смог руководить взводом на достаточном уровне, чтобы люди не расползались.

Плюс, когда мы прошлись, наши запустили квадрокоптер, сверили позиции духов. Я пытался убедить начальство, что достаточно подогнать танки и с расстояния километр расстрелять эти точки. Если б не было танков, у нас были «Сапоги» с собой и АГСы, и тоже было бы достаточно просто их расстрелять. Но **Ник** у нас — любитель ночных операций, поэтому он назначил ночную операцию. Мой взвод идет во фронт, взвод **Карабина** идет с правого фланга. Мы дошли, по моим прикидкам, практически до рубежа.

Мы дошли до рубежа и уткнулись в оборону духов. Нас начали с трех точек поливать с пулеметов. Но мы не остановились, пошли дальше. Я перешагнул канаву — русло небольшой речки, а парень, который шел за мной, позывной **Керосин**, в эту канаву взял и наступил. Его просто разорвало на части. Мы тогда первый раз столкнулись с нажимниками, с буквально массовым использованием нажимников.

Керосина разорвало на части, а меня — я находился метрах в трех — подбросило в высоту метра на четыре. Я потерял сознание, а когда очнулся, подумал, что сейчас пацанов попрошу меня застрелить. Левую сторону тела вообще не чувствовал — отнялась вся. Начал щупать — рука вроде на месте. Думал сначала, что мне оторвало руку-ногу. Начал щупать правой ногой — тоже на месте. Через секунд 15–20 чувствительность начала возвращаться. Видимо, нервные окончания временно парализовало. Ко мне подбежал медик, вместе с **Русом** помогли встать. Ствол, рацию нашли и пошли дальше в атаку.

В этом бою у меня погиб человек, которого за сутки до этого штурма ко мне привели во взвод. Потом мне он покоя не давал все время. Что он, кто такой, откуда взялся? Я знал его фамилию, имя, отчество, потому что мне как командиру взвода дали его данные. И когда

я в интернете потом начал смотреть, я реально охр*нел. Это был **Виктор Иванович Блинов**. Это легендарная личность, еще с Советского Союза, был в «Альфе», в очень многих горячих точках участвовал.

Как потом я понял, дед пришел умереть в бою, как настоящий воин. У него уже была четвертая стадия рака. У него в Москве было все замечательно, я с ним беседовал ночью перед штурмом. Он сказал, типа, его внуки задолбали. Но, как по мне, он просто пришел умереть по-мужски.

Когда мы дошли до рубежа и пошли в атаку, первоначально я не видел за горой, что происходило со взводом **Карабина** и **Зомби**.

— *Какой у него позывной был?*

— **Берсерк**. Это его основной позывной, который у него был еще во время службы в «Альфе». И ко мне он тоже пришел, представился **Берсерком**.

Перешли рубеж, где можно спрятаться и перегруппироваться. Я посмотрел на своих людей — проверил, кто остался, и в этот момент духовский пулемет ранил одного парня в легкое. Парни оказывали ему помощь, и по моей наводке все попытались заткнуть этого пуле-

метчика. Там до него оставалось метров сто, он поливал нас в открытую.

Рус с **Калачом** вошли слева, **Ящур** с правой стороны стоял, я — по центру, короче, стоял с **Вадиком**. И в этот момент уткнулись, и никто дальше не может идти. Хоть и ведем огонь, но никто не попадает по этому пулеметчику. Минуты три поливали — никто не попадает. В этот момент дедушка **Берсерк** вышел сзади меня, говорит: «Дай я попробую». Ну, я как бы просто не подумал, чего он там собирается пробовать. Говорю: «Давай, попробуй».

Он взял гранату и попер на пулеметчика — в полный рост, в открытую, прямо на него. Метров, наверное, тридцать он не дошел — пулеметчик его скосил. Но своим выходом **Берсерк** отвлек внимание духа на себя, и в этот момент пулеметчика смогли задавить — **Рус** с левого фланга, тоже с пулемета, его срезал.

Я приказал парням оттащить дедушку **Берсерка**. У него в руке осталась граната — при том что там уже было выдернуто кольцо. Он был мертвый, а граната неразорвавшаяся осталась в задеревеневшей руке. В общем, оттащили его и пошли дальше.

ПОТЕРИ У КАРАБИНА

— Когда перешли через горку, увидели там огромные потери у **Карабина**. Мое 3-е отделение, которое находилось справа, в темноте услышало крики «Аллах акбар». Духи выскочили с левого фланга, а **Карабин** должен был быть у них с правого, но они начали поливать в темноте во все стороны, куда только могли. Там минимум три или четыре человека у меня было «триста», один — «двести», и со стороны **Карабина**.

В общем, потихоньку рассветать начало. Кого смогли, эвакуировали. На тот момент осталось только две точки, так сказать, непогашенных. Но уже на тот мо-

мент все настолько устали, что мы просто рутинно дошли до этих точек и рутинно их размотали. В полный рост, нагло, дошли до этих точек. Помню, я тогда сказал **Русу**: «Давай, ставь пулемет и долби как в тире». Ну, **Рус** и расстрелял все эти две точки.

По итогу второй взвод, который был у **Карабина**, полностью расформировали из-за потерь. Они много людей потеряли тогда, сам **Карабин** тоже оказался в госпитале с ранениями — у него, по-моему, четыре огнестрельных было. А оставшихся бойцов как бы отдали мне — в первый взвод.

РУБЕЖ ПЕРЕД ШАИРОМ

— В общем, мы оказались на последнем рубеже перед заводом. Не буду скрывать — многих тогда сильные потери значительно подкосили морально. Я там, как мог, поддерживал моральную обстановку во взводе: объяснял людям, что кому суждено умереть, все равно умрет. Дома на гражданке, в постельке — но все равно умрет тогда, когда ему суждено. И, в общем, мои бойцы достаточно в меня поверили. Никто заднюю не включил, не «запятисотился», на самоотвод не решился.

Спустя 10 дней мы получили приказ идти на завод. Мы к тому времени разведали обстановку перед заводом — укрепы, позиции духов и так далее — и пошли на завод. Сам завод, если честно, взяли настолько легко, что я как будто сам не понял. Это произошло очень легко — только две стычки были у меня, у моего взвода, да и то прошли через эти два укрепа быстро.

Короче, заняли завод. Расставили нас по периметру, и до 15 марта мы стояли вокруг завода. Отдыхали, перегруппировывались, тренировали людей как могли. В общем, пополнение набирали — отсюда, с Молькино. Готовились идти дальше.

ГИБЕЛЬ САПЕРОВ

— В «песках», когда мы с Т4 начинали, столкнулись с ситуацией по минным заграждениям в том, что противник очень профессионально работал. Это непохоже было ни на Афганистан, ни на Чечню. Своя тактика у них была минных заграждений, и из-за этого возникали очень большие затыки. Плюс после первой Пальмиры садыки проср*ли целый склад «инженерки», которую духи против нас выставили. Но выставили, скажем так, применяя свои средства под эту местность: под ветра, подо все...

Саперы наши первыми погибли. Первыми погибли, по сути, самые опытные — еще с Афганистана мужики, офицеры. У каждого история своя. Самый первый, кто у нас погиб, это **Хохол**, Юрка из Геленджика. Переиграл его противник. Когда он пошел разминировать, стояла духовская палатка. Несколько мин он снял перед палаткой, но духи под пологом палатки заряд оставили. Не типичную мину, а фугас нажимного действия — работает, как противопехотная и противотранспортная, широкого спектра. И вот он, когда в палатку заполз на четвереньках, он ее прополз и, видать, рукою на четвереньках надавил впереди на датчик нажимной. Заряд у него сработал под голенями, оторвал ему обе ноги. А когда к нему полезли медики, вытаскивать его, и медики там подорвались. Поехал танк в то место дорогу прокладывать, и у него там тоже небольшой подрыв был — заклинило передачи.

Когда мы приехали Юрку вытаскивать, он уже мертвый был, уже истек. Он очень долго умирал. У одной ноги вообще голень оторвало, а вторая просто болталась на коже. Взрывом с него сорвало всю одежду, в одних плавках остался. Он с 2015 года был в компании, как и, царство ему небесное, погибший **Бертолет**. Они тоже нас обучали. И на подрывах вот этих вот людей мы потом учились. Мы разбирали остатки взрывных устройств, как они стояли, где стояли... То есть эти

люди своими жизнями проложили нам дорогу дальше. Почему? Потому что мы уже понимали, с чем мы столкнулись. Остатки взрывного устройства собирали и на основе вот этих ошметков мы делали выводы.

Через несколько месяцев мы уже понимали тактику духов: как они ставят минные заграждения и как нам работать. Допустим, подходим к участку, смотрим: ага, вот здесь мины будут стоять, а вот здесь — не будут. Ну, идем здесь. И сложность заключалась в том, что потом ребята приходили с опытом войны в Чечне, на Донбассе, в Афганистане — и они все равно подрывались.

«НАЖИМНИКИ», «МИКРИКИ» И «ЗАМАНУХИ»

— Боевики делали нажимные датчики цели. есть такое понятие, как «нажимник». Это «линейка», а на ней — кнопочки от компьютера. Ну, от клавиатуры. Маленькие. «Микрики» мы их называем. Гирлянда эта под местность вываляна в лаке и в песке. Ну, визуально ты ее не всегда можешь заметить. И, значит, гирлянда с маленькими «микриками» самодельными — из жестяной банки пивной. И лакированные провода были, как человеческий волос, тонкие. Два провода плюс батарейки. И вот они были по пять метров, и фактически их увидеть было невозможно. Они под камушки были черным силиконом залиты, покрашены серенькой краской аккуратненько. Одни мины под камень маскировались — под натуральный камень. Все грамотно сделано, настолько, что в разгар боя не отличишь от настоящего камня.

Учитывая то, что духи стояли в обороне, складки местности они прощупывали, и где у них простреливалось, они мины не ставили. А вот там, где в складках местности у них мертвая зона была визуально, мин было под завязку. Они понимали, что мы через эту мертвую зону будем наступать, там и ставили. Ну и плюс к каждо-

му солдату же не приставишь сапера. Кто-то по неопытности, кто-то по глупости.

Духи сознательно делали разные «заманухи». Например, ночью замерз боец. Видит, рядом на опорнике оставленное одеяло. Или кастрюля, или чайник. Подошел, взял — и подорвался. Ложные укрепы делали, якобы брошенные. Они сначала подпускали к этим укрепам — и, поскольку у них высчитана дистанция, карточки огня у них есть, они открывали артиллерией огонь. И люди под обстрелом автоматически искали укрытия и бежали в эти укрепы, а они уже заминированы заранее. По сути, бойцы попадали в минный мешок — просто в ловушку. Один подрыв, еще один, ну и потом деморализация взвода. В результате мы подходили, вытаскивали оттуда раненых либо «двухсотых», все это, опять же, под огнем противника.

У нас ребята работали, разминировали прямо под огнем. Мы с третьим отрядом двигались, когда завод взяли. Двигались дальше за завод. Разведвзводом тогда командовал **Лотос**, и у него погибли разведчики. Подорвались двое. Один «двухсотый» и тяжелый один «трехсотый». Мы пришли вытаскивать мертвого, потому что он упал еще на мины. Вытащили, но на этом участке у меня подрывается недалеко от этого места один сапер — он у меня «трехсотый». Потом подрывается еще один сапер. Его на куски разорвало. И один как бы тоже «трехсотый». Все это произошло за один вечер фактически. И потом, придя на это место краем, другое подразделение — 4-е ШО — тоже подрывается. В результате этот участок просто бросили и обошли его за несколько километров с другой стороны.

ШАИР ГЛАЗАМИ ВОДИТЕЛЯ

— Я постоянно за рулем. Постоянно. Во всех командировках. Изъездил уже все вдоль и поперек, как говорит-

ся. Считай, работаю водителем. В Сирии, когда заходили на Шаир, было очень страшно. Просто жесть. Разведчики у нас были хорошие ребята, но многие там и погибли. Это на Шаирских полях было, в крайнюю командировку. Погибли героически: на них духи вывели шахид-мобиль. Пацаны начали стрелять по ним, пытались тормознуть издалека, но все было бесполезно. Тачка была напичкана под завязку взрывчаткой, горючим. Вдарило так, что потом на месте взрыва воронка огромная осталась прям в асфальте.

ХРЕБТЫ ЗА ШАИРОМ

— Дальше пошли на хребет. Туда подошла сначала «четверка» с **Бродягой** — подошли к левому окончанию, к подножию, где засели духи. Там парни неистово огребли из ДШК, подорвались многие на минах, и отошли километра на три.

Нам поступил приказ для начала занять прихребетье — там еще один маленький хребет прямо перед основным хребтом пролегал. Мне поступил приказ идти первому. Сначала с разведвзводом пошел туда **Зомби**. Они дошли до подножия, не встретили никакого сопротивления и решили закрепиться на этом маленьком прихребетье. Я пришел туда со своим взводом. С начальством связи не было, **Зомби** пытался с ним связаться, но все было без толку. Разница в высотах метров 250.

Я понаблюдал в бинокль, сказал, что нечего нам здесь делать, в прихребетье. Потому что ночью духи, если подкатят тяжелое на хребет, нас с высоты просто размотают.

— Что ты предлагаешь? — спросил **Зомби.**

— Я предлагаю взять хребет.

— Как так?

— Да, вот так. Я наблюдаю, что там сейчас в зоне нашей досягаемости всего две точки. Пусть с этого прихре-

бетья пацаны долбят, а мы наступаем в этот момент. Как только мы спустимся в долину, мы будем в зоне досягаемости и будем подниматься до самого верха.

Ну, **Зомби** пытался с **Ником** связаться, чтобы он одобрил. Так и не смог связаться, кричит: «Ладно, давай». На свой страх и риск, беру ответственность на себя — давай. И мы пошли.

Лотос пошел слева, я пошел справа. Зашли на хребет, духи поняли, чем это пахнет, и начали в панике бежать с хребта. Никто на их позициях не остался. **Лотос** погнал их в левую сторону, в прихребетье, где «четверка» стояла, гнал их километра три по склонам. А я гнал духов в правую сторону, где потом «единичка» встала — километров семь мой взвод гнал их по хребту. По всем позициям духов прошел дикий шухер: одна позиция убегает, предупреждает вторую — и они уже вдвоем бегут на третью, а мы их преследуем.

Шел дождь. Мы гоним духов по этому хребту, а пацаны оставались, закреплялись на точках. В итоге заняли хребет, как раз **Ник** подошел, и мы плотно там закрепились.

Когда «четверка» подошла к прихребетью с левой стороны, они, естественно, опасались, что там все заминировано. Я послал туда своих людей, они нашли в нескольких местах плотно заминированные укрепления. Естественно, вызвали бригаду саперов. Они кричат: «Ой, да ладно, пускай заходят». Я говорю: «Что — да ладно, пускай заходят? Мои люди уже нашли там...» Они говорят: «Да ладно, нет там ни фига». Я не выдержал и говорю: «Ну иди, сходи сам, посмотри». В общем, вот этот мужик, который все говорил «да ладно, да ладно», насквозь пошел сам и подорвался. Слава богу, не «двести», а «триста», но подорвался. Не помню, как его звали, бригадным сапером был.

В общем, наших саперов послали обратно, **Аврам** там хорошо разминировал все, и «четверку» посадили туда, в прихребетье. Мы сами забрались на хребет, три недели

стояли — ждали, наблюдали за духами, за их высотками, которые через долину перед хребтом. Дело в том, что за вот этими высотками с левого фланга уже был маленький завод. Мы получили, соответственно, задание — захватить маленький завод.

Несколько раз пытались, пробовали, **Лотоса** туда разведчиком направляли, мы с **Немцем** и его сорвиголовами несколько раз лазили туда — и неизменно попадали под обстрел. Один раз нам пришлось выручать разведгруппу. Они попали в котел — духи их зажали с двух сторон, и мы ходили им на помощь, выручать. Мы тогда с правого фланга зашли, отвлекли на себя внимание, а они смогли вырваться из котла.

МАЛЕНЬКИЙ ЗАВОД

— Потом, через 3 недели стояния под маленьким заводом, подсуетился наш артиллерист, дядя **Толя**, позывной **Заря.** К тому моменту подтащили 120-миллиметровые минометы, 82-миллиметровые уже этот район не могли обработать, а вот 120-е были в самый раз. Подвезли еще «Грады», но мы за них не отвечали — они с отдаления работали. **Дядя Толя** начал конкретно по нашим разведанным координатам долбить, и благодаря лично его умению правильно стрелять из миномета он подавил очень много точек. Когда мы пошли в атаку, либо духи от нас убегали, либо мы обнаруживали уже пустые позиции. Большое тебе спасибо, дядя Толя.

А вот у **Лотоса** затык был более серьезный. Назначенный им для штурма укрепрайон был куда более серьезный, и они гораздо тяжелее нас прошли. Мы прошли нормально. **Морган** там вообще заблудился, непонятно как. Но, по крайней мере, ребята в третьем взводе смогли достаточно глубоко зайти, чтобы не оказаться совсем в хвосте.

В общем, дошли мы до маленького завода за два дня. За эти два дня у нас было три боя на точках, которые по дороге шли. Но духи, в общем-то, начали уже отступать — поняли, что мы никуда не отойдем. Взяли маленький завод, соединились с «четверкой» — они от нас не отставали, мы от них не отставали, даже шел небольшой соревновательный элемент: кто вперед, кто быстрее займет. В общем, я шел с левого фланга, от меня шел **Роджер** — командир взвода в «четверке». Тоже сдружился с этим парнягой — такой же безбашенный. Мы все время с ним шли, наступали ступенями и как бы прикрывали друг друга.

О ПРЕВРАТНОСТЯХ СУДЬБЫ

— Шли в сторону маленького завода. Взяли укреп, и люди поехали после штурма в баню. Я подхожу к одному из «Уралов», стоящих рядом, и тут — бах! — машину раскурочило, раму перекрутило, метра на полтора весь «Урал» в воздух подняло. А мне ничего — ни осколков, ни царапины. А сзади палатка стоит, вся дырявая.

За речкой потом был случай, когда в семи метрах от меня башню танку оторвало. Вокруг меня четыре человека мертвые, а я жив. Танк тогда раздолбали ракетой — пришла, пробила танк и еще впереди стоящие машины посекло. А на мне — ни царапины. Как так бывает?

КАРАБИН-ГОРА

— Как только взяли маленький завод, нам поступил приказ взять еще два рубежа, чтобы от завода буферная зона была где-то километров 10–15. Поэтому на маленьком заводе мы долго не задержались.

Первая атака — это было место, где мы закрепились, ее называли Карабин-Гора. Я всю ночь пытался

идти туда на помощь, но мне так и не дали. Я стоял с левого фланга, и **Ник** сказал, мол, ты можешь отправить туда хоть два, хоть три отделения, но у тебя важное направление, ты должен остаться с правого фланга. Я отправил туда два отделения, и мои люди там стояли всю ночь, пока духи нападали. Стоял там ныне покойный **Киргиз**, командир 4-го отделения, стоял там **Рус**, командир 1-го отделения. Они достаточно серьезно помогли отбить левый фланг — там стояла еще одна гора, там духи пытались обойти, но не смогли. Еще хорошо себя зарекомендовали два снайпера — **Казачок** и **Смайли:** они проредили местность по корректировке **Зомби** и продержали духов, которые пытались с левого фланга обойти.

В тот момент, когда уже духи практически на горе были, **Ник** сам врубился в бой — пошел с тыла. Он стоял в четырехстах метрах от горы, но в самый критически важный момент пошел туда и врубился в бой вместе с **Зомби** и с остальными. Естественно, опять **Зомби** гонялся за духами. Как было дело: духи начали сваливать оттуда, когда поняли, что высоту они не возьмут, а **Зомби** погнался один за тремя или четырьмя духами по лощине. Двоих завалил, двое успели сдристнуть. Ну, может, и слава богу, что не стали отстреливаться, — **Зомби** и так весь в ранениях, несколько раз штопали по живому.

Два раза за ночь духи фактически брали высоту — два раза в течение полутора часов. Высоту смогли отбить с большими потерями. **Карабин** только из госпиталя приехал и опять «затрехсотился», только на этот раз осколочными гранатами его, по-моему, задело.

Заря — **Дядя Толя**, в общем, со 120-миллиметровых и 82-миллиметровых подножие хорошо обработал, благодаря чему духи тоже понесли потери немаленькие. Пацаны держались крепко — никто не отошел там, до самого последнего держались, но большая заслуга в этом командира. **Ник** сам лично пошел на передок, и только

благодаря тому, что он пришел, все получилось. Он сам тогда сказал: «Если я увижу, что кто-то бежит, я его сам лично пристрелю. Все, это наш рубеж — либо мы здесь устоим, либо всем хана».

Мы не знали, будет ли подкрепление у духов: насколько я себе это представлял по данным радиоперехвата, духов было человек 60, с одним танком. Духи, кстати, были хорошо подготовленные: потом с утра, когда мы осматривали трупы, выяснилось, что они все под наркотой были. У всех с собой были шприцы, я не знаю, что там было — вроде героин. Короче говоря, духи были все обдолбанные, поэтому так люто и бешено шли в атаку до последней капли крови. Спаслись из них немногие — кто-то, может, успел отойти, но немного. Отбили, потом следующий рубеж — это крайний рубеж, на котором мы встали на Шаире.

«РЖАЛИ, СТРЕЛЯЛИ, КРИЧАЛИ, КИДАЛИ ГРАНАТЫ»

— В компанию я пришел после Иловайска. Про существование компании на тот момент уже вся бригада знала, уже не секрет. Вот именно среди спецназовцев уже все о ней знали, там и знакомых уже общих много было, из бывших сослуживцев много кто работал. Это не секрет был, как и куда ехать. Знали, что люди работают.

Карабин-Гора запомнилась. Мы там с напарником ранения получили одновременно. Была контратака, духи подошли в упор, и бой шел часа четыре. Они не давали нам даже головы поднять, у нас 33 «трехсотых» было и 1 «двести». Духов человек девять мы, наверное, наклацали, двоих пленных взяли. В общей сложности духов было много, танк был. Пленные говорили, что были отдельными группами по восемь человек, но не уточняли, сколько точно. Видимо, сами не в курсе были. Это все по ночи проходило.

Там все состояло из запоминающихся случаев. Мы, получается, встряли самыми первыми и попытались отжать правый фланг. Я видел, что слева есть пацаны, а правый фланг остался открытым. Вот пошли туда — пацанов с РПГ всех вынесло, я на какое-то время один остался на позиции. Духи, как оказалось впоследствии, находились в двенадцати метрах. Нам везло, что гранаты друг в друга перекидывали, думали, что дальше. А потом коллега с группой подошел. Веселый бой был — ржали, стреляли, кричали, кидали гранаты.

Слышу, УЗРГМ в воздухе хлопнул, ко мне полетело. В ночи слышу — «эфка» (Ф1) по весу, думаю — них*я себе. Смотрю вниз, не видно, постоял-постоял, пацанов вправо сгреб. Кричу: «Граната!» — а сам считаю. Но она не взорвалась. Радости столько было: «О, не взорвалась! Не взорвалась!» Бой такой, в общем, напряженный был.

Вот **Пепел** классный пацан был, царство ему небесное. **Пепел** — молодчина, весь на позитиве всегда. Помню, на Карабин-Гору шли, слышу — снайпер стреляет. Я пулеметчика беру, говорю ему, чтобы за мной шел туда, где стреляют. Пошли, смотрю — разведчики наши. Ну, постреливаем иногда, падаем, над головою свистит, все нормально. Тут что-то как взорвалось, и этим мне **Пепел** запомнился, первое впечатление. Он орет: «Смотри, как пи**ануло ах*ительно!»

Я не знаю, что взорвалось, видимо, снаряд какой-то. Бахнуло тогда хорошо, мы с ним тогда после этого и начали общаться.

«ВОЙНА — ШТУКА ИНТЕЛЛЕТУАЛЬНАЯ»

— Война — это, скорее, интеллектуальная такая штука... Такие бои, где все собрались и мочат друг друга на дистанции в 20–30 метров, очень редки. Тем не менее в Сирии был у нас такой бой.

Это было на Карабин-Горе, как мы ее называли, недалеко от Шаира. На горе даже стоит какая-то табличка — мол, внесена в список достопримечательностей Сирии. Там стоит вышка — ее, естественно, уже положили, и она вся упала. И к нам приходили туда духи — настолько близко подошли, что кидали гранаты. А у них гранаты, чтоб вы понимали, как немецкие, такие, с длинной ручкой. Гранатка сравнительно небольшая, а ручка достаточно длинная. То есть ее можно бросить гораздо дальше, чем «эфку». Мы в них кидали «эфки», а они нам в обратку — вот эти свои гранаты. Перекидывали настолько, что они улетали метров на десять за нас, короче. И из-за этого мы не страдали от их гранат. Вонючие они какие-то, самоделки, я не знаю, селитрой какой-то воняют.

Бой ночью состоялся, часов в девять они напали. К сожалению, мы проморгали «фишку», хотя звоночки были. Был у нас там такой мужичок, он и сейчас у нас служит. Он «афганец» бывший, дяденька старый такой уже... Ему лет 65 или даже больше. Ну, он глазастый и относится к войне как к настоящей работе. Чувствует за собой ответственность, что достаточно редко бывает. Тем более у ветеранов. Они обычно: «Э-э-э... Да нормально все будет, хорошо!» А этот все время смотрел, наблюдал. И он несколько раз видел, как духи подходили. Но этому не придали значения. И вот они в один прекрасный момент на нас напали, прямо близко-близко подошли. Они еще на танке заехали к нам на сопку и привезли пехоты прямо на танке. Оборудовали недалеко от этой горы КП, то есть командно-штабной центр, из которого осуществляли координацию боя. Причем у них там поодаль еще 50 человек стояли. И на нас напали 50. А у нас там на горе ребят было человек 11; ну, отделение, грубо говоря.

Меня тогда на горе не было, я под горой стоял. И вот эти 11 человек вели бой с превосходящими силами про-

тивника, пока им не выслали туда помощь. Довольно жесткий у них там был бой. В первые же минуты командир отделения был ранен. Через пять минут он сказал, что дважды ранен. Еще через пять сообщил, что он трижды ранен. И у него там «трехсотые», «трехсотые», «трехсотые» пошли... В общем, итог боя — 26 человек «трехсотых». А их там до подхода подкрепления всего 11 было бойцов. А «двухсотый» всего один — погиб в самом начале. Мужичок такой был, «альфовец» бывший. В общем, был достаточно «валидольный» бой. До самого последнего момента думали, что высоту не удержим. Потом к нам подтянулись силы с других подразделений, из других взводов. И мы еще перешли в контратаку.

Я был тогда уже на АГСе — АГС я поднял наверх, но он не пригодился. Мне сказали: «Ты теперь обычный стрелок. АГС брось, он тут пока не нужен. Когда будут отходить, тогда будешь долбить». Я заряжал пацанам магазины, как мне командир-взводник приказал: «Раз ты прибыл на гору, заряжай магазины». Я еще снарядил гранаты. У нас есть товарищ, слава богу, он жив-здоров, довольно известный у нас человек. И вот выходит он с позиции. Там все чуть ли не по-пластунски ползают, а он выходит в полный рост оттуда. И прогулочным шагом идет ко мне со стороны битвы. Приходит, спрашивает: «Патроны есть у вас?» Отвечаю: «Ну есть, братан. Заряжай». Посидели, зарядили. Я в этот момент продолжал снаряжать гранаты. Ну, он собирается, магазины к себе засунул и таким же прогулочным шагом пошел туда — в бой. Вообще не пригибаясь, вообще пофигу.

— Стой! — кричу ему. — А че тебе, может, гранаты нужны?!

— Гранаты? А че, есть гранаты?

— Да конечно. Я вот, привез гранат вам на «Бардаке».

— О, отлично! Давай сюда!

— Сколько тебе?

— Да давай все. Сколько есть.

Наваливает себе на руку, прижимает согнутую в локте руку к телу, набирает гранат целую кучу. Одной рукой держит гранату, второй ее «расчековывает» — хрясь! — кидает ее в сторону противника. И пошел их кидать, короче! Штук, короче, 20 или 30 гранат раскидал по всей этой местности. Гора просто скакала. А надо понимать, что я где-то больше ста гранат привез, «эфок». И все эти гранаты буквально за 15-20 минут были в сторону духов выброшены. Там у них просто шансов не было. Просто мясорубка была.

Когда мы отбили их атаку, огонь с их стороны начал стихать, видимо, у них патроны уже начали заканчиваться. А подвоз прекратился, потому что уже опасно стало духам подвозить боеприпасы с их стороны. С этого момента духи начали заезжать на эту гору прямо на джипах. Даже на танках. Скидывали боеприпасы своим, забирали раненых, увозили...

Что еще запомнилось, у них там, под горой, чуть левее, было сделано что-то типа госпиталя. Буквально метрах в ста от горы. Когда они отступали, оставили там человек шесть со следами насильственной смерти. Они все там скончались. Видимо, мертвых бросили, не стали вывозить. Накосили их там будь здоров: дорога с горы была вся в крови. Мы их просто разбили, несмотря на то что народу с нашей стороны было не так много.

Я там, кстати, первый раз с «тепляка» пострелял. Как было дело. К противнику на холм выходит группа с правой стороны, прямо на холм поднимается. Там пацаны были, разведчики. У многих были «тепляки», «ночники» на винтовках. У нас ничего такого не было — мы обычное штурмовое подразделение. Нам говорят командиры, что с правой стороны идут наши, сейчас мы со своих позиций будем организовывать контратаку, выбивать их с горы и гнать до низа, короче. Начинается контратака, мы бежим — и тут я вижу, как эти разведчики выходят с фланга в темноте. В кромешной. Тем не менее силуэты

различимы. И вижу, двое подходят к трупу духа, один его переворачивает. А у духа граната была зажата на взводе на груди, без замедлителя. Она взрывается, они кубарем разлетаются, падают... и лежат.

Я думаю: «Все, по ходу, ребятам кранты». Подбегаю к ним, смотрю, один приподнимается, раз-раз, по башке себя постучал, говорит, нормально все, и побежал дальше. А второй лежит, хлопает глазами, оттекает от взрыва. Я его за грудки взял, в яму какую-то отволок. А там неровная местность, я его тащу, ему больно, он кричит: «... твою мать! Оставь меня здесь! Не тащи! Мне больно!» Я говорю: «Нет. Надо тебя укрыть».

В ямку его затащил какую-то, положил. Говорю: «Ты как? Целый?» Отвечает: «Вроде, да. Сейчас полежу минут пять и побегу дальше штурмовать». Да все, говорю, ты уже набегался. Ему башку всю растрясло взрывом. Ни фига не соображает, а рвется дальше в бой. «Все, хватит, — говорю. — Ты лежишь здесь». И смотрю, у него что-то светится. Оказалась, СВД. Думал, что с ночником. Я ему говорю: «Дай мне ее, я пошмаляю, у тебя там „ночник" хороший». Он мне: «Это не „ночник". Это „тепляк"».

Я у него вырываю эту винтовку из рук, хоть он ее и удерживал активно — все хотел штурмовать, — и рванул на поле боя. А там, как в игре. Бегают эти духи, виден их КП вдалеке. Там рядом уходит русло высохшей реки влево, метрах в шестистах-семистах от этой горы, и там духов прям море. Кто-то куда-то ходит, таскают какие-то цинки, еще человек пять стоят, из-за горы видно, как головы шевелятся. И я с «тепляка» раньше не стрелял никогда. А он у него стоял на четырехкратном приближении. А я откуда знаю, где там какие «краты»?

Перед горой наши пацаны начинают штурм, я лежу с этой винтовкой, с «тепляком», и прямо вижу этих духов. Первый бруствер, второй бруствер. За первым стоят чуть поодаль друг от друга два человека, а за вторым бру-

ствером, судя по тому, как он им махал, орал, какие-то приказы им раздавал, командир находится. Я сразу командиру в голову прицеливаюсь, думаю: «Так, ну, судя по тому, что командир огромный (голова во-о-от такая, я прям почти лицо вижу его), надо мне ему прямо в жбан попасть». Бах! Выстрел, он вроде поник. Я думаю: «Класс. Командира ликвидировал». Второго ловлю. Бах! А он даже не шевелится. Думаю, что за дела такие? А я же не знал, что «четырехкратник» стоит. Не попал.

Репу почесал, взял чуть выше. Бах! Метров пять не долетела пуля, упала перед ним. Четвертый выстрел. Бах! И попадаю прямо перед лицом командира в брустверок. Он, короче, понял, что по нему стреляют, и, похоже, с использованием чего-то ночного, потому что его видят. Они берут, снимают разгрузки, бросают автоматы, ложатся — и кубарем покатились назад. Просто, когда ты понижаешь высоту фигуры своего тела до сорока сантиметров, в тебя практически нереально попасть. И они покатились по полю, по всем этим колючкам, без оружия, без разгрузок. На этом мой бой закончился.

Шикарный вообще был бой. Всем понравился.

ЧУЖОЙ И ХИЩНИК

— Начали раненых на Карабин-Горе искать. Мы вместе с ротным нашли одного духа, подстреленного в живот. А темнота страшная, ничего не видно. У меня фонарик у единственного почему-то был. И он тускло красным светом горит, батарейка уже садится. Мы светили на землю, и вдруг: «А-а-а-а!» Кто-то стонет. Отходим немного, смотрим — лежит тело. Подходим, а у тела руки нет, и, как в фильме «Чужой», из грудины все мясо вырвало и позвоночник виден. Этот мертвый был. Говорю: «Осторожно! Здесь где-то Чужой шарится!» Все поржали.

Потом, кстати, еще «Хищника» нашли. Там в низинке дух валялся, еще до боя убитый, зеленый уже. У него шакалы съели нижнюю челюсть, и из верхней челюсти такая мошня свисала. «Вот, — говорю, — там Чужой, а здесь Хищник».

Нашли в итоге этого стонавшего духа. Мы его сначала дернули веревкой, чтобы посмотреть, не заминирован ли. Доставили его на наши позиции. Он постоянно терял сознание. Лежит на боку, потом на пять минут отрубается, снова очухивается и стонет. Доставили в штаб, допросили.

Был у нас разведчик-пацан, его все наши знают, тоже был в этом бою подстрелен в ногу. Бой уже практически заканчивается, но мы этого не знали на тот момент. И он прыгает на одной ноге. Вторая у него вообще не работает. Прыгает и все говорит: «Че, когда штурмовать-то их будем?! Давайте штурманем!» Какой, блин, тебе штурм?! У тебя нога одна! А он говорит: «Да я на одной ноге буду прыгать!» А второй разведос был в руку ранен и ходил тоже такой, с РПК в другой руке. А простреленная рука висит. «Я, — говорит, — буду топить до талого, я не остановлюсь». То есть рвались вперед. Отчаянные парни вообще. Лютые.

ВЫСТРЕЛ НА 1300 МЕТРОВ

— Один раз представилась возможность подстрелить на 1300 метров. Мы тогда духов случайно заметили вообще — идем себе спокойно, и слева выехал пикап с ДШК, нас обстрелял. Мы отбежали, и я решил его подловить. Я тогда решил, что он все равно появится, лег и выжидаю.

Жду-жду и вижу, что что-то такое движется, как змейка, в гору. Присмотрелся — а это отряд из шести духов идет. У них еще форма такая неприметная,

под горы сделана, сложно заметить. Дистанцию замерил — 1300, выстрелил, но не угадал с ветром. Опыта было мало еще. Я уже сейчас понимаю, что я стрелял на такую дистанцию, когда пуля поднимается на 14 метров вверх. Выше ветер был сильнее, пулю снесло, но я уже вошел в раж. Я понял, куда прилетела пуля, и теперь могу сделать грамотно вынос, и стал подряд валить, вместо того чтобы грамотно выцелить и успокоиться. Решил по-быстрому это сделать, но не попал. Успел только духовского пулеметчика подранить, но он все равно убежал.

Нам, как мне кажется, не хватало тогда грамотной оптики. На СВД, к примеру, стоит классный восьмикратный прицел, вот он нужен в таких операциях постоянно. А со штатным ПСО вообще не вариант работать.

КРАЙНИЙ РУБЕЖ

— Начали нас обстреливать метрах в ста пятидесяти от их точки. С правого фланга **Ветер** уперся, потому что у него на укрепе был подъем гораздо выше, чем у нас. Духи, соответственно, вылезли из укрепа, увидели нас, начали обстреливать. На подступах было все заминировано. Благодаря **Змею**, который потом погиб на Дейр-эз-Зоре, под обстрелом, в темноте нашли две мины. Парень спереди полз с щупом, нашел мины буквально в темноте.

Сейчас у меня во взводе, только что уехал в отпуск, был гранатометчик. Маленький такой чеченец, не помню, как его позывной. Он хорошо тогда, во время штурма блиндажа, с РПГ отработал: встал в полный рост и вдарил с РПГ. Это нам позволило сделать бросок вперед: в течение буквально 10-15 секунд после того, как РПГ ушло, мы прибежали к духам вплотную, и они уже

не могли просто вылезать и безнаказанно по нам стрелять из-за бруствера. Мы их в итоге забросали гранатами и, взяв укреп, начали оказывать помощь **Дарьялу**. В этот момент бой закончился практически по всей линии фронта, духи отошли.

ОБ ИГИЛОВЦАХ

— Духи оборонялись как самые настоящие фанатики. До последней капли крови. Как раз перед маленьким заводом мы брали духовские укрепы сразу после хребта. Один дух был ранен, не знаю, может, раз 10 уже раненый, боеприпасов у него не осталось. Молодой, лицо было не тронуто — лет 15-16 ему было. И когда мои пацаны подбежали к нему, хотели его осмотреть, он в этот момент открыл глаза и разжал руки с двумя гранатами. Подорвал себя, пытаясь забрать остальных. Но пацаны вовремя отпрыгнули за горку, поэтому из моих людей никто не пострадал. Но этот момент я запомнил.

Понимаешь, сколько раз я в Чечне сталкивался с духами, так там они будут у тебя в ногах валяться. Я не имею в виду чеченцев. Тогда в Чечне очень много наемников попадалось: тех же самых узбеков, таджиков, негров там всяких — сенегальцев. Эти будут до последнего валяться у тебя в ногах, просить о пощаде, деньги предлагать и так далее. Но в Сирии я с таким ни разу не столкнулся: игилоиды были фанатиками своего дела, шли до последнего в атаку, в обороне сидели до последней капли крови.

И что самое главное, большая часть были совсем молодые. Всех, кого оставляли в безнадежных атаках на позициях, они все были молодые. Стариков там не было. 15 лет, 16 лет. Не могу сказать, что их там были орды, полчища — в ту Шаирскую кампанию их было немного, где 50 человек, где 30, где 70 человек. В масшта-

бах это не много, в принципе. Но сражались они достаточно хорошо.

Могу сказать одно: нам попался достойный противник. А вот сирийцы, которые с нами бегали в атаку, это были недостойные люди. Половина из них бросала автомат при атаке, сваливала в обратную сторону. А вот духи — это был реально достойный противник. После таких боев тебе ни разу не стыдно, что ты шел против такого противника и победил его.

Кстати, именно поэтому лично я не позволял своим парням издеваться над трупами духов. Одно дело — забрать чего-нибудь из их снаряжения; тем более что они до этого набрали много западного вооружения, обвеса, амуниции. Такое в бою может пригодиться. А вот резать труп на куски, ерничать — нет. Я считаю, либо ты воин и в честном и открытом бою берешь себе трофей, либо ты стервятник и занимаешься х*рней. Это ниже собственного достоинства, так что своим людям я подобное запрещал.

ПРО КОТОВ

— В принципе мы в роте охраны не воевали, мы охраняли высоты. Что касается бытовой жизни, у нас на высоте жили три кота. Вернее, их привезли по моему заказу, ребята поймали на «Каракуме». Дикие сирийские коты: узкоглазые такие, с острыми когтями. Как сиамские, но более озверевшие, более дикие. Ну вот они втроем у нас на высоте охотились на змей. Змеи в Сирии, конечно, расплодились, там их полным-полно было, и коты шкуры наши спасали не раз.

Однажды мы на улице спали, под брезентом. Утром командир поста поднял нас, я с автоматом должен был обежать кровать, рядом с нами валялась огромная каменная глыба. А на камне, прикинь, загорала змея — огром-

ная, где-то полтора метра. Я чуть не наступил на нее, аж вскрикнул от неожиданности. Так коты меня услышали, сразу увидели змею и кинулись защищать меня. (*Смеется.*) Победили — змею поймали, разорвали в клочья.

Котов звали Рики, Тики и Тави. Симпатяги были, днем они играли с нами, а ночью охраняли. Эти коты еще котятами были, потом они выросли, возмужали. Учитывая сильный ветер в Сирии, погоду-непогоду, они часто прятались под одеялом, спали со мной.

Потом, при отъезде, до слез было обидно оставлять, но коты любят свою территорию. Пришлось их оставить. Я с «Урала» напоследок еще спрыгнул, хотел их забрать. Они все втроем нас провожали. Пацаны открыли затворки борта: мол, заходите. Но коты разбежались. Видимо, поняли, что их хотели забрать, и разбежались в разные стороны. Так я с ними и попрощался.

ДУХИ ПОД ЗАБОРОМ

— Когда зачищали район газоперерабатывающего завода, наш командир приказал распределиться по территории пошире. Наши парни пошли распределяться, а у них под забором дух лежал. Идут, такие, прочесывают забор — и тут дух. Просто лежал под забором — испуганный, контуженный, непонятно. «О, привет, иди сюда». Дух, завидев наших, со всех ног начал драпать.

А так шли без особо какого-либо сопротивления с их стороны. Когда шли по полю, там арык был, высохший овраг неглубокий. Небольшой, но если, к примеру, машина будет ехать мимо, его не будет видно. Само поле ровное, слева нам помогает «шестерка», а мы идем вдоль оврага. И тут спереди, из арыка, два автоматчика начинают нас поливать. В **Грача** одна попала, куда-то в гортань, в сердце четко — сразу «двести». Чуть дымы покидали, отстрелялись они и ушли. Дальше опять без боя

идем. Тут внезапно — опять двое из автоматов начинают. Их подавили, они ушли.

ИСТОРИЯ ПРО ЛЕТЧИКОВ

— Первое наше движение было небольшим, то есть прошли мы немного. Были с нами военные летчики, но они просто сопровождали нас. Вот у нас было несколько этапов, в очередной этап мы дошли до дороги. Это все высоты Шаира. Нашей основной задачей было перейти дорогу, закрепиться и удерживать нефтяные поля. И там на самом деле я увидел в сравнении, что есть настоящий военный летчик.

К нам каждое утро прилетали летчики и за нами выкидывали свой БК — не очень результативно. А тут увидел очень интересный момент, когда военный летчик, ну то есть именно Летчик с большой буквы, увидел впереди вражеский пикап, полетел вперед и начал над ним просто глумиться. Пикап уезжает, вертолет облетает его и ему навстречу начинает заходить, как на боевую. Пикап по тормозам, разворачивается, а пилот дальше полетел, там развернулся и снова заходит в лоб этому пикапу. Ну, играл, играл, сжег пикап и дальше полетел, дальше кого-то сжег и т. д.

Вот тогда я понял разницу между настоящими военными летчиками и теми, кто на это звание претендует. Мое предположение, что этот летчик был как минимум в Чечне или в Афгане, а те, которых я первыми видел, были, скорее всего, выпускники какие-то или курсанты.

ЗЛЫЕ ЗУШКИ

— Первый бой у меня состоялся на высоте у полей Аш-Шаир, где факел горел. Я тогда еще работал води-

телем, возил БК, и где-то в четыре часа утра мы пошли в атаку. Ребята встали перед высотой, зушка духовская не давала им подняться, а я стоял внизу с боекомплектом, ждал. Меня позвали по рации, я на машине подъехал выгружать БК, мне рукой машут: мол, сматывайся. Но там уже было бесполезно, я только из машины вылез, и тут прилет в дверь. Не знаю точно, с чего попали, вроде ЗУ, но дыра в двери была диаметром около 20 см. Я только успел наклониться, и все, прилетело.

Тем не менее я все же успел машину укатить вниз, потом прилетели наши «вертушки». Ну и летчики положили в итоге эти зенитки, и парни смогли пройти дальше, занять высоту. У нас в тот день разведвзвод отжал Т-72, духовский. Это было очень хорошо, танк свой появился. Духи просто выскочили из машины и смотались, испугались поддержки с воздуха. А так бы мы засиделись, потому что зушки работали очень плотно. Они в паре — одна стреляет, вторая уходит на перезарядку, и так они менялись, огонь был очень плотный. Не могли дальше двинуться. А тут «вертушки» прилетели, бабахнули, точно попали, ЗУ сожгли. И все, мы дальше ушли.

О ПРОСТОДУШНОМ САПЕРЕ

— На Шаире собрали новое подразделение, и меня поставили командиром. Я людей, естественно, не знаю. Знакомимся чуть-чуть, спрашиваю: «Парни, сапер есть?» Вот это больше всего тогда волновало, потому что когда на позиции становишься, желательно, чтобы вокруг было все заминировано. Ночь так чуть спокойнее проходит. И парень один говорит: «Я!»

Прошло месяца полтора. Мы тогда один из рубежей взяли. Я сразу парням говорю, кому где окапываться, если что. Обычный быт. Как всегда, распределяешь всех, занимаешь оборону. Я этому парню говорю:

— Бери помощника и иди подходы минируй.

— Хорошо.

Ушел. Часа два его не было. Вернулся. Я смотрю на его БК — а у него мины все на месте.

— Ты что там минировал?

— Растяжки ставил. — говорит он мне.

— Растяжки — это фигня. Сейчас их зайцы или лисы позадевают.

Зайцев, кстати, много было. Это у нас тренировка была постоянная: если вдруг в ночи растяжка из-за зайца или лисы взрывается, все сразу занимают положение к бою. Хорошо тренирует.

— УЗМ поставь хотя бы две.

— Не-не! Я их боюсь.

— В смысле «боюсь?» Ты ж сапер!

— Да какой я сапер... Меня назначили в армии сапером, вот я и сапер.

— Все понятно, — говорю. — Не лезь.

Глава 10. Второй штурм Пальмиры

(1 — 3 марта 2017 г.)

Зачистив ключевые подходы к Пальмире, союзные силы 1 марта продолжили наступление вдоль по шоссе 32, соединяющем Хомс и Пальмиру. Чтобы сохранить темпы наступательной операции, штурмовые подразделения заблокировали подход подкреплений террористов из близлежащих поселений. После мощного рывка на позиции ИГ силам ЧВК «Вагнер» в ходе ночного боя удалось занять цитадель Пальмиры — средневековый замок Фахр ад-Дина.*

После освобождения цитадели союзные силы получили огневой контроль над всей долиной Пальмиры. Правительственные силы начали постепенное продвижение в городские кварталы с трех сторон — с юга, запада и северо-запада. Удары с нескольких направлений привели к тому, что боевики начали в спешке выводить свои отряды из Пальмиры. Окончательную точку в разгроме группировки «Исламское государство» в Пальмире поставил прорыв отрядов «вагнеровцев» от цитадели к району аэропорта Тадмор, в котором были сосредоточены основные силы артиллерии боевиков.

К вечеру оборона ИГ была сломлена, и террористам ничего не оставалось, кроме как уходить вглубь сирийской пустыни. Вечером 2 марта министр обороны РФ, генерал армии Сергей Шойгу доложил президенту РФ Владимиру Путину о том, что Пальмира вновь находится под контролем сирийской армии.*

---

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

ВСТРЕЧА С ТИГРОМ

— Под Пальмирой в 2017 году стояли на одной позиции. Наши вперед ушли, а мы им тыл прикрывали — нашим подразделениям. Так вот, две горы было, внизу палатка наша, и на двух сопках два НП (наблюдательных пункта), по обеим сторонам. Была ночь, мы с товарищем стоим в бывшем духовском импровизированном капонире — он такой большой, весь из камней сложен — и наблюдаем, чтобы духи не пошли. Наблюдаем, наблюдаем, вдруг товарищ говорит: «Посмотри в „тепляк"! Что это такое?»

Темно было — хоть глаз выколи. Ни луны, ничего. Чуть дорогу видно. Раз, смотрю в «тепляк» — а там прямо на дороге тигр стоит какой-то. Ну, кошка огромная, с таким полутораметровым хвостом. Стоит, а потом идет такая на нас. Я не знаю, откуда она здесь взялась. Я даже не думал, что в Сирии такие кошки есть. Я не знаю, как называется, просто она огромная. И тишина такая... Ни ветра не было, ничего. Мы смотрим-смотрим, и тут — раз — тигр этот пропадает с экрана.

Я командиру сообщаю: «Тут кошка здоровая шарится. Если что, стрелять можно?» Он говорит: «Ну, если кинется, стреляйте». Я передернул затвор, стою, смотрю, где она. Ее нет, нет... И тут товарищ мой высунулся и мне показывает: она под капониром сидит. Как домашняя. И смотрит прямо на нас. А ее только в «тепляк» видно. И чего с ней делать, не знаю. Жалко убивать-то.

Нас она осмотрела и вниз пошла — к палатке. Я пацанам по рации говорю: «Сидите в палатке, не высовывайтесь». А она спустилась к палатке, ходит, чего-то ищет. Еду, может, искала, на этом месте духи много вещей и еды побросали. Пацаны такие: «Ну чего? Она ушла?» Я говорю: «Нет, возле палатки она». Видно в „тепляк". Пацаны потом сказали, что ее возле палатки вообще не было слышно.

Походила вокруг, походила — и ушла.

СЪЕЛИ УЖИН ПРОТИВНИКА

— Есть грустные моменты, а есть жизненные какие-то... Запоминающиеся. Допустим, как мы захватили духовский укрепрайон. Мы туда первыми заскочили, потому что остальным лучше было не ходить — перед укрепом минное поле было. Мы туда зашли отделением своим, распределились. А духи только-только свалили оттуда, и у них там стоит кастрюля. Мы жрать хотим ужасно, а у них там картошка вареная в мундире, рыбка. Еще теплые.

Мы походили по укрепу, вроде все чисто, не успели заминировать. И прямо там, где они сидели, мы костер разожгли, поставили чайник, подогрели картошку. Сели на места, где они сидели, достали у них там варенье. Вот чего запомнилось — финиковое варенье. Очень вкусное. Это даже не варенье, а пастила, что-то такое прессованное. Там же не было в доступности магазинов, поэтому настолько это для нас было неожиданно и вкусно.

По завершении трапезы я такой воскликнул: «Спасибо товарищам игиловцам! Очень вкусное варенье!» Все поржали...

ПНУЛ МИНУ

— Когда мы на вторую Пальмиру заходили, к нам приехал новенький, и мы пошли с командиром на выход. У нас был сапер, и когда зашли мы на укрепы, сапер начал ставить гирлянды. Нам надо было там ночь переждать, чтобы по темноте двинуться дальше. И вот там, где я бегал, где ползал, где в нужник ходил — там буквально подорвался человек. Я там к тому времени все избегал, исползал, везде побывал, а после этого подорвался человек.

Как-то мы втроем там стояли потом. Было холодно, помню как сейчас, я пинал камень... ну как, я думал, что я пинал камень. А там оказалась УЗМ, костровищем прикрытая, просто никто не заметил. Было холодно, а когда рассвело, мне просто показали.

КАК ГАСИЛИ ШВЕДСКИХ СНАЙПЕРОВ

— Мы как-то двух снайперов шведских выслеживали, где они находятся. Пришел к нам командир и говорит:

— Поступила информация, что на боевиков шведы работают, снайперят. Давайте, чтобы нашли, пробейте по номерам.

Мы нашли их по мобильникам. Там находили турецкие номера; зачастую были турецкие, были еще пакистанские. И нашли этих двух шведских абонентов: там было два шведских номера, они использовали шведский IMEI. Телефон куплен в Швеции, поэтому IMEI регистрируется в этой стране и все равно выдает как шведский, пусть даже он будет на местной симке.

И все, нам выдает два шведских типочка. Дальше мы их вели, дали координаты того места, куда доходила по дальности наша артиллерия, и после огня артиллерии эти трубки потухли. Корректировка «Орлана», огонь артиллерии.

Видишь, станция «Орлана» считывает эти трубки, даже если они в пещерах. Например, в неглубоких, куда духи забираются, чтобы ненадолго сныкаться. Или в песочных промоинах делают себе небольшие перекаты для сна, кустами прикрываются и зарываются. Если это в горах, то там большие, глубокие пещеры, там — да, не видно. А вот в таких небольших промоинах их видно как на ладони.

Мы как-то летали, смотрим — около 15-17 трубок светит. Смотрим глазом, а там никого, только такая

ливневка. Начальник артиллерии говорит: «Ну давайте проверим». Х*як! Туда один снаряд, а они как побежали в разные стороны.

САМЫЙ РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ ВЫЛЕТ

— Духи уже привыкли к тому, что их пасут по трубкам, видят с неба и корректируют артиллерию по ним. Они уже стали более осторожными, стали иначе двигаться. И мне этот момент запомнился, потому что мы столкнулись с профессионалами. Я думаю, что это были какие-то наемники, потому что местные духи не такие умные.

Как-то летаем ночью перед нашими позициями, перед одним из отрядов. Летаем рядышком, 400 метров максимум. Обычно мы так близко редко смотрим, но тут я глянул, и меня поразило, что камни как-то слишком упорядоченно лежат. Тогда за день, чтобы ты понимал, нагревались камни, нагревалось все железо, деревья, все нагревалось, одним словом; и когда ты только начинаешь работать, часов до двух-трех ночи все это светится в тепловизор. И чтобы понять, что это светится, мы провели эксперимент: человек наш просто походил вокруг таких нагревающихся мест, а я сверху посмотрел. И тогда мы уже пробным путем высчитали, что человек сверху выглядит определенным образом.

А тут смотрю — большие камни, валуны и как-то они слишком ровно лежат. И тут что-то я не понимал — слишком много больших камней, и выложены они, как наконечники стрелы в две стороны (примерно так < >). Я смотрю на них, облетаю, смотрю минут 20, потом 25, чисто над ними вишу, поднялся только повыше на случай, чтобы меня не услышали. На камни мы, понятно, так долго не смотрим, потому что надо смотреть еще, вдруг с другой стороны подходят.

Ну, мне уже замечание делают: «Слушай, ты если не хочешь работать, ты так и скажи. Чего ты полчаса на камни пялишься? Давай, лети дальше».

А я просто молча смотрю, игнорирую, и вдруг один камушек к другому так — трррртъ — перебегает.

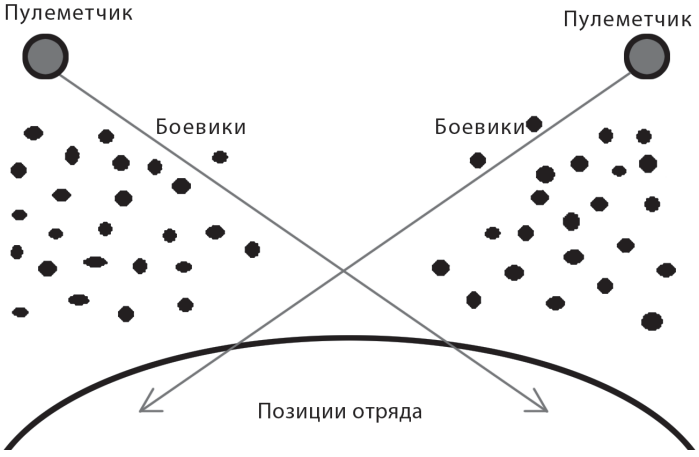
— Да это духи! Выходите на отряд, узнавайте, есть ли какие-то группы. Это по-любому духи. Просто меня засекли, испугались и уселись.

— Какие духи, тебе почудилось!

Я перематываю назад и показываю. Тут все начинают выходить на отряд и говорят:

— Нет-нет, наши все дома, все сидят.

Ну все, мы дали им команду укрыться, сейчас один снаряд попробуем туда всадить, посмотреть. Прилетает снаряд Д-30 прям рядышком с ними, ну вообще рядышком, и они все на сближение начинают идти. Не убегать, как сирийцы, а на сближение. Они делятся на две группы где-то по 23-25 человек и идут на сближение с разных сторон. Два пулеметчика их прикрывают, а остальные начинают подходить и работать с подствольников.



Из отряда уже кричат: «Кройте со всего, что есть!» Мы начинаем наводить, а артиллерия прямо точно работает, вот по самым, кто был. А пулеметчики х*рачат с двух сторон не переставая, поливают туда, по нашим. И все, артиллерия начинает работать прям точнейше, просто по красоте — духов в клочья начинает рвать. Наши начинают, я вижу, с подстволов с окопов стрелять. Те по ним стреляют, наши тоже с подстволов, видно, как эти гранатки летят. И наши тоже по ним четко работают, прям куда надо. Мы сверху смотрим — все в них летит, артиллерия, наши. А духи стреляют гранатами — то дальше перебрасывают, то ближе, по нашим не попадают. А наши пацаны молодцы, точно по ним лупят.

Выходит на связь командир отряда и говорит: «Они там орут, визжат, давайте еще по ним».

Ну мы по ним скорректировались, они же сблизились, метров на 200 в упор подошли. Там уже корректировка не нужна, начальник видит: «Дальше 30, ближе столько-то». Мы ему просто картинку даем, и он по ней работает. И они начинают убегать, а пулеметчики работают. Духи начали убегать, понятно, по ним уже эрэсами начали класть, бээмками. Просто ад устроили.

Боевики начинают по промоине убегать, пулеметчики бросают пулеметы и тоже начинают сваливать, причем так быстро, что обгоняют всех, кто бежал до них. Спринтеры какие-то, Усейны Болты — так быстро стартанули, как в перемотке. Ну, в общем, может, только два духа ушло максимум. Остальных артиллеристы перекрошили. Они говорили: «Мы вас просто до одного добьем» — и по ним просто лупили из всего.

Вышел тогда командир отряда, сказал благодарность: «Спасибо, пацаны, прозевала фишка».

А что бы было, если бы 50 человек подошли вплотную? Представляешь, что бы такая группа сделала? Ну вот я считаю, это был хороший результат, 50 духов где-

то уничтожили. А был бы на тот момент «Краснополь», я бы щелкнул два снаряда — и подохла такая же куча.

ТАНКОВЫЙ «ФУТБОЛ»

— Когда идут какие-то операции, я ни разу не слышал, чтобы отряд не выполнил задачу. Они ее всегда выполняют, всегда идут, продвигаются. Все грамотно работают, грамотно идут, и все это отлично видно сверху. Опять же, задача БПЛА состоит не в том, чтобы наблюдать за боем. Мы должны перекрывать все дороги. Артиллерия не сможет бить на 50 метров, и тут парни должны уже понимать, что должны рассчитывать только на себя. Если я посмотрел вдаль, то я возвращаюсь и смотрю, что есть перед нашими, например, за домами. Вот есть первый дом перед ними, я его не могу смотреть, смотрю второй-третий и за домом, во дворе, не бегает ли кто-то. Потому что если я буду сюда смотреть, я просмотрю то место.

Когда двигаются отряды, наша задача — перекрывать дороги, чтобы выявлять противника. Опять же, если они на тебя выходят и говорят, что по ним работает артиллерия, если я буду следить за ними, то как я эту артиллерию найду? Ее надо найти, рассчитать, с какого направления она долбит. Мне все это подсказывают, и я уже сам логически думаю, что по ним работают, на какую дальностью бьет установка. Смотрю ее, ищу.

Был случай, когда мы наблюдали дуэль танков. Наш танк стрелялся с танком противника, и наш танк победил. Это было вдвойне приятно, как будто сборная России по футболу выиграла у сборной Франции. Все сидели у мониторов и болели за наших.

Еще раз повторю: меня поразило, что в компании много профессионалов, и руководство, которое стоит выше над тобой, намного профессиональней, во много раз. Это вдвойне приятно.

ПРОБЛЕМЫ СОЮЗНИКОВ

— Я вот все думал, почему тогда сирийская армия так плохо воюет. Мы как-то были на базе Мухабарата, где готовят сирийцев. Мы там просто забазировались, неделю где-то жили, это было время перед второй Пальмирой. И смотрим, как их готовят: у них отбой в 12, подъем в 5, бегают они часами, взвод девушек был, причем толстые были, и все равно бегают с утра и до вечера. Стреляют, тактика, все такое. И не знаю, почему они так плохо воюют.

А «Даиши» — серьезный противник. Недооценивать противника — это самое последнее дело. Есть у них дерзкие парни, при их экипировке, оснащении, поддержке они отлично отрабатывают свое.

Мы одного сирийца у себя прикормили. Они у нас терлись, нам паек нормальный дают, а им — картошку и лепешки. И мы тут одного прикормили, у нас какие-то консервы были. Такой черный-черный сириец был, мы ему: «Обама, иди за стол, садись с нами». Ну, короче, прикормили, а около нас ящик лежал с продуктами. Обыкновенный армейский ящик, и в нем какая-то рыба лежала, мясо, консервы, в общем.

Ну вот он, собака сутулая, спер этот ящик и ушел. Он ушел куда-то со своим подразделением, они там постоянно двигались туда-сюда, они у нас поблизости жили недолго. Он приходил к нам постоянно с утра, а потом смотрим, ящика нет. А парни: «Да это Обама, он взял его и ушел, пока вы там были. И свалил в закат».

«САМСУНГИ»

— У нас такой прецедент был. Мы штурмовали 762-ю высоту, это когда аэропорт Т4 был в окружении, там тактическое окружение было. Мы разрывали окру-

жение, и нам сказали, мол, надо раздвинуть кольцо. Ну и мы пошли от аэропорта, там как раз вот эта высота. Нам прогнозы давали эсэсошники, мол, до этого сирийцы штурмовали эту высоту, и все плачевно было.

Эсэсошники спросили про наше оборудование — мы озвучили. Тогда что-то вообще плохо с вооружением было. Винтовки Мосина давали. У кого не было разгрузок, кто первый раз приехал, тем вообще подсумки дали. «Самсунги» были — автоматы Калашникова китайской сборки. Очень плохие, с пластиковым, не бакелитовым цевьем, мы их «Самсунгами» называли. Но мне повезло, я в первых рядах приехал, мне досталось хорошее вооружение. И вот мы эту высоту штурмовали.

Запрыгнули на высоту быстро, двое суток шел бой, они фланги не сдавали. Ночью бои затихали, днем опять возобновлялись, и к концу вторых суток они начали нам один фланг понемногу отдавать-отдавать. Потом пошел прогресс уже.

ВЫСОТА 789

— Как говорится, первый блин комом. Спецоперация получилась веселой и хорошей, и удачной, и неудачной. Заход был такой — приехали, чуть-чуть поднатаскали в военном деле, и сразу на третий-четвертый день пошли на штурм высоты, где были закреплены духи.

Были и курьезные моменты. Ну, конечно, спасибо нашим военным можно сказать, они помогли в тот момент, прикрыли «вертушками» наш отход. Мы отошли и этим сохранили многие жизни боевым товарищам и своим друзьям. Отошли чуть назад, перегруппировались и начали планы строить на другой обход, со стороны.

Было страшно, но все друг друга поддерживали. Ты приезжаешь первый раз, находишь много друзей и бое-

вых товарищей, которых раньше даже не знал. Много людей хороших. Ты живешь большой семьей. И в быту помогают, это же не только война. В первую очередь, тут же бытовая жизнь: как ты построишь отношения, так и создается свой внутренний очаг. И чем больше ты добиваешься коллективного отношения, тем больше у тебя получается все в работе, которая происходит. Чем сплоченнее коллектив, тем удачнее все происходит по службе.

Даже простой заезд на работу в компании — это уже героизм. Но примеров было много. Бывает, по нам впрямую работает ДШК или другой пулемет, танки стреляют, а люди просто встают и идут на штурм. Отделения, взводы идут вперед, и это тоже героический поступок. Это все смотришь, видишь своими глазами. Да, страшно, но ты, видя пример остальных, понимаешь, что надо выполнять свою работу, потому что ты должен и обязан выполнить те или иные действия.

ПЕСОК И СКОРПИОНЫ

— Помню, как наш борт приземлился в Дамаске. Повсюду песок, автобусы подъехали, нас загрузили, воды нет попить, и мы ехали долго до «Каракума». Мне очень понравилось, как машины перекрывали дорогу с крупными пулеметами. Это было начало, первое впечатление.

Второе — когда мы пришли в палатки. Тоже повсюду песок, поролоновые матрасы, скорпионы бегают. Нам старший говорит: «Смотрите, вот вы разулись, а перед тем как обуться, обязательно вытряхивайте обувь, чтобы там не было скорпионов, чтобы они вас не ужалили».

День мы посидели там, переночевали. На второй день нас перекинули на малый завод, и там мы должны были готовиться к штурму. Нам сказали: «Пацаны,

ночью начнется движение». Но ночью что-то пошло не так, как оно обычно бывает: перенесли штурм на более позднее время, на рассвет. Потом приехала машина, загрузили нас — и мы поехали по пустыне. Ехали, повсюду песок, дышать тяжело, непривычно было.

Нас подняли на первую высоту, откуда мы должны были для начала наблюдать, а потом выдвинуться, как нам сказали, на помощь, на дальнейший штурм и закрепление.

Первый момент, который меня очень сильно поразил, когда наши товарищи попали в бой, завязался контакт. Тут же были вызваны военные летчики, ударные вертолеты. Когда пацанов начали уже накрывать зушки, снова начали вызывать вертолеты. И так было то ли три, то ли четыре захода «вертушек». Как они отстрелялись, нас вытягивают туда. В срочном порядке мы грузимся в «Уралы», и нас срочно выдвигают вперед, буквально через одну сопочку. Нам нужно было подняться на сопку, там прогалинка была и следующая сопка наша, откуда мы должны были развернуться и начать идти вперед.

Тоже был интересный момент: мы только вылезли из «Урала», отбежали от него вместе с БК, и тут нас накрыли тяжелые пулеметы. Скорее всего, это был ДШК либо «Утес». Они нас так прижали к земле, что даже слышно было, как над головою пули летели. Командиры сориентировались вовремя: в момент, когда пулемет прекратил работать, дали команду на подъем. И весь личный состав пошел по трем направлениям: два отделения пошли вокруг горы, с флангов обходить ее, а третье пошло через гору. И вот, когда обошли мы сопку, начали работать снайперы. Много ребят там покалечили. Снайперы не убивали, они пытались гасить, бить по ногам. Это делалось для того, чтобы чуть дальше идущие подбегали вытягивать раненых, и они их также дальше гасили. Били в основном в ноги. Пока мы перебежали через эту лощинку, поднялись, у нас уже были потери. Потом, после первых «трехсотых», сориентировались, одни начали прикрывать, вторые перебегают, волнами такими. Началось все в 4:30 утра, а закончили мы только часа в 4 дня. Ну вот мы там наплывами шли на эту высоту часов девять и там засели. Духи не давали нам даже подняться или с нее вылезти, били по горе.

Потом было принято решение отходить, и по нам опять начали бить. Когда мы уже были перед отходом, нас было меньше, а вооружения много, и мы начали пытаться все уносить с собой, все оружие и БК. Ну и мне тогда также повезло: мне дали две улитки от АГС, и я начал перебегать. Перебегал эту лощину, тоже мне в ногу попали. На тот момент был всплеск адреналина, я не ощутил ранения. Это был пик адреналина, когда даже не чувствуешь, что с тобой произошло. Это даже не ты, а мышечная память какая-то, мозг сам работает. Я только успел подняться на гору, перебежал в безопасное место, тут же ко мне подбежали медики, эвакуировали и отвезли на «Каракум».

Мне сделали операцию, зашили, хотели отправить домой. На что я начал возмущаться, потому что я приехал и всего-то третий день там был. Как бы моя идея, ради которой я приехал, она не была на тот момент реализована. Идея у меня была государственно-патриотическая. Мое мнение: вот все, что происходило в Сирии, в любом случае начало бы перекочевывать в сторону Кавказа, в сторону границ России. Долго я со старшим медиком пытался договорится, он ни в какую, все пытался меня отправить в Россию. Потом все-таки через другого медика я убедил медперсонал, что у меня все нормально и все хорошо. Они сказали: решение твое, оставайся. На десятый день мне сняли швы, вечером на десятый день меня выписали, отправили в свой лагерь вечером и утром меня вернули на позицию. Там, где уже были товарищи, которые после того боя оттянулись на позиции другого подразделения. Оттуда примерно через недельку мы начали уже шагать.

СЛИШКОМ ДАЛЕКО ЗАШЛИ

— Потом мы постояли перед дорогой, пошли вперед. Наша задача была занять высоту на отдалении от дороги, ну и, соответственно, мы должны были ее держать, чтобы никто туда не пришел.

Были моменты, когда подвоза воды практически не было, когда у нас полуторалитровая бутылка воды на сутки на трех человек оставалась. Воды в пустыне категорически не хватало. И это с учетом того, что это не наш климат, для нас это было безумно жарко, и мы просто падали. Как только мы перешли дорогу, был интересный момент, когда мы ушли намного дальше остальных: наша задача была перейти дорогу и выстроиться в одну линию. И держать ее.

Мы что-то заблудились, в пустыне тяжело ориентироваться, все какое-то прямое, ну и мы ушли вперед. Дали свои координаты, нам сказали: «Уе*ывайте оттуда, вы слишком далеко зашли». А мы там уже камни начали таскать, строить оборону. Начали отходить, и тут началось самое интересное — по нам начал стрелять танк. Было весело, были мы уже уставшие и изнеможденные, воды практически не было, мы на тот момент уже часов 5-6 ходили по пустыне и пили маленькими глоточками. А мы этот танк даже не видели, он бил издалека, и мы даже не знали, откуда он лупит. То есть где-то на какой-то горе был наблюдатель, сидел и оттуда корректировал.

Поначалу идем и слышим — летит, у каждого снаряда свой звук, свое звучание. Первый, кто услышал, естественно, подает команду, все падают на землю и укрываются. Снаряд приземляется метрах в ста от нас. Нам повезло безумно, что он бил не осколочными, а кумулятивными. Соответственно, песок и мелкие камушки в разные стороны разлетались, а мы вставали и пытались дальше найти какое-то место, ложбинку, горочку маленькую. Где-то спрятаться, в общем. Танк несколько снарядов выстрелил, потом я и еще несколько человек ушли просто в сторону. Ну уже, правда, было такое желание: «Да убей ты меня уже, нах*й, у меня уже сил нету!»

Когда по нам начал долбить танк, у нас был СПГ — мы его спрятали, потому что с ним убежать было нереально. Ну мы пошли кое-как, он по нам еще пару снарядов выпустил, мы скрылись, вышли на свою высоту, закрепились. Пришла команда идти забирать «Сапог». Наш командир назначает несколько человек и меня, хотя я не имел никакого отношения к расчету СПГ. Он знал, что у меня еще нога, ранение не прошло. Я в промежутках обрабатывал ногу. Швы сняли, сукровица выходила еще, и я зеленочкой обрабатывал ногу. Он меня в том числе отправил, и мы пошли забирать «Сапог».

Выходим, у нас связи нет. Смотрим, какие-то военные люди, ну похожи на наших, идут к нам навстречу. Тоже вооруженные. Ну посмотрели, покричали, обозначили себя. На свой страх и риск. А это саперы к нам дорогу пробивают. Мы в другую сторону, они никаких действий не предприняли, мы ушли, забрали «Сапог», возвращаемся и опять пересекаемся с ними. Начинаем снова издалека кричать, подавать команду, чтобы они не начали стрелять. Ну и, получается, к ним подошли, они нам помогли в кузов «Урала» «Сапог» закинуть, дали воды.

Когда мне дали полуторалитровую бутылку, я ее одним залпом выпил.

— Давно не пил? — спросил старший.

— Давно. — ответил я.

— Ну тогда на еще вторую.

Со второй бутылки я уже так, полегче попил, ну потом мы показали дорогу, они пробили до нас. На этом часть маленькой командировки закончилась, потому что мы ушли в глухую оборону. Так мы просидели несколько месяцев.

Какие-то книги читали, на тот момент можно было плееры иметь. Сейчас уже нет, потому что практически во всех плеерах есть диктофон, а диктофоны запрещены, флешки тоже, телефоны, все остальное тоже. Сейчас даже музыку послушать — это проблематично. Спортом занимались, занимались тактической подготовкой, пока сидели, быт свой налаживали. Нам привозили еду только от военных, все было министерское: паштеты какие, сухпайки, как обороновские, так и эмчээсовские.

«СПОРТГОРОДОК»

— Была как-то одна совершенно комическая ситуация: мы приехали на танкодром, у нас группа восемь

человек была, мы небольшими партиями прибывали. А на тот момент парни уже взяли одну высотку, и за нее шли плотные бои. И вот когда мы приехали, получили оружие, по эфиру озвучивают, что группа находится на высоте — отбили и закрепились, но во фланг группы вышла пехота противника и три танка. Старший, который был на базе, сразу подает команду «Сбор». Мы садимся, у нас семь автоматов и одна снайперская винтовка у меня. Садимся в машину и мчим на подкрепление к своим. И вот мы едем, я смотрю на старшего, он смотрит на меня, такая пауза. Я ему:

— А что мы с автоматами будем против танка делать?

Посмотрели друг на друга, поулыбались.

Приехали, поднялись на высоту, повоевали. Потом, после этого, через неделю был штурм. Там тоже так все неоднозначно было: мы закрепились на высоте, а там находился старый центр подготовки сирийской армии, что-то такое. Среди наших он назывался «Спортгородок», потому что там остались турники, брусья и т. д. И вот когда мы зашли туда, закрепились, нас было два взвода, нам дали команду, что сейчас прибудут союзники. Мол, они закрепятся на высоте, а нам дали команду отойти на 100 метров назад и ждать пополнения боекомплекта, плюс там вывоз раненых. Мы оттянулись, встали под высотой, ждем, и тут внезапно с высоты что-то в нас стреляет. Мы ни хрена не поняли сперва — там же должны быть союзники, откуда огонь? Выдвинулась туда «двойка», посмотрела. Ну как выдвинулась — они даже не успели выйти, только голову подняли, их сразу обстреляли.

Посмотрели в сторону и видим картину маслом: слева от нас сидят союзники, а на высоте опять оказались игиловцы. Сначала контакт был, а потом, когда мы поняли, что многие точки подавлены, прибежал к нам на помощь разведвзвод в усиление, и мы перешли в контратаку. Мы снова зашли на высоту и закрепились.

В ту же командировку я получил ранение. Зашли на один укреп, закрепились там, и сапер начал проверять местность. Нашел один фугас, нашел второй, после чего старший группы сказал всем оставаться на своих местах и выбрать наиболее подходящие точки на случай атаки противника. Но никто не учел, что находимся мы буквально на минном поле. Старший пошел сам искать себе позицию и подорвался, между мной и им сработал второй фугас. Старший группы — «200», я тяжелый «300» был, и еще одного парня зацепило. Еще под обстрел попали. На этом моя командировка в 2017 году закончилась.

В госпитале лежали мы с товарищем, с которым подорвались, в соседних отделениях. У него практически полностью зрение пропало, как он выражался, «видит только форточку». А у меня полный комплект: конечности, контузии, проникающие все ранения. И вот я после операции лежу на боку, повернуться на другую сторону не могу. Приходит он ко мне в гости, а в палате со мной лежал еще военный. К нему в гости пришли то ли знакомые, то ли супруга с кем-то. Вот я лежу, он приходит ко мне и так интересно изворачивает голову, чтобы настроить фокус и найти меня. И вот он настроил фокус и сидит, на меня смотрит. Я так косо на него смотрю.

Мы там про свое разговариваем, и он тут слышит женский голос, и он мне так говорит:

— Братан, а тут что, девчонки?

— Ну да.

И тут он начинает вертеть головой и пытаться найти девчонок. Они это все увидели и просто в шоке. Он пошел: «О-о-о, девчонки!» Они в ужасе убежали от нас.

ШТУРМ

— На второй Пальмире мне авиация понравилась. Ребята очень хорошо работали, армейцы. В первую они

еще как-то то ли боялись, то ли стеснялись немножко, а во вторую Пальмиру вертолетчики работали отлично. Заходит разведка Ми-35, он покружил, разметил цели, уходит — и следом идет Ми-28 «Ночной охотник», который уже работает вполне конкретно, управляемыми ракетами. Молодцы, наблюдать приятно было.

Вечер, в первый день штурм не получился, закончился. Подошли вплотную, и получается, со стороны противника пулеметчик и с нашей стороны пулеметчик. Еще светло, стоим и наблюдаем эту вот дуэль пулеметчиков. Они минут 20 стрелялись. Тишина по всему фронту, а они вдвоем пытались друг дружку перестрелять. Ну вот такой перерыв получился, что все сидят — кто заряжается, кто чинится. В итоге пулеметчики стрелялись где-то минут 15-20, и наш противника все же положил.

Я потом стоял в том самом ангаре на аэродроме, где танк жженый на фотографии попал. А сирийцы заехали на аэродром на машине и поставили свои палатки — ну прямо как цирк шапито, по кругу. Как по ним пушка начала долбить, они там все переполошились и сразу убежали. Одна только наша пушка работала — Д-30 стояла. Вот они отбивались, а эти все свалили, бросили свои пушки.

Мы все, конечно, поржали над ними, над всем этим цирком. Мы там ночью сидели без света, без ничего. Потому что светомаскировка, иначе ж спалят сразу — вдарят, и п****ц. А у этих все горит, там, моргает. Я думаю: на кой черт вы этот палаточный цирк поставили? Ну вот чего забавного? Забавного-то нету. Люди гибли.

О ПРОРЫВЕ К АЭРОПОРТУ

— Мы шли на Пальмиру с первым отрядом. Первый отряд пошел через высоту 939, мы вместе поднялись, по-

няли, что технику провести нельзя — и повели в обход 939-й выводить всю технику. За день. Там все огневые средства... Фактически мы за день давали такой крюк, что сам **Ратибор**, командир первого отряда, нам сказал, что мы красавчики.

И мы вот с «копейкой» на Пальмиру выходили, сначала на подстанцию, а потом с подстанции до школы. И вот от школы мы пошли через сады тогда на аэропорт. Там бой завязался вечером на краю. Пара прилетов была. Вот этот маршрут мы весь пробили, весь прошли, по дороге все, что было, поснимали. **Ратибор** был доволен. Наверное, ни один командир отряда про мою группу плохого не сказал. Мы со всеми поработали — никто ничего плохого никогда не говорил, потому что пацаны выкладывались по полной. Ноги прямо в кровь стерты у всех. Дистанции большие.

ПТУР ВМЕСТО СУХПАЙКОВ

— Мистический случай был один, когда нам зушку заптурили. С утра собрались пожрать, искали сухпайки. Наши говорят: посмотрите в зушке, там еще есть. Залезаем на борт, смотрим — нету. Спрыгнули, отходим за «Урал» — и в этот момент аккурат в ту самую зушку прилетает ПТУР. Буквально бы полминуты — и все мы были бы «двухсотыми». Повезло. Как говорят сирийцы, «Иншалла».

БОЕВОЙ МУЛ

— У нас есть человек один. Позывной не буду называть. Он такой — не боец, не воин, но на себе всегда носил нам кучу амуниции. «Боевой мул» мы его звали, или «Боевой ишак». На него накидал патро-

нов — и он тащит. Если мы бегали, прятались там, передвигались по-тихому, то этот чувак берет на себя «Шмелей», патроны и идет к нам в полный рост, патроны разносит. Мы орем ему: «Ложись!», а он идет в полный рост.

В него никто ни разу не попал. Почему, мы не знаем. Командир говорит: «Ну, дуракам везет». То есть он ходил в полный рост, не бегал, ничего... Таскал туда-сюда эти патроны, и не попали в него ни разу. Года сорок три ему было. Не бегал, не прятался — один и тот же монотонный шаг: туда-обратно, туда-обратно. Как на работе или дома... И все думали: когда же его духи прих*рачат? А он живой — ни царапинки, вообще ничего.

МИНА ИЗ КАМНЯ

— Самая изобретательная СВУ у боевичья — камень, который мы крайний раз находили. Там провода лакированные. А когда эти провода лакированы, они как человеческий волос. То есть «плюс» и «минус» обычные. И вот эти микрозамыкатели, которые из консервной банки сделаны... Ну, не из консервной, из жестяной. Его практически не было видно. Просто как паутинка такая вокруг этого камня спиралевидная. Либо она через дорогу лежала и под цвет асфальта из баллончика покрашена. Даже проходя пешком, ты можешь наступить. Не говоря уже о том, что техника пройдет, наедет — и сбоку фугас сработает. И все... Мало того, у духов в тылу находилось мелкосерийное производство. То есть у них целые мини-заводы были по изготовлению всего этого. В этом отношении они, конечно, молодцы как изобретатели.

Никогда не нужно недооценивать противника. У них, конечно, и духовитые свои люди, и профессио-

налы свои есть. Достаточно опытные, видать, там люди работали.

«ФИКСИКИ»

— И сами мы изобретали. И таких изобретений не одно. Вот машинку первую на пульте управления — машинку купили, а я сделал панцирь. А за ней прицепили мы грабли. Панцирь я спроектировал в 2017 году за одну ночь: утром быстро распилил металл, сделали металлический панцирь и две «корзинки» сбоку под мины. А потом ребята грабельки доделали. Собственно, зачем? Когда машинку запускали вперед, она с помощью грабелек поднимала грунт и демаскировала «нажимник» на маршруте следования подразделения. И после этой машинки пободрее идти было. Потом уже на эти машинки ребята начали навешивать мины на управлении — дистанционные. Тоже их использовали. Потом к этим машинкам приделали камеры. Ну а прототип я, считай, сделал — самую первую машинку. Потом гранатомет приделали на машинку. С камерой.

У нас там есть такие саперы, их называют «фиксики». Они паяют, все делают. Вот ребята делали на машинке гранатомет на пульте управления: вверх-вниз поднимается. Ставился либо РПО, либо РШГ. Потом «Шмели» на управлении делали. На треноге. Потом что еще сделали? «Утес» на пульте управления. Но так его потом и не применили. Мы его сделали, спроектировали, ребята сделали пульт управления, я там тоже поварил металл. То есть он вправо-влево поворачивался, вверх-вниз.

У нас «фиксики» делали систему управления, а я механику делал в основном. Я в электронике не очень, а вот в механике использовал свои навыки. Я понимаю, как

вот так сделать и так сделать, поварить, чтобы все это работало, крутилось, вертелось. А там уже спусковой механизм сделал из стеклоподъемника. Он прокручивался и выдавал короткую очередь. А ребята уже сделали пульт управления — с больших машинок брали, перепаивали, переделывали. Ну, достаточно много плюсов было. Машинка стоила 30 тысяч рублей, а миноискатель минобороновский — 300 тысяч. Ну, в этом соотношении, как говорится, голь на выдумки хитра, поэтому старались, выкручивались как могли.

НАПРЯМИК ПО ФУГАСАМ

— Потом у нас еще ребята были, саперы, кто работал на МР, то есть минно-разградительной машине, с ковшом и с краном. Потом танк у нас был с катками — с минным тралом. Эмэрщик у нас был, позывной **Марс**, подрывался на этой МР так, что ковш разворотило. Смелый парень.

И танкист был, механик-водитель, позывной у него — **Охотник**. Маленького росточка мужичок, но с большими яйцами, можно так сказать. Почему? Потому что он за день несколько раз подорвался на фугасе и не покинул машину, так же и работал. Ему уже само руководство дало команду: «Все! Домой!» Потому что несколько контузий человек получил, подрывался сколько раз на танке, на катках на этих. Тоже не отказывался ни от чего. Просто мужество.

Многие смеются, что «слабоумие и отвага»... Ну так-то да... Сел на танк и поехал впереди, все остальные — за этим танком. Считай, сам он маленького росточка, где-то метр шестьдесят. И по нему никогда не скажешь в обычной жизни, что он танкист. По виду — обычный работяга, простецкий. А на самом деле — человек большого мужества.

«ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ»

— На Пальмире был момент. Командовали наши армейцы, а исполнители были местные и ливанский взвод. Там впереди были укрепы, и они не могли их взять, потому что перед ними было большое минное поле. А у нас «Змей Горыныч» установили на ГАЗ — на ГАЗон... И я договорился с армейцами (а там дистанция была километров пять): «Когда ливанцы выдвинутся, вы с минометов накидывайте по укрепу. Чем ближе они будут подходить, тем вы больше начинайте частить, чтобы противник головы не мог поднять, чтобы мы могли выстрелить из „Змея Горыныча" и тропу сделать под технику и личный состав».

Ну, взяли они у меня дистанции все... Но в итоге ошиблись в дистанциях очень сильно. И мы, уже дойдя туда, поняли, что не доходим, надо ближе подходить. Ну, с этой УРК* фактически одно попадание — вес полторы тонны. Считай, от нас бы там вообще ничего не осталось. Там просто была бы гигантская воронка. В общем, уже начинается потихоньку стрелковый бой. Ливанцев нам дали взвод, по-русски не говорят ни бельмеса вообще, а ими командовать нужно. И вот мы выходим на дистанцию выстрела из УРК, а там еще надо километр пройти. Проходим еще километр, уже оттуда, со стороны противника полетел то ли ПТУР, то ли из СПГ-9. Рядом с машиной легло. УРКу развернули, с горем пополам запустили. А старое все, техника со складов.

* Система представляет собой пусковую установку и многометровый рукав, наполненный взрывной смесью. Суть применения системы: машина производит выстрел таким рукавом, рукав падает на заминированную площадь, производится подрыв рукава, вследствие чего детонируют все взрывные устройства, установленные в грунте на дистанции в несколько десятков метров.

В общем, выстрелили. Ливанцы кинулись в атаку, а они ж не знают, что такое УРКа! Это ж смертельно опасно! В общем, «Горыныч» лег на землю, а ливанцы рядом с этими кишками легли. И, в общем, в клочья разорвало половину личного состава ливанского взвода. От них даже пыли не осталось. Но мы задачу выполнили.

ПОД ОГНЕМ ЗУШКИ

— Случай был очень занятный. Остался я на Шаире помощником старшины, ребята пошли по хребту, а мы на «Урале» поехали — ищем место, где стоянку поставить. Ищем-ищем: «Давай дальше поедем, давай дальше».

Ну и уехали на километр к духам. «Вот хорошее место, здесь остановимся». Поднялись, там высота. Шмурдяк выгружаем, все нормально. Раз, в бинокль.

— О, смотри, зушка на пикапе.

— Со стороны духов. Это походу за нами.

А ребята еще хрен его пойми где, по высоте. И вот они эту зушку разворачивают, и по нам. Там 800 метров было. И давай лупить. Я в прошлом сам зенитчик, но вот такого близкого разрыва я не ощущал никогда. Это жутко, когда 23-й калибр прилетает, это состояние не очень айс.

Зушка выкатывается, а между нами скальник. Я говорю своему товарищу:

— Ну, Андрюша, это не поможет. Сейчас он второй очередью этот скальник разберет.

Ну мы и дальше, за следующий такой же укреп уходим. И они как давай пробиваться. А наши ребята тоже быстро идут. У них на броне своя тактика боя, они там с духами хлестались-хлестались, но нас поддержали нормально. У нас ни «трехсотых» не было, ни «двухсо-

тых», даже в «Урал» не попали. В итоге духи ушли, не смогли сдержать натиска наших, не смогли они на два направления воевать.

Ребята бежали быстро, но прибежали вовремя. Вот мы тогда попутали жестко. Сидим, вжух — над нами ПТУРы пролетели.

— Слава богу, наши. (*Смеется*.)

Андрюха тогда приболел на высоте, вот его колбасило. Он тогда на 939-й нормально пулемет держал, он еще притащил первую «Дашку» (ДШК), трофейную, мне еще чуть палец не оторвало. Проверяет, работает или нет, у него утыкание было, я крышку поднимаю, а он (пулемет) как стрельнет. Хорошо, в перчатках был.

РАССКАЗ КОМАНДИРА

— Я с самого начала в конторе. Кого там только небыло. Я в принципе сразу в нашу контору попал, потом свои пацаны подтянулись, бывшие гэрэушники. Говорят: «Никуда не иди, в компании не кидают».

По горам шли, в основном у нас тактика такая была. Месяца два, наверное, бодались с духами, пока до Круглого дошли. На каждой сопке, к какой подходили, там все равно кто-то сидел. Обрабатываешь артой, ну и группу или две засылаешь в обход. Одна группа работает по фронту, другая заходит в обход. Одна оттягивает, другая разбивает. Но без арты все равно нельзя — артой глушили, создавали шум, они уже видят, что крепим, начинали потихонечку отходить. Людей жалели, и все. Весь расклад.

Самое главное — подняться под пулями. Когда над тобой свистит, не просто так встать и пойти. Когда вот так вот — вшух, вшух, вшух над тобой, — не каждый пойдет. Но все в принципе шли, потихонечку, помале-

нечку, от камушка к камушку и брали все это. От дома к домику, перебирались помаленьку, зачищали.

ПРО КРУГЛОГО И БОРНА

— У меня был хороший командир отделения, **Круглый**. Постоянно впереди летел, у него первое отделение, коллектив был подготовленный, слаженный. В принципе всегда впереди были. Погиб только нелепо. Вышли они из кукурузы, зачищали дома после форсирования Евфрата, на Мазлуме. А духи где-то засели. Вся наша группа прошла, разведка прошла, потом уже мы зачищали. Вся группа вперед прошла, а они что-то остались на месте. Из кукурузы выбежали духи, чисто тра-та-та, и все. Одна пуля в него попала. И все, духи обратно в зеленку ушли.

Сколько мы на штурмы ни ходили, сирийцы всегда сзади нас шли, только мародерили, и все. Вот вся их работа. Только начинается стрелкотня, — они все бегут вниз. Когда на Пальмиру шли, высоту 939 штурмовали, они вперед не шли — они шли сзади нас. Мы горки брали, они подтягивались и оружие духовское забирали, обувь с убитых снимали, одеяла, все, что есть. Спасибо им, что хоть воду подносили, потому что вода заканчивалась. Ну вот с водой помощь хоть была иногда. Особенно в жару.

На 939-ю я поднимался вместе с **Борном**. Прижали нас, мы одну площадку взяли, там был ДШК, и заночевали там. С утра стали подниматься, а духи уже сидят на высоте — ну, метров 300–400 — и не дают нам пройти. И никак не отойти. Ну вот мы с ним вдвоем сидели-сидели, надоело сидеть.

— А давай потихоньку, от камушка к камушку — и поднимемся.

— Ну пошли.

Мы двинули потихоньку, прошли, нормально. Меня ранило тогда несильно. Заходим туда, вроде их не должно было быть. У них хорошие укрепчики такие сделаны, что сразу не поймешь, есть они или нет. Я как раз выскакиваю, а там один бросает гранату, орет: «Аллах акбар». Бах, у меня БК заканчивается, я за камень снькался. Ну, снайпер еще вроде рядом был, мне в плечо бах, и все. Но мы все равно взяли этот укреп, люди подтянулись как раз.

А потом поступила команда — нам в придачу дали 10 человек «фатимидов», нужно было обойти сопку и зажать духовских снайперов. Командир покойный, царство ему небесное, говорит: «Пойдешь со мной». У меня 10 и у него тоже 10 «фатимидов», да и **Борн** с нами прицепился. Он уже полковником был в отставке, просидел всю жизнь в штабе, ну а тут кровь заиграла. Он сам с Кабарды был, они там все дети гор, горячие. Хотя сам он спокойный был, мяса не ел, не пил, не курил, не матерился. У него такая борода красивая была, мы ему всегда говорили: «Шапку надень».

И вот мы пошли, он с нами зацепился. Вот мы идем: я, **Круглый, Борн** и с нами 20 человек «фатимидов». Начали обходить с одной и другой стороны. Обходим, соединились — и тут я заметил фугас, нажимник. Ленточки у нас были перевязаны, снял с себя, повязал здесь и здесь, проходы и показываю — здесь мины. Они кивают, мол, да, заметили. Я раз — туда, дышать не могу. **Борн** так смотрит на меня и говорит: «Сотням человек жизнь спас. Ты знаешь, в следующей командировке, наверное, сапером пойдешь». Я новый бинт заматываю, а он говорит: «Ну чо, старичок, я пошел». И он такой встает, и тут — пыш! — ему прямо в голову.

Я к **Борну** подпрыгиваю, чуть стащил его, а **Круглый** потом уже подтянулся. А там, оказалось, снайпер засел, сука, он лупил по фугасу, чтобы его взорвать, а попал по Борну.

Мы так раз-раз, в мертвую зону заползли, давай его общупывать. А **Борн** вроде как еще живой, мычит.

— **Борн**, **Борн**, ну чо ты? Ты же еще обещал на свадьбе у меня погулять!

Все на эмоциях, щупаем его, вроде бы целый. А у него горка была полностью затянута. Я раз туда руку, там полный капюшон, мы его развязали, а там мозги. Затылка нету. Ну он живой еще, блин, еще семь дней потом прожил.

И как-то на самом деле не было страха. Был страх потерять товарища, скорее всего, чем за себя страх. Задача поставлена — а куда ты денешься? Назад же не пойдешь. Как-то не по-русски это — отступать.

ПОЗИЦИЯ «ГОЛОВА КРУГЛОГО»

— У меня в следующую командировку было ранение. На «Голове Круглого» лежал за «Утесом», идет бой на позиции. Мы ночью пошли, расставили растяжки и мины, духи подорвались на минном заграждении, а потом припи*дили к нам всем отрядом.

За день до этого прилетел охрененно большой беспилотник. Мы услышали, что сзади началась стрелкотня, причем с тыла — парни пытались с калашей его положить. Вот он пролетел спокойненько и срисовал все наши позиции. На следующую ночь (в промежутке 00:00-01:00) был подрыв духов. Парни, получается, в низине расставили мины, а они (духи) поперли ночью и хотели зайти по-тихому. Подорвались и до пяти утра, пока раненых оттягивали, пока перегруппировывались, только под утро к нам и зашли.

Понимаешь, «Голова Круглого» — это очень неудобная позиция была в плане обороны и ночного наблюдения. Сама гора пологая, и как ты НП ни поставишь из камушков — видимость 70 метров, и все.

И когда ночью смотришь в «ночник», просто понимаешь, что ты точно не выживешь, если духи пойдут. Но как минимум ты хотя бы сообщить успеешь. Все это понимают и каждый думает: «Мне вот не повезет, а так хотя бы пацанам помогу». И надежда на остальных, что каждый будет так думать. Ну хоть по выстрелу все остальные поднимутся.

Утром началась стрельба. У меня стоял пулемет, и он был развернут на две стороны, прямо посередине. Но из-за плотного огня я не смог занять позицию нормальную, и передо мной лежали здоровые камни, булыжники. Я просто отвернулся и «Утесом» разобрал камни — у меня появился просвет на дистанции 600 и 800. Я туда трр-ттрр — все, стрелкотня угасла. Вот что значит тяжелый пулемет, он в себя приводит. Они заглохли, у нас появилась возможность переставить пулемет на заранее подготовленную позицию, но с другим ракурсом — 600, 800 и 1200 метров. Я наблюдал в 6-кратный прицел, но никого не видел вообще. Не видел никаких движений, но стреляли они плотно. Пули летели высоко, они дистанцию не могли понять и нас просто прижимали к земле.

Потом стрельба немного подугасла — парни АГС развернули и начали из-за горки накидывать, духи чуть-чуть подуспокоились. Ну я лежу так, потихоньку простреливаю и слышу звяк по металлу, машинально откатываюсь, лежу, закуриваю сигарету. А стрелкотня начинается — они чувствуют, что меня спугнули. Начинается треск, и он усиливается, они наглеют прям. Я одну выкурил, вторую достал. Ну все, я не выдержал, залез к пулемету, очередь дал, и — хрясь! — сняли. Причем били с дистанции 600–800 метров, откуда — хрен его знает. По характеру ранений непонятно, что это было. Парни ходили, гильзы искали и ничего интересного не нашли, так что до сих пор загадка, чем меня прих*рачило.

Меня ранило, боль ужасная, как показывают в играх, силы уходят — прямо вот оно, я постепенно таю, сразу мысли всякие-разные. Третья мысль у меня была — татуировку попортили на спине. Пуля вошла в плечо, вышла под лопаткой. Был бы броник на мне, я бы вообще охр*нел, она бы развернулась внутри. Я ору: «300!»

На локте догребаю до парней, меня обкололи — все с собой было: гемостоп, томалом обкололи, спокойно собрались. Был еще один «трехсотый» на тот момент, и парни предложили оттащить меня на носилках, я отказался. Ну бой продолжается, к нам поехал «Дозор», потому что скорую помощь простреливали, и только броневик смог к нам проехать. Спустились, все, увезли.

И там еще ситуация какая была: меня заменили на пулемете, стреляли, и парни из отделения другого вышли чуть вперед. Обернулись назад и увидели, что к моему направлению, к направлению, где стоял «Утес», ползет смертник. И они не могли по нему стрельбу вести, потому что наши были на линии огня. Они в итоге его только гранатами заглушили на дистанции 30-50 метров. Склон пологий, и он ему позволял ползти. Там х*рня такая, им нужно было нас прижать, чтобы он мог подползти. Если бы меня снайпер не снял, то этот бы взорвал. А чего, ты стреляешь, ничего не видишь за этими камнями. Вот бы он подполз и взорвался.

Тут все парни, которые остаются, все герои. Тут без героизма никак.

МЕРТВЫЕ ДУХИ-ПРИЯТЕЛИ

— Перед Пальмирой мы взяли 939, двигались по хребтам дальше, и все равно нужно было где-то оставлять ребят — где один, где два оставались, ну чтобы хоть что-то держали. Земляк мой остался как раз на 939, там везде трупы душков лежат. И вот он один с ними прожил

неделю. И он уже им сигареты в зубы понавставлял, они у него дымятся, он с ними разговаривает. У него с ними там дискуссии были. «Такелажники» поднимали наверх к нему жрачку, БК, все. Поднимали туда, ребята потом приходили, забирали, смотрят — у него там этот консилиум происходит.

Дальше-дальше мы уходили, и в какой-то момент мы встали на одной из сопок. Воткнули АГС, воткнули «Корд», а по нам стреляют. Ну стреляют-стреляют, мы сообщаем об этом. А нам отвечают: «Не стреляйте, это „Соколы пустыни" поднимаются с пустыни на эту гору». То есть мы по горам шли, а они должны вот сейчас тут зайти.

«В ответ огонь не ведите, прижмитесь».

Ну мы прижались, сели, сидим. А перед этим за нами афганцы шли и флаг свой желтый втыкали. Мы его содрали, выбросили, тельняшку повесили на флагшток, тельняшка телепается. Мы сидим под этим флагом. Ну все, они всю ночь по нам шляпали. Ну сказали не стрелять, мы и не стреляем. И получается, утром уже приглядели, и что-то ни фига это не «Соколы» — бородатые, в платьях. Ну мы АГСом, «Кордом» их х*рачим-х*рачим, сообщаем самому главному нашему.

— По моим данным, там стоят «Соколы пустыни».

— Какие на х*р «Соколы»? Мы с утра с ними АГСами воюем!

В общем, «Соколы» там так и не появились.

С АФГАНЦАМИ ЗА ОДЕЯЛАМИ

— Был случай. На одной из позиций духов, в пещере, наш товарищ увидел несколько одеял. Решил к нам на позицию принести, чтобы не на голой земле валяться. Пошел он, значит, туда за одеялами. С нами еще стояли афганцы, они увидели — хоп! — прошел русский, и они

за ним пошагали. Он останавливается — и они останавливаются. А мы тяжелые, нам тяжело идти, и нам просто удлиняться нельзя. Разведчиков нет. Вот мы на передке встали, два расчета тяжелых — и все.

Мы афганцам показываем: вперед давайте, парни. Вытащили специально АГС, «Корд», показываем, что мы вас поддержим. Они так четыре сопки взяли. Где-то там вдалеке увидели мы душков убегающих, из АГСа им насовали, и все. Вот так, чисто из-за одеяла четыре сопки взяли афганцы. (*Смеется.*) Мы уже сами идти не могли, нам приказ был стоять, и мы стояли.

ПРО КОМАНДИРА

— Духи где-то часов в семь утра начали штурмить, бой начался. Минут 15–20 только бой завязался, а командир у нас стоял внизу, километрах в пяти, наверное, он был от нас. И вот я говорю, минут 15 боя, у меня укреп был — пулемет на склоне. Я поворачиваюсь — командир уже стоит сзади. И у всех сразу настроение улучшилось. Когда командир есть, то уже как Чапаев — оп, Чапаев, и все, алга.

Мы с этим командиром еще с 2014 года вместе и поэтому моменты такие помнишь очень хорошо. Только бой начался — он уже здесь, с нами. Целый день шел бой тогда, часов до семи вечера. Шахидка заскочила на горку, полезли духи, начали плотненько нас обрабатывать. Мы позиции заняли, по укрепам разбежались и начали работать. Работали-работали, они выкатили три зушки — одна слева вышла и две справа, на хребтах, — и начали нас обрабатывать четенько, приложили нас на землю и проскочили два, под горку к нам, в мертвую зону. Один потом отошел, а один, с*ка, просидел целый день под нами. И потом уже, часа в два, наверное, он заскочил к нам на горку.

У меня весь бой по фронту была чуйка. Я повернулся — вот он стоит, с*ка, вот так от меня метрах в десяти, и никого не видит у нас на горе. Этот смертник выскочил и паузу поймал, он не знал — или сюда бежать, или сюда. И вот в эту паузу пацаны его отработали. Я с ним взглядом встретился, он стоял и отдуплял просто, никого не видел. Когда увидел, когда «Аллах акбар», но не успел он ничего. Так и сдох, с*ка, только руки к поясу потянув.

«МАНЛИХЕР» И ШОМПОЛ

— Зашли на высоту, я шел с разведвзводом. Разведвзвод так, одно название, нас тогда 14 человек всего было, и мы видели, как духи убегали. Нам до них еще километра два пешком было, мы туда арту успели навести, но толком никого даже не задело, — они успели съе*аться. Мы распределились на высотке, а там место такое — шли старые позиции сирийцев, и укреп такой неплохой, он «восьмеркой» сделан — бруствер насыпан в форме 8. И одним концом он выходит на сторону противника.

Мы ночь переночевали. Проходит следующий день, еще дорогу не пробили, только на следующий день ее пробивали, привезли нам воды, вещи наши попривозили. И ночуем вторую ночь. Утром проснулись, все нормально. А у моей дочки день рождения был, и тогда еще за телефоны не ругались, можно было телефоны иметь. Позвонил домой, поздравил с днем рождения, там было 10 утра. И только положил трубку, проходит 15 минут, слышу, орут: «Духи!»

Я подрываюсь. У меня «Манлихер» был, а до этого я с ним не работал, боевой работы не было. С СВД — да, была у меня еще В-94 на старой работе. Я хватаю винтовку, только подлетаю к брустверу, переваливаюсь че-

рез него, и сразу стрелкотня пошли снизу. Они уже под нами были, видимо, одной группой подползли ночью, понизу, по ручью прошли, и их не видно было. И на двух пикапах они залетали прямо к нам на гору. Я уже увидел — машина вторая была, снизу пошла стрелкотня, буквально метров тридцать. Ну, мы рассредоточились, у нас была кастрюля с гранатами, и я эту кастрюлю подтащил. С «Манлихера» стрелять не будешь на 30 метров. Пацаны с автоматами работают. Ну и я начал гранатами их закидывать. Вроде тормознули, гранаты закончились, мы немного отдуплились, где они есть.

Духи рассредоточились по фронту, и одна огневая группа зашла к нам на правый фланг. И до них дальность — тоже бруствер был, один кусок на 100 метров, второй на 200. Я выскочил с нашего опорника, ушел правее, попытался выползти за бруствер, чтобы во фланг этой штурмовой группе зайти, которая к нам пыталась заскочить. Короче, через бруствер прямо на гору перевалился — них*я не вижу, там еще хребетик небольшой шел. А если мне на этот хребет уходить, там меня свои быстрее бы зах*ярили. Тоже не вариант. Я вернулся

обратно, обхожу наш бруствер с наружной стороны, зашел внутрь, и мне пацаны говорят:

— Вон они, слева. На левом фланге от нас.

Я улегся и вот, знаешь, как было — как в тире. Идет бруствер, они из-за него высовываются, голову поднимают: х*як — один, х*як — второй. Тогда, получается, я там троих срезал, четвертый ушел, не было попадания. Все, лежу, и больше никто не вылезает. Но засели ближе к нам где-то на 100 метров, там ямка была небольшая, и там человека три засело. Короче, я улегся, смотрю, башка высовывается прямо из-за бруствера, ну я раз — выстрелил, попал. Ну и потом, как оказалось, это был командир — с радиостанцией, со всей х*рней. И когда командира срезал, они начали съ***вать. Одного я еще срезал — он выскочил, побежал, я ему в спину засадил.

Видим, там была еще одна группа, вдалеке подъехали на двух грузовиках. В каждом, наверное, человек по 15 было пехоты. И когда у первой штурм захлебнулся, то и вторая группа не стала подниматься. Короче, отбились.

Потом пошли, нашли как раз два или три трупа — духи бросили, не смогли утянуть. Часть увезли на пикапах, которые на гору заскочили, и вот на них они своих «двухсотых» и «трехсотых» уволокли. А через пару дней мы пошли дальше, на следующий хребет. Это как раз перед ущельем было. Там у меня на винтовке сломался выбрасыватель, гильзу не выкидывало. Это определилось уже, когда мы начали штурмовать, когда бой начался. Патрон не могу забрать. Взял у пулеметчика шомпол с ПК — зарядил, выполз, выстрелил, заполз обратно и выбил шомполом гильзу. Короче, это пи**ец был.

Потом уже, когда к укрепу подошли, надо было на укреп заходить, мы рассредоточились. Я по центру с винтовкой был, справа два человека, там взводник

был и еще кто-то. И слева тоже два парня было. Растянулись мы в итоге и полезли так впятером. Я тогда двоих на этом укрепе срезал, они оставались уже, прикрывали отход. Все — движения нет, мы дальше продвигаемся, это все буквально 3-5 минут было. Вышли на хребет и видели, как внизу уходила группа из десяти человек. Я одного успел достать, остальные попрыгали в ручей, а там ручьи высокие, машины по ним ездили. В ручей попрыгали и съ***лись. И там дальность уже была, я до этого стрелял тогда 1650 или 1620 метров. Ну тогда, честно говоря, я попал, но это было больше на удачу похоже.

ДУ́ХИ И ДУХИ́

— Мы закрепились на высоте, а справа второй взвод шел — они тоже высоту взяли: духи вниз поубегали, в ручей прыгнули, за уступчиком сели, и пацаны их начали держать. Потом вроде бы пропали. Ну, мы отправили туда группу. Пацаны спустились, начали досматривать местность, и парень один, Витя, ходит и вроде бы никого нету, а он носом шмыг-шмыг, принюхивается и выдает: «А кто намархабился (надушился)?» А какой там духаниться, мы часа четыре до этого укрепа перли, и плюс до этого были на марше столько же. От нас, кроме пота и говна ничем не воняет.

Ну, Витя такой по запаху, по запаху, раз, до этого ручья — он там так изгибается, высокий, метра 3-4 высотой. И он через ручей перегибается, а там духи внизу, вчетвером сидят. Ну оттуда очередь пошла, короче, и, получается, они не успели выскочить. Остальные уходили в ущелье, а эти не успели, забоялись. И вот их тогда по запаху духо́в и нашли. Мы их гранатами забросали, потратили 12 гранат. Они отстреливались еще. Притянули еще десяток туда, они еще десяток заброси-

ли на**й и уже тогда заходили — достреливали их, добивали. Вот по запаху нашли тогда четверых. А с левого фланга тогда одного подранка взяли живым. 16 или 17 лет ему было.

Зашли на укреп — два жмура, как раз которых я достал. Оставшиеся духи в ручей попадали и уже выходили в ущелье: их там собралось, наверное, человек 15, от 15 до 20, на входе в ущелье. И они стоят, не знают, что им делать. Видимо, команды не было, не понимают, что произошло, что им делать дальше, как действовать. И стоят, отдупляют. А мы смотрим, на укрепе ДШК валяется трофейный. Мы его разобрали-собрали быстренько, посмотрели, что рабочее, на треноги разложили — и давай им туда с их же ДШК зах*яривать. Короче, загнали их оттуда.

Уже потом, после боя, при осмотре заметили у духа парфюм. Небольшая колбочка, вот она была пробитая, и по этому запаху их вычислили. Мы еще такие смотрим, пацаны: «Баба, что ли, раз с парфюмом ходит?» А это оказались малазийцы, документы у них при себе были. Но вот на лицо смотришь, и правда как баба. Ну, пришлось расстегивать, проверять — сиськи есть или нет. (*Смеется*.) Но нет, оказалось, что просто низкорослые. Наши коллеги-«фатимиды» тоже все низкорослые были: щупленькие все, маленького роста, но их отделения по 13-14 человек, они налегке все — без брони, без ни фига. И вот они такие, как подростковый отряд. Вот на Дейрике они п*зды получили. Пришли и рядом с нашими из «копейки» палатки поставили, штук 30. Потом зушка духовская приехала, размотала их в хлам.

Глава 11. Акербат

(июнь — сентябрь 2017 г.)

Потерпев поражение в Центральной Сирии, боевики «Исламского государства» сохранили значительные силы и боеспособность для возобновления ударов по союзным силам. Отход основных сил боевиков с юга Пальмиры вскрыл крайне опасную ситуацию на северном фланге пальмирского выступа. В восточной части провинции Хама многочисленные силы ИГ* создали мощный укрепрайон, с которого до четырех тысяч опытных боевиков вели подрывную и рейдерскую деятельность в Центральной Сирии. Центром укрепрайона ИГ* в Восточной Хаме стал населенный пункт Акербат.*

В результате к июню 2017 года сирийская армия столкнулась на фронте с тяжелой ситуацией, в ходе которой необходимо было ликвидировать укрепрайон ИГ в Акербате для продолжения наступления на осажденный город Дейр-эз-Зор на берегу реки Евфрат. Террористы имели возможность нанести удар в направлении недавно освобожденной Пальмиры либо перерезать «дорогу жизни» Ас-Саламия — Итрия — Ханассер, либо же прорвать фронт и выйти к Хомсу, тем самым разделив подконтрольные войскам САР территории на две неравные половины. Кроме того, боевики все еще имели возможность атаковать газовые поля со стороны населенного пункта Хувейсис. Так, 6 июня 2017 года боевики ИГ* предприняли попытку атаки на газовое месторождение Хайян, расположенное в 20 километрах к северо-западу от Пальмиры.*

---

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

Непрекращающиеся атаки на нефтегазовые месторождения Центральной Сирии показали, что силы ИГ не готовы смириться с поражением под Пальмирой. В связи с этим ЧВК «Вагнер» получает новую задачу — возглавить наступление на сложный оборонительный рубеж исламистов. Согласно плану наступления, штурмовые отряды должны были начать атаку на укрепрайон Акербата со стороны Аш-Шаира в направлении магистрали, связывающей города Итрия и Ар-Расафа. Поставленная задача представлялась достаточно сложной, так как российским специалистам нужно было пройти около 70 километров по горно-холмистой местности для того, чтобы достичь цели и отсечь Акербат от линий снабжения ИГ*.*

21 августа в результате успешного продвижения с востока провинции Хомс отряды «вагнеровцев» взяли штурмом основной укрепрайон Хувейсиса, который долгое время находился на первой линии обороны Акербатского выступа. Уже 30 августа штурмовики вышли на окраины Акербата: отбивая контратаки ИГ, в ходе которых террористы применяли «шахид-мобили», управляемые смертниками, российские специалисты начали плотный бой в пределах городской застройки.*

1 сентября после массированной артподготовки начался штурм Акербата. Несмотря на уход большей части сил ИГ из Восточной Хамы в сторону Дейр-эз-Зора, оставшийся в городе гарнизон представлял собой существенную угрозу наступающим силам. Боевики оказывали ожесточенное сопротивление, против спецподразделений были брошены иностранные наемники с современным вооружением, в том числе прицелами ночного видения. Уже 2 сентября 2017 года правительственные силы Сирии и Минобороны РФ объявили о полном освобождении Акербата. Еще несколько дней в городе шла зачистка — «Исламское государство»* использовало террористов-смертников, в том числе женщин и детей, чтобы нанести урон армейским подразделениям и парализовать наступление.*

«ОПАСНОСТЬ — ТЕПЕРЬ НАША РАБОТА»

— Акербат на тот момент считался районом, где очень плотно концентрировался противник. То есть это огромный район сосредоточения противника. С этого направления боевики могли двигаться вообще в любом направлении — в сторону Хомса, в направлении Шаирских полей, в южном направлении, в направлении дороги, которая соединяет Пальмиру и Хомс. То есть это в принципе был стратегически важный населенный пункт: там очень плотная застройка, в которой удобно прятаться, жить и т. д.

Был такой момент. Когда мы накатали дорогу между нашими позициями и позициями союзников, то на небольшом удалении от дороги нашли что-то типа схрона. Даже не схрона, а целого бункера. Очень глубокий бункер был, глубиной до 15 метров. Он был хорошо обору-

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

дован: несколько входов, было видно, что оттуда боевики повыбегали и побросали разгрузки с БК, спальники, одежду. В одном из мешков были свежие финики. Была выносная антенна наружу, даже окна прорубили. Внутри, как мы смогли рассмотреть, даже два мотоцикла новеньких были брошены. Но вниз мы не пошли: хрен его знает, что они там могли оставить, можно было там просто-напросто взорваться и не выбраться. Просто вокруг досмотрели, и все.

Ну и когда я был в штабе у сирийцев, прибыла группа ССО. Я им и говорю: «Пацаны, тут рядом, буквально в километре есть схрон. Вам это зачтется, для вас есть работа. Съездите, посмотрите, место хорошее, территория никем не контролируемая, и противник может ее втихаря использовать: запустить оттуда квадрокоптеры, вести разведку либо сбрасывать с этого квадрокоптера взрывоопасные предметы». Те говорят: «Не, не поедем мы туда, это опасно». Я им: «Опасность же — это ваша работа?»

Те ничего не ответили. Видимо, теперь опасность — это наша работа.

ПАТРИОТИЗМ ВОЗОБЛАДАЕТ НАД ДЕНЬГАМИ

— В первый раз людей влечет финансовое положение, просто потому что в России таких денег не заработать. А дальше уже начинается патриотизм. У каждого человека есть такие чувства, у каждого есть свои соображения и видение того, как должно быть и как будет. И патриотизм, ответственность за себя и свою Родину рано или поздно возобладает над деньгами.

А были и другие. Вот в мае 2017 года был момент. Одного парня ранило, и ему стало страшно всегда. Ему все время что-то мерещилось, он сам себе что-то представлял. Но при этом, надо отдать должное, когда мы

уже подходили за Хувейсисом, он говорит: «Мне страшно, но я пойду. Это крайний бой, в который я пойду, это крайняя задача. Но для себя я должен перебороть страх». Ну как бы он пошел, переборол страх и после этого сказал: «Все, пацаны, я дальше не пойду». Он подошел, попрощался и все. Ушел.

Были люди, которые говорят: «Мне сегодня приснился плохой сон, все, я дальше не пойду». Даже до такого доходило. Люди разные, здесь каждый пытается подстроиться под группу, не пытается держать нейтральные отношения с товарищами. У многих людей разное вероисповедание, есть христиане, есть мусульмане, язычники есть, староверы, буддисты. Здесь все умудряются уживаться все вместе, и на предмет веры разговариваем, у кого как что происходит. Это очень интересно. Когда сидишь на позиции, у тебя ничего нет, нет возможности почитать книгу, музыку послушать, фильмы посмотреть. Начинается с одного чего-то, потом разговор переходит плавно в другое русло, и о вере, о поверьях.

АТАКА СМЕРТНИКА НА ШАИР

— Это был 2017 год, 5 июня. Врать не буду, на нас тогда напало человек, наверное, тридцать. И среди них были смертники. Основную атаку боевиков мы сумели отбить, но один смертник во время суматохи боя сумел просочиться и подорвался с нашим командиром взвода. Стоял наш «Бардак», и этот смертник с брустверa запрыгнул на машину, на которой как раз находился командир, прыгнул, обхватил, обнял коммандера и взорвался. **Немец** позывной был у командира. Во время той атаки у нас было два «двухсотых».

Это, кстати, был первый раз, когда я увидел смертника. Он был в черной одежде, у него был пояс этот

со взрывчаткой. Он прыгнул, закричал «Аллах акбар», и все, подрыв. Взрыв был нормальным по силе. Я издалека наблюдал, но почувствовал, как тряхнуло.

ПРОДВИЖЕНИЕ НА АКЕРБАТ

— Начинали мы в «шестерке». Поначалу нас выставили на опорники на охране Шаира. Месяца три мы там стояли, менялись периодически с «копейкой» и с сирийцами. И буквально, как только мы пацанов с «копейки» поменяли, они нам докладывают обстановку. «Ой, там все спокойно, все хорошо», — говорят нам.

Сразу все пошло по жесткому. Сперва шахид прорывался на машине, пытался прорваться. Его сириец один снял с граника. Шахид, видимо, хотел доехать до штаба сирийцев, но в итоге не доехал, и его с граника снес сириец. Там хороший разрыв такой был, машину просто на молекулы разорвало. И с тех пор понеслось.

Сначала мы на Акербат двинулись, шли где-то полмесяца, наверное. Сначала по горам шли, выкуривали духов из их нор. На самом деле у них там были шикарные укрепы — духи вырывали чуть ли не дворец под землей. Очень интересно был на одном опорнике сделан вход — с блиндажа, а выход где-то вдали. И при этом потолки в таких катакомбах высокие — метра три. То есть кажется, что заходишь в небольшую лазейку, спускаешься-спускаешься, а внутри огромная пещера. До нас эту пещеру чистил другой взвод, отделение **Вектора** чистило — с большими потерями, сам **Вектор** тоже погиб.

Дальше были небольшие стычки, когда с духами рубились. На Акербате были моменты, когда нас на горе не подпускали. Со всех сторон стреляли — не видно же ничего, когда и откуда они стреляют. Они за камнями прячутся, и у тебя все сливается перед глазами. Нам ко-

мандир кричал: «Давай, пацаны, вперед!», а там вылезти невозможно было. Только голову поднимаешь, и сразу пули свистят над головой. Короче, думаем, идти вперед — не вариант. Мы с командиром первого отделения посовещались и пошли в обход холма. В итоге у нас двое отличились тогда, они первые выскочили на гору. **Змей** покойный и с ним еще один человек был, он тяжелый был, «трехсотый». Они первые выскочили на гору, там в упор расстреляли одного духа. Потом получилось так, что там, на высоте, еще один пулеметчик клина поймал — у него не «Утес», а типа «Дашки» (ДШК) китайской было, и этот китайский ДШК у него в самый критичный момент заклинило. Если бы он не поймал клина, то нам бы вообще всем пришлось несладко.

Когда взяли высоту, смотрим вниз, а там по склону восемь человек отходит. Мы еще не поняли — у них комки (форма), как у нас по цвету. Мы еще пытались выйти по рации, наши — не наши. Но пока выходили, уже поняли, что не наши.

Экипаж танка с нами стоял. Мы ему семафорим, чтобы по отходившим духам долбил. Он начинает по ним стрелять и двоих цепляет. Вообще, тогда много пацанов отличилось.

«ТЯЖЕЛЫЕ»

— Мы прошли через ущелье на Хувейсис, и нас закрыли боевики крупнокалиберным пулеметом ДШК. Получилось, что две группы остались за горой, там сплошняк и очень большое расстояние, чтобы пробежать. Соответственно, настала работа «тяжелых» — расчеты АГС, миномет 82-й прикрывал. Очень качественно отработал АГС и многим помог, он задавил ДШК, понизил плотность огня. Парни попали по пулеметной точке практически прямой наводкой, вывели из строя

орудие, что сопутствовало дальнейшему прохождению. Очень тяжело зависли мы, часа на три где-то. Это был самый длинный промежуток, когда мы проходили, но потом удачно все было. Зашли, забрали высоту. Были, конечно, и «трехсотые», и потери были. Но зашли и выполнили работу. Вот этих «тяжелых» выделить хотелось бы. По работе, по всему.

И стрелки у нас были, которые вставали, поднимали товарищей, когда по тебе ведется огонь. Обычно ты ложишься и думаешь, что надо переждать, и уж потом найти смелость, выделиться, подняться, крикнуть «Вперед!» и дать какую-то команду обхода, потому что командиры все равно не могут контролировать весь ход боя. Есть отдельные личности, которые помогают, своим примером вдохновляют. Другие поднимаются и идут за такими героями.

СЕРЕДИНА АВГУСТА

— Просидели мы на высотах за Шаиром несколько месяцев, потом в середине августа нам дали добро на продвижение вперед. Много новых людей пришло, очень хороших людей, и мы начали идти вперед. Первая наша задача была — выйти к поселку Хувейсис. К поселку мы вышли без каких-то особых боев, спокойно зашли туда. Там никого уже не было, какие-то мелкие машинки, которые разбегались от нас, это были все боевики. Они видели нас, мы их наблюдателей видели. Этот этап у нас прошел тоже хорошо.

Сразу после Хувейсиса начались у нас затыки. Шли мы с одной стороны дороги, у нас была следующая сопка — мы на нее вышли ночью и под утро, на рассвете должны были зайти на соседнюю высоту. И зашли на нее только часа в четыре дня. Долгий бой был, долго духи кусались, не хотели уходить. У них было два-три

опорника на горе, на подступах по флангам тоже были опорники. Мы пытались разойтись, но все-таки, на наше счастье, на удачу, мы зашли туда, особо не пострадав. «Трехсотые», конечно, были, но в целом нормально.

Потом дальше мы уже начинали уставать и менялись с другими подразделениями. Выглядело это так: мы идем день, допустим, закрепляемся, потом они подъезжают, от нашего направления продолжают движение, а мы там сутки отдыхаем. Отсыпаемся, приводим себя в порядок, забиваем БК, готовимся и шуруем дальше. И вот так мы менялись и в итоге подошли, это конец августа был, к Акербату.

Зашли на высоты, часть людей пошла на первые поселки, тоже ребята вступили в тяжелые бои. Видел министерскую авиацию — они кидали бомбы, много, но я не видел ни одну, которая била бы по населенным пунктам. Я начал интересоваться у товарищей, и когда руководство приезжало, спрашивал, почему так, почему не бьют по деревне? Мне ответили, что нельзя — запрет на удары по населенным пунктам. Они пытаются боевиков выбить по окрестностям, вокруг бьют, и все. Были там бои, где-то закреплялись, продвигались. Со слов людей, другие подразделения зашли уже в пригород Акербата; то есть мы пригород обрабатывали, а они уже сам Акербат.

КАК АГС ОСТАНОВИЛ ТАНК

— После деревни Хувейсис зашли на высоту, которую контролировали духи — ввязались в бой. Наша группа зашла с левого фланга. Агээсник не видел цели, вообще ничего — вот гора, а что там, за горой, непонятно. Ну, он начал стрелять из АГСа буквально наугад, по ориентиру. Ну и как: его ВОГ случайно попал духовскому танку в моторный отсек и случайно перебил патру-

бок. Духи пыжатся, но завести его не могут. В итоге мы, когда с горы спустились, затрофеили целый, хороший танчик. Ремонтники поменяли патрубок, завели машину и уехали.

УСТРОЙСТВО «ШАХИД-МОБИЛЯ»

— Когда шли в 2017 году на Акербат, на нас в какой-то момент вылетел из-за барханов «шахид-мобиль». В него вовремя прилетело с миномета — колеса пробило, и он встал намертво. Духи его в итоге бросили, смертник вылез и убежал. Внутри была кнопка большая — я впервые такое увидел. То есть подрывом управляет не какая-то маленькая кнопка, не взрывчатка на самом смертнике, а большая кнопка диаметром около 5–7 см, чтобы он по ней ударил и подорвался. На задних сиденьях был сварен бак большой — все пространство сзади занимал, чем-то был набит.

Наши саперы решили эту машину взорвать, ну мало ли, от греха подальше. Инженеры говорят нам: «Отойдите метров на 400 и залягте». Я подумал и говорю: «Не-е, 400 будет мало, давайте за горочкой заляжем». Только завел туда своих, с нами птуристы еще зашли, — саперы подорвали тачку. Бахнуло так, что еще метров 600 за нами ошметки металлические летели. От машины вообще ничего не осталось. Целая машина, еще и полностью обваренная сталью, буквально исчезла с лица земли.

КАК НАЛАДИТЬ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ

— Наше подразделение двигалось от Хувейсиса в направлении Акербата. Мы практически подошли вплотную к городу и встали вдоль дороги. Мы тогда двигались в северо-западном направлении, а параллельно нам

севернее наступала 10-я танковая бригада, сирийская. У нас, с одной стороны, шло все нормально: противника артой давили, несмотря на потери. Но проблема была с союзниками: у нас не было с ними вообще никакого взаимодействия. И так получалось, что периодически мы обменивались «любезностями»: с той стороны постоянно наваливали на нас, танки работали по нашим позициям, мы неоднократно «ответку» им давали. Там либо не знали, что это мы, то ли не хотели знать, а может, и экипажи просто не владели обстановкой. Скорее всего, в большей степени просто экипажи не понимали, где они находятся, и поэтому стреляли беспорядочно во все, что шевелилось.

Ранее для организации взаимодействия военные пытались выйти на нас, пробиться к нам. Но между нами, получается, была полоса, никому не подконтрольная, от одного километра до пяти. А на территории находились остатки боевиков — это заброшенные населенные пункты. Вот один из моментов. В Эль-Хафии, где наши подразделения находились, а севернее был населенный пункт Фахр, стоял штаб и часть подразделений 10-й танковой. Оттуда к нам и прилетало. Военные к нам пытались пробиться, но не могли этого сделать. Но вопрос был очень важен, так как и сирийцы, и наши несли потери.

Мне была поставлена задача: на одной машине с тремя людьми пройти территорию, подконтрольную боевикам, и выйти на союзников. Организовать с ними взаимодействие, чтобы с ними не было проблем, и в дальнейшем вести с ними наступление. Я сел в машину, взял с собой двух связистов и переводчика, и выехали мы на передний край, где стояло наше подразделение, в район Эль-Хафии. На месте уточнил обстановку (а приехали мы ночью), ребята нам сообщили, что в населенному пункте Эль-Ханият между Фахром и Эль-Хафией ночью был противник, ночью туда велась

стрельба и оттуда тоже. Поэтому обстановка неизвестна, кто там находится, неизвестно, и по всем признакам мы понимали, что едем к противнику в гости. Ну а что делать? Надо ехать.

Вышли за передний край, поехали. По дороге было много брошенных машин, мотоциклов. Заехали в населенный пункт. Там все было раздолбано. Мы, конечно, были на стреме и понимали, что любые оставшиеся малые силы противника, даже мелкая группа, могла нас просто раскатать на месте либо взять в плен. Ну, положим, в плен бы нас не взяли — мы бы отбивались до конца, но все равно участь наша была бы незавидна. Кое-как населенник мы проехали. Чего я больше всего боялся, это огня со стороны сирийцев: мы ведь двигались с территории противника, и союзник, понимая, что это противник, мог нас просто расстрелять на подходе. Я взял с собой пачку сигнальных ракет, и во время подхода к позициям союзника за километр — за два мы начали перед позициями сирийцев обозначать себя ракетами.

Мы двигались через сами населенные пункты, старались объезжать предположительные районы, где, возможно, могли стоять мины, ехали по ненакатанным дорогам за пределами населенных пунктов. Короче, прорубали себе маршрут. Удивительно, что, когда подошли к позициям сирийцев, они на нас даже не смотрели. Мы спокойно приехали к союзникам — пообщались, поговорили, наладили взаимодействие с ними. Потом, правда, приходилось все равно с ними периодически ругаться: они по ночам, когда готовились к бою, принимали наши машины с включенными фарами, передвигающиеся от их позиций, за противника и открывали огонь. На что я давал команду, чтобы не стреляли в ответку.

В принципе, само начало было страшноватое, и ситуация могла быть не очень хорошей. Но в итоге все за-

кончилось нормально: организовали взаимодействие, и после этого все задачи, касающиеся Акербата, проходили через временный узел связи, на котором я находился.

МУЖИЧОК В «ГОРКЕ»

— Под Акербатом был плотный бой, дистанция 50–70–100 метров. Во время боя на одного нашего вышел какой-то мужичок. В «горке», с автоматом. Наш его спрашивает: «Ты кто?» Тот говорит: «Да я свой. Все в порядке». Наш автомат опускает, а мужичок свой автомат вскидывает и ему в грудь стреляет. То есть дух в «горке» русскоговорящим оказался.

С утра потом, когда пошли поселок зачищать, почти в каждом доме была литература на русском языке радикальная, как жить надо там, по их законам. Сапер там жил русскоговорящий: блокнотики, чертежи, схемы и все такое. Потом, когда спрашивали у местных, оказалось, что в этом поселке жили наемники откуда-то с Кавказа.

ЛОВУШКА ДЛЯ ИГИЛОВЦА

— С Акербатом тоже было интересно. Там пособирали хлопцы вражеское вооружение — боеприпасы, взрывчатые вещества, самоделки, в общем, все, что есть — и поставили в сарай. Там стояла такая кошара (загон для скота, типа хлева) внизу, она, получается, как аппендицит, и в самой кошаре все заминировали. Поставили на «ножевики», чтобы, если зайдет группа противника, они не ушли оттуда. Противник все время пытался нас прощупывать — и слева, и справа, и с фланга. Снайперы начали отстреливать боевиков,

но им не позволяла дальность. 1400–1500 метров, работали с АСВК и с «Манлихеров». Они же знали наверняка, что там у нас работали инженеры, у них же наблюдатели тоже есть, но, не знаю, зачем, они пошли на эту кошару. В итоге взрыв был такой, что я думал, будто ядерная бомба взорвалась. Грибок вырос, все как положено. Из крупных фрагментов остались лишь небольшие куски одежды, группу из 10 боевиков буквально распылило на мелкие запчасти. Наши-то ставили закладку на всякий случай, а вон как пригодилось. Видать, по запарке решили обойти нас с фланга — и напоролись.

«СЕКРЕТНЫЙ ПРИБОР 4-ГО ПОКОЛЕНИЯ»

— Второй случай на том же месте. Духи жили в норах и по утрам спальники вытряхивали. Так мы узнавали, где тайные вылазки есть. Выдвинулась малая группа в количестве четырех человек, чтобы прощупать духов. Работали снайперы, и с нашего подразделения хлопчик. Он работал с «ночника» армейского, потом ему дали позывной «Секретный прибор тепловизионный 4-го поколения». Везде третье, а у него — четвертое, сейчас расскажу, почему.

Расстояние было примерно 500 метров. Я на тот момент занимал должность командира отделения, и хлопец с «ночником» мне говорит: «Наблюдаю цель, пулеметчик, расстояние 500 метров». Это на максималке, что можно из «ночника» вытянуть. Говорит: «Дай, я выстрелю, только упор сделаю». Я ему отвечаю: «Ну, давай».

Выстрелил и, говорит, попал. Мы ему не поверили, но потом, когда пришли с досмотром места боя, удостоверились, что точно попал. Пуля прошла сквозь сошку, зашло в руки — дух там же и умер, его приятели позабирали личные вещи и ушли.

ОСОБЕННОСТИ СНАЙПЕРСКОЙ СТРЕЛЬБЫ

— Равнина под Акербатом голая была, ни камушка. Нигде не спрячешься. Штурмовали мы тогда одну сопочку, и хорошо, что был ветер сильный: по нам работал снайпер, и пули его ветром сносило в сторону. Лежишь, по нему работаешь, он — по тебе: «дан, дан». Ну ничего не сделаешь, никуда не спрячешься. И вот этот снайпер начал работать по мне. Я уж думал: ну все, приехали, сейчас он меня застрелит. Раз, наверное, семь или восемь он так по мне работал. Я уж там в один момент даже мертвым прикинулся: лежу, не двигаюсь, может, подумает, что убил. А он все работает и работает.

Я уж думаю: «Да етить твою мать, переключись ты на кого-нибудь другого, что ли... Почему ты по мне именно стреляешь?!» А потом назад смотрю, а позади меня лежит тоже снайпер. За мной спрятался, зараза, и, что самое главное, надел на себя отражающие очки, они блестят и выдают всю позицию. Я ему и семафорю: «Уйди отсюда!» Короче, он перебежал к другому бойцу, а за ним и дух начал по другому бойцу работать. Ну, думаю, ништяк, хоть отдохну немного.

СКЛАД ВЗРЫВЧАТКИ

— Заходили мы в деревню, делали зачистку. Соответственно, бросаем гранату, потом — бах, врываемся в дом, заходим и зачищаем. После продолжительной работы остается у нас с товарищем одна граната, а перед нами — еще одно здание. Мы стоим, думаем, бросать или нет? Может, так просто зайти со стрелкотней? Ну и решили не бросать. Двери выбили, заходим — и офигеваем. Там много чего было: мины, гранаты, тротил, пластид. Ну и, если бы мы бросили гранату, от нас ничего бы не осталось

Молодой парень был, 25 лет всего — его поставили командиром отделения, хотя до этого он нигде не воевал. С задачей справился, всегда нас тащил за собой вперед, никогда сзади не шел. Когда заходили в один из поселков, ему в каску на излете прилетела пуля 7,62. Так как каска не была пристегнута, пуля прилетела, сбила его с ног, и он упал. Не растерялся, поднял каску, нацепил, и мы погнали вперед. Вот пацан без башки был, в хорошем смысле. Другой бы там «затрехсотился», сказал бы, что ранен, тащите меня назад. А он — нет, понимал, что ситуация сложная, нужно руководить и вести подразделение вперед.

ИСТОРИЯ СКИФА

— Когда у нас был бой в Акербате, брали один дом, штурмовали ребята. Стоял БМП наш, я был на «Бардаке» и еще танк. И там были у нас ребята раненые, мы их вывозили. И когда духи пошли в наступление на нас, молодой парнишка, пулеметчик из Курганской области, позывного не помню, говорит: «Ребята, отводите, я вас прикрою». И пока ребята отходили назад, там недалеко, но меняли позицию, он прикрыл плотным огнем. И потом, когда он обратно к нам бежал, его пулей в спину срезали... Погиб.

А второй в экипаже был командир наш, **Скиф**. Я не помню, что за поселок был, но это пригород Акербата, мы пошли на перезарядку. А у **Скифа** была привычка с разведкой уходить вперед перед штурмом. Место разведает полностью, куда можно «Бардак» поставить, потом нас вызывает по радийке, и мы становимся туда, куда он укажет. И здесь тоже бой был. Он очень грамотный человек, и, получается, когда начался бой, мы по позициям стоим, отрабатываем, насыпаем в сектора, и тут кончаются у нас патроны. Мы на перезаряд-

ку пошли, а **Скиф** остался со штурмами. И только мы по радийке узнали, передают: «Скиф — 200». Его снайпер снял, потому что он постоянно, видать, маячил на «Бардаке». То есть духи целенаправленно по командиру били. Они поняли, кто командует на поле боя, и сняли одного его. В голову сняли, он без каски был. Ну разве каска удержит пулю? Тяжелая потеря, хороший человек был. Настоящий командир, жалко, конечно.

ХИРУРГ

— У меня на самом деле все было прозаично. Я работал хирургом на гражданке, никогда не был военным. И когда-то наступает период в жизни, когда нужно что-то менять. И вот эта смена появилась.

У нас на гражданке есть такая система — 20 лет отрабатываешь, и дают тебе пенсию, льготный стаж, и в 43 года дают тебе пенсию. Но на определенном рубеже в нашей системе здравоохранения становится просто невыносимо. Ну вот просто бывает такой период, у нас же в медицине где-то относительно неплохо, а где-то — совсем швах. Ну а так как я живу рядом с Молькино, через знакомых просто было предложено поработать на компанию. Хотя я не был готов, я до этого по телевизору разве что смотрел, да и то новости в Сирии меня вообще не касались. Что-то где-то там происходит, и ладно. Я не был готов ехать туда вообще, и не поехал бы. Но был шанс поработать медиком в Молькино. В принципе, это работа у дома, в Молькино, нормальная зарплата. На гражданке к тому времени находиться было уже невозможно, от всего тошнит, а тут что-то новое.

Но через месяц мне было предложено: «Поедешь в Сирию?» Ситуация была в том, что там начмед уходил в отпуск, и нужно было кого-то на замену ему прислать,

на месяц всего. Вот если бы мне сказали, что поеду на шесть месяцев, я бы отказался. А тут на месяц. Ладно.

Приехал на месяц, и началась война. Приехал я в августе 2017 года, начался Акербат, а потом Дейр-эз-Зор. И у меня в блокноте до сих пор написано: «21 августа — начало войны». (*Смеется.*) Это было так объявлено, и это правда было наступление на город Хувейсис. На него как-то так серьезно готовились, собирались. И его так «на ура» раз, и прошли. И так лихо это все было. Ну, думаю — да, нормально.

А разговоры были, что пройдут чуть-чуть, а потом несколько дней на расслабоне, и на пути встретился Акербат. У нас в системе медицины, когда везут в госпиталь, говорят, сколько везут раненых, их тяжесть и примерные ранения. И когда по рации сообщают: «Мы типа с Акербата, мы везем раненых», это была «пятерка», я их спрашиваю:

— Какое количество?

— Х*й его знает.

— Ну как так-то?

— Мы везем КамАЗ людей, мы закидывали и не считали.

И вот они приехали, открыли борт и начали оттуда выгружать людей. Крови была целая река. И со штаба меня вызывают по рации, спрашивают:

— А ты справишься?

— А у меня есть варианты?

— Нет.

— Ну а х*ли мне тогда делать? Буду пытаться справляться.

Мне тогда накидали 50 человек, причем много тяжелых было. За первый месяц моего пребывания, за сутки — 50 человек. Меня закинули на август, ушел начмед в отпуск, а в сентябре я должен был свалить. И получилось, как в 1941 году: поехали туда, и пришла война.

ПЕРЕЕХАЛО КАМАЗОМ

— В Акербате также рубились «шестерка» и «семерка». Приехала партия с «шестерки», человек, наверно, десять на КамАЗе. Все раненые, а у одного на грудной клетке протекторы от колес больших, от КамАЗа. Один след от протектора поперек груди, а второй немного под углом, с уходом на живот, то есть чуть наискосок. Ну, он без сознания лежит, грудная клетка сломана, и я парней спрашиваю:

— А с этим что случилось?

— Да с ним история. Мы сваливали из боя, закинули бедолагу в КамАЗ, тот дернулся, парень упал с КамАЗа, машина сдала назад, проехала по парню задним колесом. Мы орем — человек под колесом. Водитель думал, что наехал и остановился на этом парне, он обратно сдает и снова по нему проезжает.

В общем, парня в машину снова закинули и привезли. Самый прикол в том, что я его через годик снова встретил в компании. Все нормально, живой, вторая поездка. Он меня не помнит, а я помню лицо. Я помню такие эпизоды, такое нечасто в жизни случается.

— Ну что, ну как? Как это было-то вообще? — я у него спрашиваю.

— Ситуация, да. Меня на КамАЗ закинули, машина дернулась, я упал, через меня это колесо переезжает. Я слышу хруст грудной клетки, все кхр-р-р-р. Я такой: бл*ть, как больно, но тут почувствовал и руки, и ноги. Ну, думаю, зае*ись, буду жить. И тут слышу: «Человек под колесом!» И КамАЗ назад по мне снова проезжает. Я уже тогда потерял сознание и напоследок думаю: «Ну ни х*ра себе». И все это медленно происходило. Ну ничего, выжил.

Там система такая: сломанная грудная клетка, повреждение легких, гемопневмоторакс — дренажи ставятся с обеих сторон, чтобы и кровь, и воздух качать.

Человек садится на аппарат искусственного дыхания. Ну и так он уехал в Россию на аппарате, там в госпитале ему пытались немножко конструировать и порвали подключичную вену. В общем, что-то не везло парню, как упал с КамАЗа. Тем не менее в компании он через год снова появился. Он уже восстановился, приезжал по легкому, а потом уже пошел снова в штурмовики.

Ситуация, короче, нарочно не придумаешь.

ЧЛЕН НА МЕСТЕ?

— Шли два сапера. Один наступил на «нажимник», подорвался, и его так откинуло, что его никак не могли найти. Он потом обозначился огнем в воздух с автомата. К нему подошли и увидели, что у него нет ноги и руки. Но живой.

Первый же вопрос, который он нам задал, нас шокировал:

— Член на месте?

— На месте.

— Ну, все, тогда нормально.

КОМАНДИР СЧАСТЛИВОЙ «ЩУКИ»

— Был у нас парень, который часто выступал в качестве приманки. Ехал впереди нас на «Щуке» — трехмостовый такой броневичок — до первого контакта. Вот он едет-едет, и тут — бац! — по нему прилет с ПТУРа. Он первый удар выдерживал, обозначал нам, откуда по нему прилеты идут, и выводил машину. Тут по нему второй ПТУР прилетел, он уже загорелся. Ну и мы смотрим — идут два человека с чемоданом на колесиках. Я им: «Все, домой собрались?» Машина у него горит, а он взял шмурдяк и со своим вторым номером по пу-

стыне идет с чемоданчиком. Машина хорошая и водила нормальный.

Он же, этот же человечек, под Акербатом, когда мы взяли высоту, решил продвинуться немного дальше. Воспользовался тем, что у духов не было тогда связи:

— Выезжаю на пригорок, метров 700, наверное, сидят духи и едят лепешки, — рассказывал он нам потом. — Только сели на обед, и даже не поняли, что происходит. Ну, я им навалил нормально. Эти все покидали, побросали, кто-то «задвухсотился». Часть убежала, а часть облила бензином стоящую рядом машину и подожгла, чтобы нам не досталась.

ШЕСТЬДЕСЯТ КИЛОМЕТРОВ ПО ГОРАМ

— Была задача — держать линию с соседним отрядом. Мы шагали на заводы, через поле там два, наверное, километра. Над головой свистят пули, а ты просто идешь. Впереди едет «Урал» и выполняет роль то ли БМП, то ли БТР, но это просто «Урал». Водитель этого «Урала» смотрит, куда нам идти, и над ним тоже пули летят. А мы сзади него изображаем небольшую цепь, чтобы нас не заптурили. И вот это я считаю героизмом. Иначе никак.

Ну и, по сути, все у нас задачи сложные. К примеру, взять Акербат. Мы тогда прошагали почти 60 км с Шаира. Это все по горам, это все на руках, все боеприпасы, соответственно, туда «Урал» нигде не заедет. Ну, он там подскакивает к точке входа, воду сгрузит куда-то, и оттуда мы дальше пошли — вода на себе, БК на себе, жратва на себе. И все это на руках, без помощи техники, верблюдов, ослов и т. д. Такое превозмогание, получается.

Глава 12. Прорыв блокады Дейр-эз-Зора

(сентябрь 2017 г.)

Ситуация на фронте сирийской войны долго не позволяла начать операцию по деблокаде Дейр-эз-Зора — последнего крупного административного центра, находившегося под контролем боевиков. К этому моменту располагавшийся там гарнизон сирийской армии три с половиной года находился в плотном кольце блокады. Силам ИГ удалось закрепиться на подступах к городу с юга, занять несколько городских районов, примыкавших к Евфрату. К 2017 году положение защитников Дейр-эз-Зора существенно осложнилось: фактически, зона контроля сирийской армии и союзников оказалась разделена на два плохо связанных анклава, в которых начали процветать голод и дизентерия.*

В конце августа 2017 года было принято решение начинать постепенное продвижение и деблокаду административного центра. С этого момента в боях за город начали принимать участие отряды ЧВК «Вагнер». После активных боев на подступах к Дейр-эз-Зору ЧВК «Вагнер», находящаяся в авангарде наступления, смогла подобраться на расстояние в 8–10 км от города. Пока сирийские войска пытались прорваться с северо-запада на соединение с первой частью защитников города с помощью ВКС РФ, бойцы ЧВК «Вагнер» шли к территории аэропорта Дейр-эз-Зора вдоль по трассе М-20. «Вагнеровцам» требовалось расчистить от боевиков «Исламского государства» подъезды и ключевые дороги, ведущие в некогда осажденный город.*

---

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

Пробитая брешь в обороне ИГ заставила отряды боевиков отступить вдоль по трассе М-20. В результате наступления вдоль дороги силы ЧВК «Вагнер» вышли к южным окраинам Дейр-эз-Зора — в район аэропорта, отсеченного от остальных защитников города.*

НА ПУТИ В ДЕЙР-ЭЗ-ЗОР

— После Акербата вернулись мы на «Каракум», уже стираем вещи, готовимся к дому. И тут слышим по станции: «Командирам прибыть для получения задачи». Что-то тут не то.

Они (сирийцы. — *Прим. ред.*) с духами там давно воевали. У них серая зона между позициями сторон — всего метров 100–150. Обе стороны по ноздри врыты в землю, как в Первую мировую: где-то зеркальце торчит, где-то окошко, где-то труба всыпана в бруствер. И с той, и с другой стороны. Так они сидели в аэропорту пять лет, полностью блокированные духами.

Приходит вечером командир и говорит: «Поступила задача — будем идти на Дейр-эз-Зор». Нас настращали, напугали безумно в плане того, что город там находился семь лет в окружении, духи там выстроили мощную линию обороны. И рассказывали нам про то, что гуманитарную помощь им скидывали, потому что возможности питаться не было. Нам сказали, кто не хочет, может написать рапорт, и тех отправят домой. Некоторые люди сомневались, но все же не смогли бросить свой коллектив, с кем продвигались все это время, с кем жили бок о бок, с кем быт налаживали. Ну и потом мы пошли.

В первую деревню, не помню, как она называлась, нас привезли — там были позиции, как нам сказали, ее только отбили союзники. Сирийские войска или еще кто-то, «фатимиды», не знаю. Нам объяснили: здесь мы закрепляемся, нам дают передышку, и дальше начина-

ем движение. Посидели, переночевали, пошли мы на деревню, в принципе более-менее без боя, ну как, бой был, но совсем небольшой, стрелкотня была небольшая. Мы туда зашли, закрепились, несколько дней пожили. Дальше у нас по пути был завод «Газ».

КАК ПРОРЫВАЛИСЬ К ДЕЙР-ЭЗ-ЗОРУ

— Наступление шло под Эс-Сухне на Дейр-эз-Зор вдоль дороги. Мы наступали вдоль трассы слева и справа. С левой стороны шел сводный сирийский корпус, по-моему, 101-й корпус. А на правом фланге был, кажется, первый корпус. В обоих корпусах командование пополнили наши офицеры из Министерства обороны — грамотные, нормально командовали. Наступали мы как бы волнами: в первый день наступают сирийцы, выходят на запланированный рубеж, на следующий день, отталкиваясь от их позиций, наступали наши подразделения.

И вот в один день нам поступает задача: во время наступления выйти на передний край сирийцев и понять, где они закрепились после своего продвижения. По левому флангу я выехал вместе с полковником нашим, военным советником сирийцев. Смотрим на левый фланг — вроде все нормально, сирийцы задачи выполнили. Смотрим на правый фланг, видим — справа от дороги машины прямо в сторону противника двигаются. Ну, мы думаем — молодцы, сирийцы, прямо колонной наступают. Машин причем много было, я с десяток насчитал пикапов.

Поехали мы за колонной, посмотреть, где она закрепится. Едем на двух машинах: на первой едет советник от МО, на второй — мы. Переехали дорогу, поехали за ними в направлении Дейр-эз-Зора. Едем-едем, а сирийцев все нет и нет. Нет переднего края позиций.

Вообще. «Что за фигня такая?» — думаю я. А советник на машине впереди едет. Вдруг я смотрю — вдалеке машины стоят, зушки стоят, толпа какая-то непонятная. Смотрю на реакцию впереди едущей машины, а она резко бьет по тормозам, резко разворачивается на 180 градусов и начинает сваливать. Я понимаю, что что-то не то, даю команду водителю: «Давай за ним срочно, в обратную сторону».

Потом выяснилось, что это был противник: он отходил, и мы как раз вышли на него. А там дистанция была до трехсот метров — чуть не заехали на территорию противника. Мы их практически догнали. Я так понимаю, они сами не понимали, кто за ними двигается, думали, свои, поэтому с их стороны никакого огня не было. Вернулись обратно, начали разбираться, стали искать позиции первого сирийского корпуса. И когда нашли, то оказалось, что они даже никуда не пошли. Они как были на прежних позициях, так там и остались. И благодаря бездействию правого фланга сирийцев в наступление пошел только один отряд.

О БОЯХ ЗА ТРАССУ

— Я тогда только получил новую машину — бронированный «Урал». Мы шли колонной, когда по нам открыли шквальный огонь, духи начали зушкой по нам долбить. Все спешились, заняли оборону, отстреливались. Зушка попала мне прям в лобовое стекло — хорошо хоть, я не за баранкой был, мы тогда за машиной залегли. Духи поверху сначала начали поливать, настилом, а потом уже огонь скорректировали и начали лупить ниже. И вот как раз одна прям в лобовое залетела.

Стекло, конечно, выдержало. Но если бы я сидел внутри, то меня бы точно «затрехсотило», потому что

мелкие осколки стекла внутри разлетелись. Как раз бы водителя посекло.

ЗАЕХАЛИ В ЭС-СУХНЕ

— Мы ехали и случайно заехали в Эс-Сухне. На тот момент оно еще не было зачищено, не взято, но его собирались штурмовать садыки. Нас случайно завел человек, который вел нас. Проехали случайно точку сбора небольшой группой с командиром одного из ШО. Небольшая группа, я с кучей молодых ребят. Я один был, по-моему, из «старичков». У нас был с собой РПК, нам давали союзники попользоваться РПГ. Из нашего подразделения было восемь человек — две машины. Я был с опытом с Украины, со мной был парень — по Чечне ездил в свое время, ловил бандитов.

Ну и все, когда мы поняли, что не туда заехали, было уже поздно пить «боржоми». Садыки начали штурмовать, уже началась стрелкотня, с зушек, со всего. Через нас летит в духов, через нас — в садыков. Мы сидим возле домиков и только машины успеваем отгонять со стороны, где прилет.

Ставим машины, подбегает командир одного из ШО со своими ребятами:

— Братцы, только не вздумайте стрелять!

— Никто не стреляет, все прячемся, отбегаем.

А мы уже до этого сами решили, что стрелять — не самая лучшая идея. Потому что в противном случае две стороны начнут по нам накладывать. Но все равно нас оттуда увидели. И те, и другие увидели, что мы здесь. Духи постреливают по нам, снайперы пытаются достать. Ну и мы залегли прямо на дорогу в самый такой острый момент. Я так понял, что садыки начали штурмовать по дороге, а мы под одним из домиков, там забор еще та-

кой, и мы под забор легли. Лежим, у меня РПК, у напарника РПГ.

Едет оттуда БМП с ранеными, и напарник мой кричит:

— Sadik, don't shoot, don't shoot*.

К нам молодой подползает, и мы ему:

— Ты что приполз?

— Братан, что они орут?

— «Аллах акбар» орут.

— Да ла-а-дно!!! — И обратно уполз.

И все, куча молодых была, им все в новинку. Ну все нормально, садыки штурманули, духи убежали. По нам не попали, ничего не прилетело, все в порядке.

ДИАЛОГ ПРО НЕФТЬ

— Был такой случай. Машина у нас есть, одна на взвод. Едут наши мимо песков, и так получилось, что свернули не туда. По дороге проезжает за нами за всеми и поворачивает к духам. Те, соответственно, начинают по ней лупить из всего, что было. Наши, оценив ситуацию, выпрыгнули из машины, видят — там нефтяная лужа огромная. Видимо, там рядом нефть добывали, и она текла, как река, мимо дороги. Ну наши в нефть и прыгнули — по ноздри. Духи подошли, туда-сюда, угнали машину, все забрали. А наши в нефти пролежали и потом, когда духи отошли, по-тихому до нашего расположения ушли.

— *Так они под машиной пролежали?*

— Они с машины выпрыгнули, а там вокруг метров 15–20 разлив нефтяной. Духи подумали, что они убежали. Пеной там обливались потом.

— А поцарапались там стеклом. Ну, такие, легкие.

* Садык, не стреляй, не стреляй! (*Англ.*)

— Легкие «трехсотые», да. И все черные, все в нефти, отмывались долго.

— Одному из парней тогда в ногу попали. Прострелило голеностоп сильно. Но ему плевать, он по 20 километров бегает — главное ногу шнурком к голени привязать.

— Лежали уже в темноте, видимо, духи просто не заметили?

— Там нефть, там человека уже не увидишь. Вот даже если он будет в нефти. Она ж не просто гладь — где-то бугры, где-то что-то валяется. Человека в ней просто не увидишь. Машину было жалко, «балалайка» к духам попала.

— Не только «балалайка» — попало все к ним, и тепловизор, и «ночники». Получили мы нормально от них, но потом и ответили нормально, мало не покажется.

О ПРОРЫВЕ К АЭРОПОРТУ ДЕЙР ЭЗ-ЗОРА

— Мы прорвали кольцо боевиков, которые держали аэродром в окружении, и конкретно наш взвод туда за-

ходил самым первым. Выходим на аэродром — все грязные, прошагали все карьеры, выдавили духов из их нор. Выглядим как боевые бомжи. На мне шлем, в руках два ПТУРа. И выходит сириец из вот этой банды, которая там держала аэропорт, он нас увидел и такой: «Иншаллах!» Мол, хвала Аллаху, подкрепление пришло.

Духи бросили все, бежали. Они уже убегали через речку, бросали все, чуть ли не вплавь. А как ту сторону расстреливали Су-25, я помню, они там летали и нормально их чихвостили.

Тактику духи применяли в основном что-то типа сдерживания. В одном месте пикапчик пролетел, там задержали. Там пулеметчиков подтягивали, гранатометчиков. Если большой затык, могут зушку подтянуть. В целом духов уважали. Как бойцов их есть за что уважать. Не всех, конечно, но есть особо матерые. Есть что вспомнить, но как-то все быстро в памяти затухает.

Вообще, знаешь, чего хотелось бы? Встретиться с какими-нибудь кинорежиссерами, пойти с ними в баньку, под водочку посидеть и рассказать про наши приключения. Они бы охренели. Я же все своими глазами видел, шесть лет уже. А все то, о чем болтают в этих ваших интернетах, такой бред, ей-богу!

НЕОЖИДАННОЕ НАПАДЕНИЕ

— Мы шли на Дейр-эз-Зор, и в районе завода близ Эс-Сухне духи нас отрезали от трассы. В одно прекрасное утро боевики взрывают склад боеприпасов — прямо у нас в тылу! Между нашими постами была большая дистанция — километр-полтора. В общем, они как-то пролезли между постами, и не из-за нашего недосмотра или нерадивости, а потому что там непонятно было, где стоят сирийцы, где стоят «фатимиды». Из-за этой неразберихи боевики внаглую подъехали к расположению,

отработали — и расселись по насыпи. Мы остались против них в составе одного отделения: гранатами перекидывались, квадрокоптер на нас скидывал мины — натовские причем, не советского образца. У нас было тогда два «трехсотых» легких... Но, отбились от них в итоге, все нормально прошло.

ЧЕТВЕРО В «ГОРКАХ»

— Идем, штурмуем высоту. Противник откатывается потихоньку — накидывает нам, конечно, но мы продвигаемся за ними, прижимаем. Поднимаемся на высоту, я смотрю в бинокль с высоты, вижу — с духовской стороны четыре человека в «горках» спокойно идут по долине. В «горках», бороды короткие — вроде на наших похожи.

Я командиру бинокль дал, он посмотрел и подтвердил: «Да это, скорее всего, другой наш отряд. Они тут как раз сейчас закрепиться должны. Все в порядке». Ну, мы на том месте, куда зашли, садимся. А там участок местности голый — сидишь, как на сковородке, даже укрыться нечем, даже камней не собрать. А взвод, который мы сопровождали, встал позади нас — чуть выше.

Сидим, ждем, что сейчас какая-нибудь команда поступит, чтобы куда-то переходить. А эти четверо в «горках» спокойно обходят нас, забираются на соседнюю горку — и начинают нас долбить. Видят нас как на ладони — понятно, что у них преобладающая высота... Мы кое-как попрятались на этой сковороде, побегали туда-сюда, но так долго не поскачешь, выбивать их оттуда надо. А у них мало того что преобладающая высота, так еще и на этой высоте был, как оказалось, большой духовский укреп. Там и антенны какие-то были, и солнечные батареи — в общем, какой-то укреп важный.

ТРОФЕЙНЫЙ Т-72

— Мы вниз с нашей горки спустились, начали перебежками двигаться к высоте, где они засели. И тут в ложбине между горками кто-то из нас голову на бегу влево поворачивает, смотрит — танк стоит. «Семьдесят второй». Его там, как потом оказалось, игиловские танкисты оставили, потому что боялись, когда начали отступать, что по ним авиация начнет работать, если танк заметят. Плюс у них не было то ли воды, то ли антифриза. Рабочий на сто процентов танк. В общем, чтобы танк не закипел, они его бросили, накрыли чем-то, замаскировали, думая, что мы до него не дойдем.

Когда духи поняли, что мы этот танк нашли, они сразу начали пытаться этот танк уничтожить, чтобы нам не достался. Стреляли по нему из «Сапога», но у них были только осколочные, поэтому ничего не получилось. Сначала выстрелили в корму, потом сбоку, не вышло. В итоге укреп мы отбили без потерь, да еще и танк получили в качестве трофея.

ПРО «ШАХИД-МОБИЛИ»

— На нас дух ехал в «шахид-мобиле». Но, судя по всему, «братья» водителя забыли двери в автомобиле заварить. Он заблудился, ездил по заводу, нас искал — и не нашел. Так как его забыли приварить, он просто вышел, плюнул на нас и ушел. В общем, мы нашли этот «шахид-мобиль»: открытая дверь и куча взрывчатки в нем. Духа нет. Ушел. Или убежал. Стрелять по нему бесполезно — у него там брони сантиметров 30 наварено было.

А еще один «шахид-мобиль» в тумане заблудился. Туман стоял, мы в нем все попрятались, он нас найти не мог. Пацаны рассказывали. По рации сообщают им: шахид проехал, прячьтесь, прячьтесь... Катается, нико-

го найти не может. Никто его даже не трогает — ну его к черту, пущай катается.

Мы вышли на духовский опорник и когда уже двигали фронт, шахиды атаковали аэропорт. Там была старая пожарная часть — и вот у нее два шахида подорвались. Не знаю, какой там заряд взрывчатых веществ был, но когда эти террористы взорвались, их полностью разметало по территории. Я ходил потом по этим обломкам техники, обрывкам шахидов — самый большой фрагмент, который я видел, был размером с ладошку, кусок позвоночника и ребра.

ЗАВОД «ГАЗ»

— На подходе к заводу мы выстроились большой линией, я не знаю, как, наверно, в 40-х годах, во время Великой Отечественной войны. И мы были, и другие наши подразделения, и было много разных союзников, я видел разные флаги, я тоже интересовался. Большое наступление готовилось, очень много людей. Многокилометровая цепочка была, все шли в наступление. Духи, я думаю, были испуганы как минимум, потому что, когда они стреляли, вся эта цепочка сначала падала, потом вставала и двигалась дальше — это очень серьезный психологический момент. А он для них был переломным.

Когда к заводу начали подходить, поступила команда «По машинам!», быстрее нужно было выдвигаться на завод. Буквально километра два, может, меньше нам оставалось до завода, нас погрузили на машины, и мы начали ехать. Первая машина — наш взводный «Урал», за ним был «Бардак». Много ребят было на «Урале», я ехал со своим расчетом АГС на «Бардаке». И тут же на подъезде к «Газу» духи прямым попаданием выводят из строя «Урал». Машина остановилась, люди начали спрыгивать, и тут духи вдарили второй выстрел. «Урал»,

естественно, взорвался, выстрел пришелся четко в кабину. Водитель сразу «200», рядом был старшина наш, он был «300», те, кто ближе к кабине был, тоже получили ранения разные.

«Бардак» тут же остановился, мы спешились, развернули оружие. Нам поступила команда идти на помощь к ребятам. Их нужно было вытаскивать. Мы подбежали к «Уралу», «трехсотых» начали выводить в безопасное место и стали вытаскивать из кабины людей. Один, который был «трехсотый», у него рука висела просто на коже. Видно, там кости раздробило, мы на носилки его положили и эвакуировали в безопасное место. Тут же подскочила к нам машина — загрузили пацанов и отправили в госпиталь. Потом мы пришли за водителем, а он весь был просто сгоревший. У него не было костей, мы его начали вытаскивать из машины, а там просто кожа. Вынесли его, погрузили в машину.

Мы шли к заводу и находились с правой стороны от дороги. Мы как раз уперлись в завод и обходили его чуть правее. Закрепились, потом поступила команда дальше выдвигаться. Начали продвигаться дальше, командир тяжелых оставил на прикрытии, а парни также пошли цепочкой дальше. Я на какой-то момент остался на прикрытии вместе с другими расчетами АГС, они же продвинулись дальше. Слышим, что ребят прижали, не дают дальше продвигаться. Мы к командиру, мол, дайте команду, чтобы мы переместились и помогли бы ребятам. Их как раз били на расстоянии 1500 метров — это хорошая, рабочая дистанция для АГС. Дайте нам возможность продвинуться. Они нас сначала держали, потом сказали: «Да, давайте продвигайтесь вперед».

Когда мы к парням подтянулись, они уже сами справились, начали закрепляться. Там было несколько брустверов больших, одна была яма, там часть людей, и чуть дальше был опорничек, просто насыпь земли. Часть людей там находилась. Я слышал по станции, что часть

людей, небольшую группу впереди, духи начали накрывать минами, баллонами, тяжелые пулеметы работали. Тут наш паренек, водитель на «Урале», выскочил туда. На машине стояла ЗУ 23-2. Он выскочил туда, парни начали работать с ЗУ, БК у них закончился, и они уже не могли ни туда, ни сюда отойти. И было принято решение водителем, что под прикрытием машины эта группа будет отодвигаться обратно, отходить.

Получается, паренек-водитель подставлял свой борт, свою сторону под удары. Ребята за этим «Уралом» и отходили, оттягивались к основной массе войск. Водитель ранений не получил, миновало, машина — да, были следы, было чуть выше кабины прострелено. Там, чуть выше кабины была дырка огромная, ему туда зарядили из тяжелого пулемета. Примерно над головой водителя.

«ПРИЛЕТ! ЛОЖИСЬ!»

— Духи там, видно, притихли, мы просидели сутки, потом нас пришло менять другое подразделение. А нас было принято решение оттянуть на отдых. Нас перекинули на электростанцию рядом с заводом. Ну, мы все довольные — можно поспать, передохнуть. Только расчистили домик, поступает команда: «Тяжелые, срочно выдвинуться обратно на позиции. Будет работать корректировщик БМок (БМ-21 „Град”). И его нужно охранять».

Перекинули нас ночью, мы были безумно уставшие. Нам тоже пацаны дали подремать, и утром тоже был очень интересный момент. Просыпаешься, и хочется покушать, чай попить, в общем, что-то горячее. И мы пытались нагреть чай. Взяли из сухпая таганочек, спирт сухой, поставили кружечку и ждем, пока нагреется водичка. Корректировщик корректирует, и тут духи нас начинают замечать. Только водичка становится горячая, крик: «Прилет! Ложись!»

Все падают, задевают эту кружечку, кипяток, естественно, разливается. Ладно, все отряхнулись, дальше сидим, снова поставили воду греться, курим, ждем. Опять слышим: «Прилет! Ложись!»

Опять падаем, и так получалось три раза. И после этого мы поняли: не судьба, что-то пошло не так, значит, не будем мы пить чай. Как узнали потом, духи пытались обойти с флангов. Корректировщики наши хорошо так поработали, накрывали цели. Не знаю, я считаю, что в 2017 году нам очень сильно везло. Везение было с нами, и Всевышний был с нами, он нам помогал.

Мы там побыли ровно сутки, потом приехали и сменили нас другие ребята. Нам все-таки дали отдохнуть денек, и дальше нас поднимали на помощь ребятам фланг прикрыть. Мы свою задачу сделали, парням помогли, они продвигались дальше.

У нашего отделения ничего такого не было, как-то нас уберегло. Нам как-то везло, очень много — у нас человек наступал на ОЗМ, группа шла. Она просто взлетала, но не разрывалась. Нас командир заводил на минное поле, мы просто его проходили, и никто не подрывался. Мы видели мины, видели провода повсюду. А ты просто воздух в себя втянул, задержал дыхание и потихонечку двигаешься. Такое было. Было очень много моментов, когда нам просто неимоверно везло.

САДЫКИ

— Была история друга, когда они под Дейр-эз-Зором охраняли нефтяное поле. Перед ними стояли сирийцы, там человек тридцать, и был накат духов ночью. Ну где-то, когда рассветало, они приехали на машинах и малыми группами пытались отбить завод. Первыми отх*рачили сирийцев — и те, кто живые остались, ломанулись к нашим. Наши их перевязали, те раненые,

голые. Их успокоили, перевязали, оставили на опорнике, сказали ждать. Наши пошли отбивать атаку. И пока наши кошмарились, сирийцы у них сперли трусы, носки, тапочки, сигареты и ушли.

Вот это история из жизни просто: ты им помогаешь, а они такую дичь творят.

Но было и забавное. Мы как-то поехали в Горную Латакию. Мы там посидели, позанимались, и нас решили оттуда вывести. А с нами был один дагестанец, он погиб потом на полях Шаира. Нас выводят, а он понимает, что садыки русского не знают. Едет с **Ямалом**, царство ему небесное, и кричит:

— Пошли на х*р, пошли на х*р!

Проезжаем мимо одного садыка, а тот в ответ орет: «Сам пошел на х*р!» (*Смеется*.) Тут дагестанец сразу успокоился.

«Фатимиды» туда же — тоже мне, блин, воины. Был случай. Было 150 человек, пошли с «фатимидами». Как раз первая Пальмира, второй бой. Решили взять не нахрапом, а с флангов обойти и закрыть. Забрали первый хребет, там погибли пацаны. Заняли потом соседнюю гору, справа отдали сирийцам, там к ним какой-то важный хрен приехал, а «фатимиды» были с нами чуть ниже. И вот они типа такие воины, все в черном, пошли занимать соседний укреп всем аулом в 50 человек. И их на укрепе остановил один духовский пулеметчик. Серьезно, 50 против одного. Буквально через час все 50 назад вернулись. Тоже мне, воины.

Тогда у нас погиб **Конан**, царство ему небесное, подорвался на ОЗМ. А когда его вытаскивали, там второй парнишка подбежал, а **Конан** сорвал ногой вторую ОЗМ. И пацану оторвало руку и ногу. Когда пацаны его вытаскивали, он кричал: «Пацаны, лучше меня добейте, я не хочу быть инвалидом». Я к нему потом заезжал в госпиталь в России, он уже был жизнерадостный. Я многих потом после ранений видел — кто бухает, кто депрессу-

ет, а этот держался нормально. С одной стороны, жалко, что потерял конечности. А с другой стороны, ну и что? Все нормально, живет. Непривычно было: ты приходишь, протягиваешь ему правую руку, а он в ответку левую протягивает. **Конана** мы вытаскивали в мешке, от него толком-то ничего не осталось после двух озээмок. Просто пацаны поднесли мешок, мол, надо попрощаться. Мы попрощались.

Под Дейриком, кстати, «фатимиды» мародерили почерному. Они вывозили всю скотину, мародерили жестко. Они фишку поняли: пока русские воюют, им можно ни х*ра не делать и мародерить. И вот когда у нас был накат на соседний взвод, сирийцы просто взяли и ушли.

ПУСТЬ БАЛЛОНЫ РВУТСЯ

— В Дейр-эз-Зоре в сентябре, когда прошли заводы, бои там были суровые, устали очень сильно. Сидим за насыпью, обедаем. Слышим — бах! Повернулись — от нас метрах в 150 баллон упал. Взорвался, повалил белый дым. Ну ладно, сначала все испугались... Бах! Второй! Чуть дальше... Бах! Третий. Уже все сидят спокойно, не рыпаются, всем все равно. Короче, дух с баллонемета все кидал и кидал эти баллоны — влево, вправо, ближе, дальше. Короче, мы поняли, что он по нам пытается пристреляться, но не получается у него.

Обычный человек в таких условиях бы точно испугался. А так сидишь, кушаешь, рядом баллоны рвутся, думаешь себе: «Да и пусть рвутся».

Глава 13. Форсирование Евфрата

(сентябрь — октябрь 2017 г.)

Используя район аэродрома Дейр-эз-Зора как плацдарм для наступления, силы ЧВК «Вагнер» начали зачистку опорного района ИГ на территории газоперерабатывающего завода. По воспоминаниям участников, бои в районе «Завода Газ», как прозвали русские воины данный участок, сопровождались многочисленными атаками террористов-смертников, которые были брошены с целью затормозить наступление и прикрыть отход сил радикалов за Евфрат.*

К середине сентября обстановка на линии фронта в самом Дейр-эз-Зоре характеризовалась как крайне сложная. В этих условиях необходимо было оставить боевиков без снабжения и логистики, и для этих целей был разработан план форсирования реки Евфрат и создания прочного огневого плацдарма напротив Дейр-эз-Зора. Важнейшую роль в этом сыграли штурмовые отряды ЧВК «Вагнер», которые первыми перебрались на другой берег великой реки. Выбранная тактика огневого подавления сил ИГ, параллельное разминирование и работа огневых команд ЧВК «Вагнер» принесла свои плоды: 15 сентября русские воины пересекли Евфрат и закрепились на расчищенном плацдарме.*

Наиболее ожесточенные бои за плацдарм на восточном берегу Евфрата разразились за ключевые населенные пункты района — Маррат, Мазлум, Табия и Хшам. Эти четыре поселения представляли собой сложные и укрепленные цели с большими скоплениями боевиков. Все

---

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

опрошенные участники форсирования Евфрата и боев за «речкой» сходятся в едином мнении: освобождение этих населенных пунктов стало самой сложной задачей сирийской кампании.

К началу октября, довершив разгром сил ИГ на восточном берегу в районе Мазлума и Табии, а также отразив несколько крупных контратак противника, силы ЧВК «Вагнер» выдвинулись на штурм укрепрайона боевиков в Хшаме. После массированной артподготовки штурмовые отряды «вагнеровцев» прошли по открытому полю к Хшаму и завязали бой с исламистами на подходе к селу. В ходе первых боев за Хшам сложность представляло значительное количество открытых пространств на пути к поселку. Однако, несмотря на плотность огня боевиков, к 17 октября населенный пункт был полностью зачищен.*

О ФОРСИРОВАНИИ ЕВФРАТА

— Евфрат... Никогда не думал, что я когда-нибудь в жизни в Евфрате помою ноги. Некоторые люди всю жизнь мечтают, потому что река древняя, библейская. Вообще в Дейр-эз-Зоре противник был на опыте. Он нас не боялся. В других местах духи сидели на позиции по два-три человека, а мы целым взводом, отделением шли. А вот на Евфрате противник зубастый попался — огрызался.

Мы пересекли Евфрат, это было под утро, на резиновых лодках. Сразу вспоминалась Великая Отечественная война, когда наши деды на плотах пересекали водные рубежи, а их обстреливали немцы. У нас в принципе примерно все происходило так же. Мы перли на резиновых лодках с китайскими моторами, которые пытались

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

заглохнуть. Течение очень сильное было у Евфрата, видимо, в то время был спад воды. А вокруг разрывы. Конечно, все было феерично, но мне кажется, такое даже в кино снять будет сложно.

У берега, сразу за Евфратом нас начал танк кошмарить. Идет все ближе-ближе к нам — разрывы подходят. А рядом горка. Мы думали, что где-то сидит наблюдатель, корректирует огонь. Решили под горку подлезть. Нас пять человек, я шел замыкающим. Подходя к горке, я только услышал выход, свист — такое впечатление, что бейсбольной битой по башке стукнули. Разрыв прямо передо мной. Я глаза открываю, все сыплется, все черное... Не понимаешь, убили тебя или нет, живой ты или нет. Все, как в замедлении было. Я кричу: «Мужики, живые есть?» А на той стороне наши ржут. Мало того что никого не оглушило — никого даже осколком не задело. На нас слой пыли, грязи, а мы только в Евфрате искупались, только постирались, все у нас чистое было.

После этого случая наш командир нам сказал такую фразу: «Нет, ребята, вам еще походу в рай идти рано».

БОЙ НА ЕВФРАТЕ

— В Дейре потом было все то же самое — штурмы, обстрелы, непосредственно моя работа как снайпера была. Из запоминающегося у нас была грандиозная операция — форсирование Евфрата. «Шестерка» была слева от нас, мы были справа. Вышли в заданную точку, закрепились, я был придан к отделению разведвзвода, закрепились на перекрестке дороги. Уже произошел контакт с противником, начали работать. Ну мы так специфически работали — с двух сторон встали от перекрестка, и, чтобы противник нас раньше времени не обнаружил, мы его поражали, когда он подъезжал на расстояние уверенного выстрела. Примерно в этом районе находилась

еще тройка разведчиков, которые отработанную цель затаскивали во двор. То есть цели появлялись, двигались на мопедах и пытались заехать нам во фланг, мы справа их снимали, а потом разведосы утаскивали тела. И вот так мы работали. Ближе к вечеру нас уже обнаружили, и начался бой, прямо уже хороший, с близкого расстояния. Буквально из двора во двор перестреливались.

Из трех подразделений, которые были, два оказались в окружении, практически отрезанные. Мы уже были тоже на волосок от окружения — приехал командир, смог прорваться, оценил всю обстановку и вызвал огонь артиллерии на наши позиции. После чего мы отодвинулись на край поселка и закрепились там, грубо говоря, отошли. Хотя изначально то место, куда мы отошли, и было нашей задачей. А мы уже на энтузиазме выдвинулись вперед и в итоге там получили.

Для меня как для снайпера везде была своя работа. Еще до переправы через Евфрат у нас был ночью бой. Одно из отделений попало под обстрел снайперов, четыре убитых, один ранен. Вот что из того боя я для себя почерпнул и по возможности пытался применять. Покиношному или классически, но я убедился, что это работает, когда одного ранишь, даешь подойти другим и их уже поражаешь уверенно. Там боевики работали по такой схеме. Они не преследовали цели убить сразу — они именно ранили. И раз за разом из группы, которая пыталась выдвинуться на помощь, один-два поражались. После чего нашим командиром взвода было принято решение вызвать артиллерию, она отработала по заданным целям, и только после этого мы смогли эвакуировать нашего раненого товарища.

Бывало, и мотоциклистов на ходу снимал, и на таких хороших дистанциях работал — 1100–1200 метров. Дейр-эз-Зоровская командировка для меня запомнилась тем, что там был первый мой дальний выстрел — 1400 метров. Я поразил цель. Вдалеке была зушка,

один сидел на ЗУ, рядом стоял второй. И из-за того что у меня щиток ЗУ не давал выстрелить в стрелка, я выстрелил в рядом стоящего. Цель поразил. Потом уже на штурме отработал 1100 метров, там у меня цель подтвержденная.

СПРЯТАННЫЙ БАЛЛОНОМЕТ

— В 2017 году, когда шли в сторону Евфрата, пешком шли реально очень много. За день такой километраж наматывали! В 2019-м мне пришлось там проехать на машине — так я устал ехать. Про себя думаю: «Еперный театр, мы что, столько прошли пешком?»

На Евфрате на позиции ночью мы остановились. Ну, как обычно, спим мы так — где надо, там и спим. На условия мы сильно и не обращали внимание: да, покусанные, двоих пацанов ночью змеи укусили. Одного укусила, он ее схватил, выкинул, и она упала на другого. Но там ничего страшного. И когда мы выдвигались, там огромный ров, и в нем был сныкан баллонемет. Я просто офигел — как в фильме про барона Мюнхгаузена, как он поднимается на пушку, вот такой же огромный ствол. И как они ее снаряжали, непонятно. Может, спускали дуло вниз? Я был в шоке от этой пушки.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОБАК В САПЕРНОМ ДЕЛЕ

— Я помню, при форсировании Евфрата был сапер, который со своей овчаркой приехал.

— Это **Чуваш**. Он потом в «Липецке» получил ранение. Снайпер ему попал прямо в каску, пуля ему чирканула аккурат в каску, просто человеку повезло. Пуля чиркнула, каску пробила, траекторию полета изменила.

Так-то ему в лоб летело, а так просто по черепу чиркнуло... Хорошо все.

Вот он был в Сирии со своей собакой. Собаки тоже оказались неэффективны. По одной простой причине — жарко. Собаке полагалось три литра воды в день. А человеку меньше нужно. То есть, опять же, вокруг у всех взрывчатка — в карманах, в рюкзаках, в разгрузках. И для собаки эти запахи кругом. Она теряется. Может, в антитеррористической операции, где в гражданской жизни взрывчатка фактически не встречается, собака быстрее найдет. А там, на фронте, это было не эффективно. Так же, как и вся техника дорогостоящая.

Самое эффективное — это просто человек. То есть его интуиция, его опыт, его глаза, его мужество. Просто ногами пройти «на дурака», повезет — не повезет... Мы так и относились к этому. Шутят многие саперы: «Одна нога тут, другая там». Но по факту это правда. Потому что разлетались люди прямо на куски. И деморализация у других штурмовых взводов очень сильная была. Там опытные люди, и я видел, как они подбегали, и у них страх в глазах. Просто они не знали, что дальше делать.

КОГДА НАКАТЫВАЕТ УСТАЛОСТЬ

— Случай был на подходе к Евфрату. Пробежали, я пулеметчиком был, нас тогда слишком нагрузили. БК, бронежилет, каска, бежать надо было много. Пробежал метров сто, и потом взвод перебежал, мы прикрывали с помощником. А нужно было с горки бежать, там метров двести, получается, простреливается. Я до того устал, что не могу с горки даже бежать, иду, и рядом всплески, стреляют. Мне кричат: «Беги», — а сил вообще нет. И думаю: «Бл*, хоть бы в ручку или ножку попали, чтоб меня уже отвезли, чтобы все это закончилось. Чтобы никуда не идти и отдохнуть».

Были такие ситуации, что ты бежишь, а тебе головы не дают поднять. Да даже на колени встать не вариант. Бывает, устаешь так, до того заматываешься во время таких марш-бросков с пулеметом наперевес, что из ленты пару патронов вытаскиваешь и перекатываешь в руке, чтобы не уснуть. Но это в основном в первых боях было. Потом постепенно привыкаешь.

ИСТОРИИ ВОДИТЕЛЯ «БАРДАКА»

— Мы прошли речку и должны были взять железную дорогу, но почему-то отменили все ночью и пошли на заводы обратно, там встали. Там нас и отрезали, полностью завод. Неделю мы сидели в окружении, выбили машины с БК, боеприпасов у нас практически не было, у кого сколько патронов осталось, воды мало. А потом, как я понял, наши союзники помогли к нам пробиться. Парни из «Хезболлы» пробили к нам брешь, и мы потихоньку вышли. Ну а потом мы с основными силами соединились, и все.

Был случай, когда мы брали там рядом вышку, и ребята-разведчики подорвались на фугасе. Я за ними на

«Бардаке» ехал. Командир взвода отличился, он там рулил очень хорошо, грамотно очень действовал. Он людей всегда берег, и потерь у него почти не было. До этого у них во взводе ни «трехсотых», ни «двухсотых» не было. А тут одному ногу оторвало, второго наглухо. Я как раз к месту подрыва подъехал, когда их забирали.

Ну как у нас было-то? Ребята идут просто по минному полю. Вот идет боец перед тобой, а ты за ним на машине тошнишь. Вот он идет, в темноте считай, наощупь по минному полю, а мы за ним на «Бардаке». На вершину сопки поднимаемся, вот и достаточно представить, каково парню. Есть ли у него страх? Конечно! Он мог попасть, а мог бы и не попасть.

А вот ребята, которые по дороге шли, попали. В этой точке наша «буханка» подорвалась с нашими разведосами. И вот самое что интересное: боевики настраивают свои «гирлянды» и фугасы не на танк, не на технику, а именно на человека. Танк проехал два раза — и ничего, не взорвался, а человек идет и взрывается.

АУЛ ПРИШЕЛ В ДВИЖЕНИЕ

— Мы работали слаженно, но все всегда зависит от командира. У нас никогда не было паники, какая бы ситуация ни была. Я от непосредственного командира никогда не слышал лишней команды. Во-первых, мы говорим про свое подразделение — у нас командир всегда бережет людей, всегда. Самая главная задача — вывести всех.

Был такой случай в Дейр-эз-Зоре, в школе. Первый день, зашли в населенный пункт, и получилось так, что одно отделение выдвинулось. Там стояли водонапорные башни и водокачки. И люди немного перепутали и зашли на 800 метров в тыл к противнику. В это время, когда они координаты передавали, где закрепились, нас,

конечно, обматерили: «Вы еб*нутые, мы должны были с утра туда штурмом пойти! Утром будет работать наша авиация!» Короче, берегитесь.

Ну и второй момент, что духов до фига. Вот непосредственно мы зашли в школу, школьный двор. Командир пошел и закрыл калитку просто на проволочку, а уже потом, на следующий день, мы узнали, что это позиция духов была. У них там вода, матрасы были собраны. Школы там стандартные. Сначала прилеты были с нашей стороны, авиация херачила, там с одной стороны здания прямо стена упала, и класс был голый. И воронка там — встаешь в полный рост.

Потом часа в четыре — начале пятого утра гости пришли и автоматически уткнулись в эту калитку, а она закрыта. Они начали там тык-тык, потом увидели движение, убежали. Минут 15 проходит, и весь аул приходит в движение. Мы по фронту стоим, и они нам орут со всех сторон: «Аллах акбар! Аллах акбар!» Разносится по всей деревне. Мы докладываем: «Держим тишину, распределились по этажам». И нас до девяти утра пи*дошили, четыре часа без передыха. У нас легкий один был «трехсотый», остальные все живы-здоровы. И руководство, и командование бросило все силы, чтобы нас оттуда вытащить. Тогда все взвода подтянулись, что тоже немаловажный вопрос — никто не испугался. На мне тогда рюкзак был. Чувствую, что-то мокрое, рюкзак снимаю, а в нем банка из-под рыбы, и в ней сердечник торчит. Я потом, как черепашка-ниндзя, с этим рюкзачком везде и ползал. Он у меня до сих пор есть, в нем пулевые отверстия остались.

БОЙ ЗА ШКОЛУ В МАРРАТЕ

— Форсировали реку Евфрат, втянулись с боями в поселок Маррат. Первый день поставленную задачу я вы-

полнил, взял штурмом двухэтажное здание школы, перекресток, должен был занять круговую оборону и держать, пока силы не вытянутся, линию фронта. Все взял, выполнил, но поступает приказ — соседнее подразделение попало в окружение, нужна была помощь, нужно было вытягивать ребят. Нас перебрасывают, хотя мы против, но в итоге мы не дошли: нас уже ждали, шквальным огнем срезали. Мы вели получасовой бой, духи были в пределах 50–70 метров, перестрелка. Хорошо, помог другой взвод. Пулеметы с флангов, мы оттянулись, в общем, все — закрепились в здании. И самое печальное — на следующий день поступает приказ опять идти на перекресток, на эту школу, но никто не сказал, что соседнее подразделение оттянулось, и правый фланг у нас открыт.

Я уже плохо ходил, был перелом ноги, она плохо срослась, и пошел вместо меня замкомвзвода. Пошло подразделение без меня и попало в засаду — четыре «двухсотых». Пришлось вытягивать ребят на БМП. Духи благополучно забрали брошенную школу, которую мы до того заняли, и когда подразделение подошло вплотную, оно только тогда увидело, что в этой школе, в этой двухэтажке уже сидят духи. Завязался бой на подходе. Ребят срезало, заняли круговую, начали отстреливаться, я приехал на БМП, спасибо пацанам — продержались. Отважные ребята, держались полдня, подойти было невозможно, все взводы втянулись в бои.

Я приехал на БМП, мы вытащили «двухсотых», а «трехсотых» потом уже с танком вытаскивали. Позывной **Конь**, царство ему небесное, погиб позже паренек, вот он танком прикрыл и ребят оставшихся вытянул. Духов хорошо заколпачили, на глазах разлетались пулеметчики. Молодцом наши работали, но духи хорошо укрепились, подтянули снайперов, и выбить их из того здания было невозможно.

У танка были только бронебойные, он стены просто насквозь прошивал. Но вот фугасных снарядов

не было, поэтому большого вреда он не приносил, да и было уже не до этого — надо было оттягивать силы. Да и духи били не только со здания, но и с «зеленки». Мы не видели, откуда бьют, потому что была «зеленка», были еще соседние строения, и не поймешь, откуда идут выстрелы. Одиночные, но точные, прижимали плотно.

Очень много ребят помогало из соседних взводов, пулеметчикам двум огромное спасибо. За день до потерь мы шли на помощь подразделению из другого отряда и сами попали в засаду: там была дорога, мы на нее вышли без потерь, прижали духов — и вот если бы не те два пулеметчика из соседнего взвода, мы бы не вывезли. Парни вышли на левый фланг, прижали духов с двух ПК, и вот те шесть человек, которых я сначала не мог забрать, в итоге оттянулись благодаря огню пулеметчиков. Вот они мне запомнились.

С моего взвода ребята молодцы, граники работали. Хорошо работали пулеметчики ребята. Духи кричат: «Аллах акбар!», а наши парни в ответ: «Х*р вам!» И как дали им, чтобы те запомнили. Молодцы парни, выходили из укрытия и отрабатывали духов.

КАК ДУХИ ЗАМОК ВСКРЫВАЛИ

— Двоих я разрядил прямо в десяти метрах. Была зачистка Марата, мы перешагнули через речку, закрепились. Там в процессе мы выдавили духов. Что мне уже тогда запомнилось, это у них все дома были нетронутые, а сами духи жили в каких-то сараях. Мы остановились, где-то бой у нас слева, справа, выравнивали линию. Остановились, пацаны перекурили, и я пошел посмотреть на «фишку». У нас задний двор, была калитка, она закрыта, мы ее проверяли, и я что-то туда пошел. Или, может, кто-то попросил сходить, проверить. Я, значит,

туда подхожу и смотрю на соседний дом — там вход, получается, к нам во двор и дальше идет улица. И в соседний двор (там буквально пять метров) ломятся два духа — вскрывают замок.

У меня просто не оставалось выбора, я упер автомат в решетку, прижал его к бедру так, чтобы его не дергало, снял с предохранителя, уже отправлял туда весь магазин. Дух увидел меня и вскидывал мне в ответку автомат. Мне три патрона прилетело, но в итоге я их разлохматил обоих. Один из них был, наверное, командир какой-то, эмир, у него была рация с собой, Glock. Мы там позже подобрали и «пояс шахида».

А, и мы закидали их гранатами, потому что я их привалил, отскочил в сторону перезарядиться, подбежал товарищ мой. Ну и мы что-то отвернулись, отвлеклись, смотрим, духа одного нет, он отполз. Я выбегаю сразу со двора, достаю две эфки, туда — в ту сторону, где эргэдэшки. Пацаны тоже добавили. Ну и мы в итоге так посчитали, туда улетело 12 гранат. Ну, чтобы наверняка. В итоге у него граната взорвалась на спине, потом мы его нашли в кустах, он недалеко отполз и лежал с пистолетом как раз на нашу дверь. «Пояс шахида» он так и не взорвал, лег сразу.

ПРО КИРГИЗА

— На Дейр-эз-Зоре нам надо было взять здание школы. Засело душье, сперва обрабатывали из АГС, потом зашли. А **Киргиз** — вот поведение такое было у человека — он решительный, всегда веселый, всегда бодрил всех.

Дело не в героическом поступке, в поведении, как человек себя ведет. Ну вот пример. Орет он в радейку:

— Центр, бл*ть, где бензин? Мы их сейчас сожжем!

Вот примерно такое поведение у него и было.

— Чо там, с*ка, тупят? Чо, давай, Жека, пошли-пошли, давай, пошли.

Все, подорвались, ворвались, дали всем по мозгам.

В каждом бою есть человек, который тебе запоминается своим поведением. А вообще, в бою он был веселый, он все в жизни пытался сделать так, чтобы ему и другим было весело, прикольно. Ну, конечно, к службе иначе относился. Поймал он однажды осла, положил на него ковер, сам надел тюбетейку, халат — и катался по селу в гости к другим взводам с музыкой. У него была блютус-колонка с собой, и на ней он включал песню «Едем-едем в соседнее село на дискотеку».

Все нормально к нему относились, к его приколам. У него со всеми было нормально. Конечно, по службе был требовательным, но и сам всегда впереди лез. Впереди всегда было интереснее всего.

ЧИНГИСХАН

— У нас была история, когда мы уже переправились через речку, зачистили Маррат, встали на опорники. А между нами, между нашими опорниками заходили «фатимиды», они чуть-чуть монголоидные — афганцы, хазарейцы. И, значит, у них мелкий командир, похожий на Чингисхана. Встречает его наш командир взвода, и этот Чингисхан ему и говорит:

— You are China?

— No.

— Mongol?

— No.

— Who?

— Rusi.

— Rusiiii?????

И это все при том, что командир взвода у нас был бурят. (*Смеется.*)

ШТУРМ МАЗЛУМА

— Дейр — вот там было реально тяжело. Когда пришла пора, направили нас в Дейр-эз-Зор. Приехали к речке, к Евфрату. К тому моменту части «шестерки» и «пятерки» зашли в Маррат. Мы прошли через речку, сели тоже в Маррате, просидели там три дня, бои были максимум за насыпью.

Первое боевое задание, которое мы получили, — это штурм Мазлума. Я присутствовал тогда на совещании с **Ником,** с **Ратибором** — изучили все карты, все позиции, как что, где кто идет. **Ратибор** там впоследствии вел себя героически — вел бой на самом передке со своими пацанами. В бронежилете, в каске, шел от меня с левого фланга. В целом, диспозиция была такая: мы сгруппировали все взводы по линии соприкосновения, сначала стоял я по левому флангу, потом **Лотос** стоял, потом **Леший**. Про остальных не вспомню, где находились. По-моему, на тот момент кто-то сзади был там с **Ником**. Ну и минометы стояли сзади с **Ником**.

В общем, назначили время атаки, со всеми командирами взводов согласовали все это. Пошли в атаку. Это был реально момент истины. На въезде подбили у нас зушку — сгорела она там с боекомплектом, на подъезде к Мазлуму, три или четыре человека — тяжелораненые. Мы сели в противотанковый ров — потухшие, погашенные. Мне пришлось по всему взводу, по всем позициям пробежать и привести всех в чувство.

Та атака мне напоминала начало штурма аэропорта в Луганске, потому что мы шли по колючкам, по траве где-то метров 250 до самого Мазлума от противотанкового рва. У меня в разгар штурма — трое «трехсотых», у **Лотоса** и **Лешего** побольше, потому что они вообще шли по открытому полю. У меня хоть кусты какие-то были.

Потом долго шла зачистка Мазлума. Отделения **Руса** и **Ветра** очень слаженно работали, мы больше по центру

шли — там уже брошенные точки были. А вот **Рус** с **Туристом** прошли через самое горнило, через правую окраину, им очень тяжело там пришлось. Там мечеть была, и возле нее три духа засели и долго отстреливались. Минут 20 огнем поливали, пока их с зушки не успокоили — подъехали сзади, начали долбить по этой мечети, пока не затихло.

Могу сказать, что Мазлум — одно из самых сложных наступлений в моей жизни. Хотя оно было быстрое... Ну, как быстрое — часа два с половиной. Духи тоже очень, скажем так, мужественно оборонялись — плотно засели. Кто-то из них там точно под наркотой был. В самом конце мы отдавили их в Хшам.

Начали мы занимать оборону в Мазлуме. Духи очень много боекомплекта оставили, очень много трофейных стволов. Мы там все обыскали, позиции осмотрели, потому что к тому моменту знали, что духи свои позиции перед отходом всегда минируют. Чтобы избежать потерь, я своим запрещал лазить по домам, чтобы не дай бог на мины не напороться.

Был такой момент. Встали мы по фронту, соприкасаясь с «единичкой» — с **Траком,** он тогда был командиром взвода. Четвертое отделение у меня самостоятельно заняло с правого фланга домик. Я пришел туда и, не знаю, может, чуйка сработала или еще что, но говорю им: «Что-то мне не нравится этот ваш домик. Давайте переезжайте в другой». Они собрали свои манатки, только переехали, а **Лотос** в этот дом направил одно из своих отделений. И тут со стороны Хшама духи начали долбить из арты, и снаряд влетает в этот домик. В итоге у **Лотоса** два «двухсотых» и один «трехсотый». Именно в том доме, из которого я своих убрал.

Лотос встал с правого фланга на Мазлуме, я встал по фронту, **Леший** — в охранении, расселся в минометке. **Дядя Толя** в центре встал, к нему потом подтянулась «пятерка».

ЗНАМЕНИТОЕ НОЧНОЕ ПОБОИЩЕ

— Духи пошли в контрнаступление в первый же день, когда мы заняли Мазлум. Главари ИГИЛ* стянули туда отряды, состоявшие из совершенно безбашенных боевиков. Духи были очень хорошо вооружены — большинство из них с «тепляками» и «ночниками», потому что они явно нас отслеживали и не давали вообще голову поднять из-за бруствера. Я это на себе проверил. Когда пацанов обстреливали, я пошел с левой стороны от дома — там стенка и был выбитый кирпич. Пошел туда отлить, выглянул из-за этих кирпичей и сразу же спрятался. И в этот момент в эту дырку сразу же прилетело. Это может означать только одно — снайперы духовские следили за нами через «тепляк». С «ночника» так метко не отследишь.

Держались мы где-то часа два с половиной. За это время духи предпринимали три наката на наши позиции. Держались мы хорошо, потерь было немного, только **Бедуина** ранило. Чувак позиционировал себя там супербойцом, но в этом бою ранен он был абсолютно идиотски. Никто в здравом уме не пошел бы в открытом коридоре между домами на передок: во-первых, рикошеты идут между домов, а во-вторых, открытая местность, коридор полностью простреливаемый. Он поперся туда, и ему прострелили ногу. Орал так, что я сжалился над ним — побежали мы с **Ветром** вдвоем, вытаскивать его. Долбило по нам, как с отбойного молотка. В нас не попало, но вот **Бедуину** второе ранение прилетело — в пятку. Отправили его в тыл на эвакуацию.

Продолжили обороняться. К **Тору** в этот момент вплотную подходили духи. Я два раза своими глаза-

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

ми наблюдал как это происходило: пулеметчики духов долбили из положения лежа, снайперы, которые гасили точки, — из положения лежа, кто вставал — пытался отстреливаться. Гранатометчики полностью вставали во весь рост, стреляли с гранатометов. И так они ступенями шли к нам: пулеметчик со снайперами прикрывает, духи вперед продвинулись — залегли — из РПГ долбанули. А пока мы очухиваемся, они еще раз вперед продвинулись.

До **Тора** они метров 30 не дошли. К тому моменту у **Тора** три человека были «трехсотые» — слава богу, живы-здоровы, недавно виделись под Триполи.

Короче, эвакуировали **Бедуина**, эвакуировали **Кондора**, еще кого-то с третьего отделения. У первого отделения, у **Руса**, была самая жопа. Они находились на углу, с правого фланга. Там здание стояло, что-то типа школы — и вот в эту сторону самое жесткое наступление было. Там натиск был раза в два сильнее, чем у нас, несмотря на то что они находились за большими стенами — здание было большое, трехэтажное.

Сначала ранило **Сеню,** агээсника. Потом он умер в Москве от заражения крови. Так произошло. Пока его несли, у него вывалились кишки, до Москвы его довезли, но не спасли. Он хороший агээсник был. В общем, его начали относить, и в этот момент, когда его начали относить, произошел очень сильный натиск на первое отделение. Это был первый раз в жизни, когда я реально задрожал со страху: думал, что уже все, хана. Хоть я своим и приказал никуда не отступать, у **Руса** там начался такой замес, что я ему сказал: «Давай, по возможности оттягивайся назад, на запасную позицию».

Пока отступали, потеряли еще двоих пацанов — **Малахита и Дарву**. При отступлении духи подошли уже вплотную, и с той же самой школы, с которой отступили **Рус** с пацанами, по открытке обстреливали их, пока они отходили до запасной позиции. Я приказал **Тору** достать

все тяжелое, все, что есть из РПГ, и приказал **Голиафу** размотать эту школу в хлам.

Еще пять минут мы продержались после отступления пацанов, и после этого духи начали отходить. Я первый раз за ночь вздохнул полной грудью — хоть какая-то передышка. Все это длилось два с половиной часа, наплыв за наплывом, наплыв за наплывом. Пацаны уже задолбались заряжать магазины. Я в основном на рации сидел с биноклем. Мимо меня проходит парень: «Я пустой». Давай заряжаться. Заряжается. Через 10 минут снова приходит: «Я пустой». И так несколько раз.

С БК уже проблемы начались — все, что с собой брали, уже почти все зарядили. Магазины на последнем дыхании; если бы духи предприняли еще одну атаку, я не знаю, удержались ли мы еще на этом рубеже или нет. И вообще, остались бы мы в живых или нет. **Трак** с «единичкой» там тоже из последних сил держался.

В определенный момент я просто подумал: «Надо верить в судьбу. Линия жизни у меня длинная, если я выживу, то и пацаны, у кого я тоже руки смотрел, выживут. Поэтому стоим до конца и никуда дальше не отходим». И в течение этих минут, когда я это все думал — отходить, не отходить, — духи откатились назад и остановили стрельбу.

НОЧНОЕ ПОБОИЩЕ — 2: ОБОРОНА В ОДНИХ ТРУСАХ

— Дейр-эз-Зоровская командировка, Мазлум. Ночью тогда на нас поперли духи в контратаку. Взвод наш три дома держал, плюс в тот вечер нам тепловизоры подвезли — до этого были только «ночники». Вроде были новые...

Я парням запрещал стрелять просто так. Мол, неважно, что вам там в «ночнике» кажется или не кажется. Увидели — спускаетесь, меня будите и показываете,

что вы там увидели. Я так отделение свое приучил сидеть тихо. Ну и вот, спускается с наблюдательного пункта человек, говорит: «Духи идут!» Человек серьезный, мы с ним вместе начинали, знаю я его хорошо — врать не будет.

Поднялись. Смотрю в «тепляк», вижу — 12 человек, рассредоточиваются. В тепловизор хорошо видно. «Ночник» беру — там ровное место, небольшая выемка, вижу кусты, а духов не вижу. Нету их. Кусты вижу... Почему людей не вижу — непонятно. В тепловизоре — вот же они.

Начинаю по станции выходить на соседей. Готовимся. До духов буквально метров сто пятьдесят. Рассредоточиваются. Еще минуты три-четыре до начала их атаки. Не больше. Времени нет. Я вниз слетаю, начинаю толкать людей — тихонько, чтобы не кричать. Тихо говорю: «Пацаны! Духи!» Вот кто как спал — вскакивают и встают по своим местам. Кто в чем был.

Только успели мои парни рассредоточиться — началось. Понеслась стрелкотня, а парни только брони надели и по позициям в одних трусах шарятся. Я возвращаюсь вниз, я ж помню, кто где спал, манатки хватаю, на крышу им кидаю. «Одевайтесь!» Они воюют и одеваются одновременно — стреляют по врагу, штаны натягивают. Где-то через час нам сказали отступать. Без потерь.

Вот так, пошли в бой в одних трусах.

ХЛОПКОВОЕ ПОЛЕ

— Вот один момент был вообще просто из области фантастики. Мы вышли на хлопковое поле, вытянулись в этом поле, чтобы пройти дальше — ну, растянулись, как полагается, и получилось так, что нас взяли в кольцо. Начали по нам со всех сторон долбить. А там рассто-

яние — метров 150, я вообще не знаю, как они по нам так стреляли. Мы просто упали в это поле, а оно же заливное, как рисовые поля у китайцев. Все в грязи, все рации залипли, только перекрикивались меж собой.

Кто-то из наших впереди оказался, кричит: «Давайте до здания!» Там домики стояли рядом с полем, и до них, адекватно если рассуждать, не пробиться — там духи. В итоге пришли к общему мнению, что нужно выходить назад.

Вокруг поля здания идут полукругом, и вот с этих зданий по нам просто открыли огонь — буквально из каждого здания. Там не видно — хлопок растет, кукуруза, и вот за кукурузой дома. Где они — их не видно. В итоге мы, как черви, ни с чем больше не сравнишь, ковырялись в этом поле. Потом решили перебежками: один встал, перебежал, на него огонь перевели, потом другой встал, перебежал, и вот так мы вышли. И кто выходил, по очереди начинал брать домики и оттуда уже прикрывал своих.

Мы выгребали где-то полтора часа с этого поля, хотя казалось бы — расстояние небольшое. Все были мокрые, причем не от того, что в грязи купались, а оттого, что насквозь потные от таких передвижений. Упал — поднялся, упал — поднялся, у тебя еще баул нагруженный с собой. Все от грязи и от пота мокрые были.

На следующий день нам очередную задачу дали — подойти к школе и занять ее. Выдвинулись. На подходе к школе видим: на воротах висит замок. Заперто. Смотрим точку по GPS — куда выдвигаться, куда идти. И представь себе картину: человек такой смотрит, куда выдвигаться, голову поднимает — хоба! — а там на крыше два игиловца сидят, не успели спрятаться.

— На крыше духи!

Все в один момент туда внимание обратили, начали по ним долбить. Тех двоих сразу снесли. Начали рассыпаться — получилось так, что первое отделение ушло

в левую сторону, в дом, а второе отделение заняло дом прямо по фронту этой школы. Нас на тот момент зацепили — духов там было много, и снайпер бил очень близко где-то: одному прямо четко шейную артерию перебили. **Тополю** покойному попали каким-то образом в ВОГ, у него на жопе висел ВОГ-25. От пули ВОГ разорвало, и он лежал в канаве долго, кричал. К нему выбежал **Пикап** на помощь, его еще один наш прикрывал, **Кавказ**. **Пикап** выбежал чтобы вытащить **Тополя**, и ему снайпер попал четко в сердце, то есть тоже «200». И пока **Кавказ** прикрывал, ему выстрелом снесли челюсть, тоже «200».

Потом у меня в отделении парень был один, он даже толком выбежать из укрытия не успел, как его срезали. Буквально даже полторса не высунул из-за здания, и тут ему снайпер паховую артерию перебил. Но его на тот момент мы прямо перевязали нормально. Подбегаем к нему, у него глаза стеклянные были, и синева на губах появилась. Мы перевязали, обкололи его, и он через какое-то время даже шутить начал. Он сначала лежал, потом в себя начал приходить и даже шутил, пошлил. Ну прикольный парень, он сам по себе юморной.

Ему разорвали штанину, начинаем его перематывать, жгут накладывать. Один порвался, другой наложили. Он уже в себя приходит, веселится такой, угорает, а я про себя думаю: «С таким настроем он точно выкарабкается».

Следующий момент — надо было вытаскивать «двухсотых», **Пикапа** и **Кавказа.** Вызвали БТР, но дальше определенного рубежа он проехать не мог — что-то задний ход барахлил. Тогда экипаж танка сильно отличился:

— Давайте сейчас запустим танк, — говорят нам, — он выезжает, делает несколько выстрелов, и в этот момент вы грузите парней и начинаете бежать за танком. Все равно безопасней будет.

Мы взяли занавеску с раненым, два трупа и выдвинулись туда налегке. Пару магазинов только взяли, потому что тяжело было. И за танком все-таки вытащили тогда парней, без потерь.

И вот мы стоим в обороне. От нас метрах в ста пятидесяти стояла школа, а в ней — куча духов. Все простреливается, ни высунуться, ни пройти — ничего. Максимум мы могли выскочить быстро, с «мухи» лупануть по школе — и быстро обратно, потому что больше никак не сделаешь. Там даже руку не выставишь — сразу стреляют.

Мы так ночь простояли. Нам сказали, что скоро подойдет подмога — «четверка» вроде как должна была подойти. Пока помощь подходила, мы с одним бойцом попытались прорваться к нашим, к первому отделению. Нужно было проулок перебежать — он простреливается весь. Попытались туда прорваться. Сначала с первой попытки не получилось, ворота оказались закрыты, а вот со второй попытки мы скаканули по очереди и кое-как выскочили. Там, получается, дом с правой стороны, а выскакиваешь — вокруг сплошные огороды и какое-то поле, и прямо оттуда начинают стрелять сразу. Вот мы еще где-то на час с парнем попали в эту ловушку. Тут наши стреляют, там духи, кричишь — не докричишься. В итоге потом мы через час уже просто плюнули и быстро метнулись назад.

На следующий день, точнее утро, к нам подошла «четверка». Их никто не предупредил, что проулок весь простреливается, и они, не зная броду, выходят прямо в этот проулок.

— Блин, уйдите отсюда, разбегайтесь! — мы им орем.

— А что тут такое? — они не вдуплили.

Только потом, когда начали стрелять сквозь проулок, они уже поняли и рассосались по домам.

Нас отправили дальше, на точку, как раз напротив кукурузного поля. Не знаю, может, кто-то плохо зачи-

щал дома, потому что ты вроде идешь спокойно, зная, что дома должны быть зачищены уже, а оттуда нет-нет, да кто-нибудь постреливает. Мы зашли в один дом — там было пять мужиков и четыре женщины. Детей не было вообще. То есть странно — мужики матерые, в халатах, все такие суровые. Потом идешь, эти же поля переходишь, а там какой-нибудь хмырь засел в поле, у него там есть нычка. И сидит себе, постреливает.

В итоге мы на этом месте должны были встать, конкретно ждать. Потому что у нас штаб чуть дальше был. Мы поле прошли, осматриваемся, и тут в нас начали палить с крупняка — 12,7. По крыше начали садить. Вроде все спокойно было, я как раз уже разобрался, кто где стоит, расставил посты. Поднимаюсь наверх, все вроде бы спокойно, и тут пацаненок подбегает, меня подзывает:

— Слушай-слушай, я там кого-то увидел.

Только ко мне подбегает, и тут блочный парапет на крыше разлетается в клочья. И бак металлический с водой тоже прошило насквозь. Парень стоит, офигевает, а, видимо, рубашка пули 12,7 разлетелась и его осколками посекла. Стоит весь в кровище — цапануло голову, бочину и ногу — и от шока отойти не может. Прилетело ему нормально. Я ему скомандовал вниз уйти, он на брюхо упал и вниз, к пацанам, пополз.

Остался со мной на крыше еще один паренек. Он немножко засуетился, начал ныкаться за парапетом. Там на крыше в одном месте идет блок, где-то полтора метра выстроена стена, там можно укрыться. А в другом месте толщина блока была сантиметров сорок, наверное, его как раз и разворотило. Парень тоже на пузо брякнулся, разгрузку пытается на себя надеть и по лестнице спуститься. Видимо, он хотел промежуток между блоком и лестницей пробежать, а этот кусок как раз простреливается. И вот он вскакивает, и его снайпер с другой стороны долбит — прямо в спину по касательной при-

летает. Ему спину раскрывает, он орёт. Я думаю — все, как минимум «двухсотый», судя по крикам, там вообще все, агония и последнее издыхание. Ан нет, обошлось — просто он перепугался, упал, его пацаны вытащили.

Мне надо было тоже с этой крыши как-то уходить. В итоге я разгрузку накинул, посмотрел в тыл — вроде тишина. Лестничный пролет находится высоко, я не стал рисковать вперед туда выходить — просто сиганул туда в прыжке. Приземлился неудачно, повредил себе колено, хрящ сломал. Потом мне сказали, что бегать я не могу, а значит, должен остаться при штабе.

— Давайте я хотя бы буду на НП ходить?

— Не переживай, все будет пучком.

Потом меня, можно сказать, силком отправили, потому что там и контуженных отправляли домой. Отправили меня в госпиталь. Потом я полгода после операции на колене в себя приходил, на костылях прыгал.

СМЕРТЬ ДРУГА

— Мы потом долго отсыпались. Кто на фишке стоял, кто отсыпался до самого обеда. Заново заряжали БК, перегруппировывались, подсчитывали потери, зализывали раны. Плюс мне еще пришла хреновая новость — с левого фланга от Мазлума погиб мой друг с «четверки», **Султан**. Мы с ним с 2003 года были вместе, как и со **Злым**. Вместе еще по контракту служили. Вместе начинали, вместе заходили на Украину.

Там как получилось. Они сунулись одним отделением в сторону поселка Неизвестного, как мы его называли. Застряли перед карьером каким-то, на здании. Духи их в этом закутке окружили и начали отстреливать методично. Так вот, **Султан** с еще одним парнем вдвоем остались прикрывать отход остальных, и, короче, там оба погибли. У меня старшиной во взводе ходил его брат

младший, **Гриня**. Естественно, весь на нервах, в истерике. Что, мол, он будет родителям говорить?

В этот момент я решился хотя бы тело **Султана** забрать. Хотя это территория духов была, она простреливалась насквозь. В общем, договорился с пацанами, чтобы выделили нам с **Гриней** сопровождающих, которые покажут то место. Взял своих пять человек, и мы пошли туда забирать тела. Но попытка была неудачная. Мы были буквально в пятидесяти метрах от тел, они уже были в зоне видимости, но вытащить их оттуда мы не могли. Духи знали, видимо, что придут за телами, и поставили туда несколько пулеметов. Слава богу, никто не «затрехсотился», не «задвухсотился», еле-еле **Гриню** оттуда оттащил. Все это было под таким шквальным огнем, под таким натиском, что по ощущениям это был как будто еще один штурм Мазлума.

В тот раз мы не смогли забрать тела. Но уже потом, когда мы взяли поселок Неизвестный, мы все же забрали пацанов. Правда, за телами полез наш медик — и подорвался на минах. Перед отходом духи заминировали и тела тоже.

ПОСЕЛОК НЕИЗВЕСТНЫЙ

— После двух дней передышки получили приказ взять поселок Неизвестный, который с левого фланга от Мазлума находился. Шли мы вместе с «четверкой». Проблема была в том, что до самого поселка тянулась открытая местность — в полтора километра длиной, наверное. Чистый песочек. Нигде не спрятаться.

На тот момент командовал отрядом **Китаец**, потому что **Ник** с **Зомби** уехали на рекогносцировку. И, собственно, **Китаец** принял решение атаковать Неизвестный на пикапах с наскока. Решение было крайне рискованным — кому повезет, кому не повезет, кто до-

берется до передка, кто не доберется. Но, как выяснилось потом, решение оказалось верным.

Все сформировались как раз перед местом, где **Султана** «задвухсотило». Перед горкой все сгруппировались, сели на тачки и быстро тремя партиями под тяжелейшим обстрелом прорывались вперед. Духи палили по нам в основном из тяжелого — с ДШК, с ПТУРов, с чего только не долбили. Мы доехали до края поселка тремя партиями и, вклинившись духам в оборону, пошли дальше чистить Неизвестный пешком. Дошли до середины поселка, там забазировались.

Я там, кстати, первый раз в своей жизни заболел малярией. Потому что мы стояли возле Евфрата какое-то время, и никто не знал, что это за болезнь. Все подумали, что грипп в тяжелой форме. Ни у кого таблеток не было, но была слабость такая, что руки и ноги отваливались. Но на работу силы кое-как находились. Тут как: работа есть — подорвались. Без разницы, слабые, не слабые — взял ствол в зубы и пошел вперед. А когда работы не было — все валялись так, что руки-ноги не могли поднять. Я на Неизвестном дошел до своего рубежа, там забазировался — и отвалился с малярией. Просто не мог встать.

В Неизвестном у меня потерь не было, слава богу. Пацаны все отработали на 5+, как по накатанному. Дальше, когда заняли рубежи, надо было оборудовать позиции, и я приказал разобрать близлежащие дома на шлакоблоки. В итоге пацаны там построили чуть ли не Великую Китайскую стену — внушительных таких размеров. Их еще во время постройки духи пытались несколько раз прорвать, но пацаны атаки отбивали.

Две недели прошло, мы отошли тогда к Евфрату и начали готовиться. Все знали: нас ждет штурм Хшама. Сначала должны были шестью отрядами идти, но потом оставили только 2 отряда. И спустя две недели случилось самое интересное — «командирский день».

РАЗВЕДКА БОЕМ

— На Хшаме, когда мы только заходили, был полный контакт. Пободались с духами часа три-четыре, к вечеру закончили. На следующий день начали двигаться в Хшам, прошли метров 300 — контакта не было. Первыми пошли разведчики, переодетые в одежду боевиков, проверить местность. И картина следующая: наш пулеметчик в духовских шмотках выходит прямо на дорогу, а там метрах в пятидесяти от него два террориста стоят и разговаривают. Увидели его, смотрят, глаза выпучили. Он руку поднял, кричит: «Аллаху акбар». Они такие поздоровались, развернулись и продолжили свой разговор. Ну, он их пулеметом и срезал.

«КОМАНДИРСКИЙ ДЕНЬ» (РАССКАЗ КОМВЗВОДА)

— Когда мы подошли к крайнему рубежу, от которого мы должны были вести наступление на Хшам, мы там встретили в большом здании, типа бывшей администрации, группу эсэсошников. Парни находились в крайне подавленном и истощенном состоянии. Как мы узнали, они там три дня подряд пытались лазить в Хшам — и три дня подряд еле-еле уползали с «двухсотыми» и «трехсотыми». В итоге, потеряв все силы, они засели в этих административных коридорах — кто раненый, кто в неадеквате, как зомби, смотрели в одну точку. Зрелище не для слабонервных, короче.

Ник собрал нас, командиров — меня, **Лешего** и **Лотоса**. Раздал задачи, распределил нас по флангам и направлениям. И на следующий день мы поперли в наступление — опять полтора километра в чистом поле. Тоже было очень страшно. Перли мы тупо днем колонной под диким обстрелом, и единственное, что нам помогло, это то, что военные начали с «Градов» туда пакеты отправлять. Плюс

отработали два раза из «Буратино» окраины Хшама, которые мы должны были взять в первую очередь. Это очень помогло, если бы не обстрел наших, мы бы не прошли по этой открытке. А вот сирийцы во время атаки всем составом прятались под мостом. Никто из них даже до первого рубежа не дошел. Человек 50–70, все залезли под мост и сидели там. Страшно им, видите ли.

Благодаря отработке с «Градов», мы подошли к Хшаму, зашли и взяли первый рубеж. Первыми у меня зашло второе отделение во главе с **Ветром**. Слева от нас шла «четверка» — четвертый отряд: мой друг **Роджер**, **Дэн**. Дальше шел я: у меня шло третье отделение с левого фланга, потом я по центру со вторым отделением, и с правого фланга первое отделение.

Дошли мы до большого карьера, до большой ямы. Там пролегал пустырь в полкилометра — и он, по сути, отделял окраины Хшама от самого поселка. И все мы там засели в огромном котловане. Дальше не пройти — там 200 метров ни одного укрытия. Духи открыли огонь из всего, что у них было, ранили **Лешего**, ранили **Лотоса**. Я по рации вызвал **Рэмбо,** он приехал на УАЗе под обстрелом и вывез «трехсотых» в тыл.

Оценил границы, пространства впереди, думаю, что делать. И тут, пока я там пытался раздавать приказы, пытался кого-то настроить на атаку, слышу в рации: «Да вы задолбали уже! Отделение, вперед!» Это было четвертое отделение, **Киргиз**. Он сидел под самой обстреливаемой зоной и понял, что если он вперед не пройдет, под укрытие впередистоящих домов, то ему каюк. Поэтому он просто без моего приказа рванул вперед, добежал до переднего здания и там залег. В этот момент я отдал команду об общем наступлении, так как не осталось командиров взводов, получилось так, что я тремя взводами руководил: взводом **Лотоса**, взводом **Лешего** и своим. Отдал приказ о наступлении, короче, и вот до следующего рубежа мы как бы совместно дошли.

К тому моменту по моей указке **Казачок** подавил двух духов — пулеметчика одного и одного гранатометчика. Еще одного пулеметчика **Гера** с танка разобрал вместе с домиком с правого фланга. Мы засели на этом рубеже, сгруппировались, я расставил там силы. Кого «затрехсотило» — того эвакуировали. В общем, получили время на передышку. Только всех расставил, начал планировать наступление дальше.

В этот момент меня постигла неудача. Там было единственное пространство — вот в этом укрытии, которое простреливалось. Для того чтобы туда добраться, надо было шесть метров перебежать. Я в этот момент разговаривал с **Ником** по рации, и чувствую, что меня, как мясо на шампур, насаживают. Именно почувствовал. Заставил себя не потерять сознание, потому что много раз видел такую ситуацию: когда кого-то в ноги подстреливают, потом снайпер достреливает тебя вместе с остальными, которые тебе помощь оказывают. Поэтому заставил себя не потерять сознание, начал вперед ползти в укрытие. В этот момент меня **Киргиз** вместе с **Моро** затащили в укрытие.

— *Куда ранило?*

— В ноги. Насквозь одним выстрелом две ноги прошило. Жизненно важного ничего не задело — чисто по мясу прошло.

Гиб сразу оказал медпомощь там, на месте. Я помню, что тогда наорал на него: «Мой сразу хлоргексидином! Не хочу умереть, как **Сеня,** от заражения крови». Поэтому, еще даже не вколов обезбол, пока я был в глубоком шоке, он воткнул мне два пузырька в ноги.

Еще такой момент: они хотели мне штаны разрезать, а я им ору: «Куда, сука? Снимайте штаны! Куда вы режете?!» Они сняли с меня штаны, оказали помощь, перемотали меня, обратно надели. Потом меня увезли — пацаны опять вызвали **Рэмбо** и отправили меня уже в тыл.

Как там дальше было, в принципе, все знаю в деталях. **Змейка,** мой любимый сапер, погиб — его в голову «задвухсотило» при прорыве на следующий рубеж. Тоже отчаянный парень был, молодой, сунулся. Ну, единственное, о чем я жалел, о том, что я не успел грамотно взвод передать заму. В результате мужик оказался не готов к такому грузу ответственности, и в итоге вся дальнейшая атака в Хшам вывезла на командирах отделений — на **Торе**, **Русе**, **Ветре** и на **Киргизе**.

Меня отправили в госпиталь, с **Лотосом** и с **Лешим**. В общем, на этом сирийская кампания для меня закончилась, в госпитале благополучно я отвалялся вместе с **Лотосом** почти месяц. Нам оказали всю необходимую помощь, все сделали в лучшем виде. Врачам огромный поклон. В общем, выписались мы в один день с **Лотосом**, и, когда пацаны с Хшама приехали домой, я уже их дома встречал. 28 декабря я приехал на своей машине, встречал парней.

«КОМАНДИРСКИЙ ДЕНЬ» (РАССКАЗ ПУЛЕМЕТЧИКА)

— Самый серьезный штурм — это был Хшам, точнее Малый Хшам. Там стоял мост за каньоном, на нем духи «затрехсотили» много народу. Даже мне тогда реально чуть не прилетело. Нас осталось четыре человека плюс приданный доктор, он был у нас командиром медиков во взводе, но решился пойти к нам, штурмовиком. Ему все говорили, что он с ума сошел, что он «мозги проштурмовал». Но, видимо, не выдержал, пошел сам в штурмовое отделение.

Когда начался штурм, там потери были, но многие из тех, кто ранен был под Хшамом, потом в строй вернулись, живые остались. Но при этом всех командиров взводов третьего отряда «затрехсотило». Начинаем работать, видим — впереди висят оборванные высоковольт-

ные линии электропередачи, оборваны провода. Меня сразу это насторожило, когда увидел.

Перебежали каньон, там было 20 человек — наблюдало. Слева другие взводы были, но они тоже потери понесли, под мостом сидели, а там обстрел очень серьезный был. И мы вот этот каньон перебегаем, и меня тогда очень сильно удивили сирийские танкисты. Они обычно всегда тормозили. А тут два сирийских танкиста, они прямо зарядились. Едет танк, и тут — раз! — выстрел РПГ над ним пролетает. Танк остановился, очухался — и дальше поехал. Потом два выстрела РПГ, и оба мимо. По милости божьей, они все над башней пролетали, не знаю, как там гранатометчик не попал.

Мы просто этот танк использовали как прикрытие. За коробочкой спрятались, продвинулись и заняли рубеж. Ну и началась работа — штурм тяжелый, разбрелись. Я бегу-бегу-бегу, я не занимал оборону, просто бежал, чтобы на пулю не нарваться. Там рядом такая траншея пролегает, я помню, что в траншею нельзя, потому что это может быть заминированная замануха.

Перед этой траншеей было две ложные позиции, у нас в отряде учили такие делать. Типа противник думает, что ты там, а на самом деле ты чуть дальше находишься, за другим бруствером. Получается, я работаю, мой маневр никак не поняли, пацаны выдвинулись вперед, и другое отделение пошло. Я, получается, фронт обрабатываю. Тут ко мне пацан подошел, попросил помочь, — их накрывал очень сильно АГС, надо было придавить его огнем. А я не могу, у нас в отряде говорили: «Каждый держит свой сектор». А на боевых не получается так, чтобы каждый свой сектор держал.

Я смотрю — их АГС просто «трехсотит» и «трехсотит». Ребята оттаскивают своих, я не могу — мне и своих надо прикрывать, и там еще этот АГС бьет, у меня не получается его достать. Я бью, у меня выше уходит, не получается. Тут еще с духовской стороны гранатометчик

с пулеметчиком начинают работать в паре. В основном люди все правши, и все будет вправо смещаться. Я, короче, беру, не отсоединяю короб, меняю крышку, основание приемника — ленту 25-ки кидаю с Б-32*, и начинаю поливать. Думаю про себя: «Сейчас я тебя поймаю».

Они в паре так четко работали: пулеметчик работает, потом меняется, гранатометчик стреляет. Я, короче, наперед начинаю работать. Вроде затихло:

— Цель, работаю, — кричу я, чтобы знали наши, почему я стреляю. Я ж привык, как в армии, громко оповещать о своих действиях.

— Х*ли ты кричишь? — отвечает мне командир. — Видишь цель — работай.

Ребята не поняли мой маневр, что я этот укреп использую по назначению своего прикрытия. А они за это прикрытие полезли. Получается, одного парня «трехсотит», второму палец отрывает. Первому осколок приходит в шею: еще бы несколько сантиметров, и он бы умер, чуть нерв не задело. Его оттаскивают, кричат в рацию: «Триста, тяжелый». А он выхватывает станцию: «Я не тяжелый, я легкий». (*Смеется*.)

Я удивился, как они спокойно все воспринимают. Рядом один наш начинает с ГП работать. Тут один мужик, из Питера приехавший, выбегает, чтобы поднять взвод, начинает орать: «Впере-е-ед! В атаку! Вы чо, очкуете?»

А там открытка. Ну куда? Надо сначала танком либо минометом. А с танком запор какой-то, впрочем, как и с минометом. Он там что-то не наводился. Нас просто долбят, все командиры взводов ранены. Мужик взвод поднимает, воевал еще в СССР, такой прикольный дядька, — и его пулеметчик скашивает. Я думал, ему хана, а он нет, живой оказался. Ему, прикинь, гранату, УЗРГМ даже, пробили пулей. И в магазин пули воткнулись,

* Бронебойные патроны.

и только бедро пробило. У него еще брони не было, он был в разгрузке, в «афганке». Кто знает, тот знает, что такое «афганка».

Короче, ему пробивает бедро, и он такой к брустверу спиной подползает. К нему сразу пацаны подбегают и он:

— Вы чо штурм тормозите? Я и сам справлюсь. Давайте, дальше продолжайте. — И на меня смотрит: — Малой, меняй позицию.

А я понимаю, что нельзя, просто некуда. С одной стороны — гранатометчик у меня, с другой — ребята все скопились. Ну там нету укрытия никакого. Я знаю, мне надо смещаться, движение — это жизнь. Я так подумал: у меня броня уставная, на сто метров 7,62 СВД не берет, я проверял. Короче, хрен с ним, если «затрехсотит», может, медаль дадут. Думаю, руки, ноги у меня закрыты, потому что я в траншее. Голова — ну если в голову прилетит, значит на то воля божья. Короче, к черту, работаю, кишки не вывалятся, в сердце не попадет. Либо ключица, либо это, но я живой останусь.

Подумал, такой, и дальше начал работать. Ребят эвакуируют, гранатометчик не может работать, потому что сзади люди. В итоге из 12 нас остается 4 человека и приданный доктор. Тут, короче, сильно «трехсотит» гранатометчика, ему между бронепластин залетает пуля, легкое пробивает. Командир его отделения забирает у него гранатомет и в ту сторону — бам! — стреляет.

Я смотрю, пацаны с медиком выдвинулись доставать «трехсотых» с другого отделения. Нам надо продолжать дальше штурм, но там открытка, там не вариант. Парням и медику на месте пришлось раненых вытягивать в другую зону. Я вижу — по ним всплески такие, пули, начинаю работать, дозарядился. Пацаны уже раненого на плащ-палатку положили, вытащили его, передали медикам, и мы продолжили дальше. Тут танк подъехал, ударил по противнику, и все, заглохли духи. Сириец ударил

из танка, и мы побежали, как во время войны: «За Родину, заставили!»

Заняли траншею духов, смотрим — тут у них пулемет хороший румынский лежит. Меня медик останавливает и тянет за веревку — вдруг подминировали гранатой, на расчековку. Ловушки не оказалось, и мы спокойно пулемет забрали, зарядились, медик мне помог пополам перерубить станковую ленту. Правда, там на пулемете кусок мозгов был и волосы — кусок черепной коробки, все, что от духа-пулеметчика осталось. Я убрал со ствольной коробки это дело — чуть-чуть побрезговал, аж передернуло.

Гранатометчик был явно чем-то обколотый. Но они матеро держали позицию. Командир нам говорит: «Не убивайте гранатометчика, я его на работу возьму!» Типа хорошо работал у противника гранатометчик. Посмеялись, конечно. Но в итоге его не получилось взять на работу — ликвидировали.

Вот так у нас осталось четыре человека. Мы продолжили, там уже дальше был сильнее натиск, духи начали отходить, еще один АГС начал работать. Мы, короче, дальше начали штурмовать, передвинулись — тут уже тяжело стало. Начали заходить в здания, как штурмовики, потому что нас уже не осталось ни хрена. Закрепились более-менее и подумали: так, надо «фишку» выдолбить.

Сделали в заборе «фишку» и решаем, кто пойдет первый. Один из наших говорит:

— Ну хорошо, пойду я.

И тут же в эту фишку из гранатомета — бух! — снаряд прилетает. Мужик так посмотрел, репу почесал:

— Да ну на х*р эту «фишку»!

Надо отдать боевикам должное, они до талого отход сделали своим, все полегли, пока остальные выходили. Как Господь сказал: «Любите врагов ваших». Я к противнику не относился как к своему личному врагу, я не

любил издевательств. У нас в отделении сразу такие понятия установились: в женщин не стрелять, безоружных не убивать.

«КОМАНДИРСКИЙ ДЕНЬ» (РАССКАЗ СНАЙПЕРА)

— С винтовкой давно хожу. До компании еще, когда добровольцем ездил на Донбасс. В ополчении до того участвовал в штурме Донецкого аэропорта. Потом про компанию узнал, пришел сюда. Был командиром взвода в «тройке».

Самое, конечно, суровое — это командировка под Дейр-эз-Зор. Я к тому времени уже работал в компании, попал под конец Пальмиры. Там боевых действий уже не было — мы просто три месяца там поохраняли и уехали. Потом, когда приехали, как раз начался Дейр-эз-Зор. Пошел сначала в разведвзвод — в «тройку». Пошел в группу снайперов. А нас раскидали, короче, по штурмовым взводам.

Первый бой у меня тогда бы под Хшамом. Я как раз был с **Киргизом**, был прикомандирован к его отделению, потому что я там пацанов еще знал по первой командировке. Я говорю: «Давай, с этим вторым отделением буду двигаться».

Там, под Хшамом, не было никакой разведки. Нам, сказали — завтра идете на штурм. Мы переночевали, накопились возле бывшей школы. Там еще техника стояла покореженная, их там смертник взорвал или кто. На месте нам говорят: «Идите ротой, там взвод садыков уже сидит». От нас там метров 600–700. А там идет трасса, и возле нее стоят два или три недостроенных дома. И вот в них уже садыки ночь сидели. Мы все думали:пойдем сейчас к садыкам, а оттуда уже начнем. Ничего не зная, никаких схем, никто ничего не говорил.

Пока к садыкам шли, по нам кто-то начал насыпать. Но там дистанция большая, из-за этого не попадают. Подошли к садыкам, и только от их зданий тронулись — там железная дорога, и на ней стоит душара. Орет как полоумный: «У-а-а-а-а...», целлофановый пакет скидывает с автомата и начинает с наскока по нам палить. Садыки там от него, как зайцы, бегали по поляне.

Я между домами засел, и у меня небольшой такой промежуток, там ни укрытия, ничего не было. Стреляю. До него метров, может, 150–200 было, там надо ниже взять чуть-чуть, вынос сделать ниже. А я выставил прицел четыре на винтовке, пытаюсь по нему попасть — выстрела три-четыре успеваю сделать. Не попадаю. Он сваливает, короче. Все наши, когда душара палить начал, за дома отбежали. И в итоге я промахиваюсь, а **Киргиз** начинает на меня орать из-за дома: «Да ты косой вообще!», все такое. Я там чего-то на него тоже наорал в ответ...

Короче, в итоге дух садится, отстрелял там несколько очередей и сел. Наши вылезают из укрытия и начинают в то место долбить. Я им говорю: «Не стреляйте, пусть он еще раз вылезет, я уже упор себе нашел». Этот черт второй раз не вылез, а просто автомат над собой поднимает и начинает стрелять вслепую. Я два, короче, выстрела или три делаю — промах! На меня уже: «Эх ты, снайпер, попасть ни в кого не можешь».

Я психую, думаю: что со мной не так? Опыт уже огромный был, с 2009 года с винтовкой ходил. Я считал, что нормальный, попадал в монеты и все. А тут, может, адреналин разыгрался или неудобно было стрелять. Постоянно на стрельбище бежишь, нормально попадаешь, а тут стоя — все в молоко.

Короче, уже в первые минуты пацаны про меня думают, что я косой. Ну и ладно. Дальше бежим. Через ущелье пробежали и уперлись на входе в этот Хшам. Тогда **Лотоса** как раз ранили, «затрехсотили» там много народу, слава Богу, «двухсотых» не было. У них там просто

несколько бойниц было, и из бойницы автомат вылезает. А дистанция небольшая — метров 200. Пацаны не видят этого, потому что 200 метров, маленькая бойница. А мы видим — я и еще **Адар**, он у нас во взводе был, ходил с «Манлихером». Мы просто по этим бойницам били: как только автомат вылезет, мы туда быстро насыпем, особо нету времени прицелиться. Пыль летит от бойницы, он — раз, автомат уберет. Там еще один душара ходил с РПГ. Видим — «морковка» над забором мелькает. Мы прицелились, магазин зарядили, долбим — и, блин, не пробил я забор в том месте, где дух стоял. Мы уже потом, после боя ходили смотреть, — дырок там вообще не было сквозных.

Вот такой был самый первый бой. После него **Киргиз** начал меня стебать постоянно: «Ой, да ты косой, стрелять не умеешь». Меня это постоянно подбешивало...

ДОСТОЙНЫЕ ЛЮДИ

— Первый бой довольно-таки тяжелый был, командиров, можно сказать, условно в первые пять минут боя всех вышибло. Командование только и делало, что переходило от одного к другому, только произнесли — ранен, только произнесли — следующий ранен, и так вот практически всех вышибло. Остался из командиров только один. Называть его не будем.

Когда бой был, тяжело было, жгли. Надо отдать должное противнику: выстрел — цель, выстрел — цель, много машин горело. Стреляли TOW, Javelin, срывов не было, попадания четкие были, парней потом долго не могли оттуда вытащить. Месяц без «двухсотых» они лежали на поле. Выйти из боя удалось за счет того, что в чистом поле неожиданно опустился очень плотный, густой туман. И он поспособствовал выходу. Когда мы собрались раны зализывать, тут нас еще «Грады» накры-

ли. Сына тогда в госпиталь увезли, и через несколько дней я его все-таки нашел. Все нормально. Ну а так в последующих боях тоже.

Происходит боестолкновение. Оно закончилось, и один из парней:

— Парни, вы только посмотрите, я еще ни разу так быстро в броник и каску не залезал. Я спрыгнул с машины, прижался к ней, а все вокруг меня втыкается, взрывается. Машина вся посечена, я тут возле колеса, полусогнувшись. Машина вся в решето, «Урал». А во мне ни царапины.

С его слов все это комически выглядит, а в действительности все это трагическое.

Вот, например, сидит рядышком товарищ, был подрыв, подорвался у нас «Дозор». Брат у него был в «головняке», небольшого росточка, не хроманул ни разу, ни в одном бою, в котором он тогда участвовал. Бежит, росточек маленький, он с пулеметом бежит помогать другим раненым. А в результате потом еще оказалось, что у него клапан в сердце искусственный.

Нелегко было, везде нелегко. Разное было, но люди были достойные.

КАК ТОВАРИЩ ПРИКРЫЛ КОМВЗВОДА ОТ ОСКОЛКА

— «Командирский день» неплохо прошел тогда на Хшаме, после Мазлума. День тогда интересный вышел: опять же, все три командира взводов — «трехсотые». Мы каньон один прошли, и уже на выходе сидят духи. Открытой территории, получается, метров 80.

В меня уткнулось первое наше отделение. Гранатометчика духи срезали тогда. Второе отделение я отправил вдоль трассы и пошел «подпихнуть» первое отделение правее. Я видел эту «строчку» пулеметную — думал, добегу. Рядом был такой небольшой брустверочек —

не выше, чем спинка кровати. Бегу, а рядом хлещет пулемет. Удар по ноге почувствовал, упал. Ребята затащили меня за этот брустверок — обкололи, перевязали.

Я все рвался вперед, пацаны меня за жопу держат: «Куда?! Стоять!» А по брустверу тому тогда хорошо прикладывали. Я потом в госпитале шутил: мол, хорошие у духов гранатометчик с пулеметчиком. Говорю: «Я бы их к нам на работу взял». А товарищ мой: «Извини, братан, но мы их убили».

Пулеметчик, кстати, отработал по полной. После госпиталя мне сказали: «Ты вообще в курсе, что на твоей разгрузке (там было 8 магазинов и 4 гранаты) две гранаты простреляны?» Как выяснилось, там на одной ЗРГ от попадания пули из пулемета розочкой разошелся. И по идее, от такого воздействия она на пузе у меня должна была взорваться. А вторая граната была прямо в центр простреляна — пуля от взрывателя отрикошетила и ушла вбок.

Кстати, подгранатники у меня на разгрузке до сих пор висят дырявые. Зам потом пошутил надо мной после госпиталя:

— Че, — говорит, — ты теперь у нас «дырявый»?

— В смысле «дырявый»? — отвечаю.

А с замом в том бою так было. Он, когда меня ранили, подбежал и закрыл меня собой. Гранатометчик духовский выстрел сделал по нам — и приход снаряда был фактически у зама за спиной. И тот осколочек, что мне должен был предназначаться, попал ему прямо в задницу. Прикрыл он, так сказать, своей широкой спиной меня чуть-чуть.

Так я ему в ответ на шутку про «дырявого» говорю:

— Ну я же молчу, что у тебя компенсация за ранение заработана жопой. Тебе теперь ранение твое героическое и самому не посмотреть, и людям не показать.

Глава 14. Остров Хувейджа Катыа

(ноябрь 2017 г.)

Падение опорных пунктов боевиков ИГ на восточном берегу Евфрата фактически обрушило оборону исламистов в самом Дейр-эз-Зоре, где боевики контролировали северо-восточную часть городской застройки и острова в дельте Евфрата. Оказавшись в полном окружении, без возможности переплыть реку, оставшиеся боевики сдавали квартал за кварталом — в том числе сдаваясь в плен отрядам ЧВК «Вагнер».*

В итоге 3 ноября 2017 года террористы сдали сирийской армии и силам ЧВК «Вагнер» все районы Дейр-эз-Зора. А довершить разгром группировки на Евфрате смогли 17 ноября: в этот день штурмовые отряды группы «Вагнера» зачистили последний оплот обороны ИГ — остров Хувейджа Катыа, где была полностью уничтожена группа из нескольких десятков боевиков.*

По воспоминаниям участников боев за Дейр-эз-Зор, гарнизон ИГ на острове сопротивлялся до последнего. Как впоследствии выяснилось, главари группировки на острове состояли из наиболее фанатичных, но слабо подготовленных исламистов, которые компенсировали отсутствие навыков ведения боя промытыми пропагандой ИГ* мозгами.*

О СООТНОШЕНИИ СИЛ

— Военные теперь эту операцию — как проходил штурм острова — даже в академиях, оказывается, пре-

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

подают. Проблема состояла в том, что нам вообще было неясно соотношение сил. Когда мы спрашивали [сирийцев], сколько там сил противника, нам отвечали, что понятия не имеют, человек 20, может, есть. Духи сидели на острове и активности не проявляли, во всяком случае, по отношению к сирийцам. Как потом выяснилось, их там было человек 300, если считать вместе с теми, кто сдался.

СНАЙПЕРСКИЕ ИГРЫ

На Дейрике, когда прошли Эль-Хуссейнию, встали под островом, на котором духи сидели. Там зеленка плотная, у нас, получается от 150 до 200 метров речка была, и я с винтовкой лазил по всему берегу, искал позиции. Одна, другая, третья. Там как бы тяжело — зеленка, а за зеленкой их видно х*рово. Получилось найти пару позиций, пару раз отработал. Смотрю, там место одно интересное было — мечеть. А позиции трудно было выбирать, потому что я вижу только передний край, вижу только зеленку, а то, что за ней, — нет. Где-то в прогалах искал тропинки, по которым они ходят, и лежал, ждал, пока они появятся на этих тропинках. А тут я смотрю — мечеть с минаретом.

Я поднялся на минарет, с одной стороны вылез наружу, а там балкончик такой узенький, с которого на молитву зовут. Встал, смотрю — тропинка, и два тела по ней шло как раз. Выстрелил, одного поразил, свалил вниз, отсиделся там минут 15–20, пошел, наверх поднялся. Думаю, наружу лазить не буду, там неудобно и там окошки на ступеньках были длинные. Вылез — начал смотреть и нашел лагерь духовской. Вот прямо лагерь, где они живут. Основная масса была там.

Я смотрю, там движуха — ну, реально, до х*я народу. А мне стрелять неудобно было: сам минарет узень-

кий, винтовка длинная, и приходилось ствол высовывать аж наружу. Нашел там упор, на светильник прямо упирал винтовку, позицию занял, все. Смотрю, один выскакивает, я раз — выстрелил. Смотрю, упал. Ну я ж одного убил, ушел вниз, думаю, посижу немного, минут 20, чтобы они не отдуплились. Минут 20–30 подождал, посидел, поднимаюсь наверх, лег и смотрю — ходят. Бах — упал. Смотрю, тело к лежащему подбегает и начинает копошиться. Я сначала, честно сказать, подумал, что они его мародерят, потому что они тогда без еды сидели. Ну потом уже понял, что они ему помощь оказывают. Я еще раз выстрелил, еще одну цель поразил. Ушел вниз.

Ну а там уже как бы азарт растет, и эти промежутки ожидания стали сильно меньше. Короче, поднялся, еще одного е*нул, к нему тоже подбежало тело, я дождался, пока подбежит. Подбежало тело и упало за стопку кирпичей, я ему, короче, в задницу выстрелил. Он боком лежал, жопа торчала. Я снова съ**ался вниз, подождал минут 5. Поднимаюсь наверх и смотрю — вообще никого нет, никто не высовывается, не вылезает. Ну я стою, жду с винтовкой, наблюдаю. И вот из-за этой горы кирпичей поднимается треугольная тень, как корпус тела с головой из-за нее выходит. Ну, я прицеливаюсь — бах, упал. Опять минут 5–10 посидел, поднимаюсь, и опять никого. Я стою — жду-жду, а стоять неудобно было.

Минут 5 прошло, у меня шея затекла, я только голову отклоняю — ляп, прямо в окно! Вот, грубо говоря, где у меня голова была, прилетела пуля. Посередине минарета столб стоит, прямо в этот столб прилетело. Я быстро винтовку убираю, и пошел бой с их стороны, стрелкотня пошла.

Я быстренько это окошко проскочил, вниз выбежал, а выход на их сторону с этого минарета. Я сижу, жду-жду-жду, а они долбят минут пять, летит и в проем залетает. Я уже сижу и думаю: «Сейчас если не выскочить,

въе*ут с гранатомета. Тут и похоронят». Ну и, короче, выдохнул, выскочил на улицу. Все нормально было.

На этот минарет я не поднимался дня два, наверное, потом поднялся — смотрю, пули лежат. Видать, они периодически окошко простреливают. Ушел, еще где-то дня через три, уже под вечер, под сумерки поднимаюсь наверх и в оптику смотрю (7-кратный дальномер). Вижу, движуха идет. Ну, я на отрядника вышел:

— Движение есть, может, минометом накроем?

— Давай, х*й с ним.

Навожу туда миномет, даю координаты. Первый улетел, подкорректировал, второй тоже улетел. Дымом стреляли. Второй улетел, я даю поправку, и отрядник говорит: «Хватит дыма, давай уже осколком». И вот я прямо смотрю в оптику: стоят два человека, разговаривают, к ним третий подходит, чуть подальше четвертый стоит, и еще один х*р мимо идет. Человек пять их было. И вот я смотрю в это место в оптику, и уже сумерки, смеркается — прилетает прямо между этими двумя. И въе*ывает так, что меня аж ослепило. Я говорю:

— Есть попадание, давай два белых туда.

И потом, когда зашли на остров, нашли этот лагерь, на этом месте насчитали пять ног разных. Смотрю, кусты идут, ящики стоят, и на ящиках ножик лежит, раскладной, неплохой такой. Я ножик взял и говорю парням: «Надо командиру отдать, его работа, его трофей».

Смотрю, кусты, такие, растут, и на них разгрузка висит. А там скос небольшой, я встал, тянусь за этой разгрузкой, начинаю ее забирать, она разворачивается, а он еще в ней, в этой разгрузке, там, внутри. У него ног не было, одной руки, головы не было. А вторую руку я не видел.

Потом мы зашли в их блиндажи и там нашли М-16 с «тепляком» «Фортуной». И смотрю, «Фортуна» разъе*анная, ну я забрал, думал что-то снять, какие-то запчасти, может, понадобятся. Начал разбирать,

смотрю — попадание было мое, 338. Манлихеровское. Оно сбоку зашло, я сначала думал, осколок, а потом при разборе смотрю — пулевое. Померил — 338, и это вот как раз, скорее всего, был тот х*р, который вылезал из-за кирпичей. Там не в линзу, а чуть-чуть сбоку она вошла.

ПЕРВЫЙ ШТУРМ

— Курды хотели их выпустить, открыли шлюзы, чтобы духи смогли уйти. В ответ наши заперли духов на острове с помощью поднятия воды. С той стороны поставили один отряд, и еще один отряд пошел на штурм. Остались на острове мы и духи, 28 человек нас было. Даже была такая шутка у нас: мол, на острове сидят 28 «вагнеровцев». Когда нас туда закинули, у нас не было ни спальников, ничего. Спали на мокрой земле. Ночи были холодные — ноябрь. После первой ночи у всех появился сырой кашель. Несколько раз уже были на позициях, чтобы зачистить северную часть. Но пришлось ждать.

Как только мы начали, они же сразу подтянули силы. А там заросли, ограниченная видимость, и у них большие силы подтянуты. С левого фланга заросли, там камыши идут. В зарослях видимость плохая, и духи по этим зарослям с фланга постоянно обходят, пытаются к нам зайти. День уже к концу подходил. Думаю: надо закрепляться на рубежах неподготовленных. В ночи бесперспективно было работать. Духи пытались атаковать наши позиции, но, к счастью, беспилотник их засек. Мы там начали и из АГСов накладывать, и с крупнокалиберного. И как раз с АГСа попали хорошо: вторым залпом как раз в кучу, где они собирались. Духи после этого рассыпались и больше штурмовать наш закуток не пытались.

Сразу штурм у нас не удался, так как хорошие окопы у них были. Они не давали нам продвинуться, а мы ничем достать их не могли. Потом, когда пришли уже и посмотрели: у них там хорошие такие блиндажи были. За деревьями они выкапывали яму, там печка у них, они там спали — и ничем не достать их было.

КОМАНДИР «БАРДАКА»

— Зеленка там большая: деревья ветвистые были, все переплетено, как в джунглях, и их не пройти, а штурмовать надо, — вспоминает один из участников боя на острове. — Я был тогда на броне, командовал «Бардаком». Но на броне мы не могли идти, иначе нас сразу сожгут. Пришлось подтягиваться пехотой — прикрывали, обрабатывали с ДШК. Я с АГСа работал, рядом со мной зушка — в паре стреляли.

Видимо, тогда духи поняли, что дальше сопротивляться бесперспективно. К тому же узнали, что русские идут, и, видимо, это свою роль сыграло. Поняли, что мы их будем долбить до тех пор, пока ни одного террориста на острове не останется. Мол, русские церемониться не будут.

ПОДГОТОВКА КО ВТОРОМУ ШТУРМУ

— Пока мы через город доехали, там уже воду курды сбросили и смыли переправу, ее уже не было. Мы разместились в недостроенной больнице. И только через несколько дней забросились на остров. Так получилось, что у старшины был день рождения. Он в Дейр-эз-Зоре купил окорочка. И вот ситуация: на следующий день штурм, а мы жарим шашлык. Ночь, горит костер, маленький магнитофон у нас был, со взводом везде двигался. Играет

музыка. Пришел командир взвода, посмотрел на это все: «Парни, я через 15 минут вернусь, чтоб у вас здесь был порядок». Ну, мы шашлыки дожарили и через 15 минут навели порядок. На следующий день пошли на штурм.

АГРЕССИВНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

— Был интересный момент. Намечались переговоры с духами. Сообщили всем по радиостанциям не открывать огонь, если пойдут духи навстречу. Прошел человек по всем позициям, сказал: «Парни, сейчас будут переговоры. Увидите кого-то — не открывайте огонь». Буквально прошло минут пять, начинается отовсюду стрельба. Сначала было несколько очередей со стороны духов. Не знаю, была ли команда по радиосвязи или нет, но начали стрелять крупнокалиберные пулеметы. Мы в зеленке сидели, так в пяти метрах от нас выехал танк и начал стрелять — прям залп за залпом.

«НАС ДЕНЬГИ НЕ ИНТЕРЕСУЮТ»

— Я через переводчика дозвонился до духа одного, говорю: «Есть предложение: вы сдаетесь, мы вам сохраняем жизнь». Он в отказ. Я говорю тогда артиллеристам: «Дайте по ним снарядов 30, по острову». Ну, они дали. Перезваниваю: «Ну что, сдадитесь?», говорят: «Нет». Снова выхожу на артиллериста: «Дай еще 15 туда». Звоню снова, говорю: «Вы оттуда точно не уйдете?» Духи согласились на переговоры. Выходим, раз, выходит человек (не помню его имя, Абу какой-то), с ним два было командира. Как выяснилось, часть духов ушла на Меядин, а на острове сидят полторы тысячи. Они нам говорят:

— Отпустите, мы вам денег дадим, четыре миллиона долларов.

— Братан, нас деньги не интересуют.

— Нам надо выйти к курдам.

— Нет, к курдам вы не уйдете, даже не обсуждаем. Могу тебя отвезти обратно, и мы артой ровняем ваш остров.

В итоге начинают они сдаваться, оружие вывозят. Мы их досматриваем, первую помощь даже оказывали. Все полторы тысячи сдались.

ДЕТСКИЕ ТРУПЫ

— Мы летали над островом, вычисляли все их ходы, подземелья смотрели, вот это все. И смотрю за одним типом, он идет с ишаком. За дерево зашел, осмотрелся и начал копать под деревом. Разгрузил в яму мешки с ишака, закопал, забросал ветками и уехал. Я позвал начальника разведки, ему координаты места дал. Все, штурмовали остров, я про тот случай забыл — не до того было. Потом уехал на другое направление — встретил того начальника разведки.

— Слушай, вы тогда яму на острове раскопали?

— Ну да, раскопали.

— Так что там было?

— Дети. Порубленные. В мешках.

Твари редкостные. По словам разведчика, там останков много было, много мешков. От малышей и до подростков. Если бы я тогда не увидел, никто бы и не узнал, что эти уроды детей порубили.

ЗАЧИСТКА

— Досматривали абсолютно весь остров, полностью. От начала и до конца цепью шли. Я шел в середине своего взвода. Слева шел первый, по-моему, взвод,

справа — третий вместе со вторым. Продвигались через кусты, через все. Инженерки никакой не было. Очень много они после себя оставили «поясов смертника». Мы все нашли, все уничтожили, как положено. Еще помню, нашли там бронежилет, тоже как «пояс смертника» сделан, напичкан пластидом с поражающими элементами.

Очень много было «поясов шахида». Там дома были, мазанки, и вот, помню, на штурме заглянул в один сарайчик. Увидел флаг ИГ*, дернулся к нему, думаю: сорву, трофей будет. Полкомнаты прошел, смотрю: а под ногами целый слой «поясов шахида» навален. Думаю: ну его, этот флаг, пусть заберут те, кому он нужнее.

Когда с острова выходили духи, шли бабы с детьми, а мы туда шли, но мы их не стали трогать. Духи выходили с женами, побрились, помылись. Когда делаешь досмотр, сразу видишь — волосы везде, одежда. «Я мирный, я мирный». А видно было, что недавно огромная борода была.

Тоже видели семью мирных — мужик, баба, трое или четверо детей у них было. Он вышел с двумя на руках, и пацаненок раненый. Ну, мы пацану первую помощь оказали и сказали, что ему нужно в больницу, у него ляжка разбитая прям была. Там девка с ними беременная была, на следующую командировку мы эту девочку увидели — она говорит: «Все нормально, брат выздоровел, с ним все в порядке. Все хорошо, спасибо».

Когда заходили в тот же поселок на острове, там сидели дед с бабкой. Мы заходили, и дед говорит: «Пойдем, кое-что покажу». Зашли, и он нам показал минометы духовские — дед подтвердил, что духи ушли и минометы оставили, два ствола.

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

АТАКА ШАХИДОВ

— Между нами и четвертым взводом два «шахида» выбежали. Никто не пострадал, парня только одного контузило, и всех ошметками боевиков закидало. Ошметки были везде. Там оливковые деревья стояли метрах в ста от места подрыва, так даже на них висели. Самый большой фрагмент был — нога с бедром. Я тогда, помню, еще пошутил: «Смотрите, какая нога жирная, а говорят, что они здесь голодали, пока сидели в окружении». Ну, нога действительно казалась большой. Я только уже потом узнал, что конечность, оторванная от тела, выглядит намного больше, чем она есть на самом деле.

ДУХ В МАТРАЦЕ

— Остров весь прошли, а по ночам там холодно. Мы решили собрать по окрестным мазанкам какие-нибудь матрацы, чтоб на голой земле не спать. Разгребли их и видим: дух лежит. Ну, мы: «Руки вверх», взяли его в плен. Он не знал, что мы ищем теплые вещи, решил под матрац спрятаться и переждать. Дух сказал потом на допросе, что они на отходе пятерых оставили. Двоих «шахидов» завалили, его взяли, а двоих так и не нашли. Ну, может, решили остаться жить и в зеленке спрятались.

ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ БОЕВИКОВ

— После боев в Дейре мы в основном занимались тем, что вычищали все от присутствия боевиков. Духи там оставили старое химоружие, старые химпроизводства. Баллоны эти газовые были, хлор. На заводе «Зил»

мы находили не знаю, что, какие-то контейнеры, они разными цветами были обозначены. Внутри длинные колбы какие-то, а в них какое-то радиоактивное, химическое вещество, хрен его знает. Прямо значки стояли, но что конкретно там было, мы не знали, потому что мы это даже не трогали.

А сейчас, конечно, там ничего этого уже нет, там люди все вычистили. Ну и много кассеток* было, много взрывчатки непонятной. Двигаться особо нельзя было, по одной тропинке ходишь и ходишь, никуда, ни влево, ни вправо. Ну и жили, разумеется: дом из фанерной картонки, из бутылочки помыться. В Евфрате купаться, так вообще веревку привязали к понтону, чтобы течением не унесло. Ну и вот за веревку держишься — и обратно.

ЧАЙ С ЕВФРАТА

— Во время одного нападения, под Дейром, духи спалили один КамАЗ «такелажников», в результате чего мы остались без воды на некоторое время. Воды мало, воды не хватает. Что делать? Дошло до того, что пили воду из речки: брали чайники, возили воду, кипятили, сидели. Никто не ныл — все прекрасно понимали, какая ситуация, что нужно терпеть. С юмором, со смехом перенесли. Чай с Евфрата, нормально. Зато будет что вспомнить: кто-то ездил в Египет отдыхать, а мы пили воду из Евфрата. Не каждый это может потом повторить.

* Кассетных боеприпасов.

Глава 15. Инцидент в Хшаме

(7-8 февраля 2018 г.)

В декабре 2017 года силы «Исламского государства» потерпели военное поражение в провинции Дейр-эз-Зор и уже не могли претендовать на мировое господство террористической идеологии. Однако некоторая часть группировки все же смогла избежать заслуженного наказания. Многие из главарей радикальных исламистов переходили на сторону Соединенных Штатов: благодаря столь неожиданному пополнению проамериканские курдские формирования смогли занять обширные территории Восточной Сирии. Разменной монетой в этом вопросе стала сирийская нефть, которую боевики варварскими методами выкачивали из недр и перепродавали через Турцию на Запад — именно так американцы через сделки с террористами получили полный контроль над ключевыми нефтеносными месторождениями САР.*

В ночь с 7 на 8 февраля в районе населенного пункта Хшам на восточном берегу Евфрата произошел трагический инцидент столкновения сотрудников ЧВК «Вагнер» с авиацией международной антитеррористической коалиции во главе с США. Подразделения сирийской армии совместно с штурмовыми отрядами «вагнеровцев» должны были провести разведывательную операцию в районе газоперерабатывающего завода «Коноко», который ранее боевики «Исламского государства» сдали без боя курдским проамериканским формированиям*

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

и сохранили свои позиции на нефтяном месторождении. В результате провокации отрядов ИГ американские военные инструкторы, находившиеся на территории заводского комплекса, запросили помощь авиации против нескольких сухопутных отрядов.*

В атаке на колонну союзных сил, где находились сирийские солдаты и бойцы ЧВК «Вагнер», участвовала крупная ударная часть американских ВВС. В частности, удары наносили истребители F-15E Strike Eagle, ударные беспилотники MQ-9 Reaper, самолеты-артбатареи AC-130, ударные вертолеты AH-64 Apache, а также стратегические бомбардировщики B-52. Заблокировав колонну, американские летчики принялись выцеливать и бомбить бронетехнику, пытаясь уничтожить ехавших на броне пехотинцев. Несмотря на тяжелое положение и потери в своем составе, «вагнеровцам» все же удалось удержаться на занятых позициях.

САМЫЙ СТРАШНЫЙ БОЙ

— В январе нас привезли в Хшам, мы по всему поселку распределились и готовились к наступлению. В ночь с 7-го на 8-е построились мы в колонну на одной из улиц — никуда не выдвигались, стояли и ждали команды. И в этот момент гранатометчик, товарищ мой Саша слышит и видит, как на горизонте небо расчертили полосы и всполохи, как бенгальские они. Звучит команда пригнуться. Все ложатся, а Саша, как страус, пригибается — и у него зад торчит в сторону прилета ракеты. Мы Саше: «Саш, ну что за поза?»

Как потом оказалось, эти полосы и всполохи были работой «Апача», который долбил по артиллерии. То есть он уже работал, но мы думали, что это наши работают: нам до этого обещали, что будет поддержка «Панцирей».

Слышим, летит самолет. Мы думаем: «Это точно наши». И в этот момент от самолета пришло нам два прилета — в голову и хвост колонны. Первую машину прошило насквозь, а сзади уже успели сообразить, что происходит, и с техники спрыгнули в укрытие.

Мы все вылезли из машин, и тут началось. Сперва пошел полный прострел колонны. Длилось долго — с половины первого до четырех утра. Они не залетали за линию разграничения — за железную дорогу, которая пролегала сразу за Хшамом. Нам, честно говоря, повезло, что они работали со своей территории: если бы американцы залетели за «железку», то, наверное, никто бы оттуда не вышел живьем. Мы ушли в поселок, а они по поселку работать уже побоялись. А тот самолет, которой мы слышали, был истребитель, потому что скорость была большой. Еще был беспилотник и два «Апача».

Как мы с колонны отошли, прилетели «Апачи» и начали долбить по очереди: один работает, второй кружит вокруг, потом они меняются. Мельницей работали. Зрелище ужасное. Слева наш отряд торчит в поле, им деваться некуда. Когда мы вышли на дорогу, было еще два прилета. Видимо, один из «Апачей» нас, русских, очень любит — он-таки сработал на нашу территорию через железную дорогу, выстрелил в нашу толпу и «задвухсотил» пулеметчика, помощника пулеметчика и гранатометчика. А тех ребят, кто в поле оказались, «Апач» буквально в упор расстреливал. Это даже боем не назовешь — просто мясорубка.

У нас в колонне шел древний танк, я даже не знаю, что это за «тэшка» была. Пилот «Апача», наверное, на него посмотрел и подумал, что это памятник стоит, и не стал ракеты на него тратить. А водитель танка — молодец, машину вывел и еще помогал машине выбираться из кювета, вытаскивал ее. Хотя для вертолета танк — это первоочередная цель, но

«Апач» не стал стрелять. А вот, к примеру, Т-72 выбили сразу.

Самый страшный бой. Ничего не поделаешь.

ЗВУК САМОЛЕТА

— Поступила нам задача — занять завод, вокруг него духи вовсю крутились. Весь январь нас собирали в Хшаме, готовились. Перед началом выдвижения посидели, отоспались. Ночью нас начинают строить в колонну. Ночь безлунная, темень — хоть глаз выколи.

Вытянулись в колонну, в шесть вечера встали — стоим, тупим. Наш взвод стоял прямо в центре. Я на танке сидел Т-64, у него еще прицел был такой дебильный, итальянский. Садыки откуда-то притащили, он ни фига не работал, хотя типа дальномер. Они все пытались его починить, но никто не знал, как это сделать.

Сидим, уже темень, начали артой обмениваться — мы по ним, они по нам. В рацию проскакивает:

— Нам прилетело.

— Убитые есть?

— Нет.

— Стоим.

Сидим час, полтора, жрать уже охота. К танкистам стучусь. Я до этого танк не видел никогда, в первый раз на нем сидел. Открывается люк, я туда голову засовываю — железная банка, там три человека, морды такие, здоровые мужики, накурено, дымина валит. Как в американских фильмах про негров, которые едут и дудку свою дуют, а дым валит из всех окон. Вонища стоит:

— Мужики, есть что пожрать?

Рука из дыма высовывается, протягивает что-то типа «Сникерса» сирийского.

— Спасибо.

Хоп, закрылись — нормально у них там. Я спускаюсь, облокотился на броню, стою, смотрю. Как раз справа от завода поселок был, и оттуда пошли выходы реактивные, как «Град» работает. Только присаживаюсь — и тут как пошли прилеты, как раз где артиллерийский дивизион стоял. Присаживаюсь и говорю напарнику:

— Блин, нас по ходу «Градами» раздолбали.

Тут, короче, слышим звук самолета, наверное, даже не заходящий, не пикирующий, а скорее, наоборот — будто он уходил. Думаю: «О-о-о, наши прилетели». Там такая мысль у всех, наверное, была: раз наши прилетели, значит, сейчас всем дадим просраться. И тут как долбануло — получается, вдарили с дронов по первой машине в колонне. Скорее всего, дрон по «тепляку» работал ночью, а головная «шишига» как раз тентованная была и светилась. Потому что хотели бы влупить танк — влупили бы танк. Мы разбрелись и не так сильно привлекали, а там целая машина пехоты, — и американцы в нее ракету всадили. Потом, через какое-то время, минута-полторы, влупили в хвост, метили в Т-72. А вторая, получается, ушла в дорогу, нам фортануло. Мы сразу от танка тикать.

Скорая туда подъехала сразу — видимо, паренек на собственном энтузиазме ломанулся на «шишиге». Всех быстро в скорую грузят, скорая разворачивается — по газам, выходит из колонны. Только врубил сирену — и дрон в нее ракету всаживает на отходе. Там больше даже не осколочные повреждения — там была зажигалка. Кто в эпицентре был, тот сгорел просто. Ну, человек целый, ничего не оторвало, но то, что в уголек превращался быстро — это факт. По Т-72 вот влупили как раз, буквально через пару минут. У нас доктор туда ломанулся, думал помочь кому-нибудь, а там полыхает все, еще БК разгорается. Невозможно ни внутри, ни снаружи.

ПРОСКОЧИВШИЙ «БАРДАК» И СМЯТЫЙ «УРАЛ»

— Отходим на первую линию обороны. Сидим, думаем, что же делать. Командование дает указание отходить на вторую линию, отходим туда, со мной связист бежал с большой рацией. На вторую линию отошли, сидим под домиком. Комод такой:

— Давайте бойницы делать.

— Чем? У нас ни хр*на нет кроме стрелкотни.

— Камнями давай, забор разбираем, камнями давай ломать.

— Х*р с ним, давай.

Камнями бьем в стену — камни рассыпаются просто, глина говенная. Бойницы не получились. Как раз в этот момент мимо нас «Бардак» проскакивает. Все такие: «О-о-о, ништяк, „Бардак" проскочил». Оттого, что колонна горит, уже зарево подсвечивает, и видно, куда двигаться. Смотрим — «Урал» наш прячется между домами. А там расстояние такое — «Урал» зашел между домиков, двери чисто открыть. Ну и водила выпрыгивает, хватает свой портплед, гранатометчик, водитель, еще кто-то там был. Старшина тоже куртку сверху накидывает, и тикать от этого «Урала».

— О-о-о, Колян — красавчик, вытащил «Урал».

И только мы все такие возрадовались — бац! — прямо в этот «Урал» прилетает. Мы все на землю падаем. Поднимаемся, смотрим: да ну нах*р, как так? «Урал» даже не горит — его просто внутрь как-то сдавило. Это что такое? Это как вообще может быть? Вот рядом дома, они целые, а тут прилет чисто в «Урал».

ТЯЖЕЛО КОНТУЖЕННЫЕ

— Вертушки потом мы уже увидели, когда ушли дальше. Вышли на третью линию — там доктор на-

чал собирать людей, кто пойдет «трехсотых» вытаскивать из колонны. Мы там сидели, что-то кто-то говорил, что воздух, еще что-то. В радиосвязи официально прошло:

— Работает американская авиация, всем ныкаться, готовиться к контратаке.

Недалеко от нас снайперы проходили, два пацана. Один идет — автомат на шее висит, он идет, прямо просто смотрит. А перед ним идет чувак с этим... То ли «Манлихер», то ли «Корд», просто тащит за ремень, взял под ствол и просто тащит. Приклад по земле волочится. Он идет, и ему пох*ру на все. Голову поворачивает к нам:

— Какой взвод?

— Третий.

— Не-е, мы со второго, мы своих ищем.

И поперли дальше. Просто по башке тряхануло, они идут на своей волне, им ничего уже не надо. Они вдвоем, как привидения топают.

Потом мы отошли на третью линию и начали замечать: как только мы отходим на следующую линию, через три-четыре минуты линейку, в которой мы сидели, просто всю выжигают. Отходим, получается, по нам начинают уже долбить.

Начали «трехсотых» подтаскивать. Куда их грузить, х*р его знает: эвакуация на автомобилях невозможна, потому что машина только начинает отъезжать — ее вскрывают. Танкисты и «Бардаки» начали ныкаться по зданиям, просто протаранивали стены. В доме остановятся, потусят там минут 15–20, потом по газам, пробивают другую стену, в следующий дом заскакивают.

Нам говорят, что нужно еще дальше оттягиваться. А мы что-то прошли, и уже зарево начинается, но не видно ни хр*на. За стену падаю, нахожу более-менее укромный угол, сектор держу и думаю: «Ну сейчас нас раздолбают, пойдут зачищать же, пехота пойдет».

НАПЕРЕГОНКИ С ТАНКОМ

— Притащили одного «трехсотого», у него лицо было все покоцанное и в ногу прилетело. Там не сильно, лицо ему ободрало, местами обожгло. И с ноги у него течет, осколок прилетел в икру и по ноге так капает.

Перемотал доктор и говорит:

— Помогите оттащить.

Я подрываюсь, хватаю его под руку.

— Куда ведем?

— Там, за домом должна быть эвакуация.

Туда оттаскиваем, передаем пацанам, возвращаюсь обратно. Сел, ждем команды. Стоим. Разведка оттянулась, их там вообще всех расколошматило. Толком никого не осталось. Они там на своей движухе, их командир начинает выводить. Мы комоду и говорим:

— Ну, что делаем? Долго сидеть будем?

— Ждем команды.

Хр*н с ним. Взводник дает команду «Отходить». Начали отходить группами, назад выходим за дом — танк стоит.

— Да ну на хрен, валим отсюда.

Только отходить — он заводится и за нами едет. Мы в другую линейку заходим, а он — херакс! — и просто через забор за нами проезжает.

— Да ты чо, гонишь? Чего ты за нами едешь?

Потом, как выяснилось, механик думал, что мы ему дорогу показываем, и он за нами ехал. (*Смеется.*) Мы-то знали, что технику жгут, нужно от танка как можно дальше держаться, и потому петляли туда-сюда.

Кстати, танк, на котором мы сидели — Т-64, — он цел остался. Он остался в колонне и так и стоял, пацаны забыли рацию переключить на общий канал. Где-то через полтора часа только чухнули, что война идет. У них там своя атмосфера, у них там музыка играет, плюс он сам заведенный — все тарахтит, им вообще ни-

чего не слышно. Они давай по каналам щелкать — на всех тишина. Радиста убило — все, связи нету. Рацию перех*рачило, тоже связи нет. Ничего не происходит, никто на танкистов не выходит. Они на общий, а там вообще жесть творится. Они ничего не могут понять, в итоге люк открыли, высунули жало и увидели, что все вокруг горит, взрывается. Люк закрыли, по газам дали и вырвались оттуда. Они через два дня только выехали, где-то ныкались у поселков.

КУСОК ТРУПА

— У меня кент в разведке был, его «затрехсотило», но при этом даже не ранило — в него просто кусок трупа прилетел. Верхняя часть туловища. Сбила его с Т-72, он упал, ему отбило все органы, встать не может, камнями засыпало. Его поднимают и спрашивают про рядом лежащий кусок трупа:

— А это кто?

— Да х*р его знает. Я его в первый раз вижу.

— Наш?

— Нет, не наш.

Оттащили к скорой, загрузили — как раз другого отряда скорая подтянулась, потому что в нашей уже места не было.

Сидим мы на точке эвакуации, и тут прискакивает тип какой-то:

— Вы чего тут сидите?

— А что нам делать?

— Тут склад РАВ, бегите отсюда.

Перебегаем в другое здание, перешли метров на 150. Сидим, проходим минут 30 — и зарево начинается. Голову поворачиваем:

— Что там горит? Может, колонна, поселок загорелся?

Опять тот же самый голос:

— Вы чего тут делаете?

— В смысле? Сидим!

— Склад РАВ подожгли. Уматывать надо отсюда.

— Да етить твою мать, ты когда-нибудь хорошие новости расскажешь?

Давай оттуда тикать.

«РУКИ ПОСЕЧЕТ — ХРЕН С НИМ, ЗАТО ГОЛОВА ЦЕЛАЯ»

— Начали обходить точку эвакуации сзади, там стройка была — котлован вырытый, сваи стоят. Мы ее начали обходить по внутреннему радиусу, в котлован еще кто-нибудь постоянно норовил свалиться, под ногами земля уходит. Ну идем-идем, осталось дойти пешком до переправы — там километров шесть, наверное. Идем, тут крик:

— Воздух!

Ну воздух, значит, воздух. Падаем. Один взрыв. А я, получается, упал, у меня каска наверх задирается, лоб открыт. Я глаза поднимаю и вижу — вспышка, взрыв, вторая вспышка еще ближе. Я лежу и думаю: «Ну все, кабзда. Удачно я упал. Сейчас третья — и все в нас».

А нас всегда учили, что, когда падаешь и рядом будет взрыв, автомат вытяни перед собой. Руки посечет — ну и хр*н бы с ним, главное, чтобы голова целая, мозги на месте останутся. Я лежу, а левая нога у меня куда-то в сторону отведенная. Второй взрыв, и я эту ногу под себя подтягиваю, чтобы не попало осколком. Мне кричат:

— Ты живой?

— А что со мной будет?

И тут приходит понимание, что выстрела только два было, то есть третьего не будет. Фух, пронесло.

АДРЕНАЛИН

— В компанию я пришел в 2018 году, 12 января 2018 года я заехал в Сирийскую Арабскую Республику. Все происходило на добровольной основе, полностью осознавал, как, что и почему. Имея неплохой опыт с Донбасса. Я с 2014 года был на Донбассе, считай, почти 2,5 года я там отработал, опыт был. Соответственно, без каких-либо увечий, потерь я вышел. Самостоятельно.

Зашли в Хшам, расположились, сколько-то дней там находились — задачу уже обрисовали. Мы должны были помочь сирийскому братскому народу. Там было боевичье. Они заняли территорию, которая им не принадлежит. И сирийцы хотели оттуда боевиков выбить, но со своими силами у них плоховато — соответственно, компания пришла на помощь.

До колонны было два-три дня на обустройство. Мы тусовались, обживались, наблюдения какие-то вели: кто, что, где. Расположение вражеских позиций выявляли. Все, прозвучала команда, что этой ночью будет наступление. Сформировалась колонна в количестве трех отрядов. У каждого отряда была своя задача, и за другие отряды я ничего не скажу.

В 12:00 должны были начать движение, задача конкретно установлена. Ну и тут прилетает самолет. Наносит первых два удара, закрывает колонну*. Ну и дальше уже полетело все остальное.

Если брать информацию самих пиндосов, генерал у них выступал на официальном уровне, то самолет был F-22 Raptor. Понятно, что мы ничего не видели, только звук был. Я не скажу точно, был ли он, ну или там что-то другое. Но если отталкиваться от информации, которая есть в открытых источниках, то был F-22.

* Уничтожает первую и последнюю машину в колонне.

Он нанес всего лишь два удара и ушел. Потом начали точечными ракетами бить, точной наводкой. Не сказать, что там были «Томагавки», но что-то высокоточное было. Если бы были «Томагавки», то вообще бы мы хр*н вышли.

Дальше вроде дроны прилетели, я их, конечно, тоже конкретно не видал, они на высоте. Но когда прилетели четыре вертолета «Апач», они уже кружились по поселку, добивали технику и людей. Нам была дана команда выходить ко второй линии обороны. Вторая линия обороны у нас была Евфрат, соответственно, до Евфрата нужно было добраться. «Трехсотых» сразу эвакуировали, соответственно, все грамотно было сделано, техника какая уцелела — использовалась, какая-то извне пришла, пацанов грузили в первую очередь. «Двухсотых» уже на утро забирали.

Все, эвакуировали сначала раненых, потом уже было место сбора и эвакуации, были машины, можно было добраться туда, погрузиться на машины и уехать. Кто не успел на машины, пешком выходили, сами добирались.

— Как бы описал саму атаку?

— Как бы не сгрубить. Ну, если жестко, жопа — что тут еще сказать? Если бы у нас хотя бы простейшие ПЗРК были, старого даже там класса, 70-х годов, то мы хотя бы потягаться могли. Но тут просто неравный бой был. Все воздушное, либо до кого дотягивалась артиллерия, лупила, 120-е минометы по одному отряду били. Потом «Апач», весь в обвесах: «ночники», «тепляки», датчики движения. Ну что я там сделаю? Ну просто неравная тема. Были бы ПЗРК или что-то еще, то можно было бы потягаться.

В момент атаки я был на технике. После первого удара идет команда уйти в укрытие, покинуть колонну. Все рванули под ближайший дом — там улица шла, слева-направо дома, заборы какие-то. Сначала там заныкались. Первые две-три минуты царила растерянность, непонятка, мол, что за дела, но потом собрались. Я там с человеком был, мы по рациям вышли на командиров, подтянулись туда, где был сбор раненых, и там оказывали помощь какую-то. Ну а потом, когда раненых оттуда вывезли всех, сами сформировали три группы и по очереди выходили. И все это время пиндосы долбили по остаткам колонны.

Если честно, я так скажу: у американцев была задача — остановить. Если бы у них была задача нас до талого размотать, то вообще бы никто не вышел. Выходов из поселка мало — дорога вообще одна. Ее перекрыть «вертушкой» — и все, там бы ни одна машина вообще не вышла. У них задача была простая — остановить наступление, и они это сделали. А так да, нечестно. Ну, как нечестно — война есть война, тут никто за честность не говорит.

Компания добровольная, никто за уши никого не тянет. Тебе предложили, обосновали критерии, твои обязанности, все — выбор за тобой. Если ты выбрал уже этот путь, будь добр ему следовать, а не начинать ску-

лить. Задача была поставлена, задача могла быть выполнена, если бы не вмешались пиндосы. Если бы они не вмешались, боевикам и курдам не было бы возможности удержаться. Задача была бы выполнена на 100 %.

Героев у нас нету. Герои в армии. А у нас здесь — все взрослые мужики. Ну вот, то же 8-е число: моя игрушка уехала, на которой я играю — ПТРК «Конкурс». Свою установку я отправил на машине, а когда вернулся и пришел на пункт сбора «трехсотых», командир поставил задачу спасти остальные установки. У нас один расчет «затрехсотило» и еще один непонятно где во всей этой неразберихе потерялся. Еще две установки оставались в колонне. Соответственно, была команда вернуться в колонну и забрать установки.

Колонна вся взрывается, по ней проходят удары. Но тут не героизм решает — задачу поставили, и задачу надо выполнить. Возвращаюсь в колонну, соответственно, знаю, в каких машинах установки лежат. Одна машина горит, и установку спасти не вариант. Третью установку, то бишь другого расчета, я забрал. Под взрывами, ударами вертолетов и артиллерии. И два с половиной часа я с ней как минимум пробегал. Она бесполезная, ракет на нее нет, ну и плюс ночь. Соответственно, я ее тупо протаскал. Мог бы, так скажем, ее бросить. Она 22 килограмма примерно весит. Плюс разгрузка, автомат — и получается, на мне нормально, 35 кг веса. Я мог ее бросить, уничтожить, чтобы не досталась врагу. Ну не знаю, пока играл адреналин, веса я не чувствовал. Дотащил дотуда, докуда надо было.

Многие пацаны творили то же самое. Наблюдал картину, когда «Сапог» (СПГ) тащили. Для меня это был прикол. Сижу под каким-то забором, дроны эти летают, слышу, колеса по асфальту, по вот этой гравийке шумят. Приглядываюсь и вижу — бежит пацан, за ним «Сапог» на колесах, и он его за ручку тащит. Весь в поту, но он

«Сапог» не бросает. Матерится, как сапожник, но тащит. И таких случаев было много на тот момент. Пацаны тяжелое вооружение вытаскивали, не бросали, хотя могли. В принципе никто за это не наказал бы, не отругал, как говорится. Но все равно свое оружие пацаны не бросили — АГСы, «Утесы», все тащили. Если машина горела и успевали с нее что-то вытащить, все это тащили. Хотя вооружение даже не пригодилось. Там либо БК сгорели, либо там просто не вариант — ну что, с СПГ по вертолету стрелять, что ли? Вот такая музыка.

Был пацан с нами, танкист. С нами на штурм шли 3 или 4 танка. Один сразу сгорел, второй подбитый был, его потом забрали. А в третьем... Танкист во время всей этой х*рни завел танк, чтобы его вывести из колонны, и погнал на нем гонять по поселку. Это надо иметь реально железные яйца. Если ты один двигаешься в такой мясорубке... Вот я старался в одного продвинуться, меньше примыкать к какой-то группе; ты еще уйдешь из-под огня. А вот по группе сразу били. 5–7 человек собирается в группу — это по-любому прилет. А тут целый танк, и представь, какая это лакомая цель.

И вот танкист, короче, умудрился вывести не то что из колонны, а вообще из этого поселка свою машину — и в него ни разу не попали. Вот он в одного, без всего экипажа, чисто как мехвод, и вывел танк. Ладно я, пытался такую мелочь, как ПТРК, унести, кто-то сам пытался унестись, без всего. А этот парняга, извини меня, под этой всей свистопляской смог залезть в танк и вывести его. Это надо умудриться. Фартовый он, конечно.

ПОДЖИГАТЕЛЬ

— Я сам не попал под Хшам в феврале, я тогда в отпуске был дома, но я разговаривал с участниками тех

событий. Тогда они сказали, что все-таки, когда тебя лупят сверху, это не в бою участвовать. Ничего сделать не можешь. Не слышишь ничего. Вот парень рассказывает:

«Все, началась бомбежечка, сидим мы за укрытием, рядом с одной стороны сидит человек, с другой стороны тоже человек находится. Тут бах, хлопок, я поворачиваюсь — а у мужика полголовы нет. Меня чуть задело, с другой стороны у мужика в животе болванка торчит. Я не слышал ничего вообще. Если мины по тебе пускают, то некоторые из наших наловчились по звуку определять, с какой стороны летит мина, куда надо убежать, спрятаться. А здесь даже звука не слышно, ничего».

Была еще у участников этих событий история про мужичка, которого они до сих пор простить не могут. Из отряда товарищ один был, который спалил им всем вещи. Значит, чувак весь их скарб, все их вещи во время бомбежки загрузил на прицеп. Полный прицеп получился. Облил все бензином, в это время все прячутся, все в землю врываются, молятся, а он все вещи сгружает, весь скарб отряда, все вещи бензином облил и все поджег. Чтобы врагу не досталось.

Вот только свои вещи он, скотина, вытащил из общей кучи.

— Ты, сука, почему свои шмотки вытащил? — спрашивали его потом наши.

— Так получилось. Но я чтобы врагу не досталось.... — оправдывался мужик.

Из-за этого дурика весь отряд потом как басурмане ходили: кто в чем, кто в тапках, кто в тряпках. Они ему эту историю до сих пор вспоминают.

Когда война идет, человек становится неадекватным. Адреналин действует в двух ситуациях: бывает, просто человек коматозится, и ничего с собой поделать не может. И он готов бы что-то делать, да не может.

У него трясучка, он в ауте. А у других адреналин хлещет, мозг отключается, и начинает работать мышечная память. Вот отсюда все эти действия — перезарядка автомата, досылание патрона в патронник, ведение огня. Шмотки спалить в духе «да не доставайся же ты никому». Мозг не соображает, а вот рефлексы и мышечная память работают.

Я думаю, что это очень страшно: у нас же, когда нервничаем, что-то не получается, сталкивается с адреналином, который нам мешает. А вот другие становятся роботами. А у этого человека, который шмотки спалил, в ситуации, когда все вокруг взрывается, люди погибают, заклинило на действие — собрать скарб, облить бензином и поджечь. Но свои вещи при этом вытащить. (*Хохочет.*) Можно умереть, но, чтобы, сука, шмотки не достались врагу. Вот что у человека в голове во время этого всего? Психология войны.

В продолжение этой темы — у нас один доктор должен был поехать с этим отрядом в район завода. Но ему сказали: «Да зачем ты поедешь, ты доктор, останься на „Каракуме". А уже должен был сесть в санитарку и поехать. Но доктор все-таки остался, и так получилось, что эту санитарку как раз распидорасило. Сначала, как рассказали, в нее один снаряд влетел, ее подбросило, а второй на лету в нее бахнул. Ну и этот доктор потом все время этот момент вспоминал. Ведь случайно остался в госпитале, а должен был поехать и там погибнуть.

Глава 16. Операции в Дамаске и Хаме

(январь — апрель 2018 г.)

С 2014 года бои вокруг Дамаска в основном велись по периметру пяти крупных анклавов вооруженных группировок. Наиболее обширным и хорошо укрепленным из них считался район оазиса Восточная Гута: боевики различных исламистских формирований занимали территорию от города Дума вплоть до аэропорта Дамаска и имели связь с силами, засевшими в районе гор Восточного Каламуна. В боях за пригороды сирийской столицы — Джобар, Айн Тарма и Хараста — исламисты оказывали особенно ожесточенное сопротивление сирийской армии, в результате чего кварталы были превращены в руины, а под землей раскинулась сеть подземных катакомб, которыми пользовались антиправительственные силы. После полной и окончательной победы над силами «Исламского государства» в провинции Дейр-эз-Зор, следующим театром военных действий для сирийской армии стали оставшиеся анклавы боевиков вокруг Дамаска. В этой непростой ситуации сирийское командование и российские военные советники принимают решение о полномасштабной войсковой операции по освобождению Восточной Гуты от боевиков, которая получила наименование «Дамасская сталь».*

Помимо сил сирийского спецназа и армейских подразделений под Дамаск прибывают отряды ЧВК «Вагнер». К этому моменту, покончив с доминированием сил ИГ в Дейр-эз-Зоре, «вагнеровцы» выполняли различные задачи по поддержке наступления войск САР в провинции Хама, где сирийцы штурмовали с переменным успехом позиции*

* Организация признана террористической, и ее деятельность на территории РФ запрещена.

боевиков группировки «Джебхат ан-Нусра». Прибыв в Дамаск, отряды ЧВК «Вагнер» смогли прорваться в марте 2018 года в район города Мисраба, тем самым рассекая анклав боевиков на три части и вынуждая радикальных исламистов сдаваться.

СИРИЙЦЫ УЦЕПИЛИСЬ, КАК ЗА СОЛОМИНКУ

— Выезжал я на передний край в Думейре в 2018 году. Мы тогда рекогносцировку проводили, когда войска Сухейля освобождали Думу в феврале. На передний край выезжали при непосредственном соприкосновении с противником. Боевики стояли очень близко, и как только мы туда приехали, начались прилеты. А задача такая стояла, что мы должны были на этом рубеже, куда выезжали, закрепиться. В итоге после рекогносцировки приняли решение, что никаких там быстрых движений не будет — потихоньку, мелкими группами зашли в район, расползлись по домам и закрепились.

В течение трех суток мы выполнили задачу по занятию рубежа и, в принципе, там долго держались — месяца полтора или два. И там мы, по сути, предотвратили момент, когда оборона начала сыпаться. У сирийцев не охранялись подземные коммуникации, в итоге несколько мелких групп противника вылезли в тыл сирийцам, и оборона начала стремительно рушиться. Район этот, Восточная Гута, очень плотно застроен был, они вылезали южнее Думы, в Мисрабе. А там были очень серьезные тоннели, которые строились еще до войны, и кажется, там проходил тоннель для строительства метро. Огромный подземный тоннель, где перемещалась техника противника, вплоть до тяжелой техники. Они просто в тыл вылезли и там насовали сирийцам сильно.

Естественно, оборона вся посыпалась, сирийцы начали бежать и где-то дня три эту территорию обрат-

но возвращали. И просто потому, что наши остались между Думой и Мисрабой, сирийцы, когда отступали, вышли на наши позиции, зацепились за нас, как за соломинку, и дальше не уходили. И потом от нашей позиции пошло восстановление обороны, накапливались сирийские войска и опять восстановили утерянные позиции.

Я считаю, что любые боевые действия, где принимали участие наши сотрудники, требуют мужества, героизма и порой даже не поддаются никакому пониманию, как это происходило. Как люди, понимая, чем им это грозит, шли в бой и выполняли задачи. И примеров вообще миллион. Очень долго придется все это писать, записывать.

КРИВОЙ ПРИЛЕТ БАЛЛОНА

— Мы подходили к Гуте. Командование поехало выбирать нам позиции, где мы встанем, на каких этажах расположимся. Мы стояли на крыше, и в пяти километрах от нас прогремел взрыв, причем взрыв такой мощности был, что на себе почувствовали ударную волну. Потом ранним утром на зушку засели толпой, поехали въезжать в Гуту.

На въезде лежал мертвый сирийский военный — лежал на диване, покрытый сантиметровым слоем пыли. Въехали, долго искали себе позицию для АГСа, ходили с этажа на этаж. Первый этаж заняли сирийцы, ну не будем же мы их выгонять. Определились на втором этаже, встали. Просыпаюсь утром, а напротив меня в пяти метрах шлакоблок такой, и в него втыкается пуля. Я парням: «Пацаны, что-то нездоровое будет».

Баллоны газовые, бывало, прилетали. Но, к счастью, они не разрывались. Один баллон в угол здания прилетел, но, получается, как-то боком залетел, и реактивная

часть переламывается — тот дзинь-дзинь, потарахтел, и все.

ПОМОЩЬ ПРИБЫВАЕТ В ХАМУ

— Наш разведвзвод решили перебросить под Хаму. Нас человек 20 выехало в город. До этого мы воевали против ИГИЛ* в Дейр-эз-Зоре, а там, в Хаме, орудовала «Джебхат ан-Нусра»... Ну, «Хайят Тахрир аш-Шам»* к тому моменту уже переименовались. Они как раз наступательную операцию вели против наших союзников. А перебросить нас решили, чтобы дух моральный поднять, чтобы среди них русские были. Мол, так как сейчас Министерство обороны наше не могло туда пройти, они там сзади сидят, помогают артой, авиацией. Но вот пехоты, штурмовых взводов у них не было.

Когда первый раз прибыли в город Хама, там стояли подразделения наших Вооруженных сил. И вот они удивились от нашего внешнего вида — мол, непонятно как одеты, как душманы, бородатые. Спрашивают... А нельзя говорить. По-русски разговаривали с ними. Там кто-то попытался на арабском сказать, кто чего. Чтобы не понимали, кто мы такие. И все. У них спросили — как там на передке обстановка, уточнить. А они вообще не знают. Там солдаты стояли — снайперы, ДШБ, морская пехота. Они основ вообще не знали, говорят: «Мы на передок шесть километров не подходили». Им запрещено было это делать. Артиллерия помогает, поддержка такая.

Все мы удивились, а на следующее утро нас закрутили. Жили мы в палатках, поставили отдельно. Все побыстрому помылись, сухие пайки получили от Мин-

* Организация признана террористической и ее деятельность на территории РФ запрещена.

обороны. В отличие от наших, хорошие сухие пайки. Обрадовались, загрузились, уехали.

ДЕРЗКАЯ БМП И СПОР НА 20 БАКСОВ

— Нам показали свою позицию в первый день. На второй день или на третий, полдвенадцатого дня уже, в обед нас срывают с этих позиций, говорят — надо штурмовать... Ну, еще не штурмовать, просто: «Гоу, гоу...» — говорят. Мы не понимаем, чего они хотят-то от нас. Прошлые советники садыков, их там человек 40 в одном доме сидит. А нас всего 20 человек. И потом нам объясняют, что нам высотку надо взять, 409 метров... или 406, как-то так высота называется. И все. А время, когда подошли, уже полвторого дня. И вот в полвторого дня начинаем.

По-быстрому, за 15 минут разобрали, как откуда заходить, кто чего делает. А там перед высоткой — открытка, получается, километров пять, и без штурма вообще не пройти. БМП-«копейку» подгоняют и решили собрать по шесть человек десанта. Садимся, люк открытый — и на всех парах туда ехать. А там один такой домик, как сарай. Под него мы только могли залезть. И все, туда первая партия мчится, я в первых был как раз. Побыстрому долетели, по нам еще стрелкотня такая... ну, с автоматов постреляли. И за второй партией поехали.

Духи на высотке увидели БМП и со всего уже начали палить — из «Сапога», пулеметы крупнокалиберные по нему отрабатывают. Там на броне было ехать вообще не вариант — сразу замочат. Люки открыты были. Тот назад едет, его там со всего долбят, а мы думаем: как вторая партия должна ехать, может, по какой-то другой траектории. И все, вторые сели, по броне проскальзывают... А мы уже лежим под домиком, курим, над нами пролетает. Ну, лежим, угораем, командир взвода угорает. Наверх смотрим...

А еще командир поспорил на 20 баксов, что проедут или не проедут. С высоты. У них такие глаза, они же не знают, куда прибыли, а мы лежим, курим. Там один на изготовке... оп-оп, на нас смотрят: «Э-э-э, свои», — угораем.

Еще за третьей партией надо ехать, там БМП. И там молодой сириец, лет 15... танкист был. Прям как-то чудом привез, и все, пошло, короче. Сирийцам говорим, там человек 20 лежало, что все, пойдем, пора на штурм. А они: «Ноу-ноу», типа команды не было такой. А куда деваться? Приказ должен быть. Надо выполнять.

О НЕСПЛОЧЕННОСТИ СИРИЙЦЕВ

— В итоге пошли на штурм. Пошли уже первые раненые. Садыки идут — то «200», то «300». Через раз они умирают либо «трехсотыми» становятся. А у нас легкие такие «трехсотые». И все, половину прошли, а дальше идти не можем — там открытка в горах. Где-то 200 метров оставалось. Духи уже со всего начали по нам. И в это время к нам прилетает слева, авиабомбы скидывают — сотку. Летчики ж не знают, что мы там уже. Там такие взрывы. Потом наши пулеметы начали обрабатывать — сирийские советники. Минометчики начали обрабатывать наши горы. Они тоже не знали, что мы там. А которые с нами были садыки, не с обороны сирийской, а ополченцы от какого-то шейха, начали откатываться. Несплоченность была полная.

Штурмовали, штурмовали, уже время полпятого вечера, обратно уже не вариант бежать — нас бы тогда в спину обработали. Вдобавок к этому частично наверх зашли, в пять часов. Уже темнеет потихоньку. Духи начали уходить, и тут командир взвода кричит: «Все, отходим». Стодвадцаткой начинают поле обрабатывать, минометами. И все: и те убегают, и мы убегаем. Такой вот, короче, первый бой у меня был.

Смотались на это место уже на второй день, где-то в полшестого утра вышли. Взяли высоту, там уже «двухсотые» лежат. Мы уже без боя, получается, высоту взяли. Садыки уже поднимают боевой дух: мол, русские пришли. Они ж не знают, кто такие мы. И все, мы заваливаем.

На следующий день сирийцы пошли штурмовать соседнее село, дворов, наверное, на 20. Сирийцы шли боевым ядром, но не как мы ходим, когда распределены все, а кучей. Их за полдня всех размотали.

— *А духов сколько было?*

— Человек шесть. Там один гранатометчик выбегает, два танка он взорвал. Первый выстрел делает по танку — прям под башню ему попал. И вот так по нему стрельнул, там дым... пыль. Он из пыли выбегает и еще второй выстреливает, и прям между гусениц — между вторым и третьим звеном попадает. Как танк вспыхнул, сирийцы прям просели сразу. Нам говорят — все, штурмуйте сами. Мы-то налегке идем, не надо в гору идти — в гору тяжелее. Но нам уже команду сказали: «Стоп». Мол, вы вообще не должны штурмовать — просто должны были дух моральный поддерживать. А мы уже своим развед-

взводом, так сказать, разогнались, как обычно. Но уже от старшего команда поступила: «Не дай бог еще „трехсотые", а то вам вообще конец».

ОХОТА НА ЗАЙЦЕВ И СБОР ТРЮФЕЛЕЙ

— Должны были один укрепрайон брать. Взвод почти весь с третьего отряда перевели в шестой, чтобы на штурмы поехать в Идлиб. И все, приезжаем на Шаир, а там воды нету. Штурму дайте только. Сирийцы все окопы копали, учились нормально окопы рыть. Потом пять месяцев там пробыли, на Шаире. Грибы собирали — мы тогда в первый раз увидели настоящие трюфели.

Был даже такой случай. Мы стоим в охранении — и тут видим, идут сирийцы, кучей в 120 человек. Без оружия, гражданские. На четырех машинах их привозили в пустыню, и они прям идут, собирают эти трюфели. А мы охраняем территорию — и по логике, мы их пускать не имеем права. Пришлось отгонять. Мы потом пошли посмотреть, несколько мешков собрали трюфелей. Чисто ради интереса — посмотреть, что это такое.

Мы там еще охоту устраивали на зайцев. Мы вот с пацанами угораем. Год назад никто даже не думал об этом, что будем на зайцев охотиться в этих местах. Если бы игиловцам сказать, что русские будут охотиться в Сирии, грибы собирать — не поверили бы.

МУЖЕСТВО В КРИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

— Герои — это люди, которые в критической ситуации поступают мужественно. Вот пример — **Рыба**, пытался вытащить человека и подорвался.

Я был с командиром слева, когда нам дали команду, — взяли группу и побежали. Заняли слева от горы

прикрытие, нас там было человек пять. Потом нам поступила команда «отход», и когда я заходил туда, меня чуть не прих*рачил свой же «Урал», потому что в темноте не видно было, а я пролетел. Когда поступила команда «обратно», я побежал обратно, и меня второй раз уже чуть свои же не размотали. Там просто темно, и путаница была. Еще и по-русски во время боя меня спросили: мол, кто идет? Я встал такой, помню, думаю: «Ни х*ра себе, духи по-русски шпарят».

Ну вот там был ротный с двумя замами, он отправил нас обратно, и когда бой был жесткий, наших вытаскивали, прикрывали, потом отправили группу прикрывать справа. И вот в этой ситуации, когда уже все шло к завершению, прилетела к пацанам граната. Человек понял в критической ситуации, что это, и то ли попытался ее откинуть, то ли что, но не успел, взорвалась.

Еще случай был: когда наша группа пошла зачищать, дух встал и присоседился в цепочку. И там парнишка понял, что в цепочке идет чужой, потому что у него волосы длинные были. Он сначала подумал, что казачья папаха, а потом такой: «Да ну, нах*р, какая папаха в Сирии?»

ЧУЙКА

— Мы ночевали в поле, около суток не давали нам заехать. Сидели на нашей территории в поле, потом раз, утром, команда: «Грузимся, по машинам!» И тут среди нас парень один просто так встает, оставляет оружие, берет с собой рюкзачок — и идет в обратную сторону. Просто, молча, без слов. Народ сидел-сидел, завтракал, пока кофе разогревали на горелках, кто-то умывался, кто что. И когда прозвучала команда грузиться, он так встал, даже никому ничего не сказал (*смеется*) и просто молча пошел назад, домой. Народ ему:

— Э-э-э, ты куда? Поехали!

Но тот даже ни разу не оглянулся и так ушел. То есть у человека в последний момент что-то щелкнуло, и он даже не обернулся ни разу. Все сначала орали, орали, а потом поняли и махнули рукой. Поехали без него. Ну, у нас не принято осуждение какое-то. Если кто-то что-то чувствует, то они честно говорят:

— Парни, какая-то чуйка у меня, в эту командировку не поеду, чувствую, что-то не то.

— Да вообще не вопрос.

У нас нет такого осуждения, мол, зассал и т. д. Все всё понимают, все, кто понял, что к чему в этой работе (*смеется*), вообще на войне, никто тебе никогда ничего не скажет. Потому что у самого такое может быть. У меня вот, правда, никогда такого не было. Может, я деревянный, может, что. Ну, понятное дело, есть опасение и страх, но они такие, общие. А так, что прям нельзя ехать, не было такого.

У брата вот с командиром срабатывало, но это в Сирии был момент. Они как-то ехали по дороге, а там, недалеко от завода, не доезжая до «Каракума», две дороги,

левая и правая. Они по правой ехали, и у двоих одновременно сработала чуйка — аж друг на друга посмотрели. Такое ощущение было, как будто на них наводятся — либо целятся, либо наводят ПТУР. Они как втопили по газам. Больше они вообще не могли там ездить. Был момент, когда мы из Латакии возвращались, и они мне говорят: «Объезжай по другой дороге». (*Смеется*.) У двоих аж шерсть дыбом встала. Ну вот что-то сработало, может, какая профессиональная чуйка. Что-то есть, да.

ОПАСНЫЙ МОМЕНТ

— У нас единственный опасный момент был, когда трассу от Хамы перебили. Нам сказали, что трассу якобы захватили, вышли 2000 боевиков. Это было реально, как раз колонну нашу перерезали. А у нас на базе оставалось 80 человек, со всеми — охраной и остальными. Мы в госпитале поставили цинки, броня лежала. Как обычно, на «Каракуме» тогда осталось три калеки, медики, штабники и рота охраны по принципу: «Возраст за 60 лет и вес за 150 кг». Это признак того, что ты в тылу останешься. Вот эти все бедолаги остались, и мы со всем медсанбатом тоже.

Нам всем очень грустно было, потому что те, кто были такие более-менее воевавшие, в госпитале лежали. Эти парни сказали: «Знаете, если 2000 боевиков на нас попрут, нас хватит, бл*ть, на полчаса. Здесь ничего нет, чтобы где-то засесть. У нас нет зушек, один пулемет». И был у нас парень, который еще песню придумал про наших парней, переделал песню Гагариной. Так вот, у него маленький осколок в ляжке, миллиметров 0,5–0,7, и он хотел остаться, и когда боевиков объявили, парень сказал: «Не-не-не, у меня же осколок в ноге, мне обязательно его нужно достать». (*Смеется*.) Погрузили мы его в вертолет, раненые же должны эвакуироваться, и — шух, быстро улетел.

Вот тогда же была истерика на Т4 у сирийцев. Мы, когда туда заехали, раненых на самолете эвакуировали, так эти вояки ночью спали в ямах в бронежилетах и касках. Страшно им было.

Видели мы, как летали наши «Калибры». Они прямо над нашей головой проходили. Интересно. Прикольно. Но мы же не знали, что это они, и вот бежит штабист, а сверху пролетает ракета:

— Ракета! Ракета!

— Ну и х*ли теперь? И х*ли? (*Смеется*.)

И попали мы еще, когда американцы «Томагавки» запускали по аэродрому Шайрат. Искали мы там все себе места на базе, а там, блин, подвалов нету на «Каракуме». «Томагавками» собрались долбить. За нами канава, типа такого рва неглубокого. Искали мы себе там места. Они же даже день какой-то конкретный объявили, мы этот удар ждали, подвалов нет, все в раздумье, и тут на радийке раздается: «Бог нас любит, пацаны. Американцы спросили, где сидят русские, мол, мы туда стрелять не будем».

ФИНАЛЬНОЕ МНЕНИЕ ОБ УЧАСТИИ В СИРИЙСКОЙ ВОЙНЕ

— Сирия мне понравилась. Я всегда мечтал, что поеду туда, я к этому стремился, я шел и получил то, что хотел. И реально, я был счастлив, потому что я считаю, что у каждого мужика четыре столпа счастья. Первый — это дорога, путешествия, исследование новых территорий. Второй — это творчество, когда ты можешь что-то изобретать и творить. Третий — это битва, каждый мечтает втайне подраться, получить адреналин, а в бою ты его как раз и получаешь. Ну и женщины... Женщин здесь как бы нет, поэтому три столпа счастья из четырех здесь я получил.

ЧАСТЬ 3. ЦЕНТРАЛЬНОАФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

(с января 2018 г.)

К 2018 году ситуация в Центральноафриканской Республике накалилась до предела. Страну раздирали на части различные мелкие банды и крупные группировки радикального толка. При этом расквартированные в стране части миротворческого контингента Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в ЦАР (МИНУСКА) не могли сдержать расширения агрессии против правительства ЦАР и мирных жителей страны, а в некоторых случаях даже потворствовали случаям насилия.

Все изменилось, когда в республику в январе 2018 года прибыли первые военные инструкторы и гражданские советники из России, многие из которых уже имели опыт работы «на дальних рубежах». Бойцы ЧВК «Вагнер», которые прибыли в страну в качестве военных инструкторов и «гражданских специалистов», смогли обучить центральноафриканских военных и вывести ЦАР из глубокого кризиса.

Глава 17. Русские на берегах Убанги

В 2017 году, после провала французской миротворческой операции «Сангарис», президент ЦАР Фостен-Арканж Туадера обратился за помощью в стабилизации ситуации в стране к России. В октябре 2017 года Туадера прилетел в Сочи, где провел переговоры с министром иностранных дел РФ Сергеем Лавровым. 26 января 2018 года российский военно-транспортный самолет Ил-76 совершил первую посадку в аэропорту Банги в рамках соглашения между Россией и ЦАР об оказании военно-технической помощи.

Тогда же, в январе 2018 года, в сети появились первые фотографии российских военных инструкторов и гражданских специалистов в ЦАР. Часть из будущих инструкторов уже прошла боевые действия в Сирии, иные прибыли прямиком из России после дополнительной боевой и медицинской подготовки.

О ЦАР И ТОНКОСТЯХ МЕСТНОЙ ЖИЗНИ

— Первый раз мы заехали в ЦАР в январе 2018-го. Сначала сидели в Судане какое-то время, в Хартуме. Про нас тогда в Интернете писали какую-то ахинею — что мы якобы участвовали в геноциде суданского народа. Такого не было вообще. Мы даже в подавлении бунтов не участвовали, мы же просто помощь оказываем, военное сотрудничество налаживаем, с военными взаимодействуем. Точно так же, как и в ЦАР.

Первоначально в ЦАР мы занялись, конечно же, обучением армейского корпуса. Их армия была в очень плачевном состоянии. Можно сказать, у них армии

практически не осталось. Когда мы приехали в ЦАР, под властью президента Туадера находилось всего 15 % страны. По моим наблюдениям. Сейчас государство контролирует большую часть, стоят военные базы. И это, в первую очередь, все благодаря нам. Когда я давал ооновским пресс-секретарям в Бамбари интервью, то я ссылался на то, что мы помогаем легитимному президенту страны, который обратился за помощью к нашему президенту.

Тогда же я открыл теневую сторону МИНУСКА — миротворческого контингента ООН. Мол, вы там у себя в ООН знаете, сколько нас приехало в ЦАР (не буду озвучивать цифры), а вас здесь полный контингент, вы стоите здесь с 2013 года. Вопрос: хоть кто-то из вас, дятлов, здесь навел порядок? Я тогда перечислил то, что я конкретно знаю, что вы ооновскими бортами перевозите сексуальных рабов из лагерей беженцев, алмазы, золотишко, оружие. Они очень страшно этому были удивлены. Я говорю: «Ну вы покопайтесь получше, и на каждой ооновской базе вы найдете человека, который знает о том, что это происходит».

РЕЙС ДАМАСК — ХАРТУМ — БАНГИ

— Трудно сказать о первых впечатлениях, потому что был жесткий перелет, довольно долго туда лететь, мы ночевали еще в Судане, транзитом были в Хартуме. Нам пришлось ночевать прямо на летном поле, а рано утром самолет, туда-сюда. От Дамаска до Хартума примерно часа три лететь, примерно столько же от Хартума до Банги, столицы ЦАР. Тяжелый перелет, к тому же мы прилетели ночью, Ил суданский. Что запомнилось, при посадке колесо лопнуло, пилоты суданцы были, довольно-таки опасные ребята. (*Смеется*.)

«Урал» подъехал, рампа открылась, и мы прямо из рампы зашли в машину. Нас затентовали, и поэтому первых впечатлений особо не было, только «Урал» запомнился, затентованный наглухо, человек 30 набилось. Все начали курить сразу, и дорога была такая, тяжелая. Ночью приехали, расположились. Но было необычно — люди негроидной расы, много их, я столько их не видел сразу. В Банги приехали, и потом так же ночью мы поехали в Беренго — учебный лагерь. Я там был два месяца инструктором, и потом по базам нас начали кидать. Ну, нормально, покатался по всему ЦАР, могу сказать, что красивая страна.

«МЫ — РУССКИЕ, А НЕ ФРАНЦУЗЫ»

— База на Бриа уже начала открываться, и нас послали в первую поездку по земле — отвезти воду, продукты. Когда мы заехали за Себут, ооновцы нас тормознули и, спросив, куда мы едем, покрутили пальцем у виска.

— Куда вы едете? — говорят нам. — Мы туда ездим по 20 машин, из них 5 броневиков — и нас грабят. А вы едете на двух «Уралах»?

— У меня приказ, — отвечаю я.

Поехали туда. Доехали до первого блокпоста «Селеки», они там все нас окружили. Нас было восемь человек всего, а эти стоят вокруг, со стволами, жмутся.

— У вас бумага от нашего генерала есть? — спрашивают у нас. — О том, что вам разрешают проезд.

У меня переводчик был, **Манас**. Он был легионером, поэтому очень хорошо на французском общался. Я ему говорю:

— Спроси у старшего, ему такая бумага пойдет?

Попросил пулеметчика на крыше — передерни затвором. Тот передернул затвор, я говорю:

— Пойдет вам такая бумага?

Чувак охренел от такого поворота событий, в непонятках уставился на меня и слова выговорить не может.

— Запомни, — говорю ему, — мы — русские, а не французы. Поэтому, если вы начнете войну на этом блокпосте, то из вас живыми уже никто не уйдет. Мы до последнего здесь будем. Никто из нас не отдаст ни стволы, ни технику, ни еду. Из вас живыми никто не уйдет.

Тогда этот главный «селековец» со своими поругался и сказал: «Ну вас, русских, к черту, я с вами лучше связываться не буду».

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МИНУСКА

— Взаимоотношения с МИНУСКА были странные. Героического в них мало. Точнее — вообще ни в ком ничего нету. Кроме португальцев. Всех остальных я не считаю за солдат. Они в любой момент были готовы воткнуть нам нож в спину — постоянно, где бы мы ни были. Я строил базу в Бангасу, строил базу на Бауа, строил базу на Бакаранге, строил базу на Буаре — везде МИНУСКА вставляла нам палки в колеса. Везде приходилось пробиваться через проблемы, через отказы. С ооновцами нормально каши не сваришь.

Типичная история — они все время утверждают, что без сопровождения ООН мы не имеем права никуда ездить. Я говорю — хорошо, давайте сопровождение, мы поедем туда-то, нужно осмотреть, осмотреться, разведать и так далее. У нас приказ от руководства. А они постоянно все это затягивали. В итоге, когда я уже оброс там некоторыми связями с местными, мне начали докладывать о том, что по дороге, скажем, из Буара до Бакаранги, поставлены засады «Селеки». А информация не могла поступить из других источников, кроме как из МИНУСКА.

Но мы все равно поехали в Бакарангу — открыли там базу, прогнали бармалеев. За сутки до нашего приезда в Бакарангу боевики еще собирали с местных дань: ходили по рынку, забирали себе баб любых понравившихся, собирали деньги с коммерсантов и кошмарили населенные пункты.

ЗНАКОМСТВО С ПЕРУАНЦАМИ ИЗ МИНУСКА

— На Буаре я развернулся на полную катушку. Когда я туда приехал, база уже существовала, люди были, но она была не достроена. А я привык на месте все делать под себя — соответственно, я сделал под себя базу, вошел в контакт с местными миротворцами из МИНУСКА, вошел в контакт с губернатором, с местными коммерсами, с местным криминалом.

Почти сразу после прибытия на меня вышли местные контрабандисты. Я им отказал — они просили меня сопровождать их в зоны риска. Мол, они через границу возят товары, и просили их за бабки охранять. Теоретически такая возможность у меня была — есть транспорт, вооруженные люди. Я им отказал и предложил другую схему: у нас может быть взаимное сотрудничество, если вы будете мне помогать с информацией.

По ооновцам. Мы часто обращались за помощью к перуанцам — у нас стоматолога не было, а у перуанцев он был, единственный стоматолог на всю МИНУСКА. Я тогда познакомился с их командиром, поставил ему ящик пива и попросил о помощи со стоматологом. Он разрешил русским пользоваться их стоматологом. Я свозил всех пацанов, которые на базе у меня были, все вылечили зубы, пломбы запломбировали. Беда в том, что в ЦАР из-за местной воды зубы разваливаются. Ну и так получилось, что с перуанцами мы сдружились. Они приезжали к нам в волейбол постоянно на

базу играть. Пару раз даже у нас в бане были — им стало интересно, что это за баня у русских такая. Это что касаемо перуанцев.

Познакомились мы и с комендантом их базы — из **Бангладеш**. Дело было так: когда они делали стрельбище для МИНУСКА неподалеку от нашей базы, они просто нас попросили постоять на охране. Пацаны там постояли с разрешения руководства — просто посидели на фишке четыре дня, пока ровняли площадку для стрельбища. В итоге у нас произошло взаимодействие, и в дальнейшем мы тоже пользовались этим учебным стрельбищем. С генералом мы несколько раз общались, неплохо с ним сдружились. Благодаря этому постоянному общению я начал понимать достаточно хорошо французский, английский. Может, и не говорить, но хотя бы понимать то, что тебе говорят. Одно дело, когда ты с переводчиком говоришь, и совсем другое — когда ты постоянно с носителем общаешься сам.

Пока там были, пришлось еще санго выучить. 260 слов — больше у них я не нашел, остальное они французскими словами заменяют. Учил специально, чтобы с местными общаться. По большей части мы там занимались хозяйственной деятельностью. Ну, я человек деятельный, поэтому я занялся налаживанием контактов с разными людьми.

СОВРЕМЕННОСТЬ И КАМЕННЫЙ ВЕК

— Перед отъездом в ЦАР, еще дома, я достаточно неплохо изучил эту страну по YouTube, по статьям в Интернете. И поэтому для меня не стал неожиданностью тот факт, что в ЦАР соседствует XXI век с каменным веком. Но признаюсь — реально в жизни я видел такое впервые. Ни в Сирии, ни в Ливии такого нет. До этого по заграницам я ни разу не ездил, потому что просто некогда

было — занимался своими делами и не было желания ехать ни в Египет, ни в Турцию. А вот побывав в Африке, именно в ЦАР, я увидел это соседство — современности с каменным веком.

Народ здесь очень ленивый, на самом деле. Природные условия позволяют быть ленивыми поэтому они так и живут. Стремиться им не к чему. Плюс все еще очень чувствуется колониальная политика французов.

Жилье, приготовление пищи, методы добычи пищи. Они занимаются до сих пор охотой и собирательством. Не земледелием даже, а собирательством! Натуральный каменный век. Какие у них орудия труда? У каждого второго мотыга чуть ли не деревянная, палка-копалка.

ПОХОРОНЫ ПО-ЦАРСКИ

— Вот, спрашивается, почему у них веселые похороны? Я-то думал, что это чушь, какая-то легенда, типа как в Америке на похоронах джаз играли. А когда я увидел похороны в ЦАР, я понял, что похороны у них лучше, чем наши свадьбы.

В Бакаранге я пришел посмотреть на этот обряд. Они ставят покойника на ночь в гробу, и всю ночь 200–300 человек вокруг него пляшут, бухают, подносят ему кубок, выливают на труп вино, вискарь, пиво. Полностью гроб обставлен бутылками. Кто больше всех захотел, скажем так, выпендриться, принес дорогую бутылку вискаря за 40-50 тысяч франков, поставил ее возле гроба. И всю ночь бьют в барабаны, в тамтамы, вокруг него танцуют первобытные танцы. То есть как бы веселятся.

— А чего вы веселитесь? — спрашиваю я у одного парня местного. — У нас, в России, такой обычай, что люди скорбят, когда человек умер. Жалко.

— А у нас — наоборот. Мы все веселимся потому, что он ушел в иной мир. Там ему лучше будет. А здесь он уже отмучился.

— А сколько ж ему было?

— Сорок девять.

— Ни хрена себе! Он, получается, старше меня на 7 лет, а вы радуетесь, что он помер?

— Да, он отмучился, ты не понимаешь, ему там лучше будет!

То есть вот такое отношение. Ну и утром, когда я в полседьмого на пробежку вышел, я как раз мимо этого места пробегал. Все 200–300 тел вокруг гроба вповалку лежат, бухие в хлам. Они начали подыматься только в полдевятого, расходиться с этих похорон. Только маленькая похоронная процессия отвезла этот гроб на кладбище и закопала.

У них самое главное — это прощание. Некоторые похороны бывают такие, что они три дня бухают всей деревней — прощаются. Все приносят бухло, баранину, козлятину, жарят на месте, парят что-то, маниоку эту варят — и веселятся. Оттого, что человек сдох, ушел в мир иной.

ПРОДАЖА РАБОВ И ПРОСТИТУЦИЯ В ЦАР

— С точки зрения человека в ЦАР, белый для них — это кошелек. Соответственно, если они видят белого человека — вот, к примеру, русские приехали, белые, богатые — значит, надо им предложить раба. Я просто устал отбиваться. Постоянно предлагали продать девочку: всего за 200–300 долларов, забирай, ты будешь хозяином. С документами всеми отдадим, можешь даже в Россию увозить. Блин, у меня у самого дети того же возраста, школу уже заканчивают — понятное дело, что для меня это педофилия. А предла-

гали девочек лет 14-15. Типа забирай любую и будешь ее хозяином, нам она не нужна, кормить ее не хотим, а 200–300 долларов поправят положение семьи. Это было не только на Буаре, такое было и на Бауа, и в Бакаранге, и в Бангасу.

Я уж молчу про проституток, что они постоянно там предлагают. Если сравнить с ценами в России на проституток, то, сколько там озвучили, было и страшно, и смешно. Я пацанам рассказывал — не верили, что в ЦАР бабу можно иметь всю ночь за 200 рублей. Ну, 2 тысячи местных франков — это 200 рублей. Это нереально, никто не верит в это. А когда говоришь, что бабу можно иметь за 200 рублей всю ночь, но при этом бутылка пива у них стоит 100 рублей (1 000 франков), еще больше не верят люди. Типа, за 2 бутылки пива бабы продаются на всю ночь.

Приводили девок прямо к нашей базе, предлагали. Но, сам понимаешь, там гигиена половая просто отсутствует, везде гуляет СПИД. Ну и, конечно, останавливает моральный аспект. Например, я старался во взводе держать в основном семейных людей, потому что семейные люди более ответственно ко многим вещам относятся. Когда за спиной у тебя дети, ради которых ты зарабатываешь, и жена, ты сто раз подумаешь, совершать ли тебе какие-то проблематичные поступки, уходить ли в алкоголь, наркотики или походы по бабам.

МАНГУСТ ПО ИМЕНИ МАШКА

— В ЦАР многие заводили себе питомцев, многие шкодничали. У командира жил мангуст Машка, шкодная была зверушка. Единственные, кого она не кусала — это командир и я. Остальных кусала, местных африканцев постоянно грызла, особенно если ее немного раздраконят, если она видит кого-то в тапочках. Здо-

ровые мужики разбегались от нее, потому что кусалась сильно, прокусывала, и довольно болезненно.

Нашли Машку маленькой, притащили местные жители. Они довольно-таки часто приносят обезьянок, другую живность и продают. Ну и парни в основном берут и как питомцев заводят. Ну вот мангуст долго прожил, потом убежал на рынок. Не вернулась, а так довольно-таки долго прожила с нами, выросла. Пацаны ее маленькой взяли, выходили, потом уже уехали, а когда командир уехал, после парни, кто оставались, говорят, на рынок убежала и не вернулась. А так всю командировку с ними прошагала, месяцев 7 или даже 8, ну такая прикольная была зверушка. Другие заводили собачек или обезьян, но они ни с кем не приживались, а собаки убегали.

Машка как-то нашла змеиную кладку, там такие червяки еще были, видно, только выползли, их растрепала. А так, чтобы со взрослой, с большой змеей расправилась — не видел. Ну и местные стараются и траву косить в местах, где живут, и землю вытоптать. Во многих поселениях они не то что траву, они вместе с землей, с дерном ее снимают, чтобы была голая земля и змеи не водились.

ОТСУТСТВИЕ МЕДИЦИНЫ

— Что самое дикое и запоминающееся в ЦАР?

— Наверное, негры-альбиносы. У них светлая кожа, светлые глаза, прямо светлые, светло-голубые или светло-серые, конопушки, веснушки, рыжие волосы. Ну то есть негр, но только он светлый прямо. Кожа светлая, а так, да — те же губы, тот же нос, кожа белая, и смотришь, среди всех, но жутковато, честно говоря.

А так, ну люди там на самом деле гораздо проще, добрые по-своему. Нет вот этой хитрости, как у арабов.

Они как дети, наивные. Вот это, наверное, запомнилось. Относишься как-то добродушнее к ним, что ли.

Очень много болезней, медицина у них, грубо говоря, не развита вообще, антисанитария. Даже когда мы стояли при госпиталях, там бывали случаи. Ну, вот, была молодая девушка, ей еще двадцати не было, пришла — у нее на пальце был небольшой порез, его обработали, перемотали, забинтовали и сказали, чтобы она через два дня пришла на перевязку. Она не пришла, она пришла недели через две, когда палец надо было уже ампутировать, когда пошло заражение. Доктор ампутировал ей палец. А все потому, что она пошла не к нему на перевязку, а к местному шаману. И, естественно, шаман ей наплел, что не надо к белым демонам ходить. И у них очень много таких случаев, когда сначала обращаются к шаману, а когда уже магия не помогает, и все сильно запускается, причем из-за пустяковых случаев, обращаются к нашим докторам. Когда уже поздно. Ну вообще печально, когда с детьми так.

Их взаимоотношения в обществе — это тоже что-то с чем-то. Отношение к жизни само по себе иное. Они много рожают, потому что много и очень быстро умирают. Это у них отношение такое к жизни и смерти. Они так относятся ко всем другим, к окружающим людям. Для них смерть — это, наоборот, избавление от тягот и лишений этого мира.

Малярия тоже оставила впечатление, первые разы жесткие были, прям реально жесткие. Думал, что отъеду там же, но ничего, вылечился. Была температура, лихорадка, озноб жесткий. Но я еще нормально перенес, потому что некоторым людям было гораздо тяжелее. За все время работы в ЦАР я болел малярией больше 10 раз, а потом я уже не считал. Оно потом просто как грипп какой-то переносится. Просто чувствуешь недомогание, пьешь таблетки, и все. Полежал, отдохнул и дальше работаешь.

ИСТОРИЯ О ЖЕНСКОМ ТРУДЕ

— У них, наверное, только женщины работают. Смотришь — и хозяйство, и дети на них, они стараются заработать, в отличие от мужчин. Для нас это было дико, а у них это нормально.

— *А чем у них мужики занимаются?*

— Да ничем — сидят, в носу ковыряются. Ну, просто сидят, кто-то чаек гоняет, кто-то кофеек, а работают в основном женщины. За нашей базой местные домики восстанавливали для администрации, и вот такую работу там — принести цемент, замесить его, поднести — делают девушки. Мужик стоит и штукатурит, а девки ему тяжести подносят. Мы ему объясняем, что должно быть наоборот, а он смотрит непонимающими глазами — типа это мы дебилы, а не он.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ЦАР

— ЦАР — дикая страна. Наш взвод там показал им нашу культуру, русскую, так, что местное население нас любило больше чем FACA, ООН и прочих. Когда Новый год отмечали, нам дали разрешение по одной ракетнице в воздух пустить, типа как салют, и один магазин трассеров. Ооновцы испугались, прибежали: «Урусы, у вас тут что, бой?», а местные нас окружили и радостные вокруг нас плясали. Такое вот отношение. Только мы себе могли такое позволить.

Маляркой болели много... На улице +50 жары, а малярка до 40 тебя «греет». Лежишь в спальнике, потеешь, тебе холодно. У некоторых был иммунитет, а кто-то выходил в туалет и прям там сознание терял, обратно уже заносили. Но через три месяца чувствовали себя как будто там и родились. Уже и змей ели, жарили с лучком, на вкус, как рыба минтай. Местное население помога-

ло. Когда на Новый год нам подарки давали, мы конфеты ребятишками местным раздавали. Ехали за водой — им сразу надо было стираться, выходили, чтобы на нас посмотреть. Мы им бутылки пустые отдавали, им нужны были. Они нас уважали, только попросишь о помощи — делают. И мы их тоже уважали: например, если у них праздник на всю улицу, а мы едем, останавливались, не сигналили им, а наоборот, в знак уважения ждали, любовались их парадом. А факавцы в таких ситуациях сигналили и разгоняли. Так что мы показывали свою культуру.

Или вот пример. Мы за водой едем, а у них похороны. Мы метров на сто отстаем, скорость снижаем, даем людям закончить свою церемонию, маршрут. Так показали им, что мы добрые, готовы помочь. Девчонки там в третьем классе две учились, у них в семье семь детей было, еды всем не хватало. Ну, мы с напарником звали их всегда к себе кушать. Сажали к себе за стол. Для армейцев местных это было непонятно — мол, как белый может местных детей с собой за один стол сажать?

Был мальчик один маленький, мы его называли Тайсон. Встретили, он грязный, одежда рваная вся. Взяли его, пошли на рынок, одели в спортивный костюм. Или, когда самим стирать лень было, привозили вещи местным, платили им тысячу местных франков. Это у них зарплата за полный рабочий день, а тут они за час зарабатывали столько. А когда стали уезжать, они, когда узнали, плакали. Мы же как ни придем, то с шоколадкой, то с консервами, понимали, что им тяжело, помогали, с уважением относились. Так что прощались они с нами со слезами на глазах. Вот этим мне ЦАР запомнилась.

Глава 18. Как обучить африканских солдат

Для работы российских инструкторов с подопечными из числа Вооруженных сил ЦАР правительство передало в ведение специалистов дворец Беренго — бывшую резиденцию президента и императора ЦАР Жан-Беделя Бокассы. После того как дворец Беренго был передан российским инструкторам, на территории комплекса был разбит палаточный лагерь, вскоре были выстроены отдельные зоны под полигоны и тренировочные площадки.

Российские инструкторы обучили подразделения правительственной армии тактике, навыкам владения оружием и стратегии — и результаты не заставили себя долго ждать. Первый выпуск подготовленных российскими военспецами бойцов Центральноафриканской армии прошел 31 марта 2018 года — церемония окончания обучения первого контингента в 200 человек прошла в присутствии президента ЦАР Фостен-Арканжа Туадера.

РАБОТА УЧЕБНОГО ЦЕНТРА

— В январе 2018-го была заведена первая группа, и уже началась работа по развертыванию учебного центра подготовки местных военнослужащих. Была разработана программа, подготовка кадров длилась два месяца. По соглашению с минобороны ЦАР был обговорен момент, что местные военнослужащие, вне зависимости от того, сколько они уже проходили службу, проходят подготовку и получают сертификат. И этот сертификат в дальнейшем открывает для них перспективы на продолжение службы в армии.

Я попал во второй поток, то есть в июне заходил туда. Я работал там две командировки, в этом центре. В процессе наша работа и работа центра постоянно совершенствовались. По факту это делалось на базе энтузиазма некоторых, очень подготовленных людей в компании. Это люди с выдающимися организаторскими способностями, которые просто с нуля, из ничего делали базу подготовки. На базе центра в период два месяца проходило каждый раз порядка четырехсот человек.

ПРО ОБУЧЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

— Люди не умеют ни писать, ни читать, не имеют никакого начального образования даже для элементарных вычислений по топографии. И задача была их обучить, дать им какое-то представление. Проходила подготовка по общевойсковому бою, по наступлению, обороне, проводились стрельбы. Сначала это была одиночная подготовка по общим вопросам, то есть огневой

подготовки, тактической подготовки, азы топографии давались, и с офицерами проводилась командирская подготовка.

Также дополнительно занимались со специалистами по всем направлениям, в том числе инженерной подготовке, саперы проводили занятия. Для подготовки командного состава был разработан план, который также включал всю специфику управления, организации повседневной жизнедеятельности военнослужащих.

О ЖЕНЩИНАХ И БОРЬБЕ С НЕУСТАВНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

— За основу была взята наша армия, никто ничего не придумывал: так же учили, так же воспитывали, так же вначале определяли все моменты, потому что есть нюансы, которые в наших армиях отличаются.

Например, у них проходят службу женщины. На фоне этого на начальном этапе внимание было уделено дисциплине, потому что там было серьезное ущемление прав. Пример: женщины стирают носки офицерам, все продовольствие содержалось у нас на базе и так же им выделялось — раз в декаду определенное количество круп, мясо, вода и остальное. Именно последствия того, как они до этого существовали в своей армии, отразились на базе работы уже в инструкторском центре. Мы им даем — тут же это все уходит в личном плане на реализацию каких-то моментов. То есть ему дали воды, он не будет использовать, он ее лучше продаст и купит себе кроссовки, потому что ходит в дырявых. И на фоне этого были проблемы и с вещевым обеспечением (эти попытки пресекались), отношения грубые с женщинами и попытки их использовать не как военнослужащих, а как рабочую силу.

Дошло до того, что каждую новую партию мы сразу инструктировали о порядке прохождения учебы в инструкторском центре. Если кто-то будет замечен во всем этом (вне зависимости, солдат это или офицер), будет сразу исключен из учебного центра. Таким образом, все эти попытки пресекались. Это подействовало, как я раньше говорил, мы всегда улучшали работу центра.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

— Было много интересных моментов. На самом деле с местными было очень интересно работать. Еще национальные особенности: основной язык французский, но тем не менее большая часть говорит на своем родовом диалекте — санго, который немногословен. То есть одно слово может означать сразу в разном контексте несколько слов: сразу же и «удар», и «выстрел», и «атака», грубо говоря. Был такой момент в учебном центре: по результатам обучения, в конце проводились показательные выступления. Приезжало руководство различных западных аналитиков, наблюдателей, спецслужб — не будем скрывать. В том числе и президент ЦАР, его свита. Там порядка 140 машин на базу заезжало, проводились показательные выступления, которые включали в себя тактические моменты, захваты, освобождения, засады, подрывные работы. И в заключение все это завершалось элементами рукопашного боя. Отыгрывался сценарий.

В чем был прикол, от которого мы не могли уйти — это то, что они все равно от каких-то своих национальных элементов не могут отказаться. Был момент: парень большой в подразделении у них, ну он огромный, под два метра. Мы его между собой Банан называли. Короче, по замыслу, он идет, на него идут три человека, цепляются плечом, после чего он не разворачива-

ется. Один из троих просто ломает ему палку о спину, он разворачивается, одного бьет с головы, потом поднимает его, бросает в его подбегающих товарищей. Один пытается уползти, он подтягивает, хватает и добивающим ударом добивает. Ну вот такой был сценарий. В момент непосредственного выступления он там выдал такую самодеятельность: в тот момент, когда он схватил типа, которого тащил, он, как обезьяна, себя по груди побил. Этого нельзя было предусмотреть, да и в плане этого не было. Но! Я заметил именно такие желания у них — показать это все, их национальную напыщенность.

У нас было так. Есть в некоторых подразделениях специального назначения обязательные показательные выступления: люди садятся в круг, в определенный момент первые два человека встали и пошли по кругу работать друг с другом. Отыграли, разбежались, следующие из круга встали в центр. У них в это все добавлялись различные элементы отсебятины: смотри мне в глаза, иди сюда, резкие движения какие-то, манипуляции, жестикуляции постоянные. Ну, вот такие своеобразные моменты.

ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР

— По поводу самой работы с ними. Мы, конечно, старались их языком пользоваться, французский где-то учить на элементарном уровне, чтобы понять, чтобы знать, как по должностям их называть. У нас был один переводчик на 400 человек. Частично приходилось их русскому учить, основам: стреляй, не стреляй, прекратить огонь, лежа к бою. Они очень хорошо обучаемы, у них хорошая память.

Как мы компенсировали нагрузку от того, что переводчика, по сути, не было? Мы выпустили роту,

и десять лучших человек из нее взяли. И именно этих десять человек мы оставили на базе в качестве инструкторов при взводах. Они же уже лучше понимают русских, какие-то отдельные моменты. И через год за 6–7 выпусков, которые я провел, эти десять человек уже фактически заменяли полностью инструкторов. Если мы проводили какие-то инструкторско-методические занятия, готовились к занятиям, определяли план, как мы будем работать, фактически от инструктора зависело просто распределение того, как будут организованы учебные точки. На этих точках выставляют этих самых инструкторов. Грубо говоря, они уже все понимают, все знают и уже сами прошли обучение, они уже несколько выпусков провели, через них было проще работать.

Ну и были прикольные моменты, потому что они русский язык чуть-чуть ухватывают, но в то же время немного искажают на свой манер. Помощника гранатометчика, когда группы двигаются в составе элементов боевого порядка, они называли «помущька». Отработка действий на поле боя, когда подаются команды «Красный», «Зеленый, «Держу — пошел» — у них это выглядело примерно так: «Дерзю — посел! Зелений. Классьный».

КАК ФРАНЦУЗЫ СОЧИНЯЛИ ФЕЙКИ О РУССКИХ В ЦАР

— Не стоит забывать, что там куча политических моментов. Это бывшая французская колония, и там куча французов, там есть газеты типа «La Democratie», которые постоянно пытаются лить всякую грязь на присутствие русских. Они просто придумывают истории: русские вторглись в какие-то владения, изнасиловали всю семью, убили мужа. Они такие истории просто из ниче-

го придумывают, чтобы подорвать авторитет. На тот момент президент Туадера обратился к России с просьбой о помощи — и под это обращение была введена вся эта инструкторская подготовка, она была поставлена после запроса о помощи правительства.

КАК ГОТОВИЛАСЬ ЭЛИТА АРМИИ ЦАР

— Наши инструкторы работали нормально, очень достойно обучали, но проблема главная была в том, что местные армейцы были вообще никакие. Просто нулевой у них уровень подготовки, пока наши парни не начали их обучать. До этого их обучали французы, обучили только маршировать и воинское приветствие отдавать. Их больше ничему не учили, просто не выгодно было. И после того как перед выпуском мы провели показательные выступления (приехал президент, вот эти все представители, дипломаты, депутаты), они были в шоке от того, как были подготовлены их военнослужащие. Мы там начали поднимать, обучать именно военному делу, что им необходимо для обороны и защиты своей страны.

На «показухах» мы проводили стрельбы с холостыми, взрывы красочные делали — взрывали вышки, заборы. Отыгрывали захват машины, рукопашный бой. Негры ломали кирпичи руками. Там просто визжали все. Туда приходила публика, и там у них был праздник, — считай, у всего народа самооценка поднялась. И у них считалось, что те, кто проходил обучение в нашей инструкторской школе, это элита армии. Всех остальных они не воспринимали. Особенно тех, кто обучался у французов и западных спецов, они считались ниже по уровню подготовки. А выпускники именно нашей инструкторской школы, кстати, хотели приехать к нам в Россию, дальше обучаться. У них по-

вышался социальный уровень, заработная плата, начинался карьерный рост.

Кто плохо обучался, у нас были отчисления, они прямо цеплялись, плакали, потому что если их отчисляли, для них это был шок. Но были такие ребята, которые отставали в обучении. Ну никак им невозможно было объяснить.

Мы также проводили медосмотр при поступлении и сразу отчисляли людей со всеми язвами. А там очень много больных было: антисанитария. Венерически заразных мы тоже сразу убирали из лагеря. У них уже был шок. Потом уже начинали физо. Местные, хоть и терпеливые, но в плане физо против европейца они не могут. Подтягиваться они вообще не умеют, отжиматься тоже.

Суеверия у них еще очень развиты. Например, инцидент был на базе. Мой товарищ как раз отвечал за взаимодействие с ними. Они очень боятся хамелеонов. Суеверие в том, что, если посмотришь в глаза хамелеону, то умрешь. Типа в хамелеонов вселяются души шаманов. Так наш товарищ, чтобы их поднять с утра, брал хамелеона и заходил с ним в казарму. Через пять секунд в койках никого нет — аж в двери-окна повыпрыгивали.

«УГОЛЬКИ» И БОЛЕЗНИ

— Мы наших подопечных между собой ласково называли «угольки», чтобы понимание было. И вот с ними было интересно работать. Конечно, бедность бьет в глаза, такого больше нигде не увидишь. А иногда тебе нужно по служебной необходимости съездить в Банги. Едешь — и стоит местное население, просто показывает тебе, мол, дай что-нибудь поесть. Там без слез смотреть нельзя, как люди живут. Даже когда в центр заезжают

люди, которые служат в армии по 20–30 лет, и проводится медосмотр, там куча заболеваний, там даже был замечен и брюшной тиф. У них у всех при наружном осмотре выявляются опухоли, какие-то шишки непонятного происхождения. Там же много бактериальных болезней, кишечных.

Дело даже не в том, что в этих местах водится сонная муха или мангровая муха, которые просто могут навредить здоровью. Там на самом деле куча болезней, которые могут тебя убить. Я, когда ездил в командировки, начал медицинскую литературу изучать. Там столько болезней, что может ударить по любым органам. И пацанам, которые до этого где-то работали, у которых ранения были, им хуже всего приходилось. Все бьет обычно по самым слабым местам. И малярия, и все остальные особенности тропического климата. Если где-то кто-то какими-то моментами страдал, то в ЦАР это все в два-три раза сильнее било по здоровью.

ОХОТА НА ЗМЕЮ

— Местные жители в ЦАР — опасные люди. Но опасные не потому, что воины хорошие, а потому, что могут стрелять не туда. Когда мы на базах стояли, я заметил, что местные очень сильно пьют. Нам запретили их вообще трогать, оказывать на них сильное физическое воздействие, но при этом слова на них не действовали. Приходилось мириться с этим: живут и живут, что хотят, то пусть и делают. Запомнилось, как они танцуют. Вот в Бриа были, какому-то их генералу давали звание. Съехались ооновцы, нас пригласили тоже, и вот местные устроили свои национальные пляски. Было довольно эффектно. Они там кругами ходили, что-то наподобие лезгинки исполняли, чисто на африканский манер.

Змей они тоже не любят, боятся. Был день, когда мы обучали местных тактике, и они увидели на дереве змею. И они прямо всем взводом как давай камни, палки, чуть ли уже не каски с бронежилетами и автоматами кидать в эту змею. Сбили, не знаю, как у них это получилось, она упала, и они гурьбой напали на нее, забили ее, ничего не осталось.

ИНСТРУКТОР НИНДЗЯ

— Тоже есть свои кадры и исполнители. У меня был помощник-инструктор из прошедших курс армейцев, мы называли его Ниндзя, потому что у него фамилия такая, на ниндзю похожая на нашем языке. Хороший вообще парень, он из самого первого призыва, а он был самый жесткий: они в бронежилетах нормальных ходили, в касках, мы тогда строго к этому относились. И первый призыв больше понимали, больше знали. И потом уже, на второй выпуск нам сказали:

— Оставьте людей, которые материал выучили хорошо, чтобы они вам в дальнейшем помогали.

Все-таки было сложно, языковой барьер, у тебя уже у самого голова была больная — каждому объясни. Они ведь как будто оружия боятся, воняли безумно — у них свой запах какой-то необычный. Но для них, наверное, это запах, а для нас это вонь страшная. Я, например, вообще не мог переносить, сразу тошнить начинало. Долго привыкал.

О ЖЕНЩИНАХ В АРМИИ И РАЦИОНЕ ПИТАНИЯ

— Девушки себя показывали по-разному. Да, и женщины приходили, но у тех со временем начинали болеть то руки, то ноги, то голова, и их быстро отсе-

ивали. Девушки были такие, что с автоматами бегали. Помню, помощница пулеметчика одна была, с коробами бегала — гром-баба. У них это нормально, что женщина бок о бок с мужиками работает. Причем, что самое интересное, они в одной палатке все спят, моются вместе, это потом их уже разделили. Были здоровые, мускулистые парни, но они были слабые, у них нет выносливости. Мне кажется, это из-за питания: они же не жрут нормально. Что им эта маниока даст? Если бы их кормили мясом, как положено, мне кажется, они бы были более выносливы. А так это слабаки. Они всегда говорили:

— Вот мы у вас, у русских, находимся, тут кормят хорошо. Сейчас уедем к себе в часть, там кормить будут плохо.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ

— В ЦАР наша задача состояла в обучении местных военных и жандармов. На тот момент президент контролировал только столицу, и то не полностью — был бандитский квартал на пятом километре в Банги, он никак не мог его утихомирить. За полтора года нашего пребывания в Африке президент расширил свое влияние, у него стоят армейские базы, которые работают полноценно и самостоятельно. Они перестали бояться бандитов, которые вдвоем могли заехать на мотоцикле, пострелять в селе и всех разогнать. Сейчас военные с боевиками воюют, убивают и берут даже в плен. Армия получила какой-то толчок — им объясняли, что нужно воевать, а не бояться. Они как бы поняли это, сейчас они более-менее пришли к тому, что у них есть армия.

Нам, когда мы заходили, говорили, что контракт был заключен на год. Но Россия до сих пор там находится,

и это уже показатель. Мое мнение: после ЦАР многие африканские страны тоже хотят заключить с нами договор на обучение своей армии или по другой направленности.

О ВЛИЯНИИ РУССКИХ ИНСТРУКТОРОВ В АФРИКЕ

— Вообще тот факт, что мы заехали в Африку, это большой политический шаг. Приезжали к нам дипломаты близлежащих стран, послы, смотрели на все наше обучение — и хотели, чтобы русские обучали и их бойцов. Очень много завели полезных знакомств. Мы-то народ военный, мы не знаем всю политическую кухню, но наши дипломаты были очень довольны, что с нашей помощью это все было сделано.

Сам президент ЦАР окреп в глазах народа. И вообще, мы нужное дело сделали. Думаю, нужно продолжать. Советский Союз как ушел из Африки, больше там ничего не было. И мы, грубо говоря, стали первой ласточкой возвращения России в этот регион. Понеслось ведь потом потихонечку — были подписаны договоры, состоялся саммит «Россия — Африка». 49 стран подписали различные соглашения с Россией. Россия возвращается на позиции Советского Союза, а ведь СССР тогда по Африке держал очень сильно.

Глава 19. Нет дыма без огня

Долгое время обстановка в ЦАР оставалась сложной и слабо подконтрольной правительству. Расквартированные в стране миротворцы ООН не могли остановить разгул насилия и бандитизма. С проявлениями агрессии сталкивались и сами российские инструкторы. По воспоминаниям специалистов, россиянам иногда приходилось применять другие меры воздействия на боевиков, в том числе силовые.

Однако уже к концу лета 2018 года ситуация в стране начала разительно меняться. Подготовленные российскими специалистами солдаты Вооруженных сил ЦАР в условиях страны стали инструментом, способным заставить вооруженные группировки считаться с мнением правительства. В результате значительная часть группировок при посредничестве ЧВК «Вагнер» смогла договориться с законными властями ЦАР об установлении прочного мира на всей территории страны.

ПОД ОБСТРЕЛОМ

— В ЦАР я был два раза, первая командировка длилась пять месяцев, вторая — восемь. Были тоже там моменты, нет-нет да постреливали. Мы там госпиталь охраняли, и был момент, когда две банды вступили в борьбу друг с другом, а мы посередине. Они стреляют, а над нами все свистит. У нас команда не стрелять, потому что беженцы, колонна машин. Мы в центре поселка прямо стояли, и вот там такой плотный огонь открывали непонятно куда. Мы в окопах сидим, и над нами прямо

свистят пули, ждем команды от старшего, все дела. Думали, придется вступить в бой, но обошлось.

Потом тоже колонной шли, и нас начали обстреливать. Была задача отправить колонну с продуктами, с медикаментами на самую крайнюю точку — из Брии на Уаду. Вот мы с Брии едем, сопровождаем машины до реки, отправляем их. Все — дальше они сами, на двух машинах. И где-то в 50 километрах после переправы их какой-то одиночный стрелок обстреливает, одна пуля попадает в дверь, попадает водителю в левую руку, вылетает и попадает еще пассажиру в руку. То есть одной пулей двоих ранило. И вот мы едем уже на обратном пути, смотрим, а мы уже километров 20 проехали, и вот едем-едем и видим, как наш «Урал» движется нам навстречу. Раз, пацаны кричат:

— Давайте, там нападение.

Туда-сюда, мы разворачиваемся, едем, а мы находились постоянно в пространстве между кабиной и кузовом — на открытой площадке настилы делали. Мы едем, и там паренек говорит:

— Я так никогда не ездил.

Я сел на ящик с запчастями, и он так прокатил нас, что машину люто заносило. Мы на горках подпрыгивали. Я думал, поседею от такого заезда, от этих 20 километров. Ну все, они сами переправились, и больше обстрелов не было. Все обошлось, все живы-здоровы.

Там речка была, от нашей базы к другой базе протекала, и надо было ее форсировать. «Уралы» переправляли на здоровом понтоне, по одной машине. Местные с помощью палок гребут, отталкиваются от дна. И вот в один прекрасный момент ребята ехали в базы: ротация вроде, или они снимались полностью. Мы приехали их встретить на другом берегу, а местные отказались переправлять их. Ну, что делать, пришлось самим брать шесты, становиться на понтон и грести по этой речке, переправлять наши «Уралы». И это, я вам скажу, нелегкое дело. Ну ладно, переправили.

5-Й КИЛОМЕТР

— Помню, как первый раз увидели негров. Везде беднота, все босиком ходят. У детей ни одной игрушки не увидел за все это время, кстати. Потом уже второй командир повез сандалики, игрушки. Жене сказал: «Давай, там вообще нищета. Просто невозможно, как люди живут». И вот сандалики привез, игрушки детям.

Местные нормально встречали, но мы поняли, что у них подготовка нулевая. Вообще нулевая — они первый раз оружие увидели и первый раз его держали в руках. Там некоторые даже с копьями стоят на некоторых КПП. Вместо шлагбаума — бамбуковая палка такая большая. И воин стоит с копьем.

Мы задачи выполняли разные. Один раз местные боевики церковь большую подорвали в воскресенье, во время их мессы. Человек 30 погибло в этой церкви. Нам, соответственно, парни из правительства передали задачу — нашим инструкторам и местным жандармам — провести зачистку на пятом километре. Это было особое место. Там мусульмане жили, и никто туда не мог попасть, ни ООН, ни военные.

Четыре дня подходили что-то, не могли зайти туда. Потом **Борис Борисыч** ставит задачу — стоять и ждать, каждый день. Мы стоим. И вот в один прекрасный день что-то на пятом километре зашевелилось. Сначала сходили на разведку трое. С бесшумного командир взвода и командир отделения одного-двух бандосов отработали. Отошли, сказали — их там много.

Мы начали там с беспилотников проводить разведку местности. В течение недели разведку проводили. Обстановку поняли. Каждый куст там изучили. Потому что новый район, еще ночью идти там. Смотрим, а у них на постах перед районом усиление каждый день. Приходит все больше и больше сил местного сопротивления.

Борис Борисыч говорит: «Выезжай, разведвзвод идет». А сзади нас уже, получается, жандармы должны были пойти. Короче, мы в час приехали, а тут прикол такой получился. На «Урале» мост сломался, и его закрепить нужно было железной цепью. Средний мост был. И водитель говорит: «Если он упадет, цепь упадет, и мы все разобьемся». Колеса нету, «Урал» на цепи, на задачу едем на таком «Урале».

Доезжаем, там распределяемся по-быстрому. Раскидались за пять минут по позициям, заново опять задачу каждому раскидал. Из ООН вообще нас не видели. И, получается, наше второе отделение справа пошло. Мы начали бой, потихоньку идем, идем, идем... а впереди большой такой камень стоит. Я почти в упор дошел, метров пять оставалось, смотрю с «ночника», а из-за камня какой-то бандос выходит и фонарем в нашу сторону машет. Мы со вторым номером — он рядом шел, в тепловизор смотрел — в упор этого гада сняли бесшумником, почти одновременно выстрелили.

Тут, видимо, просекли остальные, что на них идут, и начался плотный бой. Наш пулеметчик начал работать, у нас там полчаса активного боя было. Я по ним огонь веду, а сам вправо отбегаю, три гранаты кинул туда, где скопление было.

Слышим — первое отделение начало работать. Мы дошли до дома и даем команду жандармерии — все, мол, штурмуйте. Они с собой там лестницу таскали, метра 3-4, хотя через забор там перелезть проще простого. Они должны были штурмовать, короче, но они так и не поднялись. Просто тупо лежали — и все. Наши встали, пинают их, а они не встают на штурм. Попробовали припугнуть, в воздух пальнули пару раз — нет, испугались, короче. А мы не должны были идти внутрь по задаче — штурмовать должны были жандармы. Они сначала злились: мол, почему русские первыми должны в район заходить, а не мы? А как дело до штурма дошло — залегли.

В итоге бой длился в общей сложности час. У нас запрещено было с миномета отрабатывать — только стрелкотня, пулемет и гранаты, крупное нельзя было. Короче, бандиты просто заблокировались в домах. У негров там нормально народу погибло. Понимаешь, мы-то свою задачу выполнили, в район вошли — дальше они сами должны были. В итоге ничего не взяли. Но если бы нам сказали, что нужно взять боем — мы бы взяли спокойно. Там у них дома небольшие. К примеру: двухэтажный дом, глиняный. Не как здесь цивилизованные обычные дома. Мы просто могли сжечь этот дом, крышу — там соломенки. И все. Нам сказали: все, сворачивайтесь на базу.

— *«Трехсотых» много было?*

— У нас? С «трехсотыми» интересно было. В разведвзводе не было, а вот в жандармерии, которые за нами должны были идти... Мы, получается, первая линия, а они на вторую выезжали. Их как-то «затрехсотили». Откуда-то слева кинули гранату, одному в глаз попало, другому в живот гранатой зацепило. Но наши сразу им медпомощь оказали, в госпиталь увезли. **Борис Борисыч** тогда за ними самолет вызвал. Хороший он мужик! Другой бы командир был, пока вызывали борт, уже бы отмучились. Потому что медицина там у негров вообще нулевая.

ЗАСАДА В БАМБАРИ

— Второе такое реальное происшествие — это Бамбари. Ехали мы открывать базу на Бангасу. С нами было 114 человек местных, из FACA, и нас 20 человек. Посередине города мы встали для того, чтобы дождаться сопровождения: нам сказали, что дальше мы без сопровождения МИНУСКА не можем ехать. Мол, в тех районах, куда мы едем, договоренностей нет на наш проезд.

Ну, мы дождались ооновцев, и когда мы тронулись, прямо в центре города на нас напали. Колонна раздели-

лась на две части: три машины вперед уехало, остальные 12 машин остались на этой стороне. Остались мы втроем — я, **Рэмбо** и **Манас**, плюс остальные пацаны, кто в машинах был. Наступать на нас начали практически с трех сторон сразу, и я по рации приказал от рубежа не отходить, держаться на месте. Мол, в атаку полезете — вас заманят в ловушку и начнут валить со всех сторон. Поэтому держаться на месте там, где оказались, закрепиться и держаться на месте.

Парни не растерялись, дали нормальный отпор — закрепились, отодвинули бойков на 150 метров, чтобы их откинуть от дороги, благодаря чему у меня получилось выехать обратно, хоть и под обстрелом, чтобы соединиться с колонной. За это время у нас был только один «трехсотый» — **Добрый**, в ногу его ранило. Парни организованно — все как на занятиях, прикрывая друг друга, оказывая помощь, — оттащили раненого. Когда я оказался на этой стороне, его эвакуировали, и я связался с **Пионером**, чтобы узнать, что нам делать дальше — продолжать наступление и чистить район либо куда-то отходить. Пока мы решали, что делать, парни сняли еще несколько целей.

Могу сказать только то, что местные войска, так называемые FACA, все сразу свалили по щелям, как только стрелкотня пошла. Половина убежала, побросав оружие. Капитан, который у них старший был, вообще заявил, что он уезжает в укрытие на базу МИНУСКА, захватил с собой большую часть личного состава и просто свалил. Бросил две простреленные машины свои и восемь человек личного состава, — те остались, оттягивали машины с центра.

Дальше мы вытащили их машины, простреленные, под обстрелом. С нами остались восемь человек — два солдата и шесть водителей. Я их потом отметил, отправил списки на награждение властям ЦАР. Но остальные просто убежали и все бросили. Более того, зная, что мы сейчас приедем на базу МИНУСКА, МИНУСКА неграм

выдала сухпаи на всех. Так те, кто убежал под прикрытие на базу, сожрали наши сухпаи, которые выдали и на нас отдельно. Когда мы через два часа оттащили все и уже организованно отошли, выяснилось, что жратвы у нас никакой нет.

Потом приехали мы на базу МИНУСКА — и началась круговерть. Торчали мы там 10 дней — нас не хотели вперед пускать. То у них там договоренностей нету, то есть договоренность, но погода не позволяет. Сплошные отговорки. Короче, 10 дней мы там проторчали. Я переболел еще раз малярией. На базе МИНУСКА мы проводили несколько пресс-конференций — приезжали с Банги, приезжали еще откуда-то. Я давал выжимку по минимуму — то, что считал нужным рассказать. Соответственно, как вероломно на нас напали. Оно так и было, по сути дела, мы огня не открывали первыми — это на нас напали. Не могу сказать, чья группировка это была, потому что все, в том числе Али Дарасс, все отказались брать на себя ответственность. Дарасс потом сказал, что это были отморозки, которые забили на его приказы болт, решили отдельно повоевать. Не просто радикалы, а радикалы в квадрате.

СОТРУДНИЧЕСТВО МИНУСКА С БОЕВИКАМИ

— Был с нами один из солдат FACA, у него родственник жил в Бамбари. Он сказал нам в тот день, когда мы собрались уезжать, что вас уже ждут — мол, вокруг Бамбари расставили засады. И что он конкретно видел передачу БК в переулке, что приехала МИНУСКА и передала боевикам кучу боекомплекта.

Нужно было что-то делать. Когда нас строили в колонну, я отозвал генерала ооновцев, коменданта базы и командира сопровождения. И им во всеуслышание (там как раз еще их пресс-секретарь стоял) сказал через

переводчика, что если вдруг стрельба начнется, и они попытаются свалить (я имею в виду грузовики сопровождения), я прикажу своим людям расстрелять их с гранатометов.

— Вы никуда не свалите. Либо вы с нами и идете в атаку, если она будет, либо вас просто расстреляют из гранатометов. Вам все понятно?

— Ты что, мне угрожаешь?

— Я не угрожаю. Я предупреждаю о том, что у меня есть информация о готовящейся засаде. Если вы свалите, это будет означать, что вы в сговоре. Понятно?

В итоге выезжаем с базы — у ооновцев первый броневик сломался возле ворот. Якобы сломался. Едем, доезжаем до первого блокпоста на выезде из города — у них сломался второй броневик. Я это все проглотил. Проехали километра четыре — у них ломается третий броневик.

Я не выдержал: «Колонна, стоп!» Говорю ооновцам: «Ждем, пока они починят». Они попытались вывернуться — типа починить не могут, невозможно.

— Хорошо, — говорю я. — Тогда бросайте этот броневик к черту, садитесь в наши «Уралы» — и поехали.

Через пять минут броневик уже был починен, и мы поехали дальше.

В опасном районе, где, по моим данным, стояли базы боевиков, они остановились на молитву. Там габонцы были, мусульмане. Остановились, мол, надо намаз делать.

— На молитву — ровно минута времени, — говорю им. — Я в этом районе останавливаться надолго не собираюсь. Если вы останавливаетесь дольше — мы едем без вас.

Для надежности сказал пацанам растащить их броневики по обочине, чтобы проезду колонны не мешали. Они сразу заверещали:

— Как же так, вы приедете вперед нас, наше начальство нас трахнет за такое.

— А мне плевать. Я еду без вас. Я не боюсь, что на меня нападут — достойный отпор дам, такое сопровождение мне не нужно.

В итоге они поняли, что со мной спорить бесполезно — и до самого Алендао, пока не доехали до египтян, они ехали спокойно. Не дергались ни на молитву, ни на что. Для меня это было серьезным звоночком — насчет того, что МИНУСКА была в сговоре с боевиками.

А уж когда мы с египтянами не доехали километров 50 до Бангасу, и они сказали, что дальше не поедут, тогда я вообще все понял. Там начиналась территория влияния христианской группировки «Антибалака», а египтяне — мусульмане и, соответственно, в сговоре с исламскими группировками. И раз они отказались сопровождать в христианской зоне, то для меня здесь уже зеленая зона, и меня с пацанами здесь точно не тронут. Поэтому поехали дальше.

«КУРИТЕ, ПЕЙТЕ И УМИРАЙТЕ»

— Тяжело было в плане того, что французы вставляли палки в нашу колесницу. Они пытались все както вывернуть так, что русские в ЦАР не нужны, что мы якобы плохие, а они красавчики. На самом деле я посмотрел на ЦАР: это бывшая французская колония, и французы для нее ничего не сделали. Они построили им пивзавод и табачную фабрику, то есть курите, пейте и умирайте. Больше никаких предприятий в этой ЦАР нет, самая бедная страна: нищета, голод и разруха.

Пример противодействия французов: например, нет поставок ГСМ, не разрешают ездить туда-сюда, какието препоны вставляют, постоянно приезжают что-то проверять, один раз, два, три, и как-то их все не устраивает. И постоянно мелкие пакости.

ПЕРЕГОВОРЫ С «СЕЛЕКОЙ»

— Как-то остановились мы в городе Ндели, машины поставили на стоянку и занялись патрулированием. Утром приехали боевики из «Селеки» на пикапах, заблокировали со всех сторон и пытались нас разоружить, забрать груз и т. д. Начались переговоры. С военной точки зрения, мы заняли круговую оборону, постоянно меняли места; если пулемет был направлен на нашу группу, мы незаметно, в течение какого-то времени смещались чуть в сторону, а пулемет как стоял направленный на дерево, так и оставался стоять, мы уже были в стороне. Играли в шахматы с боевиками. В итоге как-то договорились, и нас выпустили. Мы доехали до Каго-Бандоро, там нас пытались заманить в ловушку, но мы внаглую свернули в другую сторону, нам пытались препятствовать. Там вмешались войска ООН, все разрулили, и мы поехали дальше. С приходом колонны в Банги было всеобщее ликование, там были рады, что русские приехали на технике, привезли кроме своего вооружения и продуктов много гуманитарного груза. Французы таких операций не проводили, то есть им утерли нос. С обучением мы им утирали нос, да во всех сферах, грубо говоря.

ИСТОРИИ ИЗ ДЕКО (300 КМ ОТ БАНГИ)

— Когда мы находились в ЦАР, было перемирие, и никто из наших ни в чем не участвовал. Пара затыков была, но это не у нас. Вот у соседей было, но и то — по команде, они вмешались просто. А так там банды, вот к нам враждебной была группировка «Селека», и их ячейка у нас жила, в нашей деревне. Мы с ними пересекались, мы заходили к ним. Но сначала они нас испугались, в ружье встали, но ничего такого, мы ни с кем не стрелялись. Жили в палатке, воду ездили набирать в деревню. Питьевую воду нам привозили, а такую техничку

мы набирали, там еще со времен, когда французы стояли, была сделана колонка, такой родник.

Местные к нам нормально относились, да и «Селека» под боком стояла, у нас с ними проблем не было никаких. Запомнилась бедность, ну а так это вообще бандиты, не военные. Но при этом нас они боялись, никто с русскими закусываться не хотел, да и местная армия рядом с нами себя как-то уютнее чувствовала. Никто их не трогает и т. д.

Деко — деревня, которая среди маленьких считается большой. Там такая развязка в четыре направления, с Банги там идет с определенного момента асфальт, а потом тоже километров 80 грунтовка. И мы стояли там. Здесь был раньше аэродром, и что-то типа кукурузника на него могло садиться. И стояли ооновцы рядом, вертолет прилетал. Ну и такое все, просто большая деревня.

С едой вообще было проблематично, что-то готовили сами, то, что нам привозили, — это рис, макароны, одним словом, вообще жрать нечего было. Что-то мы сами покупали, лепешки пекли, за счет этого было нормально, более-менее нормальная еда была. Нам деньги выделялись, мы брали мясо. И мясо нужно свежее, потому что оно у них на рынке лежит под солнцем, с мухами и вообще. А так рис и все, картошки не было, пару раз привозили по чуть-чуть, а так рис и макароны.

Есть симпатичные женщины, но основном не особо. (*Смеется*.) Засматривались на нас, но мы услугами их не пользовались. Симпатичные были все в районе Банги, а в Деко все замужние, скорее всего. В самой деревушке были христиане — католики, протестанты — и мусульмане. Была католическая церковь, а у мусульман была своя община, свой рынок. Но все меж собой общаются нормально. Протестанты вообще сами по себе, чего хотят — неизвестно.

Когда мы только приехали в ЦАР, все было интересно, единственная проблема — малярия и такие нюансы. Так

нормально все, застали мы и жаркое время, и нормальное, пару раз даже град был. Местность лесистая, джунгли.

«НАС ПРИЗНАЛИ КАК СИЛУ»

— С бандитами сталкивались?

— Да, вот где мы стояли в Бамбари. Там был небольшой конфликт с ними. Должен был быть праздник, должны были приехать их президент, министры. Местные селеканцы* запросили денег, чтобы этот праздник прошел без эксцессов. Им отказали, и они с самого утра начали обстреливать, сначала полицейских. У нас была команда не дергаться, только в случае явного нападения на нас. Единственное, после обеда нам дали команду, мы сбегали к ним, а они там раздельно живут: христиане в одной стороне, мусульмане — в другой. И христиане к ним вообще не заходят, а мусульмане, женщины, на христианский рынок нет-нет да и приходят.

Вот единственный момент, когда мы сходили к ним в квартал, немножко их взбодрили, вернулись. Задача у нас была немножко их продвинуть — там парк был нейтральный между мусульманами и христианами, там надо было их взбодрить. Их там особо никто не трогал — миротворцам ООН на все пофиг, хоть трава не расти, полиция особо ничего им противопоставить не может. Ну, мы сходили, продавили их, по крайней мере, насколько я знаю, результат понравился высшему командованию. По крайней мере, та сторона стала контактировать с нашими. Если до этого «Селека» к нам с каким-то пренебрежением относилась, после этого стала уважать. И местные военные стали иначе смотреть, и у мусульман появилось уважение. Нас признали как силу.

* Боевики из группировки «Селека».

ЧАСТЬ 4. ЛИВИЯ

(2018 — 2020 гг.)

Начиная с 2018 года ЧВК «Вагнер» активно развивает африканское направление. После того как первые инструкторы появляются в Судане и ЦАР, штурмовые отряды ЧВК принимают участие в штурме Триполи, поддерживая силы Ливийской национальной армии (ЛНА) и ливийский парламент, обратившийся к России за помощью в восстановлении мира и законности в стране.

Одна из самых процветающих стран Северной Африки, Ливия в XXI веке столкнулась с чередой разрушительных конфликтов и гражданских войн, в результате которых государство фактически перестало существовать. После западной интервенции и свержения полковника Муаммара Каддафи в 2011 году, оставшиеся в стране силы оппозиции раздирали Ливию на части, пытаясь урвать как можно больше власти и рычагов давления на оппонентов. На фоне междоусобицы в стране начали создаваться террористические группировки, связанные с крупными международными террористическими сетями.

Разгул террора и преступности попытался остановить главнокомандующий Ливийской национальной армии фельдмаршал Халифа Хафтар: с санкции ливийской Палаты представителей — законного органа законодательной власти — военачальник объявил о начале военной кампании против Правительства национального спасения Ливии, которое приманивало на свою сторону различные парамилитарные образования и боевиков из Турции и Сирии.

«ЛИПЕЦК»

— Собрался лететь коллектив из тридцати человек. Кто в разведвзводе был, кто в основном. И все, получается, прилетели в Сирию. Нам на месте говорят переодеваться на взлетной полосе в сирийскую форму и загружаться в самолет.

— Теперь летите на новое направление — в «Липецк», — нам говорят.

Прилетели на Харубу — сразу автобус подъехал, чтобы нас никто не видел, оттуда доехали до базы. Оружие получили, и нас в 6-й отряд засунули — резервный взвод сделали из нас. Ну, из разведки. И все, через день нас перекинули в Триполи.

Ехали колонной. Сначала на Джофру перекинули, а оттуда уже машинами — в Триполи. Пикапы новые там были, 18 пикапов или что-то около того. Едем себе спокойно — и тут, не доезжая километров 40, по нам отработал дрон. «Байрактар». Вот тогда мы впервые поняли, что это такое. До этого не связывались с такими вещами. Все, сразу кипеж поднялся, мы подобрали одного нашего «трехсотого» и дернули через пустыню.

Там гражданские были, ливийцы, махали нам руками, мол, и нас заберите тоже. Да, типа, думаем: остановимся — и нас всех обработают. Все. Приезжаем в госпиталь, туда, как раз наши уже там были из 6-го отряда, за

два или три дня до нас приехали. Нас сразу ввели в курс происходящего: на улицу не выходить, в окна не смотреть, в туалет ходить в доме. Тут, мол, все снайпера простреливают. Паника была у них реальная.

На следующее утро мы этот километр проходим влево, чтобы на наличие духов проверить. Может, действительно кто-то сидит и лупит по госпиталю? А там вообще никого нет — ни снайперов, ничего. Видимо, в «шестерке» панику развели из-за дронов. Плюнули и пошли дальше на Триполи. И все, оттуда начали работать как резервный взвод: если где дырка в обороне образовывалась — мы туда. Или на усиление к другому взводу.

ЖЕСТОЧАЙШАЯ ВОЙНА

— В Ливии жесть началась практически сразу, скажем так. Это была жесточайшая война, но наши ребята стояли очень стойко, учитывая даже постоянную нехватку тяжелого вооружения. Ну и, естественно, задачи стояли самые тяжелые, с самого начала.

С борта самолета нас сразу кинули на передовую. Первые тяжелые бои начались в сентябре 2019-го. У меня было четыре друга, мы все вместе на «Утесах» сидели, по два, по три человека.

По стечению обстоятельств все мои ребята остались на одном рубеже, бой начался. Был плотный, интенсивный бой, ребята вели огонь с «Утеса», подбили три броневика противника. Тут нам поступила команда: над нашей территорией маячит дрон противника, надо быть внимательней. Тем не менее пацаны продолжали бой, невзирая на последствия, и дрон, короче, одной ракетой весь расчет уничтожил. Всех четверых пацанов накрыло. Это были все мои друзья.

С другого фланга тоже шел бой, тоже работали дроны противника, и тоже долбили очень сильно. Я выехал

за боеприпасами, старшина послал на машине. Выехал с товарищем. Поехали на склад и ушли чуть вперед на перекресток, вернулись на склад за БК. В этот момент дрон нас выследил, и уже когда мы полностью загрузили машину ящиками с боеприпасами, дрон выстрелил. Тоже прямое попадание, но в этот момент я буквально за 3-4 секунды с машины соскочил — последний ящик некому было загружать. Я соскочил с машины, зашел на склад, и тут произошел взрыв. Нас тогда всех ударной волной снесло к стене, БК начал взрываться, но мы чудом уцелели. Правда, старшина, когда его по рации спросили, живые есть или нет, сказал, что все «двухсотые» и что, когда боеприпасы догорят, он будет собирать нас, ну или все, что от нас осталось. Но, на его удивление, все мы остались целы.

Если брать «даишей» и местного противника, то сложнее воевать с «даишами». У них больше маневров, они сумасшедшие, храбрее, духа побольше. Боевики в Ливии вообще не вояки, основная сила у наемников. В черной форме, вон, видели наемников — смотрели видео, снятое нашими с дрона, они работают довольно-таки профессионально. Форма у них нормальная и углы нарезают. То есть то, чем мы занимаемся. Обычные боевики — они так, много шума, а толку мало. А вот «даиши» увереннее работают и храбрей в бою. Ливийцев не зря вялыми называют, они при случае сразу сваливают с позиций. А игиловца еще попробуй выбить, там они заднюю никогда не давали, до талого бьются, еще плюс своих выносят.

РОТАЦИЯ ДУХОВ

— На дворе конец февраля — начало марта. Раннее утро, птички поют. Я выхожу из дома, где мы жили, подышать свежим воздухом. Вышел на территорию, потягиваюсь, чищу апельсин. И тут смотрю — подъезжает

машина, пикап. В машине сидят какие-то чернобородые, неизвестные. Мы сначала подумали, что подъехали ливийцы, потому что мы стояли вместе с ливийцами.

Стою, смотрю на них. Кушаю апельсин. И тут эти люди вылезают спокойно из пикапа и начинают снимать у нас ворота. Я даже охренел от такой наглости.

— Уроды, вы что творите? А ну-ка пошли вон отсюда! — кричу я.

Ответа не последовало. Чернобородые удивленно уставились на меня, после чего один из них вскидывает автомат. Я только и успел упасть на задницу и заползти за угол. Стрелок дал очередь. Пули со свистом пролетели у меня над головой — благо, что остался живой. Что было дальше, не скажу, но, как вы понимаете, ворота мы отстояли.

Спустя некоторое время мы выяснили, что это был за заезд. Оказалось, что у духов, которые стояли напротив нас, произошла ротация — народ новый прибывал на позиции к духам примерно раз в два месяца. И, собственно, то ли новоприбывшим не объясняли, кто перед ними находится, то ли духи и сами не знали, где стоим мы, а где ливийцы. В любом случае новый состав решил поездить по окрестностям в поиске целей для мародерства и в итоге приехал к нашему домику.

ДЕРЗКАЯ ТУРЕЦКАЯ БМП

— Вот такой еще прикол был. Между нашими позициями и логовом духов было примерно метров 300. На этом расстоянии стояли душманские «фишки» — наблюдательные опорные пункты. А от нашего дома до дороги было где-то 200 метров. По ней никогда никто не ездил, потому что там обстрел шел непрерывно, причем как с нашей стороны, так со стороны духов.

В один из дней я находился в нашей «фишке» на посту вместе с напарником. Все вроде относительно тихо-

спокойно. И тут слышим с товарищем — раздается рев мотора, чем-то похожий на мотоциклетный. У меня напарник говорит, что, смотрит в бинокль, а понять ничего не может. Я слышу звук, но понять не могу, где едет. Вроде близко, а где, по какой дороге — непонятно.

Убираем бинокль и тут видим — сзади, по неиспользуемой никем дороге едет на скорости 70–80 км/ч какая-то турецкая БМП на гусеницах. И причем так нагло, так быстро. Самое интересное, что БМП поехала сначала в одну сторону, потом развернулась в другую. Два раза — туда-сюда. То ли заблудились, то ли адреналин разыгрался.

Времени рассуждать не было. Мы сразу вышли на крышу, произвели два выстрела с РПГ — промазали. Не хватило буквально пары метров — обе гранаты пролетели над БМП. Мы стреляли с пулемета, попадали по ней, потому что искры видели, но она благополучно уехала, не сумели мы ее подбить. Но, конечно, такой наглости мы не ожидали. Можно сказать, почти во двор заехали.

— *А как район назывался?*

— Я не знаю, но у нас до ворот Салах ад-Дина было 2,5 километра. Совсем рядышком. На карте могу показать, потому что у меня через 1,5–2 километра стояла водонапорная башня в виде чаши. Недалеко от этой чаши уже сами ворота находились.

КРЫША В ХВОСТОВИКАХ

— Про боевые действия... Каждый день обстрелы, минометы, безоткатные орудия. Мы, когда заехали, у нас дом был целенький, четырехэтажное здание. А когда мы уходили, у нас вся крыша была в хвостовиках неразорвавшихся мин, и вся восточная сторона была тоже в минах. Здание, где у нас пост находился, тоже было все пробитое. Третий этаж пытались пробить с гранатомета, но благо никто не пострадал — только контузии.

Вообще отделение, где я находился, стояло на первом месте по контузиям. Из восьми человек пять или шесть были с контузиями — в госпиталь отправили. Благо, что средняя, не тяжелая, уши остались целые.

Что еще? Минометы прилетали... Вернее, снаряды. Когда они летят над головой, конечно, страшно. Когда начинается обстрел и корректируешь огонь, ориентировочно даешь азимут, расстояние.

А самое пакостное — не то польский, не то австралийский миномет работал. Обычно, когда идет стрельба с миномета, ты слышишь выход мины и приход, то есть взрыв. А когда работало это чудо техники, слышал только приход. Выхода вообще не было слышно — ни хлопка, ни звука. Самые мерзопакостные.

Когда над головой пролетает, страшновато, охота прям скукожиться. Там и свист, и шелест, смотря какой снаряд летит. Когда взрывается, там вообще не страшно. Взорвался, да и взорвался. Вот мы были с февраля по май в Триполи — там привыкаешь. Но я думаю, что это плохая привычка, к разрывам. Например, когда спишь, начинается вдруг обстрел, а ты уже настолько привык, что уже рукой машешь: «А-а-а-а... взрывается, не взрывается». Уже не обращаешь внимания. Мои ребята, кто еще в Сирии воевал, говорят, что это самая плохая привычка, потому что ты привыкаешь, машешь на все рукой, и... да... от этого иногда бывают потери.

ПРО ТУРНИК

— Перед самым выходом с дислокации прилетел танковый снаряд. Меня в это время не было, я готовил запасные позиции. Приехал, а пацаны хвастаются. Получилось как: снаряд прилетел на излете, ударился в пол, в землю, срикошетил и ушел в здание — с первого на второй этаж, прям насквозь. Отлетел и благопо-

лучно приземлился возле моего турника, где я каждое утро подтягивался.

— Почему не разорвался? У него взрывателя нет, что ли? — спрашивал я саперов, которых привел на место падения снаряда. У нас было такое, одно время духи выкручивали взрыватели, чтобы снаряд прошибал, как болванка.

— Нет, все есть. Просто не разорвался, — ответили мне.

Кстати, в тот момент, когда снаряд в стенку врезался, у нас в помещение человек заходил. Там туалет был. Он открыл дверь, хотел зайти, — и в этот момент пролетает снаряд... Посекло его осколками, хорошо, что глаза остались целыми.

Снаряд мне понравился — первый раз такой видел, с насечками.

РУБИЛОВО СО СПЕЦНАЗОМ БОЕВИКОВ

— Да, боевые действия у нас были. Раза два под Триполи духи хотели прорваться, потому что до этого они прорвались между «семеркой» и «двойкой». Между этими отрядами стояли ливийцы, и духи знали, что там стоят ливийцы, и на этом рубеже позиции были прорваны. Потом наши затыкали эту дырку, тоже понесли там потери.

Так вот, когда на том рубеже духи прорвались, они хотели пройти тоже таким же маневром с нашей стороны. Но, судя по всему, они не знали, что там русские стояли. На нас нападал, как нам потом сказали, какой-то местный спецназ. В итоге мы уничтожили бронированный пикап с установленным на нем крупнокалиберным пулеметом, положили, наверное, отделения два или три духов.

— *А у них в отделении сколько?*

— Ну, если так, навскидку, около 20–30 боевиков, где-то в таких пределах.

Сам бой тоже проходил смешно. Если честно, вся война — это и смех, и грех, как говорится. У нас ведь как было? Стоял наш дом, потом от него шла кривая дорога, упиралась в асфальтированную трассу. И в этом месте дорога преграждалась железными воротами, которые были приоткрыты ровно настолько, чтобы могла проехать машина. Эти уроды решили прорваться через решетку нахрапом, решили заехать буквально к нам в огород. Они же, мол, на бронированной машине, ничего не боятся...

Мы их подпустили метров на сто и с крыши подорвали с помощью РПГ. Потом она на автопилоте доехала уже до мины (мы же там заминировали все, от греха подальше), вторично подорвалась на мине и перевернулась. Водитель прямо там так и остался — его не смогли вытащить, и он сгорел. Соответственно, все остались на этой дороге.

Ночью духи пришли за своими. По ним никто не стрелял, потому что существовал негласный приказ о скорой помощи, гуманитарный. Типа тех, кто приедет на такси забирать раненых, не трогать. Дали забрать всех раненых. Единственное, что у них один человек — офицер местного спецназа — был тяжело ранен, дополз до наших позиций, добрался кое-как до садика у одного из домов. Но там он подорвался на растяжке, потому что мы заранее это место заминировали.

СМЕРТЬ ДРУГА И ТРУДНОСТИ ВОЙНЫ

— Нам повезло, что не было «двухсотых». Но в боевых операциях ребята погибали во время обстрелов. Так, у нас погиб мой друг, сапер **Саф**. Он занимался разминированием территории, его, видимо, обнаружили и минометом накрыли. Это буквально за два дня перед нашей передислокацией случилось. Жалко очень — человек Донбасс прошел, много знал, имел большой опыт.

Периодически духи выходили, постреливали. Один раз плотность огня по нашему дому была очень тяжелая — духи стреляли, получается, с трех ПК и одной зенитки. В результате пробили крышу и стены. Дискотека продолжалась буквально 10–15 минут. Мы думали, потом будет атака, а ее не было. Просто постреляли.

— А что в этих действиях тебе не понравилось?

— Не понравилось то, что приходилось таскать постоянно мешки с песком на четвертый этаж. Знаем, что надо, но тяжело. Теперь я понимаю, как наши деды в войну воевали: рыли траншеи, укрепляли блиндажи. Тяжкий труд. Очень тяжкий. Каждый день песок тащить на четвертый этаж, обкладывать стены, делать позиции. Там здоровее меня мужики были — никто не возмущался, но спины надорвали. Тяжело было, одним словом. Но зато, когда бой прошел, наступало облегчение.

БЕГСТВО ИЗ ГОСПИТАЛЯ

— Есть просто работа. Ты делаешь свою работу. Ты делаешь ее либо хорошо, либо плохо. Что касается меня, я свою работу делаю хорошо. Успел и в госпитале полежать с контузией — мина прилетела 120-я, благо, что здание волной накрыло. Маленько там поблевал. Это нормально.

А вот когда был в госпитале, там стало страшно. От тишины. Потому что на войне ты уже привыкаешь к тому, что стреляют, свыкаешься с этим. А когда тебя привозят в мирное место, то попадаешь в совершенно другой мир. Тишина, свет, телевизор играет. Кормят там: салатиками, не салатиками. Попугай. Мне надо было капаться пять дней, а я на второй день сбежал оттуда, потому что обстановка давит, тишина давит. Меня она пугала. Когда приехал к доктору наш инструктор, я ему говорю: «Забирай меня отсюда. Я туда хочу, домой, к пацанам». Доктора посмеялись, дали с собой кучу таблеток и отпустили.

Когда приехал в расположение, поднялся на «фишку» на втором этаже. Когда по этажам поднимался, давление подскочило, голова раскалывается. Поднялся, посидел там. Единственный плюс был в том, что, когда укрепляли позиции, парни мешки таскали, а кто-то должен был на «фишке» остаться. Я не мог уйти, я не мог встать, поэтому остался на «фишке», смотрел за подступами.

ЛУЧШИЕ ЛЮДИ 3-го ШО

— Близкий мой друг гранатометчиком был. Когда наступление духов было, он с крыши с гранатомета несколько выстрелов подряд сделал. Там, по сути, открытая позиция, простреливается из всего, а у духов и снайперы имелись. Сделать несколько выстрелов с гранатомета с такой опасной позиции — это тоже достойно уважения.

Потом запомнился пулеметчик, позывной **Брэнд**, по-моему. Вот он — красавчик. Когда нас в расположение перевели, то он сразу пошел и сделал под себя «фишки» — бойницы, откуда ему будет удобнее вести огонь. Пристрелялся. Если где какой кипеж случался, ему ничего не надо было говорить, сразу хватал пулемет и бежал.

Мы с ним в паре даже поработали как-то. Я с биноклем нахожусь впереди, он — сзади, под занавеской, чтобы не было видно. И я через бинокль корректирую огонь — выше, ниже, левее, правее там. Несколько «фишек» духовских разворошили. Тоже, говорит, понравилось ему со мной работать: мол, почаще бы таких людей встречать. Ну, я говорю, опыт не пропьешь.

Бывало так, что ночью смотришь в прибор ночного видения, в «ночник», видишь духов, а они также в «ночники» за нами наблюдают. Смотришь, видишь, где их «фишки» стоят, и вдруг отсвет попадает в поле зрения. А это линзы духовских «ночников» отсвечивают. Вот и играешь с ними: ты следишь за ними, а они — за тобой.

На Девятое мая решили устроить салют. Трассерами в небо, красиво было. И как выяснилось, у духов на позициях тоже славяне есть, они тоже салют устроили, а потом ударили по нам. После нашего салюта, получается, минут через 20 духи по нам из миномета огонь открыли. Ну так, несильно. Для приличия, так сказать.

КАК РАБОТАЛ ПРОТИВНИК

— Мне понравилось, как духи стреляли. Они стреляют организованно, практически по схеме. Особенно под конец уже они приноровились. У них было четыре-пять точек, откуда они по нам постоянно вели огонь. Тактика была такая: приезжают духи на пикапе на точку, делали от четырех до шести выстрелов и тут же уезжали на другую точку. Пока наши наводились, их там уже не было. И так благополучно они проезжали все свои пять точек. Поймать их было очень сложно.

Потом один раз ночью в Триполи я обратил внимание, как они из крупного калибра стреляли с горы. С правой стороны от нас находился не то холм высокий, не то пригорок. Там прям видно было в бинокль: два пикапа выкатились, разрядили по два магазина обычных и по магазину трассеров, потом спокойненько сели не торопясь и уехали. Били они не точно — так, насыпали не в нашу сторону, а в сторону «семерки», немного поодаль. Просто захотелось пострелять, видимо. Но мы все видели — вот две машины, вот человечки спокойно вышли, никуда не торопятся. Зарядились, отстрелялись и уехали безнаказанно.

Единственное, что не понравилось, то, что безнаказанно уехали. Потом мы этот пикап в ходе боя подбили. Я хотел в тот же день осмотреть пикап, но мне не дали — все простреливается. В итоге пошли смотреть на следующий день. Кровищи много было, потому что они там в два направления пытались прорваться. Но с собой

были и бронежилеты, автоматов пара, разгрузки, бинты, всякого разного по мелочовке. Нам сказали, что это был местный спецназ какой-то.

Как нам объяснили, командиры духов иногда проходят и нюхают стволы своих бойцов. У кого пахнет, значит, тот воевал, тот молодец. А у кого не пахнет — значит, не воевал, соответственно, денег не платят. И вот они даже не столько воюют, сколько вытащат автомат в окошко, два-три рожка в нас выпустят — все, я воин, дайте денег.

Снайпер там тоже один стрелял. Не хороший, а так — самоучка. Наша дорога выходила к ним по видимости, и с их стороны постоянно шел снайперский огонь. Оттуда дорога хорошо простреливается, как в тире, но практически всегда мимо, мы только бегаем, как мишени. Судя по всему, дали человеку СВД — и нормально, пусть стреляет. Но то, как он стрелял... Собственно, мы все живые остались. Если бы это был подготовленный боец, хороший снайпер, у нас бы были большие неприятности. Но чтобы не искушать судьбу, наши добрые парни ориентировочно закидали окошко, откуда он мог стрелять, с АГСа. С тех пор больше никто не появлялся.

Были у них и хорошие бойцы. У нас одного «затрехсотили», снайпер в бойницу выстрелил, одного в руку подбил. Так, ничего страшного, рука целая, только мясо попортил. Но проблема в том, что все знают: на помощь раненому бойцу пойдут другие. И поэтому снайперы специально делали «трехсотых», чтобы остальные его вытаскивали.

По застройкам работать было тяжело. Очень сильно дезориентирует расстояние. Если смотреть со своего поста, расстояние кажется маленьким — отсюда дотуда. А когда уже смотрели на снимки, которые наши сделали с коптера, оказалось, что там огромное расстояние, все сплошь открытое. И дома стоят совершенно не в тех местах, как ты их видишь визуально: один ближе, другой дальше.

ВЛИЯНИЕ ГАШИША НА БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

— Ротации у духов проходили каждое 15-е число примерно. Это всегда было слышно. После ротации они все употребляли гашиш и все начинали стрелять — показывали, что они воины. Это мы уже определяли: так, стрельба началась, понятно. 15-е? 15-е! Проходит два дня — тишина. Гашиш закончился. Вот только по этому можно было узнавать.

— А употребление наркотиков влияло на действия боевиков?

— На бой не влияло, зато влияло на стрельбу. Они не косили, не мазали, они просто не стреляли прицельно. Допустим, вышли, сколько у них есть магазинов, либо в воздух, либо в здание куда-нибудь. Все. У них не было конкретной цели, куда стрелять: по бойницам, еще что-то. У них главное — магазины все расстрелять, выпустить БК.

КРУЖОЧКИ ОТ ВРАЖЕСКИХ ВЫСТРЕЛОВ

— Были, конечно, индивидуумы, которые прицельно били по бойницам. И к нам залетало, и когда я стоял, тоже залетало там. И друзья мои, близкие стояли, тоже били, несколько раз залетало. И рядышком били у нас тоже, в соседние комнаты. Туда прям снайпер один бил периодически, в стенках были внушительные вмятины, сквозные дырки. Я их потом начал обводить кружочком и писать число и время. Так, ориентировочно, зашел, увидел новую дырочку — обвел кружочком, дату написал. У меня в той комнате была вся стенка исписана. Зато потом знаешь, когда какая дырочка была, и примерно понимаешь, откуда ведется огонь.

На посту стоял однажды ночью, на четвертом этаже. И тоже снайперы простреливали этажи, и прямо у меня

над головой пуля в стенку воткнулась. У меня аж волосы под шапкой зашевелились, аж почувствовал тепло от пули. Думаю, надо спуститься на этаж ниже, с четвертого на третий спустился — вроде нормально. А потом смотрю — там шахта лифта была, и видно было, как по этажам долбит, простреливает лестничные пролеты.

ТРИПОЛИТАНСКИЙ РАССВЕТ

— Два раза дождик там был, запомнилось. А больше всего мне нравилось утро — примерно с 8 до 9 часов. Сидишь — прохладно, тишина, вообще ни одного звука. Птички поют. Как будто нет войны, вообще красота. Даже собаки не лают. Смотришь: голубое небо, птички летают, что еще для счастья надо? Прям обожал в это время на «фишке» стоять. Сидишь такой, мечтаешь.

Но в основном работа как работа. Единственное, что иногда мысли дурные посещали. Когда обстрел идет минометный: бахают, бахают, бахают, бахают, в дома прилетает, туда прилетает, осколки сыплются. Думаешь: «Е-мое, когда ж ты сдохнешь?» Конечно, так нельзя делать, но мысли такие были, посещали. Хотелось в такие минуты собрать парней и пойти в атаку, ударить по духам — и уже там, во время боя, погибнуть. Потому что думаешь: вот прилетит мина, бахнет, а что ты сделаешь? Ничего не сделаешь. А так хоть кого-нибудь из духов за собой на тот свет утащишь.

— Многие называют эту войну высокотехнологичной, и было то, чего не было.

— Самый опасный враг — это «Байрактары». Под ними страшно, да. Я не застал то время, но люди рассказывали, что раньше они охотились за нашими группами. Обычно группу собирают в пять человек, три человека минимум. А потом «Байрактары» стали охотиться за даже одиночками. Ты его не видишь, а высокоточное

оружие в форточку может залететь. Потом нам говорили, что многие страны там, в Ливии, испытывают свое новое оружие. Те же «Байрактары».

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ДРОНАМИ

— Когда мы взяли белые дома, нужно было выйти в разведку в передние дома, проверить. Мой напарник взял людей, пошел с ними, поднялся на крышу, и там у нас было первое знакомство с дронами. До этого мы как-то не переживали, дроны туда-сюда летали-летали, но нас не беспокоили, и мы не беспокоились из-за этого. Поднялся он наверх, а мы в это время пошли, хотели дорогу перегородить. Начали машины сгоревшие сдвигать, этот шум от дрона слышим, летит непонятное что-то, и взрыв. Вот и оказалось, что парни поднялись на крышу, дрон по ним запустил ракету.

Пацаны успели забежать на чердак, у ракеты струя была кумулятивная — никого не зацепила, чисто дырку пробила, и все. Но во дворе осколком прилетело одному из наших, который был во дворе. Попало в спину, он упал, закричал. Выскочили на помощь ему, и тут

дрон как раз в эту толпу запустил вторую ракету. Четверо сразу же погибли. Причем самое мистическое во всем этом — тот, который был ранен, остался жив. Возле него взорвалось, он целый, а те парни погибли. Вот такая у духов была тактика, они тоже все продумывают, просчитывают дальнейшие действия.

ПОНИМАНИЕ «БАЙРАКТАРОВ»

— Ливия от остальных конфликтов отличается только «Байрактарами». Я был на передовой, все это видел своими глазами, но вот по мне не били ракетами с БПЛА.

Выставляются глаза, работает воздух. Если кто-то где-то зае*ланил, то уже все, хана. А так основное правило: не собираться толпами. Если куда-то двигаешься, то машина перекрашивается или как-то замаскирована — главное, не вызывай к себе подозрений. Операторы турецких дронов тоже не по всем целям стреляют. Если четко выявят цель, он по ней ударит, если нет, то он может просто некоторое время наблюдать. Ага, один раз машина заехала, второй раз, третий раз. Где-то ливийцы насобирались, и понятно, что это мишень для дрона.

Просто проблема в том, что мы не сразу пришли к этому пониманию. Поэтому были у нас потери, а как только мы поняли стратегию, у нас потери сразу сошли на нет. Потом уже больше было, наверное, бытовых — где-то кто-то споткнулся-упал, свою растяжку снял, что-то прилетело осколочное.

КОРРЕКТИРОВКА АГСА

— Да, под работу АГСа мы тоже подстроились, научились корректировать АГС через планшет. Указы-

ваем точку, знаем, где стоит АГС, где — противник. Программку под это дело нашли удобную. Скорректировался по ней, выходишь по рации на расчет АГСа, говоришь ему азимут и дистанцию. Расчет с закрытой позиции наводится, выставляется — максимум ошибка метров сто была. А так очень точно накладывал, очень удобно было. АГС — это вещь!

Каждый вечер в 9 часов с духовской стороны выкатывалась зушка. Я приехал — и я ее даже не видел, но мне объяснили, куда примерно она выкатывается. Я туда попробовал пристреляться, вообще просто там позицию выбрал. Ну и после моих выстрелов зушка перестала, с*ка, ездить и ни разу больше не выкатывалась.

В Сирии АГС так не работал, как в Триполи. Пацаны построились, научились использовать то, что у них есть, максимально эффективно. У них есть мини-«грады» — система залпового огня, какая она там, корейская вроде. Маленькая, на пикапах стоит. Вот этой РСЗО они нас очень часто кошмарили. И тоже она не дальнобойная у них, мы видели, где она выезжает. Ребята мне позицию передали, я стою — передо мной забор. Я навелся навесным, мне корректуру дали — накидал туда, и больше она туда не приезжала. Не знаю, кто-то говорит, что я-таки попал в нее, кто-то говорит, что просто напугал. Но факт, что ездить перестали.

Конечно, когда первые бои у нас шли, те же белые дома, все было как бы в новинку. И если говорить по-русски, то все шло в первые дни через жопу. А вот в последующие штурмы мы были обучены, уже все знали, где как действовать. Колесико завертелось, и пошло дело.

Все было поставлено таким образом. Есть отделение тяжелых, они занимали позицию. Штурмовые отделения проходили вперед до пятисот метров, то есть на этом расстоянии, и я, даже если я от моего взвода стою метрах в двухстах, могу с АГСа отработать, ребята могут

с «Утеса» отработать, и СПГ может отработать. Если они кого-то увидели, есть какой-то затык, не могут продвинуться вперед, тяжелые отрабатывают, и потом ребята штурмовики опять вперед пошли. Такая тактика давала хороший результат.

О ЖИВОТНЫХ

— Мы где-то недели две на одной точке в Триполи находились, заняли здание таможни и там обосновались, это было перед самым перемирием. Там гражданских, естественно, не было, но в одном доме оказались собаки. Они обустроились в одной из комнат — три щенка и две взрослые собаки, видимо, самец и самка. Семья, короче. Ну и наши ребята, естественно, начали кормить, подкармливать щенят. Потом, когда уезжали, эта собачья семья вышла и провожала нас. Это было смешно — мы грузили вещи, и они как будто чувствовали, что мы уезжаем. Ну и сели по порядку — отец, мать и дети. Провожали с грустными глазами, а когда последняя машина уезжала, они побежали за ней. Машина остановилась, мы хотели взять их с собой, но не было понятно, куда нас перебросят, и решили не брать. Одна собака все же заскочила в машину, но ее вытащили. В общем, они бежали за колонной, пока могли. Это было, с одной стороны грустно, а с другой стороны — очень милый эпизод в жизни получился.

ПРИБИВШАЯСЯ К БОЙЦАМ КОШКА

— Самое неприятное — это маленькие минометы, которые не слышно. Собаки тоже по ночам. Думал, что ни собак нету, ни какой-либо другой живности. А ночью вышел, смотрю — собаки бегают. Кошки тоже бегали.

У нас кошка одна была, кормили ее. Красивая, один глаз желтый, другой голубой был... или зеленый, уже не помню. Родила, мы потом за котятами ухаживали. Потом унесла куда-то и потерялась. На другое место, видимо.

Тоже, что понравилось, походил по заброшенным домам, посмотрел. Дома понравились, как построены. Но, конечно, не для России, как будто только для этой местности предназначены. Везде плитка, трубы на улицу все выведены... Ну, не для морозов. Красиво у них. Везде ухожено, разложено, покрашено все, аккуратненько.

О ГОРОДСКИХ БОЯХ

— Городские бои — это самое тяжелое. Потому что постоянно приходится мотаться из стороны в сторону. Я на скорой работал, как бы на эвакуации. Машина одна была на всех. Постоянно — туда-сюда, туда-сюда. Вначале едешь вдвоем, куда ехать — черт его разберет. Едешь по каким-то ухабам, по закоулкам, по пустырям. Жуть, реально.

Едешь, темно, фары не включить — нас тогда беспилотники эти проклятые, «Байрактары», гоняли. Поначалу совсем тяжело было. Смотришь — летит «Байрактар». Выбежали из тачки, в дом забежали, машину оставили. Смотрим — вроде мимо пролетел. Сели — дальше поехали. И так несколько раз за рейс.

О ПОЛЬЗЕ ТЕПЛОВИЗОРА

— В Триполи был случай хороший, когда мы шли на белые дома. Весь день, с 8 утра мы бились и до темноты. А когда стемнело, вытащили парней, которые сидели в окружении и не могли выйти сами. У меня тогда

был «тепляк», единственный в отделении, и, соответственно, я его поставил. Ночью духи подумали, что мы отошли, начали подходить к нашим позициям. Хотели, видимо, наши машины обшмонать. Я начал стрелять и увидел, как они запаниковали. Они аж пересрались с испугу, подумали, что мы к ним подбираемся. Поэтому я считаю, что «тепляк» должен быть в каждом отделении, как минимум два — в головном дозоре и один в хвосте. И еще «тепляк» должен быть у каждого снайпера, чтобы по ночам работать. Как мне кажется, нам в целом не хватает именно технического превосходства над противником. Мы работаем в основном по ночам, и это необходимые вещи. В Триполи вот выяснилось, что «ночники» не очень удобны: фары засвечивают, огни горят в домах. А вот «тепляк» — это то, что нужно.

ПОДГОТОВКА

— Мы в первом взводе в «шестерке» были, до этого в Сирии были два месяца. Постоянные занятия, тетрадки, конспекты, штурмы учебные всякие. Готовили нас так, что я думал, будто из нас вообще Special Force взвод получится. В итоге мы приехали. А как-то на фоне всей «четверки» первый взвод считался получше. Нормальные ребята, тоже подготовленные, много кто служил.

В аэропорт мы приехали сразу после другого взвода — после «шестерки». Они уже ходили, пытались что-то штурмануть и нам рассказывали: «Там танк, тут из-под земли духи вылазят... Тут еще что-то». Мы потом там ходили — не было ничего. А они вели целые сутки бой.

Парни показали нам направления: мол, короче, там сидели садыки, там — противник. И когда мы шли уже их менять, с того направления, где садыки сидели, по нам начинают палить. Одному ногу прострелили, он упал.

ПРО РАНЕНОГО, НО НЕ СЛОМЛЕННОГО БОЙЦА

Когда мы приехали в аэропорт, нам поставили такую задачу: в терминале одно отделение остается, а нам надо вперед продвинуться, к соседнему большому зданию и занять огневую точку на балконе. Мы только-только приехали, ничего не знаем, нам говорят — там наши сейчас нас проведут. Идем, и тут откуда-то пролетает пуля и ранит одного. Он лежит, весь бледный — артерию перебило на ноге. Ему жгут наложили, он за кучей мусора спрятался строительного, остальные все в дома. Мы там ищем одно место в заборе, проем. И по идее, по траектории духи должны были стрелять оттуда. Но там уже никого нету.

Мы начинаем парня оттаскивать, он весь бледный. **Холостяк** — командир отделения, короче, и я ему говорю: «Давай, руки вытягивай». Мы с разбегу хватаем его за руки, на жопе тащим. А там уже стоит старшина с носилками за углом — забирать пришли «трехсотого». А он весь бледный, я его начинаю успокаивать: «Да ладно, все нормально, сейчас тебе еще денег заплатят за ранение, домой поедешь в валенках от Версаче». Он такой: «Какое, на хрен, домой?! У меня ипотека!»

Потом он лежал у нас в расположении, никуда не ездил. Все нормально, обошлось. Но, конечно, парадокс получился: война, кругом стреляют — и тут такое: «У меня ипотека!»

Мы потом в аэропорту сидели где-то с месяц. Нас там местная духовская арта долбила и зушка ездила. Мы ее вычислили потом. Кстати, смотрим, что она обычно долбила строго с трех конкретных позиций. А они ездили как: с утра проедут без палева на дистанции 1200 метров — там такое поле ровное, а в заборе проемы сделаны. Они просто приезжают и начинают здание кошмарить. Наши докладывают: «По нам работает зушка, 1200 примерно дистанция», а увидеть ее тол-

ком не могут. А она была — ее надо было увидеть с третьего этажа, чуть вниз и вперед, вспышки было видно.

Запросили у беспилотников съемки тех мест. Там прям видно в песке колеи, где она подъезжает. Мы сразу все три позиции вычислили. А потом просто. В «копейке» тогда служил парень, позывной **Ахиллес**, пулеметчик. Он как раз с нами во взводе был, и еще один парень с СВД. Выставили на 1200 прицел, и как только зушка отсвечивала — туда сразу с СВД садили. Как отстрелял весь магазин — она уезжает.

ЗАЧИСТКА ПЕРЕД ДЖАЗИРОЙ

— В аэропорту мы просидели где-то с месяц. А потом пошли на Джазиру. Пока шли, был такой случай. Нам надо шесть километров пройти. Там федеральная трасса пролегала. Нам говорят: «Просто идите сбоку вдоль трассы». У нас командир отделения грамотный, он посмотрел и говорит: «Как мы пойдем сбоку? Там такие дома — как крепости!» Вот, к примеру, стоял там дом трехэтажный, допустим. Ну, в длину, может, метров 50. То есть такой, приличный по размерам. Как мы его можем не осмотреть и в тылу оставить? Тем более мы видели духов, они пролезали по 800 метров спокойно. И нас туда отправляют, чтобы мы шли по трассе? Типа идите до мечети. Но дома надо было осмотреть, мы из-за этого медленно продвигались — двое суток.

Ночью идем мы по трассе на зачистку этих больших домов. Возле одного дома много машин было сломанных, и один «Мерседес» стоял, еще движок остыть не успел. На заднем сиденье форма валялась — видимо, душара переоделся и решил от нас спрятаться. Смотрим на дом, а там внутри что-то мелькает. Мы начали в дом этот стучаться — закрыто. Кто-то начал чего-то за дверью бормотать. С нами садыки шли, мы их позвали, они

ему объясняют: «Открой, открой». Он: «Нет, нет». Потом в итоге, короче, пока выходили, двери какое-то время никто не контролировал. Так этот душара дверь открыл и убежал на чердак, там залез и закрылся. Нам уже надо дальше идти, так что мы его там просто закрыли и на выходе еще колючей проволоки намотали.

ЗАРУБА НА ДЖАЗИРЕ

— На Джазире затык у нас был. Два отделения зашли в этот район, а у духов там даже «фишек» нет — они спят просто. Два отделения зашли, а мы должны были по дороге идти. Из-за того что так медленно шли, вот с этими зачистками домов, у нас все не срослось. Мы должны были все вместе там оказаться, когда духи должны были проснуться. А получилось как: мы шли по трассе, а там открытка небольшая. Смотрим — духи нас спалили и начали дорогу перебегать впереди, метрах в девятистах. Мы их увидели и зашли в дома на обочине. Там заруба началась — духи начали по нам стрелять, и мы встали. А другие два отделения уже в населенном пункте, они по темноте зашли и там контрольные точки отметили.

Я дошел до перекрестка, там все на планшете отметил. Дойти-то я дотуда дошел, да вот только духов там — как собак нерезаных. И в итоге мы из-за зарубы не вышли на прострел — нам не хватило трехсот метров. Там такая огромная площадка, короче, мы немножко дотуда не дошли. Хорошо, что увидели.

А на следующий день школа была. До нее переть было где-то метров 900. И пока мы возились, в итоге весь этот район духи оставили. Большая часть ушла, а остальные с нами зарубились. Пикап там на 20 метров выехал, а нас пять человек всего на дороге осталось, остальные ушли в боковые дома. У них там тоже руби-

лово идет. И этот пикап на нас вылетел, мы по нему постреляли, он от нас уехал, за поворот повернул...

БОЙ ПРИ ШКОЛЕ В ТРИПОЛИ

— Я заметил много толковых ребят. Они на ходу все схватывали — и, сказать по-честному, такого опыта ты нигде больше не получишь. Если, допустим, человек служил в армии, то армия редко воюет у нас, только здесь (в компании) получаешь боевой опыт. Тем более каждая война разная: в Сирии — одно, в Триполи — совсем другое. Это новый опыт, и его нужно передавать.

Был вот у наших бой в школе в Триполи. Утром мы вышли — была задача пересечь шоссе, занять его, чтобы у духов не было возможности перемещаться по трассе. Мы вышли, закрепились, и потом поступила команда, что одно отделение не смогло выйти на рубеж, у них бой начался в школе. Нам дали команду на отход, чтобы нас не могли обойти. Мы в расположение вернулись, я расслабился, пошел, кроссовки и стельки постирал. Потом нам сказали, что 10 человек должны пойти на подмогу, и, короче, как я был без носков, просто влез в мокрые кроссовки и поехали.

Когда приехали к школе, сначала не было понятно, где противник. Неразбериха непонятная, четыре человека уже погибло, прямо видно было — останки валялись. Начали определяться, что где, выставили АГС — расчет настолько четко отработал по дому противника, что весь дом прямо обсыпал. Такой четкой работы никто из нас раньше не видел.

Потом выехал броневик, и получилось, что парней зажали в школе, они не могли выйти. Они на первый этаж зашли, а на второй этаж им уже не дали подняться. В соседних дворах стоял какой-то розовый домик, и оттуда, плюс еще с мечети, начали насыпать по школе. Им

не давали уйти, у них там уже и раненые были, и убитые — ну вообще без вариантов.

Мы прибыли на место, я сзади бруствера занял позицию, прямо на открытке встал. Ребята прямо за бруствером начали гасить второй и третий этажи, чтобы оттуда не велся огонь. Я начал закидывать в розовый дом ВОПи, прямо в окна, и пока мы все им насыпали, в этот момент началась эвакуация. Потихоньку их оттуда вытащили, потом на позиции пришло еще одно отделение.

«ЗАПУГАЛ БРОНЕВИК ПУЛЕМЕТОМ»

— Бой при школе тоже прочно запомнился. Мне как раз тогда притащили «Шмели». Мне «Шмели» понравились в плане работы и эффективности, я стал подробно их изучать. Мы накидали «Шмелей» по точкам духов, после чего парни сумели зайти и вытащить ребят. Там еще был духовский броневик, он подъехал впритык и пытался разрушить стену, чтобы духи смогли зайти в школу и парней наших положить. Но не получилось — у нас пулеметчик плотно им накидал. Считай, запугал броневик пулеметом.

Броневики у духов были хорошие, прочные, в него парни стреляли с РПГ — он остановился, заглох, буквально секунд 15–20 потупил, потом снова завелся и давай дальше ехать. Кто-то из РШГ в него в упор выстрелил, попал, а броневик просто забрал своих, и уехал.

Ну все, мы парней эвакуировали, заняли оборону в ближайших домах. Потом нам было необходимо подминироваться — вышли и четыре ОЗМ поставили. Там, получается, по фронту перед нами протянулась лесополоса, а духи — уже за ней. Сапер предлагал поставить растяжки за лесополосой, чтобы, когда они будут подходить к лесополосе, они подорвались. Я же предложил поставить с нашей стороны, чтобы, когда духи

рвались к нам после лесополосы, подрывались. Выставили, отошли.

Потом пришел доклад о том, что погиб **Азов**. Прямо в него дрон запустил ракету, но это было от нас довольно далеко. Духи ракет не жалели, даже на одного человека. На соседней от нас позиции просто человек вышел посмотреть обстановку впереди, и в одного человека ракета прилетела. Ничего от него не осталось. **Азов** классный был пацан, единственный качок, который не очковал в бою. (*Смеется*). Остальные-то качки обычно ведут себя как самые настоящие нарциссы, а вот он прямо красавчик был.

Он успел парней из школы вывести, обойти ее, пацаны потом рассказывали, убил двух духов, вернулся и снова в школу зашел. Это нестандартный человек, я такого первый раз видел. Килограммов 130 весил, только это не жир был, а чисто масса. Здоровый, но при этом сам по себе скромняга. Мы как услышали, что его убили, даже не поверили. Обычно, когда матерые пацаны погибают, ты думаешь: как так получается?

ИСТОРИЯ КУРСКА

— Был такой парень, позывной **Курск**. Он в армии не служил, пришел в отделение неподготовленный и оттого очень сильно переживал. Он ждал боя, чтобы показать себя с лучшей стороны. Чтобы в него не тыкали, мол, нафиг он такой нужен. Старался, учился, заучивал ТТХ, и когда случился бой, он себя очень хорошо показал на самом деле. Я вот не раз уже замечаю, что парни, которые ни разу в армии не были, во многом показывают себя лучше, чем те, что приходят и расхваливают себя — мол, спецназ, то-сё. Всегда в бою раскрывается, кто ты есть на самом деле.

Курск тогда хорошо работал, вылез, не побоялся, отстрелялся. Вот только бой этот происходил в школе.

Зашел в дом перезаряжаться, и тут беспилотник вражеский зашел с тыла. Мы такого просто не ожидали. **Курск** в этот момент стоял на входе в дом, и дрон ракету прямо туда запустил. Там двое погибли — **Курск и Мустафа**.

Утром следующего дня духи сделали хитро — стали по нам зушкой долбить. С ЗУ постреляли немного, с пулеметов, мы им насыпали в ответ. В тот момент **Курск** как раз с крыши пострелял, и поэтому они нашу позицию вычислили. Спровоцировали на ответку, пока в небе дрон кружил и выявлял позиции. Ну, он кружил-кружил, мы внимания не обращали, потому что ну летает он там где-то далеко, его не видно.

Как дело было. **Курск** стоял на входе, **Мустафа** был в соседней комнате. Вроде бы все успокоилось, я пошел в свою комнату, еще думал, постираться или нет. Только сел на матрас, и тут прилет ракеты. У меня аж матрас вырвало из-под задницы от мощности взрыва. На руках такие штуки высыпали... Вот, знаешь, когда защемляешь пассатижами кожу, кровь скапливается под кожей... Вот такое. Выскочил в коридор — **Курск** вообще не шевелился, сразу же погиб, **Мустафа** еще минуту был живой, но он был уже без сознания, тело еще пыталось бороться, но он в агонии уже был. Их как будто изнутри переломало: поднимаешь его, а он — как желе. Когда рядом происходит такой разрыв, ударная волна ломает кости.

Курск был первоход, в армии не служил, это был его первый бой. Он всегда хотел самоутвердиться, мы его называли Гусем за то, что он такой новенький, еще в бою не был, в армии не служил. Нам дали его под опеку, типа смотрите за пацаном. Мы за ним присматривали, а он постоянно хотел в бой, рвался. Мы ему говорили:

— Гусенок, ты пока в бою не побываешь, будешь гусенком.

Вот он и стал боевым гусем. Дикие гуси на мутной воде. Мы его перестали так называть, он уже в другом отделении поработал, стал пулеметчиком. Он мне так-

тический ремень подарил на память, он у меня до сих пор есть. Но, видишь, сработало главное правило пулеметчика, да и любого на войне: движение — это жизнь. Жить захочешь — будешь двигаться, поработал — сместился в сторону. Они с **Мустафой** подружились, в паре работали, и в паре на тот свет ушли оба.

Мы все знали, что дрон еще раз в то же место всегда бьет, и все всё равно бежим помогать раненым. А дрон ждет, что прибегает толпа на помощь, и вторую ракету запускает. И в тот момент, когда дрон ударил, мы были позади, в другом доме. И мы все тогда понимали, что надо бежать к парням, помочь, но если сейчас выбежим, дрон второй раз ударит. И тогда мы к этому дому накидали дымов — обычных накидали дымовух, тубусных, и большие армейские дымы. Заполонили все дымами и под прикрытием дымов прибежали к ребятам. Что удивительно, духи этого ждали, потому что после прилета ракеты прошло буквально минуты две, они закричали «Аллах акбар!» и пошли в атаку.

ПОПЫТКА ПРОРЫВА

— Идет бой, духи идут на прорыв. Мы пытаемся все вооружение вынести, ребят эвакуировать, а я залез на крышу и начал корректировать арту. Мне еще все орали: «Ты чо там, охренел? Сейчас дрон ударит!» Дрон только-только ударил, эти прут, а я начинаю корректировать артиллерию. Причем довольно-таки неплохо корректировал тогда. И вот тогда я заметил — важна смекалка. Тогда получилось случайно, спонтанно, но я это учел: навел арту как раз в том доме, где мы заминировали. Попросил артиллеристов, чтобы миномет накидывал с шагом в 50 метров, приближаясь к нам. По моей наводке расчет миномета начал накидывать и, получается, погнал духов на нас. Они стали убегать от разрывов, вышли на мины

и начали подрываться. Вот именно это нас тогда и спасло. Четыре ОЗМ сработали, они тормознулись, у них пошли большие потери. Когда мы откатились назад, местные сказали, что у духов в этом месте были очень большие потери. Я тогда опять же для себя отметил, что неплохо было бы в дальнейшем такое использовать. Нужно, чтобы противник делал так, как выгодно нам, нужно всегда просчитывать его дальнейшие действия.

УРОКИ ТАКТИКИ

— Но и духи кое-что из боев с нами тогда извлекли для себя. Например, они прохавали такую тему: с русскими в пехоте не надо цепляться. Они начали выманивать нас — так, чтобы начала огневая точка работать, и по ней уже дрон будет работать. Они поняли четко, что не вариант по пехоте с нами тягаться, но когда мы начали выносить «двухсотых», они стали нам накидывать с миномета. Причем сначала хорошо так клали — все рядом, близко. И спасало то, что, если промахивались мимо двора, мина попадала в песок и не взрывалась.

Сами мины плохие были. Возле меня одна упала метрах в трех, попала в ступеньку, причем ударилась не взрывателем, а краешком — то есть немножко не хватило. Попала, задымилась, как будто кто-то дымовуху из наших бросил, а потом я смотрю — это мина. Но если бы она взорвалась, то все, кто были во дворе, наверняка бы погибли.

А еще кампания в Триполи показала, что АГС — это очень эффективное оружие. Опять же, если говорить о том, что необходимо в такого рода операциях — это 30-е АГСы. Мы научились их очень хорошо использовать в условиях города. Никогда не стреляли прямой наводкой, всегда стреляли по навесной траектории. Меня не видно, а у них с неба прилетают разрывы: их много, выпускаешь

15 выстрелов — и представляешь, какую площадь они накрывают? Даже если АГС никого из противника не зацепит, то психологически пережить такое тяжело. Духи их не любили и быстро убегали. Еще всегда полезен был гранатомет ГМ-94 — самая лучшая вещь для головного дозора. С него можно в форточку забрасывать с двухсот метров. Именно в городе это вообще незаменимое оружие.

О НАСТОЯЩЕЙ БОЕВОЙ СЛАЖЕННОСТИ

— Когда соседний взвод попал в окружение в школе в Триполи, на помощь ночью нас подняли, командир дал приказ выдвинуться на перекресток. Выдвинулись, начался бой через дорогу с противником. Но противника оказалось намного больше — подтянулось еще около 15–20 броневиков. Они все выдвигались в сторону школы для того, чтобы окружить оставшийся там наш взвод. Мы вступили в бой, отчаянно сражались, но тяжелая артиллерия и минометы не смогли нам помочь: одни из-за того, что летали дроны, другие из-за дальней дистанции.

Рубились мы тогда отчаянно, но вынуждены были отступить. Командир дал команду взорвать весь БК, который был, а все носимое забрать с собой. Начали отступать и уже практически попали в «подкову», но благодаря «Утесам» и АГСу все-таки вышли. С другой стороны, нас пытались закрыть на прежних позициях, с которых мы выдвигались. Но мы их опередили и встретили мощным огнем.

Запомнилась слаженность взвода. Хотя сам взвод был укомплектовал хаотично, нам повезло, что у нас не было ни одного «пятисотого», к тому же 70 % «трехсотых» пытались встать обратно в строй. Команда была слаженная, взвод был хороший.

Запомнилось то, что все держались друг друга. Например, АГС нас прикрывал, а весь взвод фактически

заряжал утки, ленты. Все, кто мог, кто хоть чуть-чуть свободен был, «Утесники» занимались своим делом, АГС — своим. Каждый занимался своим делом, и не было такого, что кто-то где-то спрятался, испугался или еще что-то. Идеально. Особенно хотелось бы отметить агээсников — окружение нас противником было практически остановлено благодаря расчету АГС. Командир был хладнокровен, и это был реально боевой командир взвода.

ИСТОРИЯ ОПЕРАТОРА АГСА

— Самая запоминающаяся история у меня произошла как раз в школе. Мы приехали туда, а там бой в самом разгаре, непонятно чего куда. Ну мне вот крикнули ребята: «Давай, надо стрелять».

Вообще, как мы изначально планировали, надо было провести огонь по зданию школы, по второму и третьему этажу. Я посмотрел — я ее не вижу.

— Где школа? — спрашиваю у командира.

— Видишь розовое здание?

— Вижу.

— Туда стреляй.

А место — полная открытка, и расстояние до этого здания где-то метров 300–400 было. В этом еще была сложность для АГСа: если я выбегу и поставлю его на открытку, я максимум смогу сделать пару выстрелов, и меня уложат. Но ничего не оставалось делать — выбежали, поставили АГС, начали стрелять в это розовое здание. Кстати, оказывается, это не школа была, в этом розовом здании сидел снайпер, и может, даже не один, который двоих наших «задвухсотил». И вот когда я уже накидал в это здание, по рации ребята начали орать: «Давай, долби, не останавливайся. Только не останавливайся!» Видимо, помогло.

У меня с собой БК было четыре короба заряженных — в один миг они кончились. Ребята рядом сидели у меня, перезаряжали всё, успевали. И в какой-то момент АГС до такой степени охренел от плотности огня — я знаю, что такое бывает, причину не знаю, — что в какой-то момент у меня при выстреле граната разорвалась где-то метрах в пяти-шести от меня. То есть она только вылетела — и сразу разорвалась. В этот момент я немножко так очканул, привстал посмотреть — все вроде целое, все нормально. Давай дальше стрелять.

Ну и все, такой момент: когда стреляли в розовый дом, на траектории полета гранаты находились провода. Естественно, по-другому никак там было, стреляли-стреляли, и в какой-то момент граната задела эти провода. Естественно, взрыв, провода попадали. Бой вроде поутих уже, и тут вижу — идет один наш парень, за шею держится. Кровь течет.

— Что случилось?

— Да походу мина прилетела, осколком цепануло.

Его увели, перевязали. Он буквально дня два полежал в госпитале, потом приезжает, дает мне осколок, который ему шею цепанул:

— Вот осколок, возьму себе на память.

Я на осколок посмотрел — и обомлел. Я знаю свое оружие и знаю, от чего это осколок — он мог быть только от АГСа. Он особенный: маленький и с прорезями. Ну я ему говорю:

— Ну, все, что будешь получать на базе за ранение, компенсацию — помни, что пятьдесят процентов мои.

— Как так?

— Ну это от АГС осколок. А там стрелял с АГСа только я.

— Да ладно?

— Ну вот так.

Посмеялись с ним вместе.

ОТЧЕГО ЛЮДИ ГИБНУТ?

— Я понял закономерность. В мирное время, когда боев нет, народ начинает искать себе приключения на задницу. В чем это заключается? Вот на «Липецке» месяц назад человеку оторвало ногу — человек приехал первый раз, первоход. У него привычка была лазать по помойкам, по заводам, разбитым домам, заброшкам и что-то искать. Ну вот такая гражданская привычка. Вроде 50 лет мужику, он должен быть адекватным или уже неадекватным, а он вот лазает. Ливийцы говорят нашим: «Скажите этому дурачку, чтобы перестал лазать, здесь мины».

Ему сказали, но он все равно долазался. На одной из таких помоек ему оторвало ногу, и дальше все очень плохо пошло. Уже в России через месяц из-за оторванной ноги его накрыл инфаркт, тромбоэмболия называется, и он умер.

Но в Ливии мин было меньше, Сирия же вся была заминирована под завязку. И вот 2018 год, закончилась война, и начались ранения «по дурости». Пошел за угол — подорвался. Водовоз едет по дороге, все нормально, все отлично, и вот ехал бы по прямой, по трассе — обошлось, но нет, он решил обогнуть. Зацепил обочину — подорвался.

Мне кажется, такое происходит оттого, что от безделья кукуха начинает плыть. Начинают даже собственные рюкзаки минировать. Было такое. Один заминировал, другой ночью залез — граната взорвалась. Третий в метре от палатки заминировал, выходит ночью на воздух и на этой же растяжке подрывается. Третий лег спать и под подушку зачем-то мину положил. И вот таким зачем-то занимаются.

Если брать непосредственно бои, то в Сирии были в основном пулевые ранения. Там был контакт, со стороны мало было артиллерии, в основном стрелковка. И парни тоже рассказывают эти истории: прямо стрел-

ковый хороший бой был, куча у них историй. «Четверка» есть легендарная, у них там зам по бою есть с классными историями. У него на пузе гранаты взрывались даже. У него была теория, что вообще гранаты не убивают. Он это, правда, и доказывал, что они не убивают, причем на себе. В двух метрах от себя кидал РГД-5, ложился — рядом никого ничем не убивало.

Поведение под выбросом адреналина у всех разное после боя. Кто-то раненый приезжает после боя тихий, затухший, а у некоторых прямо адреналин прет наружу, как из рога изобилия. У людей очень тяжелые ранения, а они на ногах в неадеквате: «Все, давайте, перевязывайте, я вот завтра, я вот сейчас поеду снова на фронт». Таких в принципе процентов тридцать, но это, скорее даже, старые кадры, которые прямо адреналинят на этом.

Более-менее пообтертые ребята, когда получают ранения даже средней степени тяжести, может быть, даже некоторые легкие, у них есть адреналин. Когда они поступают, им предлагают: «Давай завтра планируем вертолет на эвакуацию в Россию». А они отказываются, мол,

дальше будем воевать. Но они лежат, на день их оставляешь, а на следующий день привозят новых раненых. Ранения серьезные бывают, оторванные руки и ноги. На эти вещи довольно жестко смотреть, хотя уже, может, перспективно, через пару недель этот боец может пойти снова в строй. Но все равно есть правило: если человек «затрехсотился» у него есть право уехать. Это по отношению к среднелегким.

А те, кто день назад прибыл, смотрят на это все. Потом проходит один день, он это видит все, проходит второй день, крики, стоны. И на третий день парень говорит: «Не, надо домой, я поеду». То есть человек начинает понимать, что следующим может оказаться он.

Особенно опасными бывают легкие. Ему говоришь: «Давай, ты поедешь домой, полечишься». Он ни в какую: «Нет, я снова пойду, возвращаюсь в строй». Он идет туда, а через пару дней приезжает тяжелым «трехсотым» или даже «двухсотым». И когда вот это вот видят многие, они говорят: давай-ка я поеду домой. И большая часть прямо вот да, через 2-3 дня, видя все это, понимая, что из легкого, испытывая судьбу, можно стать тяжелым «трехсотым». И много уезжает. Ну это чисто наблюдение такое, психологическое.

Вот помню одного, мужичок такой, он для своих 55 лет просто красавчик. Бывший гимнаст какой-то, жилистый такой. Первое ранение не помню, легкое какое-то. Как вариант, можно было еще полежать дней пять, в строй бы он пошел. Домой он вообще категорически ехать не хотел. Говорит: «Там мои парни, не-не, как я буду лежать, как же я взвод оставлю?» И буквально проходит три часа, и у него в руке разрывается ВОГ, разносит всю руку. Я ему: «Ну вот что ты? Через пять дней бы пошел, такого бы не было. А ты так рвался...» Вот говорят человеку, что ему немножко надо охладиться, подумать, немножко поразмыслить. Но не слушает.

КАК ПРОДВИГАТЬСЯ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОГО БОЯ

— Особенно в ноябре, когда мы начали плотно работать. Раньше расстояния были большие между отделениями, и это было очень неудобно. Видимо, все-таки потом, когда опыт появился, дошли до того, что стали идти максимум в трехстах метрах между отделениями. Вот тогда стало удобнее. Когда мы могли друг другу помогать в случае чего.

Ну вот мы взяли какой-то рубеж, закрепились на нем — потом дней пять стоим. Все это время выявляем огневые точки противника. Ребята-штурмовики стоят впереди, засекают — вон там появляются, в том доме сидят. Потом по этим наводкам корректировали туда арту и беспокоящий огонь постоянно. И вот через недельку, когда уже противник вымотан, уходил или там оставался, тогда начинали их выдавливать потихоньку.

ПОДРЫВ ГРАЖДАНСКОЙ МАШИНЫ

— Был случай, мы стояли на дороге, прикрывали работу другого взвода. Довольно глухое место, транспорта не было, движения не было — бои тогда проходили в частном секторе, и, естественно, там гражданских не было. Но одна из гражданских машин хотела куда-то проехать. И мы видим — проезжает она мимо нас и подрывается. Мы потом место осмотрели — подорвалась она на какой-то хитрой иностранной мине.

Пацаны увидели, выскочили, подбежали к машине — там оказались девчонка маленькая, мальчик, отец за рулем и супруга. Машина была изувечена, колеса спущены, раненые все. Девать их было некуда, но командир молниеносно принял решение:

— Выгнать броневик из засады, срочно доставить в госпиталь.

Все переживали за них, как у них там дела, но как потом узнали, все выжили. Врачи оказали помощь, довольно квалифицированную, и все остались живы.

ПРО ХАРАКТЕР КИРГИЗА

— Бои шли постоянно. Каждые 2-3 дня там перестрелушки были. Командиром отделения был **Киргиз**. Он вообще из любого оружия мог стрелять. С тяжелого вооружения, с «Сапога» мог, из СВД мог стрельнуть.

В бою он был веселый. Он все в жизни пытался сделать так, чтобы и ему, и другим было весело и прикольно. Конечно, к службе по-другому относился. Поймал осла один раз. Положил на него ковер. Сам надел тюбетейку, халат и катался по селу, короче, в гости других звал. С музыкой, колонкой там: «Едем, едем в соседнее село на дискотеку». Ну, там вообще весело. Такой. Все это про Киргиза, да.

Да все нормально было, с приколами. У него со всеми было нормально. Конечно, по службе был требовательный пацан. Ну, сам всегда впереди лез. Впереди всегда интереснее всего.

Сейчас про знакомство с **Киргизом** расскажу. Характер у него тяжелый был. Он сам парень компанейский, но где-то у него свои тараканы в голове. Постоянно, в каждую командировку ездил. С начальством постоянно конфликтовал. Когда кончались боевые действия, то его отправляли в такелаж, назначали командиром «такелажки» — и он там просиживал, пока войны не было. Когда была война, его обычно командиром штурмового отделения ставили или командиром тяжелого вооружения. Если **Киргиз** принимал на себя тяжелое, допустим, он это все оружие сам осваивал. Он мог с «Сапога» сам стрельнуть нормально, очень метко. И с АГСа, с «Утеса», со всего.

Вообще, я считаю, что самые боевые отряды в компании — это 1-й, 3-й и 4-й, «копейка», наша «тройка», и «четверка». Самые боеспособные. С кем бы мы ни разговаривали из других подразделений, например с «двойкой», они всегда говорят, что мы самый классный отряд, у нас такая подготовка. Если судить, кто как работу делал и кому выпадали самые сложные и серьезные задачи, то в основном лучше всех справлялись «копейка», «тройка» и «четверка».

Так вот, основной состав отряда тяжелого вооружения — это бывшая «тройка». А те, кто уехал из ЦАР из-за малярии и всего прочего, в другие отряды прибились. Мы попали в шестой отряд, были в разных взводах, они были резервом, я был первым у **Гранита**. Потом, когда стали «семерку» собирать, опять все с «тройки» перешли, опять разведвзвод весь из «тройки» был. Взвод **Тора** практически весь был набран из «тройки», плюс еще с «копейки» пришли пацаны.

Киргиз себя очень круто проявил. Он прикрывает, он там всех крошит, идет буквально под огнем. Вот видит, допустим, где-нибудь душара вылез из-за забора, а мы идем, никто его не видит. Тут **Киргиз** — раз, спалил этого духа, с ним начинает перестрелку, стреляет, убегает. В боевой обстановке — это вообще. Он веселый, постоянно на приколе, не строит из себя серьезного, типа Терминатора или Рэмбо. Но в бою — он прямо наш братишка, бесстрашный.

Один раз **Киргиз** со «Шмеля» попал в зушку на 300 метров. В общем, стояли деревья, между ними промежуток шириной с метр. А зушка стояла там дальше, на одной линии с ними. А где забор, у него торчит чуть-чуть зушка. **Киргиз** просто вылез на крышу со «Шмелем», целился, целился, дышал, дышал так: ву-у-у-ух, выдох, выдох, в-у-у-уф... И загорелось, короче. Такой вот он был. На войне он всегда ответственный. А вот по жизни — раздолбай, у него постоянно были проблемы. В «Липецкую» командировку он просто... Не знаю, может, пред-

чувствие сработало, но в эту командировку он вообще ни с кем не поругался. Просто жили нормально. Я даже сам удивился, хотя **Киргиза** знал уже очень давно.

ДИАЛОГ О БОЯХ В ТРИПОЛИ И ТАКТИКЕ

— Здесь, в «Липецке», мы постоянно использовали тактику. Были во время войны подразделения штурмовые, инженерные, саперные бригады, которые насмерть штурмовали. Во многом опыт Великой Отечественной войны помогает в таких войнах. Но сейчас уже современные войны, много приборов появилось. Ночью, по снайперской теме, уже сложно куда-то прокрасться, потому что «ночники» видят. Раньше могли подползти там.

— Ну да, даже на 100 метров нереально.

— Не, реально, но намного сложнее. Но опыт Второй мировой мы используем до сих пор. Допустим, пример: у нас была группа маленькая, которая использовала удлиненные снаряды — они все дыры пробивали. Неважно где, в зданиях, заборах. Когда на объект заходили, они приносили с собой огнеметы ранцевые и все выжигали (у нас вместо этого «Шмели»). А так то же самое: палку или килограмм восемь тротила к забору приставили — дырка большая получается.

Духи держались такой тактики: малыми группами удерживали малые направления, допустим, улицу. Выйдешь, метров со ста отработают кого-то, и это уже потом операция по эвакуации получается. А вот тут мы ходили там, где нам надо. Мы просто пять дырок пробиваем и выходим у них сбоку, допустим. Им приходится либо отступать, либо просто валить со всех ног...

— Навязывают бой уже не они...

— Тактика Второй мировой войны. Может, я ошибаюсь, но вроде это **Киргиз** предложил. Обычная палка на веревке. На самом деле не он придумал, а во всех спец-

подразделениях, даже в России, в Белоруссии, это проходят. Это удлиненный заряд называется.

— Может, в спецподразделениях это и проходят. Вот только опыта штурма столицы у нас не было со Второй мировой. Здесь мы тоже не сразу сообразили, как надо делать. И вот **Киргиз** предложил удлиненный заряд ставить... Сколько там, палка — метр-полтора, тротиловые шашки навесим или пластидом обмотаем, килограмма 4-5, может. И все, после этого сапер подбегает, к примеру, к забору. Поставили, отбежали, взорвали — и штурмуем.

— Бывает, что приставишь палку к забору, а там буквально сразу за стеночкой в доме духи сидят. У них ка-ак даст, так они потом, после взрыва, выбегают оттуда оглушенные.

— В одном бою мы даже коктейль Молотова закинули. Идею тогда вроде тоже **Киргиз** предложил?

— А я не помню, я тогда лежал контуженный в госпитале.

ДИАЛОГ ПРО ШТУРМ ТРЕХЭТАЖКИ И АДСКИЙ ВЗРЫВ

— Вот тоже про один бой расскажу. Задачу поставили — дом трехэтажный штурмовать. Пошли, дом взяли по-быстрому, а штурмовые взводы не могут продвинуться сзади. Пришлось нам таким острием встать спереди. И тут спереди по нам начинают работать со всего, что имелось у духов: тяжеляк, «Сапог», «граники» — все по нашему дому. Тогда командира первого штурмового взвода «затрехсотило». И **Немец**, наш командир взвода, пошел помогать им.

У нас, получается, два командира осталось вместо него — **Шатер** и **Липецк**. Пока **Немец** ходил помогать, мы рванулись вперед и начали штурмовать передок. Четыре штурма мы делали за день. За один день.

Одно отделение обороняется на втором и третьем этаже, а кто с первого отделения идет — штурмует. Одно отделение — это восемь человек. И вот представь: восемь человек оборону дома держат, а вторые умудряются штурмовать. Такие моменты были.

И вот, мы штурмуем передок, и к одному дому уже не можем пробиться, чтобы выбить оттуда духов. И тогда **Киргиз** предложил коктейли Молотова. Тоже психует вовсю. А там у духов штаб был и склад боеприпасов большой. И коктейль Молотова кто-то ж закинул. Ну, чтобы их сжечь... чтобы они вышли. Короче, только под вечер мы их оттуда вывели.

Когда к этому дому подбегали отделением, первым туда рванул **Чужой**, сапер наш. Поставил сначала заряд — взрыв. Заряд небольшой, обычный такой. А там стены большие, толстые были, только маленькую дыру пробили. Сверху духи простреливают нас, и надо было пробежать метров десять от забора до дома. Это какое мужество надо иметь, чтобы заряд положить, зажечь его и смотаться?! И в итоге **Чужой** психанул, когда второй раз туда подбежал. Уже второй или третий раз. Такой заряд мощный поставил — просто караул...

— Не, там взрыв был не из-за **Чужого**, а из-за МОНки. У тех, кто со второго этажа отстреливался, у них та сторона стены глухая была. Мы, когда подошли, туда поставили мину направленного действия, МОН-200, примотанную к палке. Прям к стене прислонили, протянули провод, но пока мину тащили, линия оборвалась, и она не сработала. И когда бой пошел, один тип из наших саданул эту МОНку из «Шмеля». Взрыв был адский. Мы потом, когда зашли в дом, увидели, что от духов ничего не осталось, все в крови и кишках было. Получилось, что МОН сработала от «Шмеля», то есть «Шмель» как бы завел мину. У духов там потери очень большие были.

— Там перед этим домом новостройка была, такое же здание, только маленькое. Я из-под него выбегаю —

и прям возле головы пролетело. Ну, контролируют... все контролируют. Там в доме было много БК, «Сапог» там, ДШК. Ружье импульсное первый раз увидели. Наши снайперы чуть из-за него не передрались — друг у друга выхватывали... В таком большом классном кейсе лежало. «Мое ружье!»... Ну, думали, че такое — иностранная винтовка. Оказывается, импульсная винтовка была. ДШК там стоял прям внутри. В здании духи пробили бойницу небольшую, они туда подтаскивали БК и спокойно с ДШК работали. Под «Сапог» там тоже была дырка сделана.

Машин пять там ездило. Первую машину мы с **Киргизом** проморгали. Как бы они за забором гоняют, и их не достать ничем.

— Когда подходили к этому дому, по нам метров с пятнадцати начала работать бронированная «безоткатка». Прям выезжает на нас, мы в упор ее расстреливаем. И все, поняли, что там духи — метров 25, наверное.

АЗАЗИЯ: ПОВОРОТ НЕ ТУДА

— Начало сентября. Прошел штурм, и на следующее утро, где-то в полпятого, нам сказали, что есть еще задача. Едем в сторону Азазии, ночью, без фар — там «Байрактары» летали постоянно, могли засечь. Там за горкой «пожарка» стояла, резервный взвод, нас туда перекинули, а оттуда уже — в сторону Азазии.

Задача была — пройти там километров пять вперед. Типа в качестве разведки. Плюс должны были под контроль одну дорогу взять, асфальтированную. Повел нас туда командир отделения. Идем, идем. Одну дорогу прошли, короче. Время полдевятого, выдвинулись полседьмого. А он нам не дает планшет, типа: «Я сам разберусь, вам нельзя». Типа, вы новые бойцы. А он замкомвзвода был, его как командира отделения поставили.

Вышли на дорогу, посмотрели — здесь танки ездят. Мы не знали. Он говорит: «Это наш, садыковский танк». Потом «Байрактар» летает над нами. «Байрактар»-то мы знали, что не наш.

Время уже полдвенадцатого. Мы доходим до одной деревни — там открыто везде, и деревня стоит между полями. Я у местных жителей спрашиваю: «Где эти... враги, „аду"». Они: «Не понимаем». Они первый раз увидели русских. Пообщались, нам сказали — воины в мечети сидят. Поняли, что мы это... заблудились. Говорят — туда не надо ехать, обратно возвращайтесь.

А старший наш все не унимался, говорит: «Вот высотка, еще километра три идти вперед. Там высота, там залезем, там нормально, все видать». В итоге мы у него отобрали планшет... Ну, наш командир отделения отобрал. Смотрит, а мы вообще за линию фронта перешли уже — где враги сидят, получается.

Понимаем, что это вообще серьезная ошибка. Зашли в гражданский дом, двухэтажный такой, небольшой. Хозяева нормальные оказались, они нас пять дней кормили. Мы там семь человек в доме, не выходили. У нас денег нету, как обычно. Хозяин сам возит продукты вечером, на свой страх и риск. Хлеб привозит. Он сказал: «Главное, на женскую половину дома не заходите».

Ну все, ладно, понятно. Мы на втором этаже выставили наблюдателя и на всякий случай заняли соседний дом. Там уже никого не было — гражданские ушли оттуда. Мы пять дней не могли выйти на улицу: не дай бог кто-нибудь придет, а нас всего семь человек там... Что там сделаешь?

Там, в деревне, метрах в семистах стабильно взрывалось — 155 мм, гаубичная артиллерия. Капониры стоят — три штуки, и в нашу сторону стреляют. Нашим сообщаем, минометчикам, они говорят: это слишком далеко, не долетает. Потом в планшет смотрим,

а в пяти километрах сзади находится наша позиция. А мы тут торчим.

Закончилось тем, что фронт чуть передвинулся к нам. Старшина успел, подъехал, мы загрузились и смотались к себе ночью.

РАБОТА С ЛИВИЙСКИМИ ОПОЛЧЕНЦАМИ

— Когда ливийцы резко продвинулись, они, получается, очень сильно отодвинули фронт. Проблема была в том, что в тылу остались недосмотренные дома — ливийцы в них зачистку даже не проводили. Шли вперед без зачистки. Ну, и наш разведвзвод выдергивают — идите на досмотр домов, которые оставили ливийцы. Проверьте, все ли там нормально. Задачу поставили и в усиление нам дали садыков: ливийцы, не армейские — ополченцы, человек 80, наверное.

Снабжение у ливийских ополченцев было из рук вон плохое. Например, у одного негра спаренный магазин — а там по три патрона всего. Три и здесь три, шесть патронов на два магазина. Потом пулемет смотрим — 10 патронов. Пришел гранатометчик, а у него мало того что заряды без пороха, так еще и просто обычный баллон газовый воткнут в гранатомет. И смех и грех.

Ночью мы прошли вперед, видим — 3-4 дома не досмотрены вообще. Меня назначили старшим на отряд из 10 ливийцев, я им ставлю задачу — объясняю, как надо дом досматривать. Они, не дослушав, все вместе побежали до дома. И вот этот гранатометчик, который с баллоном, через забор перепрыгивает и типа осматривает с гранатометом этим.

Короче, затупили. Я им кричу: «Сто-о-о-о-оп», короче, назад. Объясняю им: я иду первый, вы за мной. А то ну нахрен, еще напорются на что-нибудь, не буду посылать их вперед. Идем тихонько, смотрю — там вы-

сотка такая, метров 50, главенствующая высота, и там деревня. Говорю пулеметчику: иди, мол, ложись на высоту. Показываю. Тот пошел, короче, и не лег, а за высоткой так сел, чтобы его не видно было. Наверх не полез, просто как бы сзади стоит, прикрытый от всего. Я ему показываю — туда ползи, наверх, а он — нет, боится. Я к нему негра отправил, того, у которого спаренный магазин с тремя патронами. Говорю ему: «Объясни ему, чтобы на высоте лег, контролировал и прикрывал нас, чтобы, когда мы заходили, к нам с тыла не зашли». Тот побежал, короче, ему что-то говорит минут пять, и они оба сели сзади.

К черту их, думаю, пошли на досмотр. В итоге все шесть часов я осматривал дома в одиночку — их оставил на улице и один захожу в дома. Там оружие находим, гражданских находим — сдаю в полицию ливийскую. Потом прикол был. Уже полвторого дня, я к одному дому подхожу, он уже совсем близко к фронту был. Смотрю — пикап стоит, и на нем «Утес» с оптикой. Вроде на наш пикап похож. Я из-за забора посмотрел и спрашиваю старшего ливийца: «Наших нету?» — «Нет, нету». Я говорю: «Точно нету наших?» — «Нету».

Ну, думаю, попали. Потихоньку открыл калитку — там сзади такая щеколда была. Открутил, открываю, а ливийцам, негру с автоматом и гранатометчику, говорю: «Сзади идите». И вот иду, иду, потихоньку досматриваю. Пикап смотрю — думаю, трофей хороший. И только собрался в дом заходить, как оттуда выходит какой-то бледнолицый. Спокойно так вышел и нас увидел — меня и ливийцев. Смотрит, застыл, короче. Тут до меня доходит весь идиотизм ситуации, и я кричу: «Не стреляй, свои!» Понял, что наши. Оказывается, там, вокруг этого дома, точка работы миномета была.

Вот такой уровень у ливийцев был. Спрашивал же несколько раз: «Есть свои?» Нет, нету. А если бы огонь открыли? Жесть, короче.

ПРО ЗДОРОВУЮ КОНКУРЕНЦИЮ

— Было место для здоровой конкуренции между пацанами. Например, если кто-то духа опасного ликвидировал или их пикап угробил, начальство подойдет и скажет: «Молодец». А потом весь взвод будет бегать, чтобы еще как-нибудь выделиться — хорошо позицию подготовить, выявить вражескую огневую точку, и все такое. Этакое соревнование получается. Потому что на фоне отличившегося человека все тоже хотят выделиться. На войне такая конкуренция хорошо помогает — в разумных пределах, конечно.

ОСОБНЯК В ТРИПОЛИ

— В Триполи такая история была. Наше отделение, разведвзвод с «семерки», заходит в один дом, двухэтажный такой особняк. А напротив нашего дома, метрах в 30, стояла огневая точка духов с зушкой. Мы сидим в особняке — один раз позицию духам сожжем, второй раз... и так неделю продолжается. Нам команды не поступает, чтобы дальше двигаться, да и духи устали, не хотят воевать. В итоге мы всю неделю там перестреливались.

Уже от нечего делать прикол придумали. Как духи выставляли наряд, мы их с подстовольного гранатомета гоняли. Если с позиций начали отрабатывать цели, я с ГП по ним — хренась! И дальше залегаем, как будто не мы вообще. Типа под шумок что-то прилетело.

Наконец спустя неделю команда поступает, идем штурмовать вперед, с нами **Киргиз**, командир отделения. Ходит **Киргиз**, думает, как бы духов штурмануть. Ну, в итоге придумал. Сзади от нас там пятиэтажка была, метров 400 от наших позиций. Мы на нее «Утес» подняли, пробили бойницу на парапете... Ну, на балкон выхо-

дишь, там такой парапет. «Утес» взял под контроль дорогу, по которой духи в теории могли на помощь приехать.

Наступил вечер. Мы сидим, ждем вместе с **Чужим**. Хороший парень был. Он сапером работал, служил раньше в 45-м полку, а в 2014 году на Донбасс поехал добровольцем. Человек он был специфический. Когда боевые действия были, он в первой линии всегда бегал, стрелял. А когда война кончалась и нужно было сидеть, окапываться, позиции ставить — все, он превращался в разгильдяя. Когда такая работа начиналась, **Чужой** постоянно ходил и стонал, мол, все ему надоело...

Но когда война была, он прямо мощно работал. Профессиональный сапер. Вот мы, допустим, где-то штурмовали что-то, отошли в район. Так он мог вперед выдвинуться — туда, где уже духи сидят. Он мог спокойно вперед выйти и заминироваться. Один раз его духи даже обстреляли: ему вперед выдвинуться нужно было, он там управляемый заряд ставил, и тут его духи начинают гонять. Он слышит, за забором затвор передергивается, они по нему начинают огонь, так он от них, петляя, потом убегал.

Все, сидим, и он: «Собирайся, на штурм пошли».

ОСОБНЯК В ТРИПОЛИ (ИСТОРИЯ С ДРУГОГО РАКУРСА)

— Как это у нас было. Пока нас с «Утеса» сверху прикрывали, мы вышли на одну улицу. Мы уже к тому времени знали (получили снимки с дрона), что у них в этом доме скопление духов. А дом находится в самом конце улицы, справа. Улица узенькая, может, метров 10–15 в ширину, и заборы по бокам большие. А впереди, на пересечении, тоже дом стоит, в нем духовский опорник находился.

Мы, кстати, тогда освоили новый способ борьбы с духовскими бойницами. Короче, мы засели в доме,

установили «фишки», все нормально. И видим, напротив, метров 200–300 — духовская бойница, и по ночам к ней кто-то подходит. Так ее как бы не видно, но на тепловизоре можно засечь, прям отчетливо видно. В «ночник» не видно, а на «тепляке» видишь четко. Ну мы этим и пользовались, короче: когда кто-то к бойнице подходил, когда снайперы долбили или гранатометчики, мы тоже команду даем, сечем в тепловизор, и как только тепло появилось, сразу в стенку рядом с ним долбим. Мы их постоянно в напряжении держали — там, наверное, все охреневали, как так ловко мы их сквозь стены видим?

Мы командиру несколько раз говорили: «Давай штурманем этот дом», а он нам: «Пока команды нету». К ним туда даже снайперы приезжали с 12,7-мм винтовками, дальнобойным, чуть **Назара** не подстрелили.

Подходим к нему по улице в шахматном порядке, а **Киргиз** идет со «Шмелем» уже разложенным. Туда — раз, стреляет, в этот дом на пересечении. Оттуда «ва, ва», — крики.

МАКСИМАЛЬНО БРОНИРОВАННЫЙ ПИКАП

— Мне говорят: «Зайди на дом, с дома прикроешь». Я первым захожу, мы с **Монолитом** стоим, позиции делаем, окна. И тут на улицу выскакивает пикап, прорывается к нашим. До первого, кто был — до пулеметчика, засевшего за оградой, — он метров семь не доехал. Я просто вижу картину, короче: пикап вылетает — и его сразу с двадцати стволов начинают долбить. У него сразу лобовуха падает, рикошеты от него отлетают, загорелся почти сразу, и потом такое затишье повисло. Тут у пикапа двери открываются, и из машины выкатываются типы — один ковылял, видимо, раненый был — и быстро свалили от пикапа. Они, наверное, думали, что мы еще не зашли, и выехали как раз на нас.

В чем прикол? Выжили эти духи. По ним пуль триста, наверное, прилетело, не меньше. По пикапу 20 человек долбило, а пикап, видимо, бронированный был. У меня на глазах лобовуха такая вся белая стала, не выдержала, упала. Они, наверное, потом, после такого опыта боевых действий, больше не воевали. Если выжил в изрешеченном пикапе, то потом воевать резко перехочется.

Пока пикап полностью не загорелся, к нему **Бакарди** подбежал, давай в нем копошиться. Там пулемет стоит на переднем пассажирском сиденье. Он этот пулемет хватает, мол, добро пропадает, а ему **Немец** говорит: «Вали оттуда, там сейчас БК взрываться будет». Так и не вытащил этот пулемет. Пикап сгорел. Но потом мы зашли в тот дом, по которому **Киргиз** стрелял из «Шмеля». Там «Элька» — Mitsubishi L200 — стояла со станиной, пулемета не было. Духи там оставили много еды и боекомплекта.

Потом там же пацаны нашли бронированный «Ленд Крузер». Но его мы никак не могли завести. Там какая-то умная система, ничего не могли сделать. Интересно другое: в этом бронированном «крузаке» духовская карта лежала, а на ней отмечена вся их нумерация домов. Мы-то как делали: когда надо навести огонь или уточнить местоположение, нам адрес скидывали и сокращенные прямоугольные координаты — по «улитке», как говорится. А у них все дома были просто пронумерованы — им так было легче ориентироваться. Если они что-то передают, они говорят: дом 57. Потом наши начали пользоваться этим методом, начали дома нумеровать по-своему. Просто говоришь: «Вижу противника в 57-м доме», — и все, всем понятно, где.

ТАКЕЛАЖНИК ПЕТРОВИЧ

— У нас в «семерке» такая тема была. Когда привозят после штурма контуженных в госпиталь, естественно, отряд остается недоукомплектованным. Народу не хва-

тает во всех взводах. И все, кто приезжает в госпиталь с легкими ранениями, там, с осколками, сразу просятся назад: «Вы меня назад отправьте, я все уже, там пацаны не могут, не справляются». У нас на тыловой базе, на «такелажке», сидели старые мужики, все рвались, все хотели в отряд. Просятся, мол, там народу не хватает, мы хотим.

Ну и был такой момент. Отправляют к нам с тыловой базы «такелажника» **Петровича**, он в Первую чеченскую воевал в спецназе ГРУ. Его привозят, помню, как его в график заносил: «Как позывной? **Петрович**? Сам себя запиши». В итоге он ночь всего лишь у нас провел, на следующий день в дом прилетает — его назад увозят. **Петрович** просился к нам в разведку, прорывался, а получилось так, что только сутки провоевал.

Там как дело было. Мы с **Петровичем** тогда на кухне сидели, беседовали. Мне всегда интересно было, как в Первую чеченскую воевали. И вот, он рассказывает, и тут 155-мм арта начинает обрабатывать наши дома. Сначала слева прилет, потом что-то вправо ушло. Думаю, угол поменял, надо уходить. А **Петрович** и говорит: «Да нет, перед нами большой дом, им не попасть». Типа угол не тот, бетон, снаряд не пролетит через дом. Мы на всякий случай сразу ушли оттуда — и как вышли, прилетело в боковину дома, как раз в кухню. Полдома разворотило.

Слава богу, никто не погиб. А ведь там сидел командир отделения, там сидел **Киргиз**. И как они тогда выжили, ума не приложу.

Я сразу оделся, сорвался, говорю: «Надо в подвал, пересидеть». Остальные тоже говорят: мол, все нормально, дома высокие, угол не тот, только макушку зацепит. В итоге слышим лютый взрыв. Вчетвером туда срываемся, я говорю: «Зачем ломиться, они же еще раз стрельнут». Тут смотрим — из того, что было кухней, выходит **Киргиз** вместе с **Енотом**. Оба в известке, белые. **Енот** такой говорит: «У меня штанина мокрая». Мы сначала думали, что обоссался...

Вообще нас тогда всех переконтузило. А мы с контузией редко ложились — у нас весь взвод и так обычно контуженный. Четыре дня пролежал в госпитале, а там, чтобы курить, надо на балкон идти. Я **Отцу** говорю: «Выписывай». У нас в отделении осталось четыре человека. Я говорю: «Хотя бы на посту буду стоять — хрен с ним, что ковылять буду». Через четыре дня приехал еще пацан, чтобы поддержать, а я на посту простоял, хоть тоже парней разгрузил.

ИСТОРИЯ ПЕРВОХОДА

— Про **Петровича** рассказывали, как его ранило. Его увозили, и в этот момент привезли меня. Как бы навстречу. Как раз я приехал, парни рассказывали про двух человек в белой известке, — я их встретил. Они кричат, я говорю: напарник приехал. Естественно, подготовки никакой сперва не было. Мне выдали ящик с патронами и ящик с гранатами. Вот и вся подготовка: вон гранаты, вон патроны. Ну, такой момент был — не было времени на раскачку.

Вечером мы приехали в подразделение. А на 6:40 утра уже была готовность, планировался штурм. **Киргиз** тогда не хотел меня брать — мол, парень только приехал, меня не знает. Говорит: «**Немец**, я даже его позывной не могу запомнить, зачем он мне нужен на штурме?» Ну, **Немец** настоял, то есть все-таки я пошел на этот штурм.

Первый бой — я его сразу запомнил. Тогда как раз духи отошли, ну то есть начали отходить, у нас прямого огневого контакта не было, но мы попали под всю арту, что у них была. Минометы по нам прилетели, «безоткатка», система залпового огня, ствольная 122-миллиметровая прилетела. Но все, что прилетело от духов, никого не зацепило. Зато когда мы шли, рядом прилетели наши АГСы — два залпа. Как нам потом сказали,

ветром сдуло. Но по мелочи, обошлось, затылки чуток поцарапало.

ПОЕДАНИЕ АПЕЛЬСИНОВ В ТРИПОЛИ ВО ВРЕМЯ БОМБЕЖКИ

— Чем запомнился именно первый бой? Мы шли в Триполи, там были большие дворы — и везде растут апельсины. Очень много апельсинов было, и на землю после взрывов падают с деревьев. Когда идешь, ты их срываешь.

Один раз встал прикрывать перекресток, сорвал апельсин и ем его. От нервов. Там как было? Мы заняли дом на перекрестке, но из дома улица не просматривалась. Надо было выходить одному человеку во двор и сквозь калитку смотреть подход к перекрестку. Должны были раз в час сменяться. Я встал, а обстрел продолжается, и отойти вообще никак нельзя, потому что кто-то должен смотреть, чтобы никто не выскочил на перекресток. Ну вот и помню: я стою, смотрю на перекресток, одна мина падает, другая, третья. А ты апельсины жрешь.

Потом я попал в такой момент, когда штурмы шли один за другим. Либо каждый день, либо через день. И это все... просто слилось. Вот есть первый бой, а потом много-много штурмов, боев. Они уже смываются в памяти.

ДИАЛОГ ПРО НЕОЖИДАННЫЙ ТАНК

— Расскажу, как с помощью **Шима** был захвачен танк. Очередной штурм. Мы как раз выходили к так называемому Адмиралтейскому проспекту — это главная дорога в Триполи, на въезде. Мы вторым штурмом вышли к этой дороге, шли вдоль нее в направлении центра.

Как всегда, начинали ночью, по темноте, используя приборы ночного видения, тепловизоры. Прошли по флангу и вышли к опорнику духов. Подошли, отработали «Шмелями», и я послал головной дозор.

— Мы еще до этого посовещались и решили сделать группу бесшумного боя. Понимаешь, город — это крайне сложный объект для боевых действий. В первую очередь, из-за застройки. Там были очень сложные участки, которые штурмовать было весьма рискованно. Допустим, идешь в ночи, весь взвод может выйти на простреливаемый участок, а впереди сидят три «индейца». Пока ты соберешь всех, выставишь прикрытие, вытащишь из-под огня, они всех покрошат. И мы тогда придумали такую штуку: первыми будут выдвигаться четверо с бесшумным оружием, а весь остальной взвод — за ними.

— Подошли ночью. Головной дозор с бесшумным оружием продвинулся к зданию, а мы распределились на прикрытие окон. И парни стоят у двери, я просто слышу — они начинают в голос спорить. Либо входить в дверь ночью, либо сперва гранату туда забросить. Я им рукой сигналю (крикнуть не могу, потому что вокруг духи, по рации не могу сказать), чтобы сперва гранатой выкуривали.

— Ситуация была не из легких: здание двухэтажное, там много комнат. И темно, как в погребе. А нам этот дом обязательно надо занять — такова была промежуточная задача. И духов там — куры не клюют: бегают у бойниц. Я прям вижу, душара один к бойнице бежит, и я тихонько с ВАЛа по нему стреляю. Там метров, может, 50 было.

Надо досматривать эти помещения в здании. А по темноте это сложно сделать. Как объяснить? На занятиях по тактике мы тренировались, учились в здании работать. Там углы нарезаешь, комнату досматриваешь. А в темноте этого не сделать. Когда ты на улице, еще ничего, там хотя бы небесные светила освещают, звез-

ды или луна. А в здании вообще мрак полный. Еще есть большой риск себя фонариком спалить. Там духи бегают в других зданиях и видят, как ты фонариком сверкаешь.

В итоге мы подошли, гранату кинули в первую комнату, она там взорвалась, какое-то время пыль поднимается. Мы вдогонку со «Шмеля» стрельнули, но попали в ту комнату. В итоге духи убежали, их там обычно по три человека в комнате сидело. Подождали немного и потом начали в здание заходить, но без нарезки углов. Мы просто в каждую комнату давали короткую очередь, если никто не ответил, значит, чисто. И вот так все здание.

— Суть была в том, что спор начался прямо за стеной под опорником духов. Нет бы до этого решить, как штурмовать. Ну, все нормально, духи отошли, мы подтянулись всем отделением и заняли этот опорник. У нас была сводная группа, второе и третье отделения. Половина — на второй этаж, половина — на первый.

Мы расположились, к нам начали с фланга подтягиваться союзники. Очередной раз поднимаюсь на второй этаж, и тут ко мне командир третьего отделения бежит навстречу. Кричит: «Все вниз!» Никто не спрашивает причину, если таким тоном орут «все вниз», значит, все вниз. И мы всей гурьбой спускаемся, слетаем просто со второго этажа вниз. Вот когда мы спустились вниз, он говорит: «Там танк!»

Мы уже к тому времени знали, что где-то в этом районе у духов есть танк. Несколько раз мы слышали гудение двигателей, лязг гусениц, пару раз даже прилеты были. Но до того мы ни разу его не видели. А в этом ночном бою нам довелось-таки с ним столкнуться. Когда командир сказал: «Там танк», все похватали РПГ, трубы и забежали на второй этаж. Гранатометчик стреляет в танк, то есть в лобовую броню — никаких повреждений, только небольшая вмятина в броне. И тут **Шим** подсуетился — стреляет из огнемета и глушит танк намертво. Огнемет кислород сжег, танк заглох. Экипаж на-

чинает паниковать, люк открывается, и они валят оттуда. Вот так у нас во взводе появился собственный танк. Просто взятый в бою, на халяву.

— Там еще предыстория была. Командир третьего отделения, **Халан**, стоял, следил в окна за улицей. Видит, сначала ехала Toyota Hilux с КПВТ на самодельной станине. Он по ней пострелял, колесо пробил. Духи за дом пикап кое-как увели, бросили его там и убежали. В итоге у нас появился и «Хайлюкс», и танк.

А что касается танка и «Шмеля», то тут все просто. Нам еще в Донбассе говорили, что если люки у танка открыты в башне, то удар «Шмеля» всю оптику повреждает, потому что «Шмель» спокойно выжигает 50 квадратных метров на открытке, и в открытые люки танка заливается часть огнесмеси. Экипажу-то ничего особо не угрожает, живые останутся, максимум с контузией и ожогами от «Шмеля».

У гранатометчика тоже смешно получилось. Мы все вниз спускаемся и начинаем орать на нашего гранатометчика, **Вольфрама**: «Х*ли смотришь, гаси его!» Он вроде и не боится — хотя это у него тоже первая командировка была, — но никак не может подходящую позицию найти. Он все время на первом этаже просидел и на второй этаж не поднимался. Выбегает из дома, там забор высокий, а за ним уже слышно танк. Он начинает меньжеваться, мол, неоткуда стрельнуть.

Мы ему говорим: «Там на втором этаже окошко есть!» Гранатометчик чешет на второй этаж, к окошку. Видимо, в танке в этот момент тоже искали, куда стрельнуть. И пока в танке думали, **Вольфрам** просто с маленькой «морковки» засадил ему в лобовую броню.

Танк в этот момент тряхнуло неслабо — видимо, экипаж внутри оглушило слегка. Короче, когда он стрельнул из РПГ, я сразу поднимаюсь к нему со «Шмелем». Как только клубы пыли от выстрела чуть улеглись, я саданул по танку еще вдогонку со «Шмеля».

НАГЛЫЙ «КРУЗАК»

— Пикап бронированный на нас однажды весело выскочил. Идет взвод, 26 человек, двумя отделениями вдоль улицы, и тут из-за поворота выскакивает «Крузак», капсула. Мы его первый раз прое*али, он уж слишком резко проскочил. Начинаем ругаться, мол, как так — целый взвод прое*ал машину. А они на второй раз поехали, и поскольку у них бойницы спереди, они ПК поставили пулять вперед.

Заходят на круг, выезжают на нас, и тут весь взвод по этому «Крузаку» и насыпал. Где-то в среднем автоматчики магазина по два въе*али, пулеметчики по коробу разрядили. Хватило им — машина начинает гореть, у нас, получается, на какие-то доли секунд затишье, стволы все поопускали, и тут резко два духа выскакивают и сматываются. Они на перекрестке встали — одному влево два метра, второму вправо три метра. Успели убежать.

Ну я за них в тот день порадовался: и живыми остались, и впечатлениями теперь делиться всю жизнь будут. Сидишь в машине, а по тебе целый взвод х*ярит.

СЛЕЗЫ ПУЛЕМЕТЧИКОВ

— Один забавный момент был на штурме. Я пулеметчика поставил на прострел входа в здание. Придвинул стол, он облокотился на стол, дал очередь — типа пристреляться... А я хожу между первым и вторым этажом и смотрю, что все нормально. Сектора, все работают. Когда все люди расставлены, командир отделения может своими делами заниматься. Там, артиллерию скорректировать, еще что-нибудь.

Хожу, на втором этаже все нормально, на первый спускаюсь, вижу — у пулеметчика на входе слезы из глаз ручьем, он не может стрелять, ничего не видит. Я спра-

шиваю: «Что случилось?» — «Да что-то в глаза попало». А он держит вход. Я говорю: «Ладно, отходи». Следующего на вход ставлю, он пристрелялся, опять прихожу — и этот плачет. Я думаю: да что ж такое? Ну, этот стрельнул и тоже сидит; у меня два человека временно вышло из боя, и я не понял из-за чего у них глазах слезятся.

Разгадка была простая. Оказывается, на столе лежал красный перец, сушился. И вот они дают очередь, стол подвигают, что-то там рассыпано... Мало ли что рассыпано с кухни? Дают очередь, пыль перечная поднимается — и все, глаза слезятся, человек не может стрелять.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВНИКИ

— Что сказать по противнику. Были арабы, потом негры были. Возраст уже — 35-45 лет. Бороды не такие большие, видно, что подстриженные. Одеты они были кто во что горазд, но в основном все ходили в форме пустынного цвета.

А еще были «черные», сильно выделялись. Форма у них была черного цвета, и разгрузки, забитые боекомплектом. «Лифчики» упакованы были под завязку. Сразу было видно, что профессиональные наемники, не то что в Сирии были гламурные из «Мальхама Тактикал». И бой они вели нормально — стреляли метко. Один из этих «черных» с 300-400 метров с гранатомета чуть в окно не попал, из которого по нему пулеметчик стрелял. Серьезная подготовка, сразу видно.

ГИБЕЛЬ КИРГИЗА

— Помогали мы второму отряду, и нас, получается, духи отрезали. Из-за того что первый отряд прошел южнее, мы оказались в полукольце. Сзади нас тоже с тыла

отрезают, там дорога с запада, зушки катаются, «безоткатки». Когда уже стало понятно, что пахнет жареным, начали отходить.

У нас обычно во все предыдущие задачи была такая догма: мы сразу, когда двигались, пути эвакуации пробивали в обратку, пути отхода для личного состава и для транспорта. А там даже не было возможности транспорт подогнать. То есть мало ли «двухсотых» или «трехсотых» забирать, машину подогнал и эвакуировал, отвез. А там так не получилось.

В том бою как раз погиб **Киргиз**, его «затрехсотили» на открытке. Нас в двух домах отрезали, зажали, к нам побежали пацаны. Помогать, вытаскивать. Дымы кинули, но у нас уже ни «Шмелей», ничего не было — мы все потратили. Духи в доме сидели, там накопление шло, даже выкурить их нечем было.

Ну, итог какой: у нас «трехсотый», мы отрезаны, пацаны еще побежали помогать, их «затрехсотили». Ничем не могли их забрать, они практически на открытке были. Грубо говоря, полвзвода у меня в тот день были «300» и «200». «Двухсотых» шесть человек, один там на помощь еще прибежал со штурмов пацан, тоже погиб. Пятеро моих «трехсотые» были, я не помню уже, сколько. Те, кто без огнестрела, без осколков, те контуженные были. Там еще арта все разбирала. В итоге до темноты просидели, с рассвета до заката. И пацаны так помощи и не дождались, так кровью и истекли.

Киргиза, судя по всему, духи добили. Когда его ранили, к нему в открытку кинулся пацан, помогать, **Новосиб** — у него вообще первый бой был, первоход. Получается, в первом же бою своего командира отделения вытаскивал. А **Киргиз** тяжелый был. И, получается, духи пацана подстрелили и **Киргиза** добили. **Шатер** — второй командир отделения, его в живот «затрехсотили», он сознание потерял. Его оттащили за угол, он пришел в себя, сел, начал отстреливаться — и его в голову добили. Еще

один пацан тоже побежал **Киргиза** вытаскивать, «затрехсотился» в бедро, кровью истек.

В принципе это, наверное, самый жесткий день был из всех. Когда тупо сидишь и понимаешь, что пацаны кровью истекают и помочь им никто не может. И ты сам в принципе ничем помочь не можешь. То есть была бы у меня на тот момент БМП, то вопрос автоматически решился бы, машина смогла бы проехать. Но колесная техника проехала к нам только к вечеру. Отправил двоих пацанов встречать в тыл — их сразу же «затрехсотило» прилетом. Один контуженный, второго — в спину. Этот вернулся, оклемался, я ему еще второго дал в помощь — они ловили «Чекан», чтоб ему дорогу показать.

— Если не получится от штурмовиков «Чекан» подтянуть, прыгайте на наш, он в тылу был, и езжайте сами сюда, — говорю я им.

Они вышли на братский второй отряд и помогли нам тоже свои. Одного «задвухсотили», одного «затрехсотили».

Много кто в том бою проявил себя с лучшей стороны. Тот же **Новосиб**, парень-первоход, который потянулся **Киргиза** вытаскивать. Лежит **Киргиз** на открытке, подбегает к нему **Новосиб**, пытается его зацепить, а **Киргиз** тяжелый был, за сотку весил. Тот не справляется, и как раз дух, который из окна **Киргиза** ранил, получается, и **Киргиза** добил, и **Новосибу** руку перебил очередью. **Новосибу** примерно года 32-33 было.

Еще один наш парнишка с «трехсотыми» был, помощь пацанам оказывал и прикрывал, чтобы их не обошли слева. Еще один помощь оказывал, мотал всех, забинтовывал. На тот момент у нас штатного санинструктора не было, вот он помощь всем и оказывал. Он на тот момент оператором ЗУ был. Еще снайперская пара тоже все это время пацанам прикрышку оказывала, на себя огонь оттягивала просто. Они на открытку выходят за забором, чтобы отвлечь от раненых внимание тя-

желяка, зушек и безоткаток — специально на здание залезли и начали обозначать себя, чтобы по ним работали.

ПОПОЛНЕНИЕ НА ФОНЕ ПЕРЕМИРИЯ

— Почти все отделение было собрано из молодых, из новых — пополнение. Не на кого было положиться, в плане, чтобы тебя подстраховали. Из стариков, кто не погиб, кто не «затрехсотился» и кого еще не отправили домой по срокам в отпуск, оставалась пара-тройка человек. Но нам повезло — как раз в этот момент на несколько месяцев заключили перемирие, и была возможность с новичками позаниматься, наладить боевое слаживание отделений, что-то потренировать, что-то дать из того опыта, что мы уже набрали за время штурмов в Триполи.

В командиры меня взяли, приняли нормально. Начальство видело, как человек себя проявил, и поэтому у них особых вопросов не возникало. Тяжело бывает, когда к тебе приходит командир отделения, а ты его в бою еще не видел. Вот тогда еще есть вопросы. Но мы все друг друга видели в бою, и все знали друг друга. Посторонних не было. Ну и, опять же, особо выбора не было, из кого делать командира отделения, потому что все достойные погибли тогда. **Киргиз** там погиб, **Чужой** погиб, **Шатер** погиб, **Макар** остался тяжелым «трехсотым». Но, кстати, все, кого в других командировках «затрехсотило», все вернулись. Даже тяжелые «трехсотые» и те вернулись, кто-то без почки, правда, у кого-то с рукой проблемы.

Мы старались максимально нагружать парней практическими занятиями. К примеру, мы не просто бросали гранаты — мы подбегали к домам на полигоне и бросали вплотную. То есть человек первый раз бросал гранату не из окопа с подстраховкой, а прям реально подбегал, и это у него был первый полноценный бросок гранаты.

Мы их жестко подводили и готовили к полноценным штурмам, потому что времени мало было, и некогда было начинать с простого, потом переходить к сложному, мы сразу на занятиях имитировали штурм.

Как это происходило. Одно отделение стреляло боевыми патронами по второму этажу, а второе отделение с молодым составом подбегало к первому этажу. И все это — под огнем своих. Важно было показать, чтобы парни поняли, что это такое — когда над тобой свистят пули. Суть занятия в том, что пули не должны тебя тормозить. Когда по тебе стреляют, ВСЕГДА должно быть какое-то действие. А молодые, когда приезжают первый раз, они начинают тормозить. Вроде бы стреляют, а что делать? Бежать? Не бежать? А вдруг это не по нам стреляют?.. И так далее. Из-за таких пауз потом идут потери. А когда ты стреляешь над головами своих, ты им объясняешь, начинаешь показывать: это стреляют по тебе, а это не по тебе.

И еще важно показать, что щелчок пули — это не показатель, откуда стреляют. За щелчком еще идет звук выстрела. Ты должен обратить внимание не на щелчок, а на звук выстрела. Вот этому учишь людей. Сам стреляя у них над головой, показываешь, как определить, где стрелок находится.

У нас было время этому всему готовить. Как реагировать при обстреле, как заходить в здание. Самое главное — как работать внутри здания. Потому что в городе в основном ты же не стреляешь в конкретного противника. По тебе стреляют из окон, и ты стреляешь в окна, стреляешь в дверные проходы, стреляешь в здание, стреляешь в дыры в заборах. Но ты никого не видишь. В 90 % случаев ты не видишь противника. Просто есть дом, и из него стреляют. Есть забор, в заборе дырка — из дырки стреляют. Уже потом, набравшись опыта, ты начинаешь замечать противника, начинаешь замечать его перебежки. Но все же основа городского боя — это бой с дырками, с окнами и с дверьми.

ЛОЖНОЕ ЧУВСТВО БЕЗОПАСНОСТИ

— Когда перемирие закончилось, нам поступили задачи, и мы сменили свою дислокацию. Нас отправили на другое направление — расширять фланг. Наши союзники не держали фланги, и нас отправили помогать, чтобы избежать окружения.

Выходили ночью с приборами ночного видения, с тепловизорами, прошли до позиции. Заняли пустые здания, которые начали превращать в опорные пункты. Сам штурм был не очень удачный, потому что они прошли фланг. Разрез шел по центру, мы продвинулись, во фланге встали, и мы не смогли пройти дальше, потому что союзники отставали, и нас слева и справа никто не прикрывал. Бой затянулся на целый день. То есть с утра и до темноты, до вечера. Противник подошел к нам с фланга, куда не смог уйти тыловой взвод, и этим самым он отсек нам отход. Теперь, чтобы отойти, мы должны были ждать темноты. Ну и застряли на целый день в здании, а это значит, что БК надо растягивать на весь день. То есть нельзя отстрелять первую половину боекомплекта и потом на отход не оставить. Особенно пулеметчикам.

В этом бою я столкнулся с тем, что у новичков было ложное чувство безопасности, когда они находились в здании. Они ходили, не пригибаясь, ходили по коридорам, которые могли простреливаться из крупнокалиберного оружия. Я много кричал на них на первом штурме, на людей, которые не понимали с первого раза, что здесь опасно. Если я говорю, что коридор простреливается — его надо пробегать. Все понимают, кивают, проходит пять минут — и по нему начинают опять ходить расслабившись, чувствуя себя защищенными. Так они и ходили, пока по нам не отработала зушка, и у нас «затрехсотило» пулеметчика осколком в голову. Несильно, слегка царапнуло. Потом еще второму человеку прилетело, но он был в каске. После этого все начали перебегать.

Вот сколько я ни орал, ни говорил, что здесь опасно, что здесь надо перебегать — всем до фонаря. А как по нам стрельнула эта зушка — все сразу поняли, как надо.

ОБ УВАЖЕНИИ К ПРОТИВНИКУ

— В одном бою отличился **Шим** — он со снайперки отработал местного эмира. Там, на духовских позициях постоянно мелькал какой-то толстячок. Командование сказало, что это их эмир, главарь то есть. Когда **Шим** его подстрелил, духи очень долго и упорно пытались его вытащить оттуда. Подползали, пытались вытащить эмира — и попадали в поле зрения **Шима**. Как потом оказалось, он всю группу духов уложил. Он сам говорил, что точно выбил трех или четырех духов, но я там видел, что это было около восьми. Другой командир отделения тоже подтверждает, что до восьми человек. Очень результативно.

Вообще тогда отряд отработал очень результативно по духам с помощью артиллерии. Мы это узнали потому, что через несколько дней духи объявили траур. Нам знающие люди из местных сообщили, что в госпитале лежало около двухсот «трехсотых» духов, именно вот после этого боя. Про «двухсотых» не говорили, но, как мы знаем, очень большие потери были тогда у противника. В городе был объявлен траур, там на мечетях муэдзины чего-то протяжное напевали.

Духи — такая же голь перекатная. Вот чего запомнилось: их простота. Голь на выдумки хитра. Ленточка такая с диодиками алюминиевая, и батарейка круглая. И так ярко светит. Вот так повесили где-то, и может сутки светить, и батарейка не сядет. Маленькие диодики, алюминиевая ленточка, ломаешь ее, засверлился ножичком, батарейку присоединил. Вот эти вот моменты меня всегда поражали. Настолько простое и эффективное средство

для освещения. Бутылка, в которой они воду холодят, — просто обвязана веревочкой, поливается водичкой, ветерок дует даже на жаре и остужает. Просто и эффективно. Живут в этой местности грамотные: знают, что да как.

И тактика. Вот эти вот моменты их тактические — мобильность, пикапы. Один «на глазах» где-то сидит, а остальные — маневренная группа. Достаточно грамотно малым числом работали. Если честно сказать, даже уважение к ним у некоторых бойцов приходило — боевиков человек 10 сидит на «укрепе», они закрыты инженерными заграждениями, у них там ГБР где-то проскакивает. Ну, так сказать, духовитые, до последнего сидят.

Плюс шахиды у них свои. Тоже мужество надо определенное для этого. Даже идеологическая заряженность, кто бы как у виска ни крутил. У нас ведь это тоже как подвиг определяется, и у них тоже...

Противника надо уважать. У них тоже мужество есть, не каждый на это решится. Противника нельзя недооценивать. Они достаточно могут быть духовитые, и нас могут переиграть. Надо всегда начеку быть, иначе можно получить так, что и мама не горюй. Дух может быть и с простым автоматом, и снаряжения немного, а воли и профессионализма у него может быть достаточно много. А, как говорится, мужественным сопутствует удача всегда.

«ПЯТИСОТЫЕ»

— Говорят, вот бывает «двухсотый» или «трехсотый». А бывает еще «пятисотый» — человек отказывается в бой идти, «запятисотился». Я считаю, что не нужно напрягать такого человека, потому что сами эмоции могут сегодня его в бой отправить, а завтра он может в бой не пойти. Здесь нельзя четко руководствоваться определением «пятисотый». Это может быть просто эмоциональный срыв.

Вот я приведу пример. Встречаю бойца как раз, когда был замес с «Байрактарами» в Триполи. Встречаю бойца, мне говорят, он там 500-й, все дела. Я ему:

— Братан, что случилось у тебя?

— Да вот, бл*ть, не могу — хоть режь.

— Да ты успокойся. Поживи нормально, сходи в душ, приведи башку в порядок, там 2-3 дня, а потом прими взвешенное решение, возвращаться или нет. Пусть тебя первые эмоции отпустят.

Встречаю его через два дня, смотрю, он собирает пулемет, шмотки. Я у него спрашиваю:

— Ну что, ты куда?

— Назад к пацанам.

— А что, отпустило, что ли?

— Нет, совесть замучила.

— Какая совесть?

У нас нет таких сантиментов, как показывают по телевизору: 1,5 часа сидят во время боя, оплакивают труп погибшего товарища. Ну нет такого. Парень в итоге вернулся, дотоптал всю командировку и сейчас в нынешней тоже находится, все у него хорошо.

Это я все к тому, что бывает эмоциональный срыв у человека, и как-то конкретно определять таких людей в «пятисотые», в «отказники» не всегда верно.

«БОЕВЫЕ БОМЖИ»

— Как это обычно выглядит со стороны? Берем типичный американский фильм, в котором ребята охраняют какой-то участок фронта, может, какой-то усиленный объект. У них центр управления, ЦУП, ходят полковники, подполковники, генералы, там женщины в наушниках, эфир, гаджеты разные.

И я вспоминаю наш пульт, который руководил работой по шести «Байрактарам» отсюда, а там, в Триполи,

два «Панциря» их сносили. Обычные пацаны, оторванные от жизни, отправленные сюда, просто в хлам разнесли шесть беспилотников, которые стоят миллионы долларов. Примерно так. Вот она, наша реальность.

А еще у меня был такой момент. Я приехал на Донбасс, и у меня командир разведроты спрашивает за командировку 2017 года:

— Ну что там? Наверно, у вас в ЧВК обеспечение просто космос, на вас, наверное, вся страна работает?

— Братан, вот ты видел эсэсошников российских?

— Ну да.

— Ну вот как они выглядят? Модные пацаны, модные бронежилеты, форма, автоматы АК-15, прицелы, тепловизоры, «Корнеты» (ПТРК) на управление отдельно выносятся. Что касается нас, нам вот так выдали оружие: открыли ящик, достали автомат, от пыли его протерли, магазины снарядили. Автоматы не самые новые, возможно, восстановленные, возможно, нет. Привели к бою, взяли ПТУР «Фагот» старые, ракет побольше и просто пошли и раздолбили сначала Акербат, а потом Дейр-эз-Зор.

Вот примерно так. Боевые бомжи с непонятным оружием, но дела делаем.

Просто мы, в отличие от арабов, воевать умеем. Оно так закладывается в память поколений. Я не беру боевой дух и то, что мы воюем. У нас глобальная война, наверное, российская: каждые 10 лет мы точно с кем-то воюем. Мы воюем не переставая вот уже сколько веков. Это одно. А другое то, что все-таки наша армия чему-то учит. И с армии мы вытягиваем все самое нужное. У нас все решения принимаются быстро потому, что ситуация подругому не позволяет. Потому что у нас все быстро-быстро-быстро, раз-раз-раз — и все. Накидали задачу дня, и пошли-погнали.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
Коллеги о Кирилле Романовском 7
От автора 9

ЧАСТЬ 1. ДОНБАСС
(май 2014 — февраль 2015 гг.) 11
Глава 1. Первые «музыканты» 13
Глава 2. Бои за Луганск
(июнь — август 2014 г.) 27
Глава 3. Хрящеватое и Новосветловка
(22–29 августа 2014 г.) 47
Глава 4. Луганский аэропорт
(31 августа — 1 сентября 2014 г.) 57
Глава 5. Дебальцевская операция
(январь — февраль 2015 г.) 74

ЧАСТЬ 2. СИРИЯ
(сентябрь 2015 — май 2018 гг.) 106
Глава 6. Горная Латакия
(сентябрь — ноябрь 2015 г.) 109
Глава 7. Первый штурм Пальмиры
(ноябрь 2015 — март 2016 гг.) 117
Глава 8. Ханассер: бой за «дорогу жизни»
(февраль 2016 г.) 142
Глава 9. Газовые поля Пальмиры
(январь — апрель 2017 г.) 152
Глава 10. Второй штурм Пальмиры
(1–3 марта 2017 г.) 187

Глава 11. Акербат
(июнь — сентябрь 2017 г.) 225
Глава 12. Прорыв блокады Дейр-эз-Зора
(сентябрь 2017 г.) 246
Глава 13. Форсирование Евфрата
(сентябрь — октябрь 2017 г.) 262
Глава 14. Остров Хувейджа Катыа
(ноябрь 2017 г.) 301
Глава 15. Инцидент в Хшаме
(7–8 февраля 2018 г.) 312
Глава 16. Операции в Дамаске и Хаме
(январь — апрель 2018 г.) 329
ЧАСТЬ 3. ЦЕНТРАЛЬНОАФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
(с января 2018 г.) 341
Глава 17. Русские на берегах Убанги 342
Глава 18. Как обучить африканских солдат..... 355
Глава 19. Нет дыма без огня 367
ЧАСТЬ 4. ЛИВИЯ
(2018 — 2020 гг.) 379

Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік басылым

16+

Кирилл
РОМАНОВСКИЙ

ВОСЕМЬ ЛЕТ С «ВАГНЕРОМ»

Зав. редакцией «ИД Ленинград» *Алексей Сазонов*
Ведущий редактор *Дарина Дворникова*
Корректоры *Елена Георгиева, Марина Чебыкина*
Верстка *Владимира Носикова*

Подписано в печать 11.01.2024.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 17,0.
Тираж экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2024 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация,
г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1, комн. 705, пом. I, этаж 7
Наш электронный адрес: WWW.AST.RU
E-mail: ask@ast.ru Интернет-магазин: book24.ru
Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные
Өндіруші: ЖШҚ «АСТ баспасы»
129085, г. Мәскеу, Звездный бульвары, 21-үй, 1 құрылыс,
705-бөлме, I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru E-mail: ask@ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий
на продукцию в республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы» Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2024
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей

Отпечатано с готовых файлов заказчика